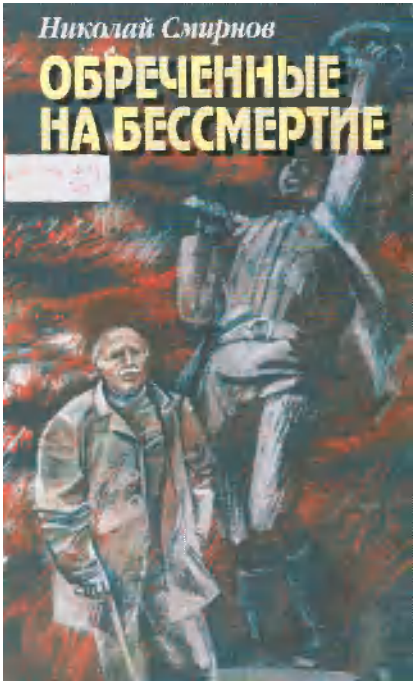

Николай Смирнов
ОБРЕЧЕННЫЕ НА БЕССМЕРТИЕ

Николай Смирнов

ОБРЕЧЕННЫЕ НА БЕССМЕРТИЕ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА
ТОМ ТРЕТИЙ

Средне-Уральское книжное издательство
2002

Нижневартовское
МУ "БИС"
инв. №

Улица Самотлорская

На самом деле такой улицы в Нижневартовске нет, я ее вообразил. Еще юным, мятежным, много лет назад замыслив создать летопись сибирского края, вместе со строителями железной дороги Тюмень — Сургут — Нижневартовск, в рабочей спецовке и с пером журналиста, с пылом и жаром душевным одолевая пикет за пикетом, устремился по трассе на север. Это была пора разгоревшегося нефтяного бума, частых открытий подземных кладовых и позвавших к жизни рельсовую магистраль, посильную лишь мощной индустриальной державе, ее устойчивой экономике.

Наступательное постижение просторов совпало с моим эмоциональным настроем, я охотно принял на себя роль непосредственного участника событий: вначале испытаю, переживу, «переварю», затем напишу. Не сразу и не тотчас, но напишу. Будут книги.

И так ушло на постижение без малого сорок лет, пока не сбросил рабочую спецовку и не оказался один на один с собственным шестидесятилетием. Остался верен замыслу, начал готовить первый сборник о пережитом, что-то брал из опубликованного в периодике, что-то дописывал, настойчиво воссоздавал эту воображаемую улицу Самотлорскую, уже в иных, чем прежде, социальных и экономических условиях, в иной стране, ином обществе, запечатлевал различные миры и эпохи, которые лично знал.

Первый том «На стремнине жизни», пока разгонный, и повесть «Мятеж» — о восстании 1921 года против большевиков на территории бывшего Сургутского уезда, удостоились похвальных отзывов Б. Ельцина, В. Путина, Ж. Ширака, В. Жириновского. Президент Франции Жак Ширак даже прислал свой цветной портрет с автографом-приветствием писателю-сибиряку. Книги попали и в личную библиотеку Билла Клинтона. Вроде как, смеюсь, «я три державы покорил».

В нашей писательской организации на отчетном собрании первые два тома «Истории» назвали лучшими документальными книгами последних лет.

А главное, читатель северный — мой родной с пониманием принял и второй том документальной серии «Западная Сибирь в лицах и фактах» «Звон клинка»: реальность, в которой он и сам каждодневно — «навстречу ветру, наперекор бурям».

В «Стремнине» я рассказал про северную сибирскую магистраль, как трудно и вместе с тем вдохновенно создавали ее — на века, для современников и потомков; и про боевые рекордные проходки земных глубин на Самотлоре рассказал;

про наиболее заметных людей Нижневартовска. Великое время рождало великие личности. Они были и остались в памяти, а некоторые в действии до сих пор. В. Палий, Л. Додонова, Л. Кондрашина и другие. Все они из породы одержимых, «упертых», трудоголиков. Можно сказать, что и сам я остался одержим идеей создания десятилетиями выстраданной автобиографической антологии времени.

Все боялся опоздать, старался поспеть всюду... Рельсовые перегоны, скважины Самотлора, газовые заводы, новые мосты, города, проектные и научные институты. Люди, люди...

Шестидесятилетие застало в должности специального корреспондента еженедельника «Нефтяник», брал интервью у многих, вторгаясь в иную «стремнину», особенно активизировался в пору приватизации Нижневартовскнефтегаза: освещал горячее, драматичное, неустойчивое и сам становился участником разыгравшейся баталии.

Собирал интервью для третьего тома, отыскивая, вводя в текст новых персонажей. Число таких «очередников» в Нижневартовске, Сургуте, Тюмени росло и множилось. Конца им не видать — людям, о которых стоит — нужно! — написать, сохранить их имена для истории.

От третьего тома отвлекли геофизики, у которых некогда трудился. Они настоятельно просили подготовить в соавторстве с земляком В. Саулесм книгу к 35-летию акционерного общества, сам Виктор Иванович и предложил, а я согласился.

Навещал «опального генерала» В. Палия в его депутатской. Виктор Остапович весь отдался новой работе: для многих избранников формальную докуку обратил в серьезный труд. Приемы вел регулярно, к нему шли и шли люди, нуждавшиеся в помощи и совете. Сказать бы спасибо, но вместо этого — газетные и телевизионные «утки», компроматы, комментарии журналистов...

И это тоже улица Самотлорская, штрихи местного бытия. Из песни слова не выкинешь. А я, прилежный летописец этой улицы и всяческого бытия, с благими желаниями вновь и вновь устремлялся на громаду материала, отбирая в нем необходимое, следовал сюжету, что задавала сама жизнь на рубеже веков.

Все, что публиковал прежде — лишь составная часть большой документальной серии — об истории Западной Сибири, а значит, всей страны. Постепенно достраивал общее здание своего труда, памятуя при этом, что подобного ему на российских просторах еще не было; от сознания высоты замысла еще ответственней казалось начатое десятилетиями раньше, чувство это добавляло настойчивости и веры, что задуманное — свершится.

ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Документальная повесть о геофизиках

Рандеву с Каташовым

«Подельника» по юбилейной книге геофизиков Виктора Ивановича Саулея я знал с начала семидесятых: по встречавшимся в периодике стихам и песням, рассказам, преисполненным романтики, лиризма, уходящей грусти по деревенским лопухам возле плетней и частым дробным дождичкам осени. Однажды, молодыми, вместе выступали на местном телевидении, он загадочно улыбался, зная то, о чем не подозревал я, — о нашем землячестве: я из соседней от его родной Нижней Тавды деревни Иска. Он знал обо мне в школьную пору, слышал мои выступления в райцентре. Но сразу не открылся.

В Нижневартовске юный Саулей дружил с автором станции параметров бурения, яркой, колоритной личностью — Эдуардом Евгеньевичем Лукьяновым, тоже не лишенным поэтического дара, уже тогда знаменитым (ныне — он доктор технических наук, живет в Твери). Запросто общался со многими геофизическими светилами, побеждал в конференциях молодых специалистов, имел серьезные изобретения.

Лукьянов подчеркнуто уважительно, невзирая на возраст, именовал его по отчеству, отмечал одаренность, подтвержденную победными дипломами и грамотами, наградными знаками.

Школу Виктор Иванович окончил позже, чем я, угодил в Тюменский индустриальный, окончил его успешно и, видимо, без особых усилий.

Он мог стать известным литератором, но предпочел производство, стал популяризатором геофизики. В страду моего интереса к будням и сути этой науки он трудился в другой конторе — у Й. Стакельскиса, последующие десятилетия развели нас еще дальше. Сказывалась и разница в возрасте — лет в восемь — десять.

Оказалось, компанейский парень, большой эрудит, прекрасный оратор, хотя и с голосом вовсе не ораторским. Он тотчас покорил меня. Я в свое время лишь рассказывал о передовых методах исследования скважин в печати и по радио да выезжал на каротажи — он же сам творил эти методы. В геофизике Виктор Иванович достиг высоких должностей. Стал экстра-профессионалом. Рядом с прославленным Эдуардом Евгеньевичем остался со «своим лицом». И вот он вспомнил обо мне и разыскал, предложил соавторство. А вначале спросил: «Как думаешь, можно издать книгу к юбилею?» — «Не можно, а нужно, — загорелся я. — Смотри, нефтяники не успеют чихнуть — уже все газеты оповестили, а геофизики, не менее славные, необходимые — забыты, их

предстоит открыть заново». — «Без тебя не мыслю работу, — заявил он. — Заключай контракт — и вперед. Дело решенное. С первого апреля и заключай».

Но меня потряс инфаркт. Случилось это на первой промышленной скважине Самотлора, по случаю другого юбилея, на митинге, грудь охватила рвущая боль, подкатила тошнота, поразила слабость. Оттуда доставили в реанимацию. Что делать? Как быть? Заколебался. Но, как говорят, природная одержимость и верность долгу пересилили прочие сомнения. Чуть подлечился, выписался из кардиологии и... заключил контракт.

Созидание «штурманов» началось.

Название книги явилось не тотчас. Долго ломали голову и доломались до сути. Собственно, предложил его Виктор Иванович — специалист отдела маркетинга и менеджмента. Название вобрало привкус героики, склонность геофизиков-практиков к романтике, любовь к костру, гитаре, песне, даже, кажется, к частым перемещениям, неуюту. По роду своей деятельности геофизик дружен с электроникой, автоматикой, физикой, электрическими полями, перфорацией, инклинометрией, еще многими видами операций. Песня и гитара со временем избылись, романтику вытеснила забота о хлебе насущном, а вот перемещения в пространстве, суть занятий и вызывная система остались.

Асы геофизики

В перестройку, когда нефтяники свернули объемы и перестали платить, геофизики резко подсократились и уплотнились, даже оставили прежнюю базу по улице Ленина, отказались от административного здания — перебрались к аэропорту. Мирно сошлись в одно предприятие. На взгорке у леса их база, довольно вместительное симпатичное АБК. На первом этаже диспетчерская, промысловая экспедиция, иные службы. Кабинеты служебные, в том числе отдел маркетинга, где, согласно контракта, «прописали» и меня, на третьем лестничном подъеме-этаже.

В отделе суровый, страстно увлеченный своим делом, великий знаток каротажей и технических подспорий В. Осадчий, еще С. Кинсфатер, много моложе Владимира Михайловича, но столь же увлеченный, сосредоточенный, постоянно за компьютером. Договора ведут. Вел их и В. Саулей, приземисто-плотный, широкий в кости, розовощекий, моложавый, в неизменных очках с позолоченными дужками. И всегда приветливый, способный кого угодно очаровать словом.

Заведовал отделом мой старый добрый знакомый Александр Апанин, человек домашне-мягкий, побывавший некогда в инженерах, геофизиках, начальниках партии, технических трестовских руководителях. Даже помощником генерального директора.

Обслуживало ОАО «Нижневартовскнефтегеофизика» весь буровой и добычный комплекс района, обосновалось даже в Иркутской области, на Ковыктинском газоконденсатном месторождении. Мое появление здесь, на берегах Рязанки, буерачно-мелководной речки, совпало с первыми выездами партий в Восточную Сибирь. Направление это курировал Апанин.

Техническое руководство осуществлял Николай Иванович Федоров. Экспедиции — структурную основу всего производства возглавляли Владимир Первушин, Сергей Пешков и Анатолий Краснов. С ними и начал работу, с основной, так сказать, движущей силой. Но и надстройку руководителей и главных специалистов не забыл, в частности В. Каташова. И неспроста тяготил груз долга перед Владимиром Павловичем.

Когда-то, в давние семидесятые, В.П. Каташов, будучи секретарем парткома конторы, благословил меня на должность популяризатора геофизической повседневности. Под его опекой я и развернул свою наступательную деятельность среди дозорных земных глубин, но довольно скоро переметнулся к директору В. Маркову, обладавшему реальной административной властью. Неосвобожденный партсекретарь властных полномочий никаких не имел, сам получал деньги в экспедиции. Своего рода «подснежником» являлся, всецело зави-

сел от начальника М. Свистунова. Вскоре Владимир Павлович уехал в Башкирию — назначили директором Уфимской конторы. Но смущение мое за ошибку молодости, долг перед ним, томили все последующие годы, как и то, что не сумел вовремя издать повесть о В. Марковс, которого считал другом. Потому и рад был вернуть недоданное в упомянутые семидесятые — восьмидесятые.

Асы нижневартовской геофизики у памятника Алеше

Первое интервью для книги взял именно у Каташова. Он принял охотно. Возможно, Владимир Павлович предвидел свое неизбежное расставание с Севером и поэтому использовал последний шанс утвердиться на страницах будущего издания. Я также стремился восполнить упущенное. Беседа состоялась, удалась. Портрет Владимира Павловича получился естественным, объективным.

К своим шестидесяти годам В. Каташов прошел путь человека его поры, и все же путь — какому позавидуешь, — потрудился он на славу. А трудиться начал в 61-м, после нефтяного техникума, в разведке. Тогда в обиходе были, ныне музейные, плсточные кабели, раздвижные зонды, пульсаторы, потенциометры — рутина, одним словом. Владимир навострился сращивать кабели, находить утечки... После армии — Свердловский горный институт, синеглазовская геофизическая экспедиция на Урале, на Самотлоре... В Нижневартовске, подобно многим, начинал он техником в инклинометрической (по замеру кривизны ствола скважины) партии, потрудился и в комплексной у Михаила Павловича Свистунова, от него временно ушел в партсекретари, хотя формально числился «полевиком». Но ощутил себя неуютно в чиновном кресле.

Как раз потребовалось освоить Аганское месторождение, его, истомившегося по живой работе, и пригласили. Он с облегчением отринулся от партвзносов и партсобраний — переместился на этот боевой участок. Автострад еще не было. На машинах добирались до Мегиона, в Мегионе ждали вертолет. Быт на месторождении ужасный: спали в машинах, на полу, кто как устроится. Технику по залитым водой лежневкам передвигали тракторами на стальных листах — «пенах». Случалось, что бревна всплывших лежневок вероломно вторгались в кабины, вспарывали ходовые узлы... И так полтора года.

Взрывчатку и радиоактивные источники возили с собой в вертолете. Не оттого ли облысел рано? Всякое могло быть воздействие.

Парадокс заключался в том, что, когда месторождение в пожарном порядке разбурили, к нему подвели бетонку, нужда в «преодолениях» отпала сама собой. Не лучше ли было сразу начать с дорог? Но ждать тогда не умели и не хотели, знаменитое сибирское ускорение, и ускорение вообще, требовало взвинченных темпов и невероятных абсурдов.

С рождением дороги до Агана добирались «на колесах» — без осложнений. Но ехали уже другие люди. Владимир Павлович и его команда оказались тогда на Самотлоре, где, по-

добно аганской, давали о себе знать «торопиловка», вызывная система работы. Выезжали в любое время суток, днем и ночью, во всякую погоду. Но всегда были лидерами, в каждой ситуации подтверждали наивысшую квалификацию. С нашим атаманом не приходится тужить! Довелось Владимиру Павловичу потрудиться с Героями Труда — буровыми мастерами Петровым, Шакшиным, Левиным. Геннадий Михайлович из-за рекордовской «торопиловки» особенно памятен. «Брюки трещали в ходу».

Когда в конце семидесятых В. Каташову в его неполных сорок лет досталось предприятие в Уфе, оказалось, что оно практически неработоспособное, дисциплины в нем никакой, прогулы, пьянство, транспорт дефектный, ремонтные службы отсутствуют. Со стороны заказчика нарекания, недовольство, иски. Владимир Павлович перетряхивал это обветшавшее, формировал все заново, бывало, в день увольняя по нескольку разгильдяев, отлаживал и технические службы.

Заложил фундамент производственной долгопрочности, подготовил ступень для прыжка в экономику промысловой геофизики. Уйдя из конторы с директорского поста, в нормативно-исследовательской экспедиции занимался разработкой нормативных актов для дозорных глубин, адаптировал их к условиям отечественной промысловой геофизики. За восемь лет разработал с коллегами 27 нормативных документов союзного значения, утвержденных затем Госстроем бывшего СССР, Министерством нефтяной промышленности и Мин-труда. Некоторыми из них пользуются по сей день.

В 1992 году Владимир Павлович возглавил планово-экономический отдел управления в Лангепасе, чуть позже вернулся в Нижневартовск — по просьбе тогдашнего генерального директора Александра Копыльцова. Как раз угодил на сокращение объемов работ у нефтяников, неплатежи, долги, растерянность... В связи с производственным цейтнотом возникла необходимость слияния двух существующих специализированных коллективов. И вот экономическая сторона мероприятия легла на плечи В. Каташова. А характер у него непростой, с металлом. Не всегда дипломатичный. Конечно, были недовольные. Он, ясное дело, переживал, но держался стойко, до победного финала.

С первого января 1997 года единое многопрофильное уплотненное подразделение, рассчитанное на весь спектр геофизических услуг, расположившееся на лесистом взгорке, уверенно заявило о себе. Ни одной заявки не оставляли без внимания. К сожалению, часть специалистов потеряли, но оставшийся костяк достойно нес свою трудовую вахту. Зар-

плата заметно выросла, упрочились производственные показатели.

Все это он добросовестно, слегка волнуясь, рассказал мне — поведал — в своем рабочем кабинете, который осенью перейдет другому. Волновался и я, и одновременно восторгался им, гордился — на таких Владимирах Павловичах Каташовых Россия зиждется. От сохи до бороны, от корней придорожной ветлы и хлебного колоса они. Возросший из толщи жизни талант, и талант, примененный в любимой профессии, да к тому же накрепко сдобренный душевной отеческой закваской.

Владимир Павлович говорил:

— И в условиях занижения цен удалось выстоять, не утратить рентабельности производства. Потребовались для этого упреждающие меры по совершенствованию структуры предприятия, гибкости управления и тесного взаимодействия с заказчиком. Свои особые секреты появились, которые раскрыть пока не могу, — они двигатель тайный, индивидуально нашенский. Краха избегаем, но дается трудно... Очень трудно дается... — И тут он, еще поотказывавшись открыть «особые секреты» взаимодействий с заказчиками, в унисон моему настроению, заговорил о необоснованно поспешной приватизации энергоресурсных направлений, всего топливно-энергетического комплекса страны.

Новые хозяева принялись вкладывать прибыли по своему усмотрению, куда угодно их направляя, только не на развитие мощностей самого производства и не на улучшение жизни россиян. Деньги оседают за рубежом, идет безудержное разграбливание национального достояния.

По роду своей деятельности ему постоянно приходилось отслеживать уровень цен на геофизические услуги. С 1991 года стоимость их определяется базовыми доинфляционными тарифами, утвержденными еще Госстроем СССР. В результате снижение цен из-за общей инфляции произошло в три-четыре раза.

В Каташов разработал новые нормативные акты, определил, с высокой степенью точности, истинные оплаты, вел разъяснительную работу с заказчиком, в чем ему повседневно содействовал отдел маркетинга — по каждому договору индивидуально работали. Заказчик понемногу размоторивался, повышал тарифы, шел на компромисс. В первую очередь — Нижневартовскнефтегаз, что позволило свести задолженность по зарплате до минимума, появилась надежда освежить технический парк с его тончайшей электроникой, автоматикой — приборами и аппаратурой, надеялись восста-

новить социальную сферу, в период раздрая утраченную. В ННГ благоволил к ним главный геолог Ф. Шарифуллин, по образованию геофизик. Основной заказчик, Фарит Абдуллович, всячески содействовал адекватным возмещениям промысловых затрат геофизиков, Каташов именовал их «равновеликими».

Содействовал им главный геолог Черногорнефти В. Репин.

После беседы благолепным летним вечером мы с Владимиром Павловичем ехали по центральной улице Мира в его служебной «Волге», он бросил невзначай взгляд на радугу в небе, с неподдельным восхищением произнес:

— Красотища-то какая... Жить хочется...

Жизнь на Севере ассоциировалась для него с работой в геофизике, ему исполнялось только шестьдесят, энергии и знаний — через край. Я так и решил, что потрудится еще здесь во славу Отечества Владимир Павлович, и получил утвердительный ответ. Но сразу после юбилея В. Каташова разжалуют в рядовые, какое-то время он подержится в рядовых, но дрогнет, вернется в Уфу, не найдя достойного применения своим силам.

О причине немилости сказал, что его «ушли», и назвал три фамилии, мне хорошо известные. Сменил Каташова начальник планово-экономического отдела, из отдела маркетинга переместили Александра Апанина.

А. Сокол, бывший работник Варьеганa, ныне москвич, основной учредитель, в свое время вместе с А. Копыльцовым успешно скупивший акции предприятия, наезжал в Нижневартовск часто. Думал с ним побеседовать, узнать подробнее, как приватизировал геофизику и что им с Александром Анатольевичем дает обретение комплекса в полномочное владение, но это не удалось. Да я и не очень хотел, у меня ко всем приватизаторам стойкое недоверие, чувство, близкое к возмущению. В какой бы хозяйственной отрасли они ни подвизались.

Про А. Сокола и А. Копыльцова, в свое время заправлявших на Варьегане, подробно рассказывал И. Кочубей, по сути своей — ходячая энциклопедия. Упоминал про московское отделение геофизики, неизвестно что исследовавшее в Белокаменной. Рассказывал осторожно, боясь быть услышанным, хотя ничего сногсшибательного в геофизической приватизации не открыл. Случается и покруче, коль создали «младореформаторы» во главе с Б. Ельциным условия для тех, кто смел. Те и съели. По моему убеждению, хозяином в стратегических областях должны быть государство и трудовые коллективы.

Лишь одно это остановит преступность в экономике, только тогда будет с кого спросить. К этому должны вернуться.

Казалось мне, что и Каташова убрали по просьбе москвичей, кому-то он там мешал. И вот настояли. Да и сам Владимир Павлович оговорился, что его устранение в любом случае не обошлось без Сокола, — он чаще Копыльцова бывает в Нижневартовске, держит руку, что называется, на пульсе, и пульс этот направляет согласно его учредительской ориентации. Вероятно, руководству что-то очень претило в главном экономисте, волевом, неординарном, если сразу после юбилея и поставили точку. Значит, решение созрело заранее...

Не вписывался в новую систему и покойный ныне В. Марков. Не вписались, пострадали сотни других геофизиков. Где только и в какой роли не встретишь ныне. Иные ушли в свое геофизическое ЗАО, на другие предприятия, в ту же коммерцию, научные институты. И это неизбежно. Так не только и не столько у геофизиков. Геофизический комплекс в Нижневартовске все-таки сохранился, а строительный, например, разрушился.

Беды и драмы, восхождения, скольжения по наклонной, игры в ценные бумаги... Новизна была в самом новом времени, когда корабль геофизики шныряло и мотало на перекатах безденежья, при дефиците рабочих мест и рабочих объемов, дефиците перспективы. Как всегда в таких случаях — выручал энтузиазм. Выручил и моих друзей, долготерпение вознаградилось.

Юбилей застал их на подъеме, и это особенно чувствовалось в экспедициях, партиях, у полевиков, чувствовалось в настрое начальства, даже в том, сколь серьезно и плотно, не скупясь на затраты, готовились к 35-летию. Некогда прерванная, моя геофизическая трудовая одиссея возобновилась... Начало ей положила беседа с главным экономистом.

По первому звонку

Еще были интервью с главным геологом В. Теленковым, с начальником планово-экономического отдела А. Курбатовым, конечно, с генеральным директором В. Полыгаловым. Первому эшелону и внимание оказал первое — это в смысле очередности, чтоб утвердить свою работу, показать в действии. И уже после «самоутверждения» с головой окунулся в самое производство, где чувствовал себя вполне уверенно, рыбой в воде. Всегда родственно воспринимал звон рельса на строящейся магистрали, округлую дрожкую боковину насоса до-

жимной станции по нефти, грохот экскаваторов, рев газовы факелов, скольжение геофизического прибора в скважине. Стихия, напор, мощь.

Отправился я в экспедицию знакомого мне еще с семидс сятых годов Владимира Васильевича Первушина, мягкого всегда добродушного человека, слегка рыжеватого волосом с глазами вприщурочку. Время не тронуло его морщинам полнотой и медлительностью. Чувствуется, что шагал по жи ни ровно, спокойно, вдумчиво. Встретил меня располагак ще дружески, так, словно вчера лишь расстались, в полупус том здании резервной базы общества, в обычный рабочи день, каких в жизни Владимира Васильевича, вероятно столько, что не перечесть.

Эта резервная база за городом, рядом с совместным пред приятием «Катобнефть», почти покинута, ее намеревалис продать или отдать кому-то. Полупустая она еще и потом что техника на месторождениях, вся в действии, передышк нет и для «железа» — всё в разгоне. Мне пришлось попетлят на служебной «Ниве» Первушина по закоулкам промзонь пока достигли цели.

Хозяин, обнаруженный мною в одной из сумеречных ком нат сумеречного здания, заключил в объятия, при слабом све те еще больше щурясь, пожал руку. Без особых вступлений заведомо зная о визите, показал боксы для спецтехники - порожние. Заглянули с ним в помещение по ремонту инкли нометров. Здесь за столами и стендами корпели инженеры электронщики, объект их внимания — микросхемы, процес соры, системы зондов, поверочные микроустановки. Одн ремонтница аж с 73-го года так корпеет и даже остеохондро не нажила, не заметила социально-политических переме вокруг, все еще в духе социалистического соревнования тру дится, увлечена невероятно.

Еще у Владимира Васильевича инклинометрические отря ды по замеру кривизны ствола при проводке скважин — оп ределяют траекторию проходки: угол отклонения от верти кали (это если на профессиональном сленге). Есть в обиход новейший гироскопический инклинометр. Новое геофизи ки чтут. Раньше в эксплуатации было четыре специализиро ванные инклинометрические партии и шесть отрядов в каж дой, осталась одна партия, а в ней — девять отрядов. Соот ветственно поубавилось ремонтников, и все из-за дефицит заказов. Конечно, по всему и всем ударило падение цен н нефть, отразилось на коллективе. Техника старая. Если преж де ее меняли раз в пять лет, то теперь не могут себе позволит такого: нет резервных средств.

Как в минувшие первопроходческие времена, сохранился и преобладает человеческий резерв. В походе как в походе. Внезапная крутизна не испугала, рвутся в бой. Почти без выходных дерзают. На дальних месторождениях вахты меняются через неделю, это сотни километров в один конец, но к расстояниям и перемещениям в пространстве геофизики привычны. Большинство их сегодня работают «с колес», уезжают, что называется, по первому звонку заказчика. Осуществляют полный комплекс геофизических исследований, включая инклинометрию и прострел эксплуатационных колонн. Оперативность и высокое качество в работе — вот непреложные принципы ветеранов и тех, кто идет им на смену. В числе «старейшин», асов своего дела у Первушина Борис Кочергинский, Василий Леонтьев, Анатолий Никитин, Алексей Хромов, Эдуард Гулиев, Алих Гаджибеков — всех знаю лично. Все из боевых, комсомольских времен... И по сей день каждый готов на самопожертвование.

В непроезжие места технику доставляют вертолетом, на подвеске. Особенно характерно это для разведочных скважин, проводкой которых занимается СпецУБР. Они умеют и могут все, всегда держат руку на пульсе времени, применяются к его особенностям. Потому и выживают, остаются на плаву.

Так вот, о подъездах и скважинах... Если нет дорог, заказчик арендует вертолет, 20-тонный подъемник перемещает по воздуху. Бывает, на помощь приходят тракторы-буксиры, одолевают бездорожье, подвергаясь риску утонуть в хлябях. Глохнут и тонут, застревают, но бьют колею. Ради дела — вперед! Вперед! При мне требовали партию на Южно-Эниторское месторождение, куда проездов нет, месторождение в стадии разведки, а подъемник облегченного типа в это время на Пермяках, там — забуривание. На тяжелый подъемник не нашлось МИ.

Как быть? Головоломка для Первушина и заместителя генерального директора по производству Николая Ивановича Федорова. Ситуация к размышлению для обоих. Информацию дал заказчик — СпецУБР. Ситуаций подобных немало, и всякая с особинкой, долей неожиданности. Опоздать нельзя. Думай, Первушин, думай!

На месторождение рвется ветеран Василий Леонтьев. Он только что вернулся с Ковыктинского газоконденсатного, что в Иркутской области. Месяц провел вдали от дома, но, едва повидав семью, пообщавшись день-другой, снова просится в «поле», к этому побуждает не только энтузиазм, в первую очередь — заработок, деньги. Оплата у геофизиков сдельно-премиальная, больше потрудишься в «поле» — больше получишь.

Такую прогрессивную систему разработали планово-экономические службы предприятия под непосредственным кураторством В. Каташова. А точнее — с его участием.

Ведущие специалисты в этих службах — бывшие «полевики» — в совершенстве знают особенности производства, их мельчайшие нюансы. Энтузиазм экспедиций и партий подкрепляется рублем — немаловажный фактор в пору всеобщего всеохватного подорожания. Думают здесь об этом, стараются не обижать даже в ущерб другим статьям расходов.

Между тем проблема с нефтеразведочной скважиной № 970 на Южно-Эниторском остается. Первушин уже связался с заказчиком. А в родственной экспедиции у С. Пешкова прибор оставили в скважине. Владимир Васильевич еще в давнюю «метрологическую» пору, когда был главным специалистом в тресте, изготовил на такие случаи несколько ловушек. Ими пользуются до сих пор. Головной боли добавляют три разведочные скважины на Мыхлоре.

Всего девять партий задействованы на «изолированных» кустах. «Полевики» там, как на островах в океане, отрезаны бездорожьем. Несмотря ни на что, справляются с заданием. Результаты исследований передаются по телефону и спутниковой связи. Очень оперативно. Если на скважине кто-то «зашился» (всякое бывает), ему тотчас посылают замену. На этот раз тоже где-то «не связалось», и Первушин обсуждает варианты, договаривается по телефону с Филипповым: «Володя! Руки в ноги... Молнией!..»

И так — круглый год. Одних радиокаротажных партий у Первушина — четырнадцать, еще одна — геолого-технологических исследований, три перфораторных. Всего 96 человек работающих. У Пешкова и того больше. Работают со всем районом, десятки подземных кладовых обслуживают. И вот уже вышли в Восточную Сибирь. Но в отличие от экспедиции № 1 связаны только с бурящимися скважинами. А это — неизбежное бездорожье, отсутствие минимальных бытовых условий.

Сопровождать процесс проходки всегда непросто.

За ветеранами уверенно следуют молодые геофизики — братья Колмогоровы, Мелешко, Шалашов. Им есть чему поучиться и у главного инженера экспедиции П. Думицкого. Одним словом, сцепка, связка. Традиции, заложенные еще первопроходцами семидесятых и ранее, живы и поныне. Отрабатывают в месяц по триста часов, в полтора-два раза перевыполняют задания, и с отличным качеством. Оттуда стараются не брать, заключают трудовое соглашение с предприятием и продолжают работать. Не все, конечно, но большинство.

В кабинете у начальника — Варлаков, Чеботарь, Гулиев — все из «стариков». И Кочергинский из категории первых. Кому предстоит перфорация, кому каротажи неизменные. Как всегда — без суесловий понимают друг друга. День продолжается. Возникают всякие ситуации, все они сориентированы на конечную цель: вовремя, с беспорочным качеством выполнить заказ. Так, чтобы заказчик остался доволен, как самим собой. А такое непросто. Но всегда на коне, всегда молодцами.

Порядок у Первушина.

Под сумрачным небом

С Сергеем Владимировичем Пешковым мы пили чай в его рабочем кабинете тем же сереньким, сумрачным днем, те же пласты туч в небе и налет мороси на улице, но мы сидели на первом этаже административно-управленческого корпуса, что возле Рязанки, отороченного густоватым леском.

И все-таки зябко, мозгло. Сиротливо на душе от такого антуража.

Пешков рассказывал про свое неспокойное хозяйство. В отличие от первушинской, 2-й промыслово-геофизической, его экспедиция обслуживает действующий фонд — нефтяной, нагнетательный, и тот, что в капитальном ремонте. У него свои особенности, свои трудности и сложности. В первую очередь Сергей Владимирович называет бытовую неустроенность на скважинах. Столовых на действующих кустах нет, запасаются сухим пайком. А по продолжительности исследований цикл более основательный, чем у буровиков. Ночь проводят в станции у подъемника.

Нагнетательные скважины («водинки») тоже в чистом поле, под ракитой, как в песне поется. Вспомогательных приспособлений типа «кермак», что используют проходчики при подъеме грузов-тяжестей, здесь никаких нет, один на один они с глубинными горизонтами и наземной докукой.

История его экспедиции, по словам Сергея Владимировича, начинается в 1976 году. Именно тогда создали специализированную контору, позднее трансформированную в трест, сориентированный на действующий фонд. Пешков принял экспедицию в 1990-м. А до него начальствовал нынешний генеральный директор В. Полыгалов. Сергей Владимирович при нем был главным инженером экспедиции — с 1986 года. В свое время он окончил техникум, успешно дебютировал на промысле и считает, что в его должности сегодня основное —

это организаторские способности, умение работать с людьми, обеспечивать процесс производства.

У Полыгалова, по мнению Сергея Владимировича, эти черты выражены наиболее ярко. Он — карьерист в хорошем смысле слова, вполне отвечает японским стандартам: быть на одной управленческой высотке четыре-пять лет, чрезмерно не задерживаться, не бронзоветь и не покрываться мохом. Связей особых потаенных Владимир Федорович не имел, всего добивался сам, неустанным трудом. Был лучшим начальником партии, экспедиции, заместителем по общим вопросам. С давних пор интересовался экономикой, финансами, взлет его неслучайный, экспедиция была и остается лучшей и самой крупной на предприятии.

С.В. Пешков — исполнительный директор ЗАО НГТ

Отменной школой явилась она для Сергея Владимировича. Работа в экспедиции изначально была поставлена образцово, впрочем, не знаю, у кого из геофизиков она была поставлена плохо. Дела в ней шли хорошо. Так и сейчас, во всех двадцати восьми партиях: в экспедиции семь перфораторных коллективов, тринадцать промысловых и еще шесть отрядов по свабированию.

Свабирование применяется широко последние года полтора, хотя известно оно давно. В скважину опускают резинометаллический поршень-сваб. При подъеме его одновременно поднимают столб жидкости метров здак в триста, чем снижают гидростатическое давление на пласт и за счет чего вызывают приток жидкости из пласта-коллектора.

Прежде осваивали скважину компрессорами, но те загоняли часть жидкости в пласт, нарушая проницаемость. От компрессоров отказались. Новый метод «чище», эффективней во всех отношениях, именно его практикуют американцы. Резиновые части поршня покупают, металлические готовят у себя в токарке. Свабирование пользуется большим спросом, если учесть, что одновременно с ним весь цикл компьютеризированными станциями геофизики-«штурманы» осуществляют все виды замеров. Определяют кривую давления, профиль притока жидкости, устанавливают координа-

ты негерметичности колонны с точностью до двух-трех метров, отбивают забой, ведут дострелы при капитальных ремонтах, как наклонно-направленных, так и горизонтальных скважин. Первушин помогает им, когда слишком много заявок, явная запарка с ними. Считаться некогда. Надо, значит, надо! Взаимовыручка прежде всего.

В экспедиции два техрука, один из которых, Виктор Красников, занимается перфорацией, второй — Александр Скобелев осуществляет техническое руководство скважинными исследованиями. Всегда в курсе событий и первый заместитель генерального директора Николай Иванович Федоров, ему по штату за всех в ответе быть, ставить точку в ситуации.

В числе промысловых три партии генераторные — определяют остаточную, или текущую, нефтенасыщенность пласта импульсным нейтронным каротажем. Там царство тепловых нейтронов. ИННК давно освоен нижневартовцами, им владеют в совершенстве. Свабированием занимается выпускник Октябрьского нефтяного техникума Вячеслав Назаров, который, пока я ждал Пешкова, и посвятил в особенности своего занятия. Сам он на скважине не бывает. Подобно дирижеру, непосредственно с главной базы корректирует работы отрядов. По мнению Сергея Владимировича, успешно становится геофизиком первой категории, юность не помеха творческому росту. Внешне Вячеслав неторопливо, предельно скромен, сдержан в беседах. Больше думает, чем говорит. Человек в геофизике определяется не словами — делами.

Ораторов масштаба В. Саулея — единицы. Разве еще Лукьянов речист, прозой и даже стихами подъемно выражается:

Ах, какие ребята уходят, какие ребята!
Пусть земля будет пухом их праху, а души — светлы!
Все «там будем» когда-то, но все-таки только когда-то,
Время встреч и разлук отложив до известной поры.
Над изгибом обским солнце щедрое ярко сияет,
Освещая наш город, оно нашу память хранит.
Будем верить, друзья, что и внуков оно не оставит,
Что не зря этот город красивый над Обью стоит.

Многие геофизики ушли: И. Маланин, З. Ибрагимов, Е. Федоров... В «штурманах» памятную антологию таких, наиболее известных среди дозорных глубин, поместили — заняла несколько страниц.

Сергей Владимирович не искушен в красноречии, зато во думает, думает. Зайдешь к нему в кабинет, — он росточко малый, кудреватый, утонувши в глубоком кресле, смотрит никуда перед собой и мучительно прокручивает в голове пред стоящее. А предстоящее-то оказалось закрытым акционер ным обществом, в какое преобразуется экспедиция.

Виктор Иванович еще тогда многозначительно говори: «Далеко пойдет Сергей Владимирович, директором будет... Он им и станет. И Назаров со Скобелевым в должности при поднимутся, самозначительности приобретут. Осанистей буд то покажутся. Добавилось ответственности, и она благотвор но повлияла.

У Сергея Владимировича квартира в пригороде Тюмени там, посреди «частного» сектора, деревянных домишек, лю бит слушать утренних петухов и видеть на лопухах росу, бурс нок, отправляемых сердобольными хозяевами на окрайк хлебных полей, гомону босоногой детворы рад по-особом Корни земные улавливает, патриотизма набирается.

Сила у него от земли идет, и та сила, что есть, от Серге Владимировича передается ближним, например Вячеслав Назарову, Александру Скобелеву, сыну Жене.

Уже после этих бесед в головном штабе тюменских геофи зиков-сейсмиков в воспоминательных диалогах с бывшим нижневартовцами, например с Александром Швецовым Владимиром Гамукиным, слышал такое: «Их тогда еще н было, не знаем». А они тогда были — и Пешков, и Полыга лов, и его первый заместитель Федоров, но были они рядо выми «полевиками», тогда мужавшими, а ныне ведущим коллективы. Так и сыновья Сергея Владимировича и плано вика-экономиста Александра Александровича готовятся пос ле университетов Санкт-Петербургского и Тюменского влить ся в эти же коллективы, начать тоже «с низов», повторить пут отцов и их предшественников. Видел на практике в отдел маркетинга, — славные, трудоувлеченные ребята. Рвутся все душой в родные северные обители.

Просил Сергея Владимировича назвать для «Штурманов лучших из ныне действующих, тех, что заметнее других, ве теранистее, и «молодость кудрявую». И он, прихлебывая и кружки крутой наваристый чай, пуская сигаретный дымо охотно говорил о Николае Уланове и том же Вячеславе Наза рове, Юрии Гераскине и Марате Исламгулове. Запомнилис добрые слова его о мастере свабирования Сергее Менжинс ком и молодом начальнике парни Станиславе Семитене, ко торый два года в этой должности, обещает по известности стать вровень с первопроходцами.

К числу преуспевающих отнес Пешков Руслана Исаева. Его отец Магомед Хазбулатович — геофизик первого поколения, семидесятых годов, скончался безвременно из-за болезни сердца. Руслан продолжает дело отца. У Семигенов целая рабочая династия в геофизике: отец, мать, сын, сестра... Станислав пришел в коллектив после Нижневартовского нефтяного техникума. И таких в городе немало. И было, и есть так.

А куда без рабочего класса? Валерий Белоусов, Ишат Амирханов, Сергей Степенко — на своем месте, молодцы. Инженеры, управленцы — хорошо работают, это важно, но деньги предприятию добывают в первую очередь те, что неделями в путях-дорогах, недоедают и недосыпают, заболевают до срока, чего греха таить, умирают. Дают о себе знать перегрузки повседневные, круглосуточные, выезды в любую погоду, по первому звонку, полевой неуют — все то, что прежде считалось неотъемлемыми атрибутами, романтическим ореолом труда дозорных глубин, и поныне осталось неизбежным сопутствующим профессии геофизика.

Но угрюмей, замкнутей выглядят «полевики». Это заметил еще у Первушина, без пауз рвались обратно на месторождения. Владимир Васильевич и пояснил, что хотят заработать. Новая система оплаты труда позволяет это, располагает к энтузиазму: больше поработаешь — больше получишь. Известный этот стимул спасает в критические моменты, когда работы очень много, а работников недостаточно.

Повторю, что по настоянию Каташова и его коллег Курбатова и Кочубея, скажем так, вернулись к принципу справедливости. Я настолько был покорен этим разумным шагом, что Владимира Павловича посчитал достойным специальной награды, повсеместной популяризации его опыта. На деле, увы, произошло иначе. А жаль. Систему оплаты труда геофизиков, как единственно верную, во всех отношениях совершенную, рекомендую всем, кто ищет успеха и благоденствия многим.

В этом смысле нижневартовские геофизики далеко превзошли нефтяников, на которых и работают. У «многих» в геофизике достаток выше. Все решает рубль, зато уровень дееспособности каждого отдельного работника и всего коллектива по-прежнему определяется плановыми заданиями, в которых явно обозначено: «Больше! Скорее!..» Как ни крути, без справедливого рубля, как без пролетариата, не обойтись. Пешков полистал журнал учета, называя поименно партии, их начальников: Гераскин, Семиген, Исаев, Хорьков. И в той же последовательности — цифры. Они впечатляют: сто пятьдесят, двести и больше процентов в год (опять же ориентиро-

ваны в пути). Соответственны месячные и квартальные ориентиры экспедиции и всего предприятия.

Отчасти эти «высоты» вынужденные. В период застоя у нефтяников геофизики сократили семь партий, а восстановить однажды утраченное непросто. Вот и берут оставшиеся дополнительные нагрузки, и сдельно-премиальная оплата труда в такой ситуации — подмога.

Сергей Владимирович занимался в первую очередь кадрами, у него в экспедиции 135 человек, он же тесно общался с заказчиками. Свои специфические задачи у начальников партий и отрядов, у машинистов, инженеров. В одной связке зарабатывают деньги себе и нефтяникам тоже. Без них проходчики недр и добытчики не обойдутся — «отдохнут» и «ослепнут». В целом, дружная команда обреченных на подвижничество. Работа у них спорится.

В ту же пору Сергей Владимирович поступил в местный филиал Санкт-Петербургской академии на факультет маркетинга и менеджмента. Не помешают дополнительные знания. Пешкову ведь только сорок пять. Он полон сил, энергии, здоровье отменное. Все у него еще впереди. И все впереди у его коллектива, имя которому — промысловая геофизическая экспедиция.

Превосходное впечатление осталось после встречи. День будто развиднелся, потеплел, уютнее мне стало от всего увиденного, рассказанного здесь. Нет, не бедна Россия талантами, людьми высокой чести и долга. Они такие есть всюду — достойные труженики.

Сын Женя, под стать отцу, намерен вернуться сюда, хотя мог бы «зацепиться» в областном центре — при наличии двухкомнатной квартиры и диплома об окончании нефтегазового университета ничего не стоит. Пешковы не из таковских, привыкли начинать с основы жизни, выстраивать здание жизни с фундамента ее. Куда влечет душа, туда и направляют усилия.

Кто он, Полыгалов?

Владимир Федорович Полыгалов тоже поднялся из низов повседневности.

В геофизике он считает себя учеником Вадима Федоровича Маркова, ныне покойного директора конторы. Не чурается преемственности, уже хорошо. Не поскупился — собрал на юбилей лучших представителей промысловой геофизики и сейсмики со всей страны, не забыл тех, кто оказался в ближ-

В.Ф. Полыгалов — генеральный директор Российской геофизической компании

нем зарубежье. Последние денежные резервы выбросил на это. Отремонтировал основательно административно-управленческое здание, не поскупился и на книгу.

Полыгалов — приземист, широкоплеч. Веет от него силой и надежностью. Постоянно в действии «генерал» нижневартовской промысловой — решает текущие и стратегические задачи акционерного общества. Время расписано далеко вперед, но внезапные поездки смешают графики, трудиться приходится еще больше, плотней. Видно это по угрюмоватому, решительному выражению лица. Невольно робеешь при виде Полыгалова, но куда деваться... Попросил полчаса на интервью для «Штурманов».

Именно Владимиру Федоровичу в непростое время бездорожья выпало вести корабль производства, испытать на себе самом все перепады и броски на отмели, выводить тот самый корабль на простор. До него вели Й. Стакельскис, А. Кузьмин, В. Марков, А. Копыльцов. Недавно филиалу в Варьегане в связи с ростом объемов дали самостоятельность, направили руководить предприятием опытного специалиста Зайтуна Заляева, из плеяды первых. А ведь до этого перебивался он в центральной диспетчерской. Время поменяло планы и судьбы, и оно напрямую проходит через первого руководителя.

Договорились мы с Полыгаловым быстро. Принял меня, как и намечалось, в субботу утром, ровно в десять.

Для затравки напомнил ему, что жизнь каждого человека уже сама по себе история — края, предприятия, его собственной родословной, и попросил рассказать, с чего начинал и к чему пришел.

Биография его обычная, советская и постсоветская, но среди многих советских геофизиков в генеральные прошел именно он... После Бакчарской средней школы в Томской области отслужил в армии, потом был политехнический институт, геологоразведочный факультет. Тропу избрал суровую, для мужественных и одержимых, как некогда считали, для настоящих мужчин.

В 1981 году был направлен в Нижневартовск, где горного инженера-геофизика приняли в промысловую производственную партию Сергея Кирилловича Дозмарова. Здесь подкрепил теорию практикой, поднабрался опыта и был впервые замечен гвардией первопроходцев — назначили техническим руководителем всей экспедиции. Естественно, это повышение расширило кругозор, масштаб всей деятельности и аспект занятий. Вышел, как говорится, на такое поле, где требовали от стула в служебные кабинеты до новейшей электроники. А вывел его на это поле Вадим Федорович Марков. И потому здесь небольшое отступление.

...Коллектив в ту пору обладал самыми современными методами и методиками исследований нефтяных скважин. Царили творческий настрой, стремление к совершенству, а еще преобладал дух товарищества, взаимной выручки, внимания к молодым. Именно внимание к молодым и выявило способного выпускника. А Маркова все называли доброжелательным, справедливым, работать с ним считали за честь многие. У Владимира Федоровича с ним с первых дней сложились самые теплые отношения. Вадим Федорович предложил Полыгалову и должность заместителя по общим вопросам, в конечном счете послужившую ступенькой к большому восхождению.

Вдова Вадима Федоровича Маргарита Николаевна и сын трудятся в Нижневартовскнефтегеофизике, я с ними многократно встречался, бывал дома у них, памятуя о давней дружбе с ныне покойным главой семейства. Оказывается, при жизни он очень увлекся отечественной беллетристикой и поэзией, собрал внушительную библиотеку русской классики. Я как будто ощутил это, и повесть о нем — «Экзамен на геофизику» — значительно олитературил, даже фамилию сменил — назвал Вадима Федоровича Германом Сосниным.

Вышла повесть уже после смерти ее героя, во втором томе моих документальных произведений «Звон клинка».

И потому я так обрадовался при упоминании Полыгаловым о роли Вадима Федоровича в его жизни. Не открестился, значит, в угоду недоброжелателям! А недоброжелатели были и есть, и все они люди влиятельные. Рассказывают, что в пору акционерных баталий и после смещения игрой ценных бумаг с должности генерального директора Маркова накрепко изолировали от коллектива, негласно запрещали сотрудникам входить в кабинет. Нарушить запрет решались немногие. Знаю, что Саулей один из немногих, кто пренебрег «табу», заходил. Заходил, наверное, и Полыгалов, рискуя стать «меченым».

Мне Марков всегда казался слишком домашним, благополучным, слишком уязвимым, не приспособленным к «переделу» должностей и влияний. И собственности, конечно. Он по складу своему — человек стабильный и стабильность предпочитал, был весь советский и таким остался, хотя еще в восьмидесятые его «переигрывал» Йонас Стакельскис, более резкий, решительный, человек без условностей.

И вот Полыгалов назвал Маркова учителем. Я поблагодарил его за такое откровение, сказал при этом, что директорство — очень непростая ноша, не всякому по плечу. Непросто и заместителю по общим вопросам на промыслах. Ничто его не минует, он должен обладать многими профессиональными качествами. Но и дает многое тяжкая такая докука хомутная, выявившая в Полыгалове способность к большему. Столь вдохновенно расправлялся с «общими вопросами», что Марков удовлетворенно качал головой, произносил многозначительно: «Ну, да... Славно...»

В самой экспедиции Полыгалов лет пять-шесть трудился успешно. Она, экспедиция, сродни замкнутому предприятию в малом размере, — чем только не доводится заниматься, «общие» вопросы обретают значение конкретное, основополагающее.

Вадим Федорович во всем ему помогал. Два сугубо русских человека своевременно нашли друг друга, учились понимать друг друга и людей, само производство постигать учились. Вот только восприятие жизни оказалось различным. Полыгалов — моложе, он вписался в перестройку, адаптировался в новой обстановке. В экспедиции у него было 140 — 150 человек. И каждый — индивидуальность. Он старался избегать явных конфликтов, искал компромиссы, действовал убеждениями, хотя и жестче Маркова.

Излишний либерализм погубил Вадима Федоровича, такой подход хорош в период мира, но не перестроечных потрясений. Полыгалов вовремя осознал, да и по натуре более жесткий — способен и перешагнуть через что-то. В остальном девизы те же, марковские: исполнительность, дисциплина, творчество, простота и демократизм — для рабочего и итээровца, для всех одинаково.

Каждый год, в день кончины мужа, Маргарита Николаевна помещает в газете некролог, но газета, как известно, живет один день. Книга же, особенно краеведческая, существует много дольше, и это обстоятельство учли: вошел в «Штурманы» очерк о Вадиме Федоровиче — «Большой геофизик Западной Сибири», подкрепленный фотографией Маркова поры его мятежной послеинститутской поры. Стихи Викто-

ра Ивановича Саулея точно выражают суть и дух марковской натуры, суть и дух геофизики — его единственной профессиональной тропы.

Наступит же такая благодать —
К тому идет разумная планета —
Месторожденья станут открывать,
Не покидая кресел кабинетов.
Ну, а пока — холодные дожди,
Опять в болотах поднимают воду.
И в серых тучах, сколько ни гляди,
Намека нет на летнюю погоду.
А мы идем, и нам еще идти
Но тундре кочковатой, по болотам,
И если вдруг кончаются пути,
Их обрывает кто-то или что-то...

Полыгалов своевременно оказался на тропе, усвоил лучшее от коллектива, самого Маркова. Оказался готовым к служебным восхождениям. До него заместителем по общим вопросам был Магомед Хасбулатович Исаев — прекрасный специалист, человек добросердечный, совестливый. Магомед Хасбулатович, как и Марков, скончался из-за болезни сердца сравнительно молодым, совсем молодым! И до последних дней увлеченно трудился.

Полыгалов после него занимался новым оборудованием, спецодеждой, горюче-смазочными материалами, запчастями, аппаратурой. При этом взаимодействовал с другими службами, со многими смежниками. Все это впоследствии пригодилось. Весь этот период можно назвать предшествием к восхождению, много памятного в нем, дорогого Полыгалову. Прежде всего памятны и дороги взаимовыручка, открытость, доброта.

Приехало их, молодых специалистов, одновременно с Полыгаловым человек пятнадцать — из Тюмени, Свердловска, Грозного, Томска, и всем оказали теплый прием, внимание, всем было уютно в сплоченной семье нижневартовских геофизиков, поэтому все и каждый поименно нашли свое место, стали значительными личностями. К примеру, Ю. Скрябин, А. Рукинов, С. Кириллов, А. Бояров. Некоторые впоследствии пополнили ряды геологов нефтяных предприятий, кто-то ушел на руководящие должности и в совместные предприятия.

Со многими Владимир Федорович, несмотря на давность, поддерживает дружеские отношения, сотрудничает, если та-

кая возможность и необходимость представляются. Товарищество, чувство братства среди дозорных глубин особенно в чести: тебя помнят, даже если тебя давно с ними нет. Впрочем, для производственников-северян это вообще характерно. Знаю, испытал на себе, другие испытали: трассовики, нефтяники, заводчане, буровики — Север сближает.

Очередной вопрос Полыгалову был такой: когда, при каких обстоятельствах стал генеральным директором? Время было непростое, благополучия не судило — и кандидатура на этот пост требовалась, наверное, сверхнадежная? Наверное, семь раз примеривались, прежде чем назвать ее?

Он, все так же глыбой нависающий по другую сторону стола, отвечал бесстрастно-каменно, что стал генеральным действительно в непростое время, в декабре 1994 года, когда объемы геофизических исследований (специалисты именуют их ГИС) резко сократились, одновременно участились неплатежи со стороны заказчиков, можно сказать, стали они бессрочными. Чем выше должность, тем больше хлопот, ответственности, но Владимир Федорович уже достаточно поварился в производственном котле, чтобы не испугаться. В конце концов плох тот солдат, который не мечтает стать когда-нибудь командующим фронтом.

Суворовская байка жива и поныне. Так и возглавил предприятие — обслуживали действующие скважины и меньше страдали от недостатка заказов. Больше страдали в родственном тресте, сориентированном на буровиков, страдало Варьеганское геофизическое предприятие. Вот тогда-то и возникла идея слияния в единое многопрофильное образование. Им в этом отношении крепко помог заместитель министра топливно-энергетической промышленности, уже упомянутый ранее выдвиженец из числа первопроходцев времени Самотлора и Мегиона В. Гарипов. Оказал он колоссальное содействие в подвижке этого вопроса, и с лета 1996 года действовали одной общей командой.

Юридически оформили позже — 6 апреля 1998 года, когда появилось на этот счет распоряжение главы городской администрации Ю. Тимошкова за № 241. Согласно ему, Спецнефтегеофизика и Варьеганское предприятие соединились с Нижневартовскнефтегеофизикой.

Не все было учтено, но лишь потому, что учесть все не позволяла законодательная база, а службы геофизиков приложили максимум усилий для объединения в общей связке, высокие знания и прозорливость. Утвердили устав, совет директоров. Осенью 1996 года с базы по улице Ленина ушли совсем. Обосновались возле речки Рязанки, мобилизовались

на выход из тупика и добились-таки желаемого. Обстановка стабилизировалась еще и потому, что обозначилось понимание роли геофизиков, их проблем главным заказчиком — Нижневартовскнефтегазом.

Отрадно, что обозначилось оно в Черногорнефти и черногорском совместном предприятии, в Мегионнефтегазе и мегионских буровых управлениях, в Ваньеганнефти, Белорусском управлении нефтеотдачи пластов и капитального ремонта скважин, в Самотлорском УПНП и КРС.

Появилась возможность платить вовремя налоги и зарплату, обновлять технический парк, ремонтировать помещения, приобретать аппаратуру и приборы, надеяться на лучшее.

Надеялись и действовали заодно с ним главный геолог В. Теленков, старейшие работники предприятия Д. Денисова и М. Маркова, В Каташов, Г. Косова, первый заместитель Владимира Федоровича Н. Федоров, В. Перегинец, еще В. Осадчий, А. Апанин, В. Саулей, В. Акбашев, В. Войтов, Б. Кочергинский, И. Кочубей

Традиционно так завершил Полыталов разговор перечислением тех, кто в любой обстановке оставался достойным звания геофизика.

Генеральный остался доволен беседой, не подверг сомнению написанное, и я дальше уже действовал без оглядок...

Девизы Константина Короткова

За свою бытность несчитано перевидел я руководителей всяких рангов и толка всякого, но с Константином Витальевичем Коротковым, начальником экспедиции интерпретации, чувствовал себя вначале более скованным и смущенным, чем с президентами, министрами, генеральными директорами: такая выказывалась в нем занятость своими интерпретационными проблемами, что неудобно было отвлекать. Не тотчас подступил к нему. Но все-таки пересилил смущение. Договорились.

Вообще-то он словоохотлив, приподнявши очки куда-то на лоб, рассказал давний выпускник Московского политехнического, что обычный он, каких много, и стесняться его не стоит. Даже водку пьет в больших количествах и анекдоты травит при случае. И обычность свою обосновал той же служебной последовательностью, отраженной в его трудовой книжке: инженер-«полевик», начальник партии участка новой техники... В геофизике Константин Витальевич, по его

собственному признанию, изначально питал «слабость» к новой технике, не случайно оказался в свое время руководителем специализированного участка, активно занялся разработками и внедрениями, адаптацией «свежины» к северным условиям. Совершенствовали весь геологический комплекс и, конечно, не миновали интерпретацию.

А коли так, то и сотрудничество было тесное, в первую очередь с тогдашним главным геологом Варисом Султановичем Акбашевым, с другими ведущими специалистами. После упомянутого слияния, перемещений к речке Рязанке, ему, Короткову, предложили возглавить интерпретацию. На рынке услуг появилось много конкурентов, их требовалось превзойти и в службе расшифровки записей. Они сделали все возможное: ввели в обиход цветную печать, дополняли документацию иллюстративным материалом, легко расшифровывали цифровые записи на магнитной ленте. Все на уровне мировых стандартов.

Их очень скоро признали иностранцы. Подтвердила высокий класс работы компания «Русия Петролеум» в Иркутске — довольна. Без претензий и совместные предприятия города и района.

В общем, качество устраивает всех заказчиков.

— У меня такое правило, — доверялся, без очков щурясь, Константин Витальевич, — если я в чем-то сомневаюсь, обязательно советуюсь с главным геологом Теленковым, с Акбашевым, со специалистами в своей экспедиции, только тогда принимаю решение. Коллективный подход избавляет от возможных ошибок. Чем исправлять их, лучше не допускать. Нет у нас права на ошибки. Каждый час, минута на счету. Снова нуждаемся в увеличении численности интерпретаторов и времени.

Его озабоченность и сосредоточенность на главном можно понять — стараются сделать больше в сжатые сроки. Благо, навыков хватает.

Освоили и запустили в обработку широкополосный акустический каротаж, первыми в стране перешли на цифровую запись материалов, она требует значительных технических ресурсов, зато дает больше информации, чем при записи на бумажной ленте, как это делали прежде. Теперь вся информация на компактной дискете. Стало такое обыденностью. К этому уже привыкли. Надо отметить, что цифровой записью Константин Витальевич занимался еще в ВНТ, совершил первые шаги к ней. Поиск увенчался успехом.

Впоследствии освоили технологию исследования горизонтальных скважин и применяли собственные технологии обработки записей, каждый элемент этих технологий имеет свои

уникальные особенности, и прежде всего это высокая точность записей, обработки их, точность во всем.

– Но предела совершенству нет, — заметил Коротков. — Нет предела глубине интерпретации поступающих к нам материалов. Очень помогает компьютерная технология обработки. А прежде многие операции выполнялись вручную. Времени уходило больше, качество нередко хромало, но это в давнем прошлом. Нынешние технологии часто меняются, каждая сориентирована на конкретные задачи. Всегда готовы с вниманием отнестись к проблемам заказчика, тотчас откликаемся на все его нужды.

Здесь Константин Витальевич сделал акцент, своего рода ударную паузу.

– Цифровую базу данных для нефтяников имеем, за всю историю месторождений — переведенный на компакт-диски цифровой материал, очень удобный для воспроизводства. В таком виде выдаем его заказчику по первой просьбе. Курирует направление главный инженер экспедиции Валерий Кононенко, а непосредственно необходимые операции осуществляет участок подготовки базы данных геофизических исследований Светланы Васильевны Андроповой, оперативно откликается на каждый запрос. Затраты заказчика окупаются с лихвой.

Участок интерпретации много лет возглавляет Валентина Андронова, у нее в распоряжении техники, инженеры. А начинается все с машинной обработки материалов, и эта же группа готовит диаграммный материал для заказчика.

Проверяют материал ведущие специалисты, кстати, в экспедиции Короткова все специалисты — женщины. Процедура обработки материалов по продолжительности, вплоть до окончания, занимает от двадцати четырех до сорока восьми часов. Не больше. Для непосвященных скажем: оперативно! быстро! надежно! Записи исследований с месторождений «делегируют» электронными средствами связи. В том числе из Иркутской области, с «восточного направления» — с Ковыктинского газоконденсатного месторождения: к себе домой, в Нижневартовск, иркутянам — в центральный офис, Волгоградскому буровому управлению.

Расстояний близких и дальних не существует.

Этими же средствами связи пользуются в самом Нижневартовске и районе. В Радужном при полевых партиях два интерпретатора, они работают здесь постоянно и самостоятельно, но входят в экспедицию Константина Витальевича и ему подконтрольны.

На бумаге — скучно, пресно получается. Как, какими словами нарисовать самого Короткова — чистенького, аккурат-

ного, благолепно-моложавого, со сдвинутыми на лоб очками. Вихры волос непослушно взметнулись. Лукавинка в голосе обозначилась, когда про выпивку давнюю, урентойскую вспомнил: два ящика водки тогда «умяли» почти без закуски. Объяснение такое — холодно было, требовалось согреться в ожидании скважины, ее каротирования.

Нет, не устлана розами жизнь геофизика, холод и голод, жажда случаются на месторождениях.

И все же он казался себе на уме, Константин Витальевич, в своей разговорчивости антрактной, сейчас, во время интервью, или по случаю — в отделе маркетинга и менеджмента, куда заглядывает на «огонек» к Саулею, Кинсфатеру, Осадчему, Апанину, в команде которых я оказался на период подготовки «Штурманов нефтяных океанов». А может, и хорошо, что себе на уме — не все для других, что-то и в себе, для себя оставлять надо, для Бога!

Геофизик, поэт, романтик — Виктор Саулей

В работе над книгой-памятником дозорным глубин Виктор Иванович взял основной груз на себя: подбор снимков, воспоминаний, редактуру, верстку, поездки в издательство, где и распределял все постранично. Ставил в книгу самое существенное, через которое прошел за четверть века, что пережил каждым нервом, извилиной мозга, чему поклонялся много лет. На свои собственные деньги приобрел несколько цветных слайдов. Они очень украсили юбилейное издание.

В книгу вошли его автобиографический очерк и стихи далекой молодости, написанные во времена, когда он после Тюменского индустриального института работал инженером-«полевиком», побывал в начальниках партий. Минуло тридцать лет. Сейчас ему за пятьдесят, но все такой же Саулей — увлеченный, образно мыслящий, всегда «на плаву» и на слуху: популярный пропагандист геофизики и ее воителей. Иные ветры дуют в мире, но неизменен Виктор Иванович родом из Нижней Тавды, что близ Тюмени.

Сохранил в памяти до мельчайших подробностей то, как 3 августа 1970 года с однокурсником Юрием Митюшовым стоял он на грунтовом поле в Старом поселке, а направлялись они в контору геофизиков. С Юрием его беременная жена Галина. Куча скарба — от кастрюль и подушек до раскладушки. Первый же водитель «Урала», которого попросили подвезти, милостиво согласился и даже помог загрузиться в ку-

зов, по пылящей торфом дороге тронулись в путь. Стояла чудесная осень, журавли пролетали, и листья срывались с берез — все как возле Тюмени, но на душе у юных горных инженеров отчего-то было тревожно: как она начнется, неведомая северная одиссея? Как сложится их судьба?

У Юрия она сложится трагически, он погибнет от руки собственного брата. Останется двое детей — сын и дочь. Галина после смерти мужа придет в геофизику и до пенсии будет здесь архивариусом. К настоящему времени сын с отличием окончил тот же Тюменский индустриальный, дочь возмужала... Но все это потом, после, а сейчас они выпрастывались со скарбом прямо на берегу Оби. В конторе, в кабинете у главного инженера Толстолыткина, их встретили приветливо, и спустя час Юрий стал начальником инклинометрического отряда, Виктор — инженером-оператором в комплексной партии. Игорь Петрович Толстолыткин организовал им кровати (раскладушка не понадобилась), снова загрузились, теперь уже в автобус, и попылили на базу, где и устроились в балке.

Видимо, прежде в дощатом «скворечнике» обитал аппаратный цех-мастерская: розеток не меньше пятидесяти, и стоял в помещении густой запах машинного масла. А вечера подступали теплые и тихие. С Юрием они курили на крылечке, возле бочки с водой, отмахивались от комаров и строили планы на будущее. Иногда к ним присоединялась Галина, собирались другие обитатели «шанхая». Все оказались на редкость доброжелательными и понимающими людьми –недавно они съехались сюда с обжитых мест.

Охотно знакомились, быстро дружились. У каждого находились слова утешения и краюха хлеба, чай с сахаром, тушенка, еще кое-что горячительное, общепринятое у россиян в такого рода ситуациях.

Контора именовалась МПГК — Мегионская промысловая геофизическая, по имени месторождения, которое разбуривалось, еще в шутку, в обиходе, называли контору Мегионской пожарной командой. Буровики, которых они обслуживали, в техническом отношении отставали от «пожарной геофизической», что позволило последним шагать в ногу с проходчиками, успевать за их скоростями и в качестве операций не подводить. Все тогда и позднее измерялось метрами проходки, метр был на пьедестале, ему подчинялось буквально все.

О задержке в каротаже узнавал сам начальник Главтюменьнефтегаза, всесильный Виктор Иванович Муравленко, по выражению Виктора Ивановича, «он умел распределить роли и развесить колокольчики». Простои буровиков имели много причин, но «не дай Бог, если они происходили по вине там-

понажников и каротажников», поэтому «на самом деле жили в режиме пожарной команды: заказ мог поступить в любое время дня и ночи, а наши трудности были только их проблемами». К счастью, они не были пасынками для нефтяников, уже в 1972 году основной состав получил благоустроенное жилье, спецтехнику, кабель — все решалось оперативно.

Директором был Михаил Павлович Свистунов. В конторе лишь 95 человек, пять комплексных и промысловых специализированных партий. Партиями руководили и впоследствии побывали главными специалистами — Николай Зудилин, Аркадий Шубарин, Михаил Жабин и Эдуард Селезнев, Ирик Нигматзянов, Юрий Миттюшов, Александр Головков, Рустам Шагиахметов, Йонас Стакельскис... Все они, кроме Зудилина, имели вначале среднетехническое образование. Но в каротажах все были большими доками. Бог знает, как это у них с их «среднетехническим» получалось. Но получалось! Знали досконально оборудование и аппаратуру, приноравливались к разрезам, неполадки исправляли на месте, в «поле».

С Шагиахметовым, самым близким в ту пору Виктору Ивановичу другом, много, плодотворно потрудились сообща в опытно-методической партии. Рустам прекрасно рисовал, готовился написать юмористическую книгу о геофизиках. Стоически преодолевал все невзгоды. Однажды в сорокапятиградусный мороз он голыми руками собрал перфораторные ленты ПКС-80. Случай, конечно, не героический, подобное совершали и другие геофизики, но все же наглядно аттестует Рустама Энверовича, отложился в памяти его друзей-очевидцев.

Шагиахметов, по словам Саулея, не был суперменом в обычном понимании этого слова: среднего роста, худощавый, всегда очень доброжелательный, неспособный на грубость и подлость, Рустам Энверович многое сделал для геофизики и в опытно-методической партии, в должности начальника производственно-технического отдела треста.

«Шагиахметов, — пишет Виктор Иванович об этом самобытном человеке, — был из интеллигентной семьи. Жили где-то на Востоке, потом оказались в центре России. На исторической, как принято сейчас выражаться, родине. Умер Рустам Энверович, не дотянув нескольких месяцев до пятидесяти лет. В жуткий ледяной мороз могилу ему выдолбили лишь к вечеру, едва ли не взрывая твердь: оттепливали землю кострами. Гроб опускали уже при свете автомобильных фар.

От первого брака у Шагиахметова осталась дочь, от второго — сын: продолжают дело отца... Говорят некоторые, что болезнь у Рустама Энверовича приключилась на нервной почве,

за неполученные награды, которые он заслужил, конечно, но даже медали «За освоение недр Западной Сибири» не имел.

Лично я наблюдал Рустама Энверовича неоднократно и убедился: ко многому прикоснулись руки и ум Шагиахметова.

Та же болезнь перечеркнула жизнь богатыря-ремонтника Ивана Маланина, очень работящего, талантливого в своем деле человека, оставившего вдову, интерпретатора Демкину с ребенком. Иван Павлович много курил, и много курил Рустам Энверович, — не это ли явилось причиной гибели?

В 1970-м, когда Саулей начинал работать, партию возглавлял Александр Васильевич Головков. Саулей стал у него инженером, и Александр Васильевич дал понять остальным, что теперь элитная прослойка в партии выросла вдвое и при необходимости «их подчиненным шкурам достанется вдвойне, характер имел боцманский со свистком», — на скважине у него, как на корабле: не ходили — бегали... Соперничали с полевой Николая Зудилина. Кто первей? Самого Зудилина это мало интересовало, а вот Александра Васильевича занимало очень, задевало лидерство Николая Кирилловича. У Зудилина в партии всегда спокойно, сам он даже, можно сказать, человек флегматичный, у Головкова — нервы, экспрессия, взрывчатость. Гром и треск. Зудилин не держался зубами и руками за фоторегистратор, как Александр Васильевич, доверял своим людям, неверное, понимал, что не быть ему долго начальником партии — не миновать в конце концов директорского и даже генеральского поста (что и случилось. Не миновал!).

Его ребята чаще сидели за пультом у панели приборов в станции. Головков же в экстазе каротажа забывал, что есть инженер, по должности обязанный вести запись, сутками, до полного изнеможения таращился на блики. Если возникала аварийная ситуация, стремительно летел к рабочим и с ними вместе принимался за дело, хотя его рабочие делали не менее споро и надежно, чем зудилинцы.

Он первым освоил и применил кабельную головку киевского производства, не очень охотно делился приобретениями на этой ниве. В станции у него имелся целый мешок таких головок. На вопрос: зачем столько? — с философским целомудрием отвечал: «Запас плеч не тянет». Сам довел прибор до ума, пристыковал к нему каверномер, и надо сказать, получилось у него очень удачно. Остальные «полевики» использовали пока что устарелые коробки БКЗ и малопригодные раздвижные зонды, что уже было запрещено, и это вызывало ярость у главных специалистов.

Однажды начальник отдела Курганский топором на глазах у изумленных «полевиков» в клочья изрубил «старье». При этом вид имел такой воинственный, что от него в этот момент предпочли держаться подальше. После «исторической» наглядно-показательной расправы Виктор Степанович утер пот со лба, поправил очки и без комментариев удалился со скважины.

С того дня и по настоящее время в обиходе исключительно комплексные приборы, а топор тот не сохранился, иронично жалеет В. Саулей: не ценим де памятные реликвии.

Ну так вот, о Головкове. Гипертония давала о себе знать, по его же собственному выражению: «Как у трансформатора, 110 на 120». Бессонные, изнурительные каротажи, безудержная вспыльчивость ей способствовали. В. Саулей пытался оттеснить Александра Васильевича от пульта, он в конце концов сдавался, но все равно был начеку. Отправить его спать было невозможно, прикорнет слегка в станции — опять на ногах неугомонный. Болел за дело.

Болел в должности начальника аппаратного цеха. Неплохо получалось у Александра Васильевича и в цехе. Без него В. Саулей стал начальником партии, а Головкова наблюдал со стороны.

В полной мере рвение Александра Васильевича проявилось в горно-технической инспекции, имя стало нарицательным.

Налеты и штурмы инспекторские устраивал громошумные, оглушительные. Я застал Александра Васильевича именно в этой должности и даже ездил в Тюмень по просьбе Маркова или Стакельскиса воздействовать на высшего горно-технического начальника Патина, который заведовал округом.

А как воздействуешь, если он опирается на инструкции, радеет за соблюдение правил Головков, такие люди находка для инспекции. Не пробьешь и тараном его нашествия. Но такой человек больше сам себя уничтожает, недолго длилась и эпоха Головкова.

В моем архиве сохранилась заметка — отклик той поры в газету «Ленинское знамя» под заглавием «Сомнительный апломб» на выступление Головкова в той же газете за 13 января «Геофизики подкачали». Вот на что обратил внимание Александр Васильевич: при очередной проверке Нижневартовскнефтегеофизики, только за один месяц, остановлено шесть полевых партий, семь руководителей оштрафованы, у девяти человек изъяты талоны предупреждения. И хоть заключалась заметка привычным штампом: «Хочется надеяться, что геофизики поймут: правила техники безопасности пишутся не для красного словца, а как раз для безопасности исполните-

лей», в доброжелательность намерений горно-технического инспектора не верилось. Не верится и спустя годы.

Ведущим нарушением, помнится, Александр Васильевич называл работу в ночное время без достаточной освещенности площадок, приводил в пример подобные случаи. Но на этот счет существовала специальная инструкция-распоряжение — ответственны за освещение на скважине проходчики недр, хозяева площадки обязаны создать необходимые условия для дозорных глубин.

«А Головкову, — писал я в том отклике, — хорошо известно, сколько было письменных обменов, устных дебатов, встреч по этому поводу с заказчиком, но воз остался и ныне там, немного сдвинулся... За каждой остановленной партией, каждым отстраненным работником неизбежно следует коллективный ущерб для всех. Мало того, что где-то не доисследовали, не добыли нефти, еще потеряли средства на содержание тех же «замороженных» по воле инспектора коллективов, вынужденную консервацию техники.

Партия № 44 полтора месяца бездействовала из-за упомянутой плохой освещенности площадки, отсутствия на скважине электрика буровиков, из-за работы без касок. Первые два условия принадлежат заказчику, а для работы в касках полтора месяца на исправление не требуется».

Вот такие реалии уже довольно далекого прошлого.

Заключал отклик давней поры упоминанием правил техники безопасности, которые пишутся для улучшения качества работы, а не прекращения оной в угоду инспекторским амбициям.

Думаю сейчас, что было в действиях Головкова что-то личное, закрытое от прочих, тенденциозное, — оказавшись вне своего изначального коллектива, он словно гасил обиду на кого-то или на что-то.

В. Саулей почему-то именует своего давнего куратора по партии «легендарным», а я, видевший внезапные нашествия Александра Васильевича на базу по улице Ленина, считаю их непозволительными, самовластными — свидетельством необузданного эгоизма, который и свел его досрочно в могилу. Не управлял собой и другим мотал нервы, держал без нужды в напряжении. За что? Кому воздавал? Себе в первую очередь!

Но такой уж был Головков: себя не щадил и другим не давал расслабляться. Торопыги — не долгожители, укорачивают век себе и другим. Сохранились о Головкове воспоминания разноречивые... Вообще-то Александр Васильевич был отходчив, зла не держал и обид долго не помнил, хотя и воспринимался окружающими как человек тяжелый, неуступчивый.

Зудилин, друг и однокурсник покойного Вадима Федоровича Маркова, — прямая противоположность Александру Васильевичу, играл на гитаре, неплохо пел свои собственные и чужие бардовские песни, балагурил. В общем, романтик советской поры. Он стал управляющим трестом в Гурьеве. К моменту юбилея достиг «генеральского» поста в «Краснолениннскгеофизике».

Аркадий Шубарин, главный инженер, начинавший в конторе плотником, участник событий на Кубе во время Карибского кризиса, награжденный самим Фиделем Кастро, прошел не менее славный путь. «Фиделевский» его орден не видели, но все знают другой орден — Трудового Красного Знамени. Еще Саулей рассказывает, что Аркадий Александрович угодил в автокатастрофу, кабину подъемника буквально сплющило, наглухо зажав Шубарина, сломав обе ноги. Благо, машина не загорелась. Извлекли Аркадия Александровича с помощью автогена, вырезав боковину кабины. И такое, «не карибское», было. Аркадий Александрович мужественно перенес увечья, вернулся в строй и впоследствии никогда не вспоминал об этом.

Он вместе с Зудилиным уехал в Гурьев, занял в Казахстане руководящую должность. А были и такие, как Эдуард Селезнев из Казани, этого не интересовала ни геофизика, ни карьера в ней. Не предполагал долго задерживаться на Севере и его однокашник по университету Роман Сабиров. Купив автомобили, они с Эдуардом отбыли обратно в столицу Татарии. Возможно, стали бизнесменами. Впрочем, бизнесменами стали после сокращений и завзятые геофизики, и кем только не стали!

А вот Ирик Габдуллович Нигматзянов, бывший первый главный инженер конторы — «пожарной команды», позднее побывал в начальниках партии, организовал экспедицию в Радужном. Женился он поздно. Его трехкомнатная холостяцкая квартира в «деревнике» для многих явилась временным пристанищем, порой раскладушку негде было поставить — всегда излишество обитателей «без прописки».

Ирик Габдуллович отличался отменным благодушием, теперь в Башкирии на отдыхе, живет в деревне близ Уфы.

Работали в «поле» и девушки. Одна из них, таких боевитых, — Нина Бренюк до сих пор бдительно несет службу в диспетчерской. Равных по стажу ветеранов в ОАО геофизиков до десятка. Им всем на юбилее вручили именные подарки, в их числе и помощник-консультант Константина Короткова, бывший главный геолог В. Акбашев. Он сразу начинал главным, мог начать директором конторы. Нина Бренюк

взошла из числа «полевиков», поднялась, окрепла, благополучно миновала все реорганизации, сокращения. Ее не тронули. Она осталась «на плаву».

Кому что уготовано.

Интересно пишет Саулей о Евгении Петрове, о его увлечении всевозможными несообразностями. Например, англо-китайскими словарями, пособиями для слепых. Легкий был человек, никогда не злился, имел мечту получить высшее образование, поскольку желал быть руководителем, «хоть директором бани» — шутил. Окончил он экономический факультет, получил диплом и уехал на Ямал. Был там недолго. Из Заполярья переместился в Башкирию и в Башкирии скончался скоропостижно, не дотянув и до пятидесяти. Осталась масса коллекционных удостоверений, свидетельств, справок — никчемный и, увы, ненужный никому арсенал.

А вот как рисует Виктор Иванович Йонаса Казио Стакельскиса, о котором я уже много писал. Так вот, рисует он его высоким, сероглазым блондином с тонкими чертами лица. По-русски говорит безупречно, но все же узнается в голосе неистребимая прибалтийская окраска. В начале семидесятых годов полевые партии никто не подгонял. На диаграммах тех лет классические линии кривых с отличных коллекторов, дающих безводную нефть с дебитами до тысячи тонн в сутки. Геофизики с самого начала вели умную техническую политику, и то, что они вскоре стали лидерами по контролю за разработкой месторождений и мастерами интерпретирования «полевых» записей, — результат этой политики, изначально верной.

Личный вклад Йонаса Казио трудно переоценить: он был учителем для многих. В бытность его Виктор Иванович Саулей являлся начальником службы интерпретации, и директор Стакельскис частенько заглядывал к ним посмотреть материалы со скважин. Слово интерпретатора для Йонаса Казио всегда было определяющим при оценке качества записи. Стакельскис — человек неординарный, крутой, решительный. Но Саулей словно не замечает этого. Он вообще очень терпим к человеческим слабостям. Старается никого не обидеть, видимо, по христианской заповеди: понять и простить.

Плохих людей он навсегда вычеркивает из своей жизни, тянется к светлым, значительным. Независимо от должности уважает людей по характеру значительных, масштабных, предприимчивых.

Стакельскис однажды принес ему в интерпретацию «Экономическую газету» с адресом небольшой фирмы в Удмуртии, которая занималась клейкой конвертов, необходимых для диаграмм. По его совету Виктор Иванович отправил туда

образец желаемых пакетов. Контакт установился. И впоследствии все Среднее Приобье десятилетиями получало пакеты из Удмуртии, малая артель благодаря Йонасу Казио и Саулею превратилась в картонажную фабрику с производством десятков тысяч пакетов в год.

В одночасье, по воле командировочного случая, в Нижневартовске появился Павел Шевелев. Здесь ради интереса съездил на каротаж и в свой Тюменский институт нефти уже не вернулся, вернулся только после ухода на пенсию, в девяностых годах. Стакельскис пересагитировал его, пообещав автомобиль «Жигули», в ту пору дефицитный. И сам постарался обзавестись «колесами». Счастье было так возможно и близко... Но когда машину выгружали краном с баржи, она сорвалась — и всмятку. Так что лишь по нелепой случайности Йонас Казио не стал первым среди геофизиков обладателем «Жигулей», ездил на служебном транспорте.

В нем уже тогда угадывалась хватка «нового русского», был он достаточно скрытен. Загодя готовил свой отъезд в Литву: окончил заочно сельскохозяйственный институт, факультет экономики, в чем ему помогал ученый агроном Безик, осевший в геофизике начальником учебно-курсового комбината. Стакельскис рвался к селу, Безик наоборот — от села к городу. Нахлебавшись лиха на неплодовитой северной земле, натягивал пенсионный стаж в учкомбинате.

Натягивал стаж и Стакельскис, округлив его в льготное северное двадцатилетие. В Литве Йонас Казио стал заместителем председателя колхоза по экономике, в чем-то проштрафился, получил партийный выговор, приехал на время в Нижневартовск, вернулся обратно.

Встреча моя на юбилее с Йонасом Казио была короткой. Обнялись, пожали друг другу руки. Он огрузнел, заметно полысел. Прежней осталась резкость и — отчасти — непредсказуемость: трудно наперед угадать, что скажет, как поступит. Пенсию, говорят, получает в долларах, и немалую. Вот и Литва-кроха! В долларах и немалую!

Виктор Иванович Саулей в своих воспоминаниях остановился еще на Толгате Сибагатуллине, начальнике газокаротажной партии. В «Штурманах» на фотографии есть люди, делавшие первый газовый каротаж на первой скважине Мегионского месторождения № 504 25 апреля 1965 года. Руководил каротажем Толгат Сибагатуллин. Десятого октября на юбилейном торжестве он уточнил публично, со сцены, въевшуюся в сознание дату: на самом деле первый газовый сдела-

Жилистым во всех житейских перепадах оказался и Владимир Петрович, упористым. Эту черту закрепил в Нижневартовске, куда перетянул его энергичный Степан Андреевич. Владимир Петрович работал электромехаником в «Лифтремонте». С детства он любил скорости, любил быстрый зримый результат рук своих и сноровки. Как сам выразился: «Короткие пробеги, но не марафон». «Результат — сегодня!» — вот девиз Иванова.

Может, под воздействием рассказов о войне и собственных впечатлений детства усвоил такой бросковый темп, который и дядька-автотранспортник предпочитал. Мальчишкой он любил фигурки лепить из пластилина, скоро получались они из податливого материала.

Лифт — это то, что надо, в нем не замедлишься, не заскучаешь.

Прежде он исследовал грунты и воду на месте будущего моста через Дон — в районе города Калача. Года два-три провел в тресте инженерных изысканий. Нет, не то! Еще и потому, что все время в «поле», а Владимир Петрович был «домашним ребенком», подсознательно и осознанно искал иное поприще. Нашел себя в лифтовой аварийно-спасательной службе. Запускал грузоподъемные механизмы самых различных модификаций. Даже немецкие трофейные. Они были громоздкие, тихоходные. Владимир Петрович удивлялся, как такой тянет кабину неимоверных размеров.

В дело вступили отечественные улучшенные конструкции. У них и механизм много совершенней. Кое-какие рационализации Иванов вносил сам. Улучшали лифты и его товарищи. Творчество было коллективным. Полтора десятка установок обслуживал на участке Владимир Петрович и чувствовал себя в родной стихии, где результат очевиден.

А в это время явился по случаю Лысенко из Нижневартовска. Владимир Петрович следил за его домом и садом, и они пообщались близко. Главным мотивом к переселению послужила нищенская зарплата — сто шестьдесят рублей в месяц. На такую ли жить сносно?! Лысенко и нащупал слабину, посулил житье нехудое «на Северах». Вещал зычноголосо и сам выглядел внушительно, скажем так, убедительно: рослый, крупный. Все в нем будто от Геркулеса. Седая пышная шевелюра облагораживала Лысенко. Его жена, двоюродная сестра Иванова — Таисья, от окопов Сталинграда до фашистского логова прошагала сквозь «огонь, пургу и дым», отчаянная женщина. В Берлине со Степаном и встретились. Супружеская пара образовалась. Работящие оба, что пилить, строгать, сколачивать, стеклить, что печь ложить — все одинаково умели.

ли несколько позднее, чем это утвердилось в памяти многих. На старой любительской фотографии того времени совсем молоденький Толгатик, в телогрейке, брюках-стеганках, ушанке.

Подобно многим, человек упорный, он заочно учился в институте, учился по-настоящему — все контрольные делал сам, институт окончил с «красным» дипломом. Охоч оказался до знаний. Это признавал и Эдуард Лукьянов, с которым Толгат тесно сотрудничал, даже дружил, а изобретатель этот знал толк в специалистах. По настойчивости в деле и жизни Сибагатуллин равновелик Лукьянову, в чем-то и превосходит. Например, дольше удержался на Севере. Лукьянов давно в Твери, возле столицы, а Толгат еще севернее уехал, кажется в Ноябрьск.

Вместе с Толгатом в газовом дерзала жена Эдуарда Евгеньевича — Камилла Фатхиевна, ласково именуемая Камой. Они дружили семьями, дружба тогда являлась неотъемлемым элементом здешнего бытия. Все, что касалось технического творчества в геофизике, вообще интеллекта, сопрягалось с семьями Цыглеевых, Марковых, Лукьяновых, Саулеев и, конечно, Сибагатуллиных. Толгата я постоянно видел вместе с Лукьяновым в их общем экспедиционном головном вагончике — корпели над техническими штуковинами.

И вот еще интересный эпизод, связанный с Лукьяновым.

Эдуард Евгеньевич, будучи секретарем партрорганизации конторы, вербовал молодого Саулея в члены КПСС. Виктор Иванович наговорил много нелицеприятного в адрес ведущей и направляющей, да еще и в самый пиковый момент, когда дело стояло уже за не многим — осталось написать заявление. Секретарь Лукьянов молча слушал, багровел всем крупным лицом. Виктор Иванович понял, что тот взбешен, остановился и спросил невинным голосом: «Что-то не так? Может, я еще не созрел для КПСС?» — «Иди... дозревай!» — коротко, без объяснений отрезал партсекретарь, и молодой нижнетавдинец отправился дозревать.

До КПСС он так и не дозрел, остался просто тружеником, увлеченным и влюбленным в свое дело, не лишенным литературного дара. Пишет для души, для себя самого только, а получается — для многих. В дороге, дома, на работе, сочиняет, когда «накатит». Душа у него такая — певучая, чистая.

За время работы с Саулеем я так привык обсуждать с ним все вопросы, что уже не мыслил жизни без него, все время вспоминал после юбилея. Напряженно ловил вести с Ковыктинского газоконденсатного в Иркутской области, где воинствовала партия Василия Леонтьева из Первушинской экс-

пединии. Виктор Иванович заказал для книги цветные снимки с места событий, с Восточного фронта геофизиков. Ждали их так, будто боевую фронтовую сводку.

(Кстати, Дагестан, Чечня, появление на политическом небосклоне будущего президента Путина — все приплюсовывалось неотъемлемо, вплеталось в мое геофизическое бытие лета 1999 года, после перенесенного недавно инфаркта воздействовало психологически и даже физически: всякий раз торопился к телевизору. От восприятия чеченских вторжений начинала болеть голова и частить сердце, создавал лишние хлопоты моему кардиологу. С появлением в большой политике Владимира Владимировича, после первых его — значительных — действий надеялся и верил, что началось большое возрождение россиян. «Мы ощутили себя снова великой нацией планеты, распрямились... Спасибо», — написал тогда премьеру.

Я совсем утратил покой, вместо того чтобы пребывать в постели, применять дозированно таблетки и микстуры, мотался по базам и месторождениям, расспрашивал, записывал, переводил в рукописи: «Стучит, стучит моя машинка пишущая, а за стеной хозяйка, мужа пичкающая. Внушает ему сыто, без конца, что надо бы давно женить жильца...»

Дойдут ли до потомков мои документальные хроники? Востребуются ли? Вот что заботит!)

А юбилейное мероприятие раскручивалось с неумолимой последовательностью, отрабатывали сценарий, предназначенный к воплощению в кинотеатре «Мир», утрясали сценки, эпизоды, списки гостей, экстренно ремонтировали управленческое здание, даже лесок под окнами и вдоль улицы проредили. Готовили научно-практическую конференцию. Генеральный Полыталов бросил в топку юбилея последние резервные два миллиона рублей, заработанные варьеганцами.

Что-что, а юбилеи Нижневартовск справляет молодецки, не плошает ни в одном народнохозяйственном направлении, проявляя волю и изобретательность. Денег не жалеют. Нефтяники, однако, перещеголяли всех прочих. Куда до них геофизикам: ни одна телекомпания не запеленговала торжество, на нефтяников в таком случае трудится в поте лица вся корреспондентская рать. Ну, да что делать, — у них основные деньги, им внимание особое.

После юбилея вместе с юбилярами и библиотечными запросами начнет свое победное шествие наша с Саулеем книга «Штурманы нефтяных океанов». Гости увезут с собой подарочное издание в различные края и долго — вдумчиво, на до-

суге будут листать страницы, украшенные фотографиями различных давностей.

Но это после, потом, а пока вглядывались с Виктором Ивановичем в минувшее, искали, дополняли, стараясь не упустить и малости. У меня сохранились воспоминания, достаточно яркие, записи о первых нижневартовских новосельях и новосельях самой геофизики, по стечению обстоятельств в «Штурманах» не использованные.

На берегу реки Оби

Из воспоминаний Валентины Васильевны Лебедевой, техника-вычислителя:

Я приехала в Нижневартовск в феврале 1965 года к сестре с сынишкой трех с половиной лет. Аэропорта в то время не было, Нижневартовск принимал только «ЛИ» и «АНы». Летели из Тюмени четыре с половиной часа. Старый Вартовск был маленьким деревянным поселком, дома в нем сплошь одноэтажные, очень засугробленные. Морозы стояли под сорок — сорок пять.

Сестра попросила соседку, работавшую в нефтепромысловом управлении, узнать о свободном для меня месте — нет ли вакансии? Вечером та зашла и сказала, что в создаваемую геофизическую службу нужна секретарь-машинистка. Чуть свет я отправилась вместе с ней. Автобусов тогда не было, людей возили на хлебовозке, приспособленной для иной надобности — «пассажирским перевозкам». Приехали в зачинающийся городок первопроходцев, в нем — столовая, магазин, три-четыре деревянных двухэтажных коттеджа, котельная и кругом лес — добротный кедровник, за лесом, на берегу Оби, контора бурения и балки.

В одном из коттеджей, остро пахнущем свежей смолистой древесиной, и располагалось нефтепромысловое управление (НПУ), где геофизикам отвели одну комнату. Директор конторы Виктор Нуреевич Латыпов принял меня секретарем-машинисткой, хотя машинки, как таковой, пока не было. В конторе кроме меня работали его жена Лидия Александровна, Варис Султанович Акбашев, Шарафутдинов Галий Шарафутдинович. Главный инженер Ирик Габдуллович Нигматзянов принимал в это время технику в Тюмени и готовился перегнать ее сюда по зимнику. Вскоре телеграфировал, что колонна в пути, пробивается по трассе. Им с вертолета сбросили где-то на середине пути горючее и продукты, сделали несколько заходов. В поселке их встречали с почестями, как папанинцев, снятых со льдины в океане.

За неимением машинки я принялась описывать керн с разведочных скважин: бурение велось на Мегионской площади. А когда требовалось что-либо напечатать, просилась «на машинку» в НПУ, благо, что соседка благоволила мне, помогала.

Автоколонна в поселок пришла 8 марта, в праздник: станции, подъемники, вместе с ними прибыли новые люди: юные супруги Стакельскисы, чертежница Зинаида Бормотова, сам главный инженер Нигматзянов, уже не считавшийся новичком. Почти следом по вызову из Башкирии поспешили налегке Т. Сибагатуллин, К. Лутфуллина, А. Кашапов, Ю. Бутусов, С. Гадельшин, Н. Чаплыгин, каротажники-перфораторщики Г. Ширяев и А. Иваха, мастер аппаратного цеха А. Лавринец и другие. Создали первые комплексные партии, начали делать первые каротажи.

Когда наступила весна, оказалось, что город строится на непроходимой трясине. Никаких дорог не было и в помине, для пешеходов тянули тротуары, но тягачи и амфибии благополучно сметали, крушили их, вминали в хляби.

В старый Вартовск добирались пешком по берегу реки или остаткам тротуара, случалось, даже по трубе. Сохранившиеся доски тонули в болоте, прогибались, вибрировали. Строились насыпные дороги, но амфибии и ГТТ разбивали их, было большой задачей пересечь улицу. Все лето щеголяли в сапогах, их приходилось вытягивать из грязи руками — то одну, то другую ногу. Каждый шаг рассчитывали, нащупывали твердое дно палкой. Иначе можно было угодить в яму-ловушку.

Настоящим бичом стали комары и мошки, от них защищались мазью, носили сетки Павловского и все равно ходили искусанные зверьми и расчесанные в кровь.

В 1965 году мне дали половину балка, в котором я прожила до декабря следующего года: Теснота страшная, потолок и стены промерзали, заготовляли дрова, топили печи, за водой ходили на реку — спускались к проруби по обледенелому опасному склону, обратно карабкались еле-еле.

Так жили все, и никто не жаловался.

Ребенка я сначала водила к няньке, а потом, в декабре 1965-го, дали место в детсаду — первом, примитивном, по улице Таежной. Квартира в деревянном доме по улице Мусы Джалиля после балка показалась мне раем, хотя была неоштукатуренной, с клочьями пакли в пазах, дыры светились между бревнами. Радости все-таки не было предела.

Директор Виктор Нуреевич оказался руководителем деятельным, жизнерадостным, постоянно зажигал верой и оптимизмом других. Было трудно с кадрами, жильем, с базой для геофизиков. В невероятно трудных условиях Виктор Нуреевич сумел

построить базу с цехами: механическим, аппаратным; построил здание конторы, склад — конечно, деревянные, небольших размеров. Собственными силами подняли два двухэтажных дома по улице Набережной, да еще нефтяники отдали свой коттедж. Жилищную проблему на первых порах таким образом решили, тем более что людей в конторе было еще немного.

Поселок раздавался на глазах. В 1965 году появилась школа, затем клуб, чуть позже открылась вечерняя общеобразовательная школа.

Организовали художественную самодеятельность. Дали в клубе первые концерты для поселян.

Весной началось наводнение. Наши жилые дома по улице Набережной оказались посреди волноплеска, половодье достигло и улицы Пионерской, она проходила выше, на месте бывшего кедровника. Баржи-плоскодонки и лодки свободно курсировали между строений. Затопило даже буровые на месторождении и нашу спецтехнику на кустах. За это Латыпова сняли с директора и перевели главным геологом в Уральскую промыслово-геофизическую экспедицию. Вместо него из Сургута прибыл некто Попов, совершенно не подходивший для этой должности.

В 1965 году мне передали отдел кадров конторы, в нем я трудилась полных десять лет. Много невзгод довелось претерпеть первое время. Часто отключали тепло, свет. А зимы были очень суровые. Однажды, в конце шестидесятых, половина поселка оказалась размороженной; мерзли дома, мерзли на работе, обходились без воды и хлеба, но считали эти превратности временными, надеялись: все образуется, наладится.

Лишь с открытием Самотлора развернулось по-настоящему большое строительство — первые панельные дома, бетонные дороги. Появилась такая дорога по улице Нефтяников (от Набережной до нынешней Омской), тонула в грязи, пришлось ее настилать три раза. А сейчас — это современный благоустроенный город с высотными зданиями, аэропортом, асфальтом улиц и проспектов, хочется жить в Нижневартовске постоянно. Не жалею, что приехала сюда, город стал мне родным, близким, второй моей Родиной.

Декабрь 1984 года.

* * *

Воспоминания Валентине Васильевне заказывал к давнему юбилею восьмидесятых, но они оказались невостребованными, пролежали вместе с другими заказанными в моем столе. Вот теперь оказались к месту эти от души написанные строки, достоверно рисующие яркие картины начала освоения Среднего Приобья. Минет время — и утратятся: память

коротка. А ведь они — свидетельство энтузиазма, одержимости, терпения.

Важен показался и голос Зои Ивановны Мухиной, подобно Валентине Васильевне, незаметной, усердной в деле, порядочной в воззрениях. С мужем у нее получился разлад. Она очень переживала, мобилизовала всю волю и стойкость, чтобы удержаться самой и вывести детей в люди. Последние годы трудилась в профсоюзе.

Лазурным днем сентября

Из воспоминаний Зои Ивановны Мухиной, техника ЦПГ-2

В Нижневартовск приехала 11 сентября 1965 года. Приехали втроем: я, муж и сынишка одиннадцати месяцев. Ночевали у начальника речпорта. Первый, с кем познакомились, был Аркадий Иванович Синцов. Он и привез на базу на полуглиссере. Выделили нам полвагончика. Вагончики располагались буквой «П», кругом лес, болота, кочки. Ни печки, ни света. Разожгли костер на улице, приготовили обед, поели, стало веселее. А к вечеру нас пригласила в гости Рая Лавринец, пообщались с ее мужем Александром. Тепло они нас приняли.

Сообща сложили печку из подручного кирпича, заготовили дров на зиму. Зима выдалась холодная, натопишь печь — вверху дышать нечем, а внизу, на полу, ноги в валенках стынут. Дорог не было. Ходили гуськом друг за другом. Первый идет с палкой в руке и нащупывает твердую почву, чтобы не провалиться в какую-нибудь колдобину. А перейти дорогу в теплое время года вообще было проблемой, не одну обувку оставили в грязи.

Бывало, отправимся за водой на Обь в сапогах-болотниках с длинными голенищами, переберемся через дорогу, наберем воды, а по улице в это время проползла «амфибия» — все разбила, смяла, смешала в невообразимое месиво. И вот стоишь, ждешь, чтоб кто-нибудь из сильного пола переправил через поломоину. По вечерам не уходили далеко от вагончика, опасались заплутать в кедровниках. На месте нынешних домов культуры «Октябрь» и «Юбилейный» густился разнородный смешанный лес. Там по ночам дико всхохатывали совы, кричала болотная птица выпь и седой лунь призрачной тенью промелькивал. А больше оглашали гомоном окрестности всякие мелкие птахи.

Трубно где-то кричали лоси, вызывая соперников на брачные поединки, осень сыпала трухой и половой дресвой, несла паутину в небо, и облака, розовея на небосклоне, сливались в непроницаемое покрывало, которое к полуночи тончало, проклевывались звезды, луна. И весь мир становился благолепным, величественным.

Апрель 1966 года одарил нас двухкомнатной квартирой в деревянном доме, и в этот же самострой переселились Лавринцы, Стакельскисы, Ширяевы. Наводнение подкатило так близко, что на работу и обратно переправлялись лодками, подплывали к самым крылечкам. И с крылечек рыбачили, забрасывали леску с наживкой на крючке в непроницаемо-загадочные наступательные воды.

В конторе вначале было двадцать три человека, с нашим приездом оказалось двадцать пять. Радио, телевизора, кино не было, но молодость не позволяла унывать — легко и весело жили и в неуюте, трудности не в счет. Все на виду друг у друга, локоть в локоть, выручали чем могли и взаимностью были сильны и счастливы.

Январь 1984 года.

После Исовского геологоразведочного

Имя Стакельскисов среди геофизиков и сегодня на слуху. Галина Николаевна Стакельскис в Нижневартовске одна осталась. А сам Стакельскис тоскует по России. При первой же возможности наведывается в места молодости или в белокаменную.

Так распорядилась жизнь.

А начиналась супружеская их повседневность счастливо, заздравно, одухотворенно, не обещала морочей.

Лучше всего об этом повествует сам Йонас Казио, в разное время поверявший мне свое мироощущение.

Йонас Казио Стакельскис:

Мой путь в Западную Сибирь и промысловую геофизику начался много раньше, чем состоялось вхождение в Западную Сибирь и геофизику. Мое и Галины. После Исовского геологоразведочного техникума, что на Урале. О Севере задумался еще в школе, когда увлекался книгами о дальних странствиях, разбудивших стремление к неизвестному.

Родителям моим довелось испытать жизнь в буржуазной Литве под властью панской Польши. Отец — Казис Винцо Стакельскис, мать — Леокадия Геоновна Стакельскис живут ныне в деревне Барчяй, что между Вильнюсом и Вареной. В Литве родился и я. Литовец по национальности. В Литве окончил школу. Армейскую службу проходил в Белоруссии, в городе Молодечно. Накануне демобилизации прочитал заметку в газете о приемных экзаменах в Исовский геологоразведочный техникум, еще не сняв погон, отправился туда, поступил.

В те же памятные недели на традиционной для студентов-
рвокурсников картошке познакомился со своей будущей же-
й — Галиной Николаевной Романовой. Она из местных, исов-
ая. В техникум поступила с рабочим стажем — после трудов
аведных. И у меня жизненный опыт имелся кой-какой. Это
лизило, мы поженились.

В армии я был начальником радиостанции, знал эту специфи-
и радиофицировал техникум. За услугу нам дали комнатку в
еподавательском доме, снабдили дровами. И потянулись буд-
. Первые сессии... Первый сын — Витас... Двадцатого апреля
61 года директор вызвал меня с лекции, чтобы я объявил по ра-
о: «Гагарин в космосе!» Я объявил. Что началось! Повскакивали
ест, обнимались, в избытке чувств кричали «Ура!», у многих
езы навертывались на глаза.

Летом ездили на практику, учились уму-разуму в экспедиции,
, постигали секреты профессии.

Незадолго перед государственными экзаменами в техникум
грянул академик Трофимук — к брату, преподававшему у нас
ологию. Он и зарядил «мечтой пленительного счастья» — о
льшой нефти Среднего Приобья, слухи о ней в ту пору уже
жатывались до нашего горнозаводского поселка. Прежде мы с
линой намеревались поехать в Якутию, а после визита науч-
го светила безоговорочно переменили адрес мечты: при рас-
еделении попросились в Тюменский геофизический трест.

Просьбу удовлетворили: специалисты в Сибирь требовались.
городе на Туре разыскали интересующий нас офис. Весь штат
меньгеофизики умещался в одном гостиничном номере, где и
шли управляющего трестом Виля Сабитовича Мансурова.
стали у «командарма» нефтяной промысловой всей Тюмен-
й области директора МПГК Латыпова. Поизучав наши до-
менты, Виктор Нуреевич заявил без обиняков: «Эту пару я
ру к себе. Летите. Добирайтесь как сумеете».

И мы добрались.

Было это в начале 1965 года. В Нижневартовске нас устро-
ли на жительство в вагончике на берегу Оби, тамбуром вагон-
к был разделен на две половины. У соседей позаимствовали пилу
Дружба» и отправились на Обь добывать воду. Выпилили круг-
ш льда, зачерпнули воды и отправились восвояси, принялись
пятить чай. Энергия слабая, спираль плитки не калилась.
соседка посоветовала сходить на радиостанцию — это един-
твенное место, где напряжение тока было нормальное. Что
, пошли с чайником туда, воду вскипятили и заодно послуша-
и новости с Большой земли. Казалось, находимся где-то в Ан-
арктиде, в царстве тюленей и моржей.

Недавнее прошлое казалось далеким, нереальным.

Началом деятельности Мегионской промыслово-геофизической конторы можно считать октябрь 1964 года, когда в Нижневартовск прилетели семь геофизиков во главе с первым директором Латыповым. Они приступили к организации предприятия пробным выездом на скважины, налаживанию контактов с нефтяниками, договаривались загодя о жилье.

Первую эксплуатационную скважину № 504 на Мегионской площади обслужили 23 апреля 1965 года, так и заявили о себе во всеуслышание, что называется, наглядно. К этому времени уже создали комплексную каротажную, перфораторную партии и службу интерпретации.

С первых дней и не одно десятилетие интерпретацию курировали главный бессменный геолог Варис Султанович Акбашев.

Вступила в действие газокаротажная партия Т. Сибагатуллина.

В конторе к этому времени насчитывалось около двадцати работников. Среди них И. Нигматзянов, В. Лебедева, Н. Четырин, З. Бармотова, А. Лавринец, В. Акбашев. На конец первого года обслужили шесть скважин, создали пять партий, механический и аппаратный цеха. База конторы располагалась на берегу Оби, и там же лепились один к другому балки-вагончики.

Годом становления конторы был 1966-й. Обслужили уже 18 скважин, производительное время партий составило 4,8 тысяч рублей, численность работающих на конец года — 69 человек.

В там же году применительно к геологическим условиям Мегионского месторождения утвердились методики работ в бурящихся скважинах и по расшифровке полевых записей. Начали работы по внедрению новых глубинных приборов и аппаратуры, предназначенных для исследования любого вида скважин.

В последние годы помимо производственных заданий занимались усовершенствованием качества измерений и улучшением производственно-технических показателей.

При этом большую помощь оказали специализированные опытно-методические партии, научные организации.

Что же касается лично меня, то сразу по приезде была назначен техником в комплексную партию знатока геофизики из Башкирии Аксама Кашапова, многому у него научился, многое перенял. Галина оформилась в интерпретацию. Так началось вхождение в профессию.

Геофизика района, согласно потребностям нефтедобычи, развивалась бурно, усложнялась, и вскоре меня назначили начальником партии, на ступень выше поднялась жена. Мы росли, мужали вместе с производством. Вообще же, за более чем полвека отрасль прошла путь от первых примитивных зондов и полуав-

томатических компенсаторов до современной скважинной аппаратуры, предполагающей различные виды исследований».

Геофизик, считает Йонас Казио, — это высокообразованный специалист, в совершенстве знающий геологию, физику, химию, радиоэлектронику. В любое время дня и ночи по вызову мчится за десятки километров, чтобы вовремя и с хорошим качеством выполнить заказ. По роду занятий он кочевник и потому неизбежно становится романтиком. Его деятельность связана с жизнью на месторождениях и в городе. Он сродни ветрам и стужам, близок к природе. Для него характерны тяга к костру, гитаре, задушевной песне.

Философия Йонаса Казио сформировалась в доперестроечные годы. Частновладельческая экономика была обязана сместить критерии, на первое место вышел рубль.

С первых дней «пожарная команда» обслуживала бурящиеся, эксплуатационные и разведочные скважины, контролировала угол и азимут в наклонно-направленных стволах, перфорировала продуктивные участки только что вышедших из бурения скважин. Коллектив МПГК формировался из посланцев Башкирии, Татарии, Перми, перенесших на Север опыт «старых» нефтяных районов.

Суровый климат, заболоченность потребовали иных технологий. В результате поисков родился свой нижневартовский опыт, своя школа, на вооружение взяли комплексы КСП-1, АБКТ, Э-1, внедрили опробователь пластов на кабеле, ленточные перфораторы ПКС-80, автоматическую разметку кабеля, определение параметров пласта для подсчета запасов нефти по материалам промысловых записей. Весомый эффект получили от новой техники и усовершенствованных рабочих технологий на скважинах.

Не могли мириться с тем, что удельный вес времени на производство геофизических работ в общем раскладе строительства скважин постоянно увеличивался. В связи с высоким темпом бурения и добычи потребовалось неотложно сократить цикл исследований, сохранив его информативность. Специалисты пересмотрели комплекс исследований в открытом стволе, внесли и другие технологические коррективы, например ввели спаренные инклинометры, позволившие повысить точность замеров кривизны ствола. Прибор КСП помог сократить время работ в открытом стволе. В результате использования новой системы привязки глубин удается осуществлять привязку интервалов перфорации более точно и оперативно, чем раньше. Специализация каротажных партий, создание специализированных участков, экспедиций, цехов способствует улуч-

шению организации работ, уменьшению количества отказов глубинных приборов и наземной аппаратуры.

Все это позволило довести уже в 1973 году выполнение норм времени до 124 процентов. Партии М. Свистунова, А. Шубарина добивались еще лучших результатов.

Значительный вклад внесли рационализаторы и изобретатели. С гордостью называли геолого-технологический контроль, автоматизированную станцию параметров бурения, автор которой — нынешний доктор технических наук Э. Лукьянов. Наиболее заметное изобретение получило широкое распространение у нас в стране и за рубежом. С 1964-го, года рождения местной геофизики, был получен колоссальный экономический эффект.

Появились свои медалисты и орденоносцы, «Отличники нефтяной промышленности». В конторе было 505 ударников коммунистического труда, 640 человек боролись за это звание. Работы всегда было много. Жили интересно, в состоянии поиска и преодолений, а это очень важно для любого крепнущего организма.

Изначала путь Йонаса и Галины Стакельскисов, их друзей в геофизике неотделим от пути всего коллектива, радости и беды — все пополам.

Йонас через несколько лет стал заместителем директора, а при разделении конторы на две равнозначные возглавил контроль за разработкой месторождений... Пора утрясок, струк-

И. Нигматзянов (в центре) и А. Сокол (справа)

Ныне легендарные М. Свистунов (слева) и В. Дербенев

турных конкретизаций... Все дорого, памятно... Не вытравишь уже из сердца и души, из сознания.

Спустя еще несколько лет Йонас Казио станет управляющим треста «Нижневартовскнефтегеофизика», с этой должности и переместится в Литву.

Его коллектив всегда справлялся с планом. За 1983 год исследовал 1 810 скважин на 15 781 тысячу рублей, производительность труда за этот период — 102,5 процента. Каждый заработал в год по 13 тысяч 151 рублю — это 1 275 человек: из них 596 ИТР, 632 рабочих, несколько служащих.

В строю оставались начальник Варьеганской экспедиции Ирик Габдуллович Нигматзянов, главный геолог Варис Султанович Акбашев, каротажник Александр Николаевич Лавринец. Достойно пришли к двадцатилетию предприятия начальник производственно-технического отдела Василий Петрович Макеев, начальник экспедиций Леонид Георгиевич Киреев и Михаил Павлович Свистунов, начальник партии Равиль Насыров, его коллеги Иван Заикин и Николай Федоров, Николай Каменский, Борис Кочергинский.

Традиции новаторства, товарищества, заложенные первопроходцами, развивались, крепли.

Воспоминания и день сегодняшний позволяют удостовериться — хотя перемен всяких немало, но крепок, основате-

лен фундамент, многие встречные шквалы и штормы перестройки разбились о него. Иных первопроходцев уже нет в живых, недавно переселился в мир иной и трудолюбивейший, ранимый Михаил Павлович Свистунов. Его сердце надорвалось, еще когда снимали с должности директора конторы, переводили в партию. И он в партии, а позднее в экспедиции доказывал дееспособность — был лидером. Лучшим среди лучших. Не стало его, но — «бревна старые в забор меж новых улеглись» — приходит молодежь. Сын Свистунова-ветерана Анатолий продолжает дело отца. И так у многих первопроходцев: дети оседают в коллективе, который снова разрастается.

Воспоминания безымянного интерпретатора

Вот так, соотнося прошлое с настоящим, отбирал материалы для «Штурманов», согласовывал с В. Саулеем, и он похваливал и будто даже удивлялся тому, что есть такие люди, а он про них не ведал. В «Штурманы» не вошли откровения, начертанные в восьмидесятые годы безвестным интерпретатором, возможно саулеевским. Прочитайте их здесь — в их наивной популяризаторской исповедальности звучит и преданность своему делу — уверенность в невозможности иного пути, и старание, и страсть к совершенству.

После работ на скважине полевой материал поступает в нашу службу. Его оформляем, вычерчиваем, обрабатываем, даем заключения, по которым строится вся дальнейшая работа добычников и проходчиков недр со скважиной. А вначале запись попадает в партию первичной обработки, кривые обводят, размечают глубины, то есть готовят материал к снятию с него копий и к выдаче заключений. Со дня организации этой партии в ней трудились инженеры С. Набиуллина, Т. Корякина, Д. Нечаева; из молодых специалистов сегодня — Сергеева, Азовцева, Трегубова. Последние сочетают работу с учебой. Партию возглавляет А. Плесовских.

После обработки часть материала поступает в партию по вычерчиванию (открытый ствол) и часть в партию по оценке качества и выдаче заключений. Инженеры-интерпретаторы основа всей службы. Их умение и старание во многом определяют дальнейший успех заказчика.

Из двух существующих партий одна занимается центральной группой месторождений, вторая — периферийной; первую возглавляет В. Чальникова. С 1967 года в партии трудятся Н.

Рыбина, Е. Демкина, Е. Задорожная, Г. Коцан. Вторым коллективом руководит один из старейших работников треста В. Мухаметзянов. С солидным стажем здесь Г. Китаева, Л. Мягких — депутат окружного Совета, М. Озерова, С. Шайдуллина.

В связи с большим объемом бурения в последние годы особую роль играет машинная обработка геофизических исследований, значительно ускорившая рабочий цикл. Образованный в 1975 году коллектив с первых дней успешно возглавляет Н. Шепелев.

А готовят фронт работы для инженеров техники-чертежники В. Катуниной. В этой партии двадцать лет трудится старейший работник треста З. Бормотова, награжденная медалью «За освоение недр Западной Сибири». Она наставник молодежи, многих обучила профессии. Ей под стать Г. Хохлачева.

Подготовкой данных занимаются техники-оцифровщики С. Мелещенко, Г. Исаева. В составе партии вычислители Н. Уланова, Р. Габдрафикова, В. Лебедева. Размножением, разработкой, выдачей материалов занимаются люди Ф. Никитиной. Тысячи диаграмм прошли через руки Р. Насыровой и В. Теняевой.

Всю службы курирует бессменный В. Акбашев.

Интерпретация — важнейшее звено, от оперативности, точности заключений зависит дальнейшая работа нефтяников.

Безымянный автор на нескольких страничках из общей тетради, исписанных крупным каллиграфически школьным почерком, изложил свое собственное видение этого направления. Еще не было цифровой записи, большинство операций делалось вручную... Из данного начала выросла сегодняшняя высота Константина Короткова и его людей, освоивших и применивших все мало-малъски полезное, добротное. Ничего не упустили.

В связи с потребностью в полезных ископаемых, являющихся основной валютной подоплекой, геофизика переживает новое рождение. Без ее разновидности — сейсмики не обходятся добычники и геологи-поисковики. Все нуждаются в их помощи, заново оценивая роль дозорных глубин. Еще до юбилея я опубликовал в газете «Местное время» краткую историю Нижневартовской геофизики под общей рубрикой «Штурманы нефтяных океанов», подытоживая все, что удалось узнать о прошлом и настоящем предприятия.

Первыми из геофизиков на Нижневартовскую, индустриально необжитую землю в начале октября 1964 года ступили директор промыслово-геофизической конторы, именуемой

тогда Мегионской, Виктор Нуреевич Латыпов и главный геолог Варис Султанович Акбашев. Вначале они появились всего на несколько дней — зарегистрировать предприятие, которое существовало пока на бумаге: приказ о создании МПГК подписали накануне. Оттуда последним речным трамвайчиком — в Сургут, из Сургута самолетом вернулись в областной центр. Уже ледяная шуга ползла по Оби, обещая раннюю зиму.

После Нового года рабочая группа из семи человек высадилась здесь, чтобы подготовить все необходимое для последующих десантов. В ее составе были супруги Латыповы Виктор и Лидия, главный инженер Ирик Габдуллович Нигматзянов, инженер В. Марченков, техник С. Гаврилов, несколько рабочих. Главный геолог Акбашев в это время грузил в Тюмени на баржи домостроительные конструкции, а Ирик Габдуллович готовился поехать в областной центр за спецтехникой, чтобы пригнать ее по зимнику.

Вскоре в Нижневартовске появились Камилла Фатхиевна Лутфуллина (впоследствии Лукьянова), Толгат Сибагатуллин, Валентина Лебедева, Зинаида Бормотова, супруги Зоя и Николай Мухины. Первый каротаж на скважине № 504 Мегионской площади, пробуренной мастером Нургали Исламгуловым, выполнила 21–22 апреля 1965 года партия Акзама Кашапова. В ее составе были В. Марченков, техник С. Гаврилов.

Партия Толгата Сибагатуллина провела газовый каротаж.

Неотлучно здесь находились директор конторы, главный инженер и главный геолог, который и поныне в Нижневартовскнефтегеофизике — ведущий геолог в службе интерпретации. Всего же ровесников здесь шестеро. Им особый почет.

Первый каротаж на Самотлоре в 1969 году на эксплуатационной скважине № 200 провела комплексная партия № 1 Николая Зудилина. Именно Самотлор по-настоящему пробудил дух энтузиазма, дух творчества. Рос, креп коллектив, мужали люди. Оглядываясь сквозь годы на то, чего достигли, что сделали, можно сказать: они совершили подвиг!

Творческий коллектив Э. Лукьянова, Л. Цыглеева создал автоматизированную станцию параметров бурения, оснастив ее системой датчиков. Станция сопровождала весь цикл проходки скважин, значительно облегчала труд буровиков, исключала аварийные ситуации.

Э. Лукьянов по этой теме защитил кандидатскую диссертацию, стал доктором технических наук. Его знали не только как человека увлеченного наукой, страстного пропагандиста новых идей, но и как счастливого семьянина, отца двоих де-

Интерпретаторы Н. Рыбина, В. Акбашев, В. Чальникова

тей. Женой Эдуарда Евгеньевича стала Камилла Фатхиевна Лутфуллина. Оба они активно занимались в художественной самодеятельности. Эдуард Евгеньевич после защиты кандидатской диссертации в Московском институте нефтехимии им. Губкина стал главным инженером управления «Запсибнефтегеофизика» в Тюмени. Теперь — в Твери, в научно-исследовательском институте. Недавно позвонил: «На юбилее буду обязательно». Тосковал по Северу, по друзьям. Готовился продекламировать новые стихи и спеть песни. Его же, лукьяновские. В Нижневартовске с нетерпением ждали Эдуарда Евгеньевича, предвкушали интересные встречи и, конечно, разговоры взахлеб о минувшем.

В свое время судьба свела меня со многими неординарными геофизиками, о каждом можно живописать долго и вдохновенно. Трудно отдать кому-либо предпочтение. А на работу в контору меня принимал директор В. Марков, только что с женой Маргаритой Николаевной и детьми переместившийся из Урая. Добрейший человек, он покорил именно этим, а еще огромной эрудицией. Окончили Марковы Свердловский горный институт, трудились на Шаимской группе месторождений. В Нижневартовске их встретил вузовский однокашник геофизик-самотлорец Николай Кириллович Зудилин, нашлись новые друзья.

Сошлись близко с В. Макеевым, А. Шубариным, Ю. Коноплевым, Л. Киреевым, В. Акбашевым. Партсекретарил тогда В. Каташов, начальником экспедиции был М. Свистунов, перфорацией занимался А. Андреев, ближайший друг Маркова.

Уважали в коллективе С. Ружкова, И. Маланина, Р. Шагиахметова, В. Андронову, В. Чальникову, Р. Насырова, В. Курганского, А. Плоткина, А. Нюняйкина. Уверенно чувствовал себя в начальственном кресле Стакельских, чутко вел производственный корабль. С ним считались в Тюмени и Москве, не заискивал Йонас Казио, крыл правду-матку, все, что требовалось, мог сказать любому заезжему чину. За то и невзлюбили сибиряка из деревни Барчий. После отъезда в Литву геофизика лишилась талантливого управленца. На смену пришла молодежь, которую изначала ценили в «пожарной команде». А в начинающих ходил тогда и нынешний генеральный директор В. Полыгалов.

В 1966-м обслужили шесть скважин, но уже с 1971-го по 1975-й число их достигло более тысячи. Усовершенствовалась структура. В 1976 году создали самостоятельную промыслово-геофизическую контору — единственную в стране специализированную по контролю за разработкой месторождений. Разрослась МПГК. На их основе образовалось два треста, обслуживающих бурение и эксплуатацию.

В период падения объемов пережили немало осложнений. Заказов стало много меньше, за работу не платили, начались неизбежные в таких случаях сокращения численности коллектива. Тресты объединили в одно предприятие. Базу по улице Ленина пришлось оставить.

Но все это много позднее, уже в девяностые годы, а до этого, особенно после запуска Самотлора, увеличение рабочих объемов способствовало поиску и новаторству. Большим достижением явилась цифровая запись замеров и обработка их на ЭВМ. Результаты исследований передают за тысячи километров по спутниковой связи — не только в Нижневартовск, но и в другие районы страны: быстро, удобно, экономно. Освоена и действует автоматизированная станция «Югра», соответствующая лучшим мировым образцам. Используют «Югру» на всех месторождениях страны, авторами ее называют В. Гарипова, С. Кусембаева и Н. Нечаева.

Благодаря полной диспетчеризации, специализации партий, экспедиций и вспомогательных служб на одном виде работ, благодаря системе записи кривизны в бурящихся скважинах, использованию комплексной аппаратуры значительно увеличилась производительность на скважинах, в несколько раз — выработка на одного человека. Основу составили

экспедиции — окончательного каротажа, радиоактивного, перфорации, Варьеганская и Покачевская комплексные. Экспедицию окончательного каротажа много лет возглавлял «Отличник нефтяной промышленности» М.П. Свистунов, прежде руководивший всей геофизикой в городе.

В экспедиции его трудилось 190 человек, она занимала ведущие места в соревновании. Лучшими в ней считались партии Л. Ковалева, В. Бездонова, Н. Федорова, А. Просекова, Б. Евдокимова, В. Дербенева, С. Федоренко, Р. Мухаметдинова, А. Колесникова.

Сам Михаил Павлович говорил в давнюю пору восьмидесятых:

— 23 марта 1971 года сделали первый каротаж — за тридцать часов. 21 декабря партия осилила скважину за десять часов вместо двадцати двух по норме. В то время это был рекорд. Участники памятных выездов — машинист А. Соболев, моторист В. Смолин, каротажник-перфораторщик В. Красавин. С центральной промыслово-геофизической успешно соревновалась экспедиция радиоактивного каротажа, ею руководил Леонид Киреев, ныне ведущий специалист.

Выезд на миллионную тонну самотлорской нефти. Партия № 25 Н. Каменского

Машинист подъемника В. Калинин

Двойной юбилей

Юбилей предприятия совпал с 55-летием Киреева. На удивление скромный этот человек все же не против был попасть на первую полосу «Местного времени», под рубрику «Родные лица земляков». Местечко престижное — сдева вверху. В. Саулею и фотокорреспонденту газеты В. Зотову удалось уговорить главного редактора, и фото Киреева во весь его могучий профиль поместили в один номер с вкладышем про штурманов нефтяных океанов от 7 октября 1999 года.

В тексте сообщалось, что личная судьба Леонида Георгиевича Киреева неразрывно увязана с Нижневартовскнефтегеофизикой. Выбор профессии на всю жизнь был определен встречей с буровиками в далеком детстве. Возле родной деревушки Сергеевки, что под Уфой, бурили скважину. Мальчишки бегали посмотреть, что это такое, глядели на людей в промасленных спецовках, и вот некоторые загорелись духом романтики.

Леонид Георгиевич в числе первых покорителей Самотлора приехал в Нижневартовск после нефтяного техникума и службы в армии. Через год остался за начальника партии. А в 1976 году возглавил одно из крупнейших подразделений — экспедицию радиоактивного каротажа. Заочно учился в Тюменском индустриальном институте. Все успевал.

Последние годы — он заместитель начальника производственно-технического отдела Нижневартовскнефтегеофизики. Праздник предприятия совпал с его личным событием, что еще

Начальник партии В. Чальников

больше подчеркивает общность пути. Мне удалось побеседовать с Георгиевичем, которого я имел основание именовать так — лишь по отечеству, потому что в свое время, поработав в перфорации у А. Андреева, трудился именно в киреевской экспедиции — радиоактивного каротажа. Леонид Георгиевич закрывал мои рабочие наряды, определяющие зарплату.

Однажды заметил начальнику экспедиции, что мало получаю. Он удивился: «А разве деньги тебя интересуют?» Я ответил, что немного интересуют, семья ведь.

Вот что рассказал взволнованный, счастливый юбиляр осенью юбилейного года, как раз накануне торжества в кинотеатре «Мир»:

— В Нижневартовске, после техникума и армии, начинал в 1972 году в партии Михаила Кузьминых. Заочно окончил институт. В 1983 году, в двадцатилетие «пожарной команды», экспедицией выполнили исследований на 2 700 тысяч рублей. На Большой земле — это объем целой конторы, вдвое большей, чем наша.

От переполнявших его чувств Леонид Георгиевич краснел, почти заикался, свои заслуги переадресовывал жене Алефтине, медсестре центральной городской поликлиники, бессменно выполнявшей свои медицинские обязанности и соучаствовавшей — сопереживанием во всех делах мужа. Типичная супружеская чета, каких много в геофизике. На снимках в газете все того же расторопного, гениального в этой расторопности Валентина Дмитриевича Зотова: В. Полыгалов, В. Каташов,

Н. Федоров, С. Кусембаев, А. Апанин, С. Пешков, С. Кинсфатер, В. Осадчий, В. Теленков, В. Перегинец — сродни каждый Леониду. А Саулея нет, он только в книге — совсем юный, в шапчонке-треухе, на санях зимой отправляется с командой Головкова на каротаж.

Улыбчивый такой парнишечка, простодушный. Может, тогда и сложилось у него вещее, про то, что месторождения будут открывать не покидая кресел кабинетов. Полулежа, запорошенный снегом наш юный инженер-геофизик запечатлен любительским объективом. Впрочем, было подобное и в биографии Л. Киреева, и в историях их сподвижников.

В восьмидесятые годы ярко проявились А. Варлаков, Б. Кочергинский, Н. Каменский, Р. Габитов, Р. Насыров, Н. Заикин, В. Петров, А. Нюняйкин, Н. Сабинин, Н. Мелешко. «Полевикам» крепко способствовали аппаратные цеха. Без них успех «полевиков» был невозможен.

Как-то к директору конторы Й. Стакельскису пришел невысокий, по-мальчишески щуплый молодой человек — Евгений Зайцев. Его направили в партию, хотя и с некоторым опасением: работа не из легких, силенок требует немалых. Не без оснований тревожились. Однажды на скважине лопнула оплетка брони кабеля и в сальнике образовался «фонарь». Давление в скважине под сто атмосфер. Колоссальное! Зак-

Знаменитый начальник партии Р. Насыров

Победитель многих профессиональных конкурсов, начальник партии Н. Каменский

рыть устье невозможно: задвижкой пересечешь кабель. И вот при сильном ветре, при 43 градусах мороза Зайцев с мотористом В. Калининым больше часа устраняли этот злополучный «фонарь». Ни в чем Евгений не уступил бывалому напарнику. Справились, выдержал экзамен, как говорится, на «отлично» новичок небогатырского сложения.

Весной, в паводок, скважины исследовали с баржи-апарелей. И здесь Евгений не плошал. Его вскоре пригласили в аппаратный цех, в котором тогда было всего два человека, да и те дилетанты. Зайцев повел дело по-новому. Подобрал стоящих специалистов, сам, в совершенстве зная приборы и аппаратуру, владея тонкостями ремонта, научил своих подопечных искусству возвращать жизнь износившемуся, непотребному. Сообща с участком внедрения новой техники доводили до кондиции преобразователи Ф-1, Ф-114, занимались прибором фиксации данных на перфокартах.

Отряд цифровой техники Н. Нечаева успешно занимался регистратором «Триас», методикой цифровой записи, подготовкой и оформлением материалов для обработки их на ЭВМ. В творческой группе В. Усцова, занятой программными разработками вывода кривых на графопостроитель, проявлялись В. Гриценко, Д. Штанов. Нередко ремонтники завоевывали призовые места на городском смотре-конкурсе.

Прославились рационализаторы и изобретатели всех направлений: автоэлектрик В. Шифельбайн, бригадир В. Ведяпин, аппаратчик Я. Черепанов. Отличались техническим поиском варьеганцы — начальник партии В. Лихов, машинист А. Баскаков, главный инженер В. Нургалеев, старший инженер Н. Буряк, инженер по технике безопасности Г. Осипенко.

Рядом с опытными специалистами — мастерами своего дела набиралась ума-разума молодежь. Многое полезное переняли у «стариков» Колесников, Бездонов, Кононенко,

Мурлин, Андреев, Исламгулов, Купцов, Меликов, Миргалимов, Первушин. Незаурядностью отличались Э. Лукьянов, В. Саулей, Л. Цыглеев, В. Теленков. Их связывала многолетняя дружба. Лидером среди них был, конечно, Эдуард Евгеньевич, обладавший неиссякаемой одержимостью, оптимизмом. С этими именами связана целая эпоха Нижневартовской промысловой геофизики.

Бессменному Акбашеву на момент создания конторы предлагали директорской пост, он предпочел геологию и сегодня привержен своей специализации, являет завидный образец постоянства.

Зрела, совершенствовалась интерпретация. Оценкой качества материалов, выдачей заключений занимались группы В. Чальникова и В. Мухаметзянова. Всей службой руководила В. Андронова.

В семидесятые годы появилась острая нужда в машинной обработке материалов, и, чтобы ускорить процесс, создали специализированную партию во главе с ныне покойным Н. Шепелевым. К обработке записи готовили техники-чертежники и оцифровщики В. Катунина, З. Бормотова, С. Мелешенко, Г. Исаева, вычислители Н. Уланова, Р. Габдрафикова. Тысячи ксерокопий размножили Р. Насырова, В. Теняева, Ф. Никитина.

Мир сегодня предстает иным, видоизмененным перестройкой. Прежде геофизиков справедливо считали кочевниками — с песней, гитарой, беседой у костра. В любое время су-

Ветераны Самотлора А. Пюняйкин и З. Заляев

Б. Кочергинский, Л. Киреев, Н. Каменский

ток, в любую погоду и сейчас мчатся, куда Макар телят не гонял, куда «только вертолетом можно долететь», добираются по земле, воде и воздуху, на всех видах транспорта — «за горизонт», но уже не ради романтики — ради бренного рубля. Поиссяк дух окрыленности. Терпимость к полевым неудобствам и одержимость остались. Денег не хватает на развитие производства, на просто нормальную личную жизнь. За все надо платить купюрами. Значит, надо больше зарабатывать. Вот и рвутся в бой.

Николай Мелешко тоже рвался.

Он приехал на Север с Кубани, считал, ненадолго, остался навсегда. Энергичный, хваткий, легкий на подъем, заслужил всеобщее уважение. Казалось, нет износу мотористу-южанину, не будет.

Минувшей зимой, уже испытывая недомогание, отправился в Иркутскую область на Ковыктинское газоконденсатное месторождение: пройдет! Но не прошло. Потребовалась операция. И здесь не стушевался Николай: надо так надо. Перед операцией столько добровольцев из экспедиции сдали для него кровь, что даже бывалые хирурги удивились.

Жизнь ему спасли, и он еще надеется выйти на работу, знает: его ждут, ценят. Задался целью вернуться в родной коллектив. Развивает мышцы, укрепляет волю. Большая мораль-

ная поддержка ему — дети. Старший сын трудится в партии Бориса Кочергинского, давнего приятеля Николая, а младший служит еще в армии, после демобилизации намереваясь вернуться в геофизику.

Непростой судьбы человек и его друг Иван Александрович Кочубей, экономист. Кочубей сам перенес сложнейшие операции, постельничать бы, а он в экономической службе предприятия день-деньской корпеет над бумагами. Нашел силы вернуться после длительных больничных манипуляций.

О каждом из таких можно писать книги, о мужестве и преданности настоящему делу. О мужестве в повседневной обыденности, о пунктуальности и безотказности. Все дозорные глубин с бажовской профессиональной «живинкой» в душе.

Первые руководители и главные специалисты

Время становления — сложное время. Директора в такую пору менялись часто, драматично, изломисто: В. Латыпов, М. Свистунов, А. Кузьмин, Й. Стакельскис, В. Гарипов, А. Копыльцов, В. Полыгалов... Личности все яркие, крупные, у каждого свой памятный след... Виктора Нуреевича сняли за то, что паводок залил технику на месторождениях. Не ведая еще особенностей северной весны, ее оставили там на период распутицы. Кое-какую аппаратуру, правда, вывезли на лодках, по большой воде, но многое погибло. Ущерб колоссальный. А крайним оказался Латыпов, его наказали. Приговор был неумолимый.

Виктор Нуреевич оскорбился, ни разу не приезжал на праздники, не приехал и на юбилей.

Так же круто сняли М. Свистунова и А. Кузьмина. У Михаила Павловича отразилось на сердце, переживал до конца дней и угас в одночасье с болью неутоленной.

Как говорят, по ряду обстоятельств, а не только по собственному желанию переместился в Литву Й. Стакельскис.

Валерий Зайнуллович Гарипов был пионером цифровой регистрации, занимался ею в тематической партии. После успешной защиты кандидатской диссертации назначили молодого, перспективного управляющим треста, выдернули в столицу. В роли заместителя министра он пережил многих своих шефов, до сих пор курирует Западную Сибирь. Часто бывает в Нижневартовске, вплотную занимался Соглашением о разделе продукции по Самотлору. На праздновании «Семи миллиардов тон Югорской нефти» в Ханты-Мансий-

ске исполнил со сцены песню времен его незабвенной молодости, авторства Лукьянова и Саулея. О романтике давней комсомольской поры песню пел про комсомол и палатку на рассвете у одинокой сосны, которую отмыл до блеска дождь. Помнил, видимо, как в волглой пелене задымленности капли на брезенте перезваниваются наперегонки, будто спорят.

В Москве бывший генеральный А. Копыльцов.

Владимир Федорович Полыгалов из среднего поколения дозорных глубин, приехал уже в сложившийся коллектив. В нем сразу отметили природную склонность к анализу и синтезу, а такому прямая дорога в организаторы производства. А. Копыльцов, уезжая в белокаменную, рекомендовал его и не ошибся. В пору всякого рода падений рабочих объемов Владимир Федорович проявил дальновидность, уберег коллектив от распада. Именно тогда ему пришла идея слияния двух трестов. Непростое это дело, но справился томич. Правда, пришлось пожертвовать людьми и производственной базой, прежде считавшейся основной. Но иначе было нельзя.

Готовя книгу, я провел два рабочих дня в кабинете генерального, точнее, выходных дня — субботу и воскресенье. Но, оказывается, «выходных», в общепринятом смысле слова, у «генерала» не бывает. Нет выходных и у помощников. Постоянно в кабинет заходили начальник планового отдела А. Курбатов, заместитель по производству Н. Федоров и заместитель по общим вопросам А. Черкасов. Вызывал к себе Полыгалов начальника отдела маркетинга и менеджмента А. Апанина, ныне исполнительного директора Нижневартовскнефтегеофизики.

Чего только не решали! Про отправку спецтехники в Иркутскую область на Ковыктинское месторождение, про оборудование в административном корпусе столовой, ремонт всего здания и производственных боксов. Отправлялись на место посмотреть, сориентироваться, уточнить. Лаконизм суждений генерального свидетельствовал о его знании обстановки, о том, что не упускает и мелочи. Ничего ему не чуждо в деле.

Восточное направление

Уже рассказывал, что в перестройку появились множественные попытки обживания других российских районов и зарубежья. Мне об этом часто говорили: отправляемся на тендер туда-то, договариваемся с теми-то. Когда же доходило до конкретики, оказывалось, что все это лишь прожекты, бла-

гие намерения, попытки. Да, миражи! Не одно, так другое мешало укрепиться в дальностях. Чаще всего — отсутствие опыта, привычка к оседлости (да-да — у скорых на подъем геофизиков!).

И вот летом 1999 года я узнал об еще одном таком намерении: средствами вертикального сейсмопрофилирования доразведать и сопутствовать разработке в Восточной Сибири Ковыктинского газоконденсатного месторождения. Направление это как раз и курировал начальник отдела маркетинга и менеджмента А. Апанин, в объятиях которого оказался по контракту на подготовку книги: он закрывал необходимые при начислении зарплаты табеля. Я с ним встречался часто, бывая у Саулея, — его стол и компьютер стояли в смежной комнате. Там же стол и компьютер по-немецки пунктуального Сергея Кинсфатера.

Заодно упомяну сурового до невозможности В. Осадчего, в прошлом главного инженера. Это проглядывалось в нем очевидно: уверенные суждения, былая властность. Для приветствия мог подать не всю ладонь, а два-три пальца. Вот этим небольшим анклавом и руководил Александр Яковлевич. Сам он обычно мягкий, чрезвычайно доброжелательный. Одно время был помощником у Подыгалова. А сейчас заключал договора, вел их, выбивал деньги у заказчиков за выполненные работы. Выбивали и Саулей с Кинсфатером, держали руку не только на компьютерных файлах. Они же готовили геологические задания полевикам, я их пересмотрел великое множество, и во всех краткость почти ударная, лаконизм терминов и цифр. Своя особая, до пунктика отшлифованная манера.

Об Апанине писал еще на заре местной геофизики в «Тюменской правде», о том, что лицезрел он Север, будучи студентом Тюменского индустриального. Понравились город, люди, работа. Начальник партии, однокурсник Саулея Юрий Митюшков, доходчиво, обстоятельно растолковал промысловые премудрости практиканту, которому пришелся по душе и боевой напористый темп Самотлора. Памятны были экстренные броски на скважины, напряженка исследовательская.

На следующий год снова — в «пожарную команду», к Юрию, заядлому рыбаку и охотнику, продолжил у него геофизические университеты. Редкие свободные часы проводили где-нибудь на Вахе или глухоманных озерах. Ловили плотву, внимали токующим глухарям в кедровниках и сосновых борах.

Путь определился... После защиты диплома — сюда же, в МПГК. Угодил вначале на Аганское месторождение, до самой распутицы оставался в «поле», лишь в последний момент,

когда рушились зимники, переместились на Тагринку. Партия комплексная. От замера кривизны ствола при проходке до перфорации-прострела колонн для вызова притока нефти — многое должны были знать и уметь. Забот, осложнений хватало. Пока бурили очередную скважину, он славал интерпретаторам материалы с предыдущей, оформлял акты-наряды.

По случаю и встретились, и я услышал впервые о перфораторщике-каротажнике Пронюшкине и машинисте Муравкине, об инженере-интерпретаторе Магерамове. Первые двое во всем спецы отменные, а вот Магерамов с промысловой аппаратурой не был на «ты».

— Осваивается, — говорил Апанин, — парень башковитый. У нас в партии быстро подтянется до уровня передовых. Базовый поселок километрах в трех от буровых, так что перед новым заданием отдыхаем в машинах, обмениваемся информацией по существу. Без отрыва от производства школа передового опыта.

Гордился своей профессией. От геофизиков, по мнению юного Александра, зависел пуск скважины и дальнейший ее бег во времени, до последнего вздоха качка. Определяют нефте- и газонасыщенность пластов, глубину их залегания, герметичность колонн, температуру, давление. Без участия дозорных скважины не запустишь и не поведешь в даль светлую.

Слушал я Александра в гомоне-шелесте интерпретаторском и думал: «Этот надолго», и еще думал, что надолго Митюшов, друг Саулея, и Попов, бравый и статный, усы полумесяцем, чапаевские. Попов исполнял обязанности начальника экспедиции. Он только что появился с тревожным известием: при проходке инклинометры показали разную кривизну ствола, необходимо срочно разобраться. Расправившись с актами-нарядами, Апанин, в приметном свитерке, в штормовке, поспешил на вертолетную площадку. Винты круто рванули воздух, птица унесла во чреве паренька с большим будущим. Я ему высот не пророчил, слишком обычный, ровный.

Дома у Апаниных знакомился с женой, пил чай. Оба они на первый взгляд производят впечатление людей, впереди паровоза не бегущих, в купе-класс не стремящихся. Но ведь успели, если сегодня, в разрастающейся вновь структуре, оказался Яковлевич вторым лицом — исполнительным директором. Значит, жизнь продиктовала. Попов затерялся где-то на перекрестьях, о нем упоминают вскользь, уклончиво. Не состоялся, видимо, в этом. Евгений Петров тоже эффектный, а оставил после себя лишь марки и словарики китайские.

Александр усов не носил и коллекциями не баловался. Остался к лету 1999-го, когда я оказался «контрактником» по

необходимости, все тем же ровным, спокойным, словно благостный день у околицы. Случалось, бывал суров, замкнут, менялся в зависимости от напряженки-распорядительницы. У Полыгалова на его счет свое, видимо, не худшее мнение. И не худшее мнение среди коллег.

В книге он молодой, времен Митюшова и Саулея в ушанке, сфотографирован в станции, возле панели приборов. В том же памятном свитерке под зюйдвесткой. Это давние годы. Он был начальником партии, побывал позже начальником экспедиции. Летом 1999-го с Полыгаловым и его заместителем Н. Федоровым летал в Иркутск узаконить свое геофизическое предприятие. Вахтовый метод накладен, чреват неудобствами. Они и отправились согласовать свое с властями и заказчиком — компанией «Русиа Петролеум», успевшие показать себя с лучшей стороны. У нижневартовцев слово и дело всегда в согласии.

И Апанин обычный, но вот обычные, видно, и есть долгопрочные, восходящие.

В свое время узнав о конкурсном тендере в Восточной Сибири, нижневартовцы легко переиграли «дозорных» из Иркутска. Те лет десять уже не обновляли оснастку. А здесь сборы великие по маршруту Западная Сибирь — Сибирь Восточная начались. Экипировали первопосыльную партию, будто челюскинцев на льдину. Предусмотрели автономную электростанцию, холодильник, телевизор, радио, полевую кухню, постели, палатку, запчасти к станции и подъемнику.

И вот «отплыли» на великую магистраль. «Доплыли» до станции Киренга, мысленно пообщались с десантом бамовцев, в честь которого здесь памятная доска, возле нее сфотографировались, навели в поселке справки о пути-дороге — и айда через леса и увалы месить грязь автомобильными скатами. Месяц робинзонствовали в командировочном статусе. Работали, отдыхали, пейзажи созерцали... Цифровые записи отправляли адресатам, тосковали по дому обетованному. В общем, все как полагается в «поле». Мечтали, может, чтоб не послали снова.

Но посылают, едят: куда денешься. Пока не создали на месте опорное форпостное.

Из крупных акционеров компании еще англо-американская «Бритиш Петролеум», не очень «раскручиваются» и крупные. Шатко-валко. Все прицениваются. Пока «дозорные» завершали работу в одной разведочной скважине, другая готовилась к проходке. Летние веселые дожди и осенние занудливые расхлябили дороги, проездов почти не было, и это за-

трудняло передвижения, усложняло запуски и окончания, приходилось прерываться. Ждать.

В четырехстах пятидесяти километрах от областного центра бдила сменная партия Рима Калимуллина.

В планы визитеров она не входила. Представительство из трех человек встречалось с руководителями города и главными специалистами Иркутскнефтегеофизики, с которой дружески пообщались. С помощью иркутян, при их участии намеревались создать под своей эгидой предприятие, перспектива оговорена, подготовлен протокол намерений. Все нюансы учтены. Севернее Ковыктинского есть еще Верхне-Чонское месторождение, где двести миллионов тонн сырья. Уже по первым, состоявшимся, заеэдам аттестация нижневартовцев вполне положительная, и это не менее важно, чем финансовые выгоды. Прибылей пока не имеется. Сейчас главное утвердиться, соблюсти имидж достойных. А затраты вернут сторицей в будущем.

Такова концепция.

Вернулись они скоро к совещаниям, побегушкам, кураторствам, протоколам, всякого рода заданиям, переговорам, проектам. Хлопот и кроме Восточного направления хватало. И все это время главный акционер, бывший варьетанец А. Сокол, являлся. Я еще не ведал, что заваривается некая Всероссийская геофизическая компания, вероятно, с включением московского геофизического филиала, про который шепотком обмолвился Саулей.

В. Леонтьев — один из первых начальников партии в Восточной Сибири

Леонтьева с фотографиями для «Штурманов» дождались. А встретился с Василием в экспедиции у Первушина, когда он без паузы рвался после Иркутска на Мыхлор в желании заработать побольше на семью. Посылали в Восточную Сибирь лучших, самых стойких, но и самые-самые... упористые предпочитали Ковыктинскому Мыхлор. В Иркутской области по деньгам оставались в проигрыше. Тариф — и не более того.

Фотографии Леонтьева в книге подкрепили статьей в несколько страниц убористого текста. Ею подчеркивали важность обживания новых пространных территорий. «Русиа Петролеум» с напарницей «Бритиш Петролеум», пока выстраивали экономическую перспективу, еще только разворачивались, и наши дозорные томились ожиданиями. Вся страна надеялась на финансовые подвижки и благоразумие власть имущих. Надеялись на лучшее кураторы Восточного направления в Нижневартовске. Забросили на Ковыктинское жилой вагончик.

«Так далеко мне никогда и никого из своих отправлять не приходилось, — признавался в те дни Александр Яковлевич, — поэтому отнесся особенно серьезно. Партии работают быстро, качественно, справляются отлично. Их периодически меняем. Обживаемся надолго. Запасы нефти и газа там внушительные. Намереваются за счет разведки полезных ископаемых прирастить их запасы вдвое, и мы в разведке поучаствуем, пошлем партию вертикального сейсмопрофилирования Анатолия Краснова. Об этом просят иркутяне, с ними во всем найден общий язык. Не раскаиваемся, что взялись за это дело».

«Русиа Петролеум» готовилась избрать новый совет директоров, обсчитывала будущие рабочие затраты, чтобы реализовать свои возможности, соотнести вложения с прибылями. В том числе возможности по сейсморазведке, которой столь же уверенно владеют нижневартовцы. Появится финансирование — будет вертикальное сейсмопрофилирование. Дома, в Нижневартовске, давно делают «наружное проглядывание» пластов и скважин. Включение ВСП в комплекс исследований весомо увеличит объемы геологической информации, позволит проектировать разведочное бурение, приращивать запасы, избегать ошибок.

– Нефте- и газодобыча в Иркутской области явление не новое, — сообщил Александр Яковлевич. — Полвека практикуют. Сейчас объемы несколько упали. Сократились они и у геофизиков. Но все же «Русиа Петролеум» на тендере отдала их нам, что свидетельствует о высоком престиже сибиряков-северян. Есть прогнозы на увеличение объемов добычи, и нижневартовцы готовятся загодя, чтобы не наверстывать упу-

щенное впопыхах. Потом можно и опоздать, время летит быстро. В конечном счете сегодняшние убытки, — выразил мнение главный куратор Восточного направления, — окупятся сторицей. Все просчитали, взвесили, ошибки исключены. Решились на Иркутск без колебаний, но непривычными вначале казались дальность расстояний, баз, вспомогательных служб и средств, невозможность прямого общения. Скоро освоились и с этим, продолжаем осваиваться.

Апанин, еще не исполнительный директор, только призванный им стать, первое время в Иркутске и на Ковыктинском бывал каждый месяц. Узнал все особенности недр. Скважины там глубокие — более трех тысяч метров, вертикальные. В отличие от среднеобских в соленосных пластах частые каверны, каких в приобских толщах не бывает, что добавляет свои сложности при проходке и добыче.

Проект в Восточной Сибири лишь начинается, вероятно, принесет немало еще вестей из дальних далей, кои впишутся в трудовую летопись будущих юбилеев.

В книге на фотографиях люди Леонтьева и Калимуллина, герои наших дней, возле памятной доски на станции Киренга, где высадились первые бамовцы, они на буровой, за работой, в пути, они же готовят на досуге уху из окуней. Пейзажный фон усредненный, обыденный... Героика повседневная... Динамики больше при отправках... Наблюдал такую отправку — партии ВСП А. Краснова.

«Русиа Петролеум» — заказчику неотложно потребовалось «наружно проглядеть» пласты и скважины на Ковыктинском и сообразоваться, как удобнее извлечь сырье, если оно есть, сколько извлечь, когда, какими средствами. Сейсмика А. Краснова проста, оперативна, точна. Являет разрезы залеганий, для чего бурят один-два неглубоких ствола, закладывают заряды и взрывают. Приборы фиксируют отраженные с различной скоростью от пород и жидкостей волны, по ним определяют, где она черноокая есть, где отсутствует, в каком количестве есть и с каким наличием газа. Полный срез, все наглядно и очевидно. Вот оно что такое — ВСП!

Отдельной главы о ВСП в «Штурманах» не оказалось: весной и первую половину лета Анатолий Александрович — начальник и весь его коллектив из-за распутицы пребывал в вынужденном отпуске. После отпуска круто взялись за Ваньеганское месторождение. Я попытался съездить на место событий, но без пропуска меня отфильтровали охранники на заставе. Краснов уехал один в «газике». Мне осталось пожинать огорчения из-за потерянного времени и несладившего-

ся рандеву и проводить воскресный день в семидесяти верстах от города на Оби.

Анатолий Александрович Краснов небольшого роста, мужиковатый, плотный, хлопотливый. Порой бывает он взволнованный, но все равно малословный, при высоком начальстве теряющийся, как толстовский капитан Тушин. В общем, труженик, каких много, и какие на первый взгляд похожи, как близнецы-братья. С ними надо пообщаться, съесть пуд соли, чтобы заслужить доверие.

«Отплывал» Анатолий Александрович, погрузив на баржу технику, в Новосибирске ему предстояла перевалка с воды на рельсы. Неоднократно видел Краснова перед этой «одиссеей». А совсем недавно снова встретил Анатолия Александровича у Саулея, в обычной он форме красновской, деловитый, собранный, напористый — командарм из ВСП, причастны отныне к Восточному направлению.

Горизонты геофизики

Приметливый Саулей зачитал мне обобщенную с философским подтекстом формулировку о дозорных некоего Вернера Дж. М. Венцеля: «Геофизики играют важную роль в улучшении поддержании жизненного пространства населения мира, которое во многом зависит от наличия ископаемого топлива и минеральных ресурсов. Правительства должны играть роль жизненно необходимую в создании таких условий, при которых геофизика сможет применяться с наибольшей пользой дл экономики, без нарушений гармонии с окружающей средой».

В поселке два основания-базиса: геофизика ищет минеральные ресурсы — правительства обязаны способствовать ей. Правительства до осознания роли геофизики для населени планеты в пространстве и времени пока не дошли, хотя ископаемое топливо действительно решает все или почти все в бытии-экономике, как зеленый стебелек сохраняет посредством солнечного синтеза жизнь вообще. Геофизика для правительства нечто такое «гео» и «физика», что там, мол, геофизика, если на всех и все хватает бензина, газа, угля, алюминия, сланцев, асбеста, никеля, железной руды, бокситов, золота, алмазов. Необязательное, третьестепенное. Даже городке на Оби, в непосредственной близости от дозорных, озабочены больше ценами на «молочку» и малосольную тихоокеанскую сельдь по 45 рублей за килограмм, чем геофизикой. О геофизиках не знают почти ничего, больше слышат о нефтяниках и властях нижневартовских.

Вот и утверждаю «дозорных глубин». Заглядываю в их будущее, удивляясь в очередной раз тому, что не Саулей заключил книгу «Горизонтами геофизики». Он-то много обстоятельней меня на сей счет, да и сам в известной мере определял этот грядущий полет геофизиков по Вселенной, стремление к новым блистательным вершинам-восхождениям родного ОАО. Есть у него изобретения, по остаточной нефтенасыщенности, например. Оперативно он проявляется. Его знают в дальних поселках и близких служебных кабинетах.

Борется нижнетавдинец за выживаемость и конкурентоспособность предприятия в сегодняшней корявой повседневке. Шлифует с коллегами стратегию и насущную неотложку в условиях рынка геофизических услуг, совершенствует отрасль.

Мобильность «дозорных» Полыгалова и в способности укрупненной партии А. Краснова при необходимости мгновенно разделиться на две-три, по первому скоростному зову отправиться без учета расстояний к адресатам. Хоть в Соединенные Штаты Америки, хоть в Аргентину. Зачастую после уточнения диагноза недр «мертвые» скважины оживают, с ними знают, как поступить, куда их вести. Преподанный Саулеем ликбез для непосвященных:

«Разведочные скважины это те, с помощью которых на обнаруженной уже сейсмиками площади уясняют специфические тонкости залегания, выявляют пропущенные в процессе бурения продуктивные пласты и пропластки, линзы, оконтуривают их, определяют фильтрационно-емкостные свойства пород».

Все это база данных для подсчета запасов и определения параметров разработки. В этом суть разведки, но и разведку детализирует, уточняет ВСП, идет дальше, уже когда полевая сейсмика и разведчики-геологи где-то в истях. Между сейсмикой и промысловой геофизикой ВСП занимает межевое место. Саулей именует его границей.

По существу это та же сейсморазведка во внутренних точках среды — по разрезу разведочной скважины. Если наземная сейсмика дает площадное представление о структуре с вертикальным разрежением в двадцать — тридцать метров, а геофизические дознания структуру разреза в прискважинной части, выделяют пласты в пределах метровой толщины, то ВСП, эхолотируя пространство до пятисот — девятисот метров от скважины, определяет трансформацию их емкостно-фильтрационных свойств по простиранию.

Установленные геофизикой параметры в комплексе с данными керна и результатами испытаний скважин ложатся в основу модели разработки.

В свое время из-за спешки центральная часть Самотлора обошлась без детальной наземной сейсмики и потому сейчас нуждается в уточнении геологии «нефтяной жемчужины». Надеются и верят «дозорные» в ее вторую молодость, невостребованные возможности. В реконструкции месторождения у геофизиков своя стратегическая роль — от доразведки до освоения самых современных технологий добычи нефти. Что-то на уровне вживления, что-то в действии.

Замечу, что полевой сейсмикой Нижневартовскгеофизика занялась всерьез, даже присовокупила чьи-то специализированные партии, взяла под свое крыло.

Курирует новые азимуты геофизики Владимир Алексеевич Перегинец, заместитель генерального директора, кстати с отличием окончивший Ивано-Франковский институт нефти и газа. Он был первым в МПГК молодым специалистом с Западной Украины. Работал инженером, главным геофизиком и начальником опытно-методической партии, пять лет трудился во Вьетнаме. Сейчас Владимир Алексеевич — член совета директоров акционерного общества, вплотную занимается инвестициями и перспективой развития.

Порасспрашивал я Саулея про геолого-технологическую модель разработки Самотлора, которую задействовал тюменский СибНИИНП, а в институте крупно приложили руку известные Л. Бриллиант и И. Шпуров. Их модель призвана стать базисной в возрождении уставшего месторождения.

Геофизики еще с 1984 года аккумулируют цифровую базу геофизических исследований. База эта — основа геолого-технологической модели возрождения бывшего гиганта, удивлявшего весь мир, и она содержит сведения не только по Самотлору (пятнадцать тысяч задокументированных скважин!), но и по многим другим залежам. Говоря о геолого-технологической модели месторождения, надо понимать при этом такую информационную систему, которая позволяет вести оптимальное проектирование проходки скважин, их эффективную разработку.

Саулей видит здесь радужные перспективы, уверен в том, что скоро востребуются горизонтальные стволы, возобновится проходка новых стволов из старого фонда скважин, осуществится перевод скважин на другие объекты добычи. Необходимо освоить недоиспользованные зоны пластов, определить перспективные точки бурения на низкопродуктивных залежах.

Совершенно очевидно, что имея полный спектр геофизических услуг и методов, цифровую базу данных, современные программно-аппаратные интерпретационные комплексы, геофизике необходимо углубить и расширить свою ана-

питическую составляющую. От отдельных скважин — к обработке информации по площади. У «штурманов» хватит сил и знаний разобраться в любой ситуации и обрести свое достойное место при освоении месторождений.

Славный путь прошла Нижневартовская промысловая. Уже не та, что прежде, потрепали ее ветры перемен, но уже сейчас выходит из штормов окрепшей, взрослой, не нуждающейся в штилях: по любым волнам достигнет желанной цели. Уже достигает.

Так завершаю главу о горизонтах геофизиков, в одной связке с нефтяниками и правительствами (по Вернеру Дж.М. Венделю) живут, действуют, старятся, взращивают потомство, потомство обретает себя в той же геофизике. Она то расширяется, делится, то снова уплотняется. Недавно ЗАО, создали Российскую геофизическую компанию — слух прошел. Пешков стал директором закрытого акционерного общества, его правой рукой — симпатичный, улыбчивый добродушный А. Скобелев. Экспедиция Сергея Владимировича обрела самостоятельность.

Первушин из начальников своей промысловой круто угодил в главные инженеры акционерного общества, Апанин — в исполнительные директоры.

Добавили самостоятельности-автономии Варьегану, где отныне проявляется в роли главного технического руководителя Зайтун Заляев, вернувшийся из Башкирии.

В отремонтированном здании поставили охрану. В. Саулей пишет книгу о пройденном пути. Дважды был на презентациях «Штурманов» и второго тома моих историй. Выступал, декламировал стихи. Атмосфера местная ему нравится.

В. Каташов в Башкирии, начинает жить заново.

Не встретил пока главного владельца акций А. Сокола, надеюсь на встречу с ним, на встречи со многим и многими из дозорных. Прослушав о кадровых перестановках и структурных мерах, отправился в знакомый дом и двор, где недавние юбиляры правили свое правое дело, твердя почему-то про себя саулеевское стихотворение о дороге на каротаж.

На новом витке

Итак, я шел и твердил про себя саулеевское стихотворное:

Мы ехали в рычащем ГТТ,
До буровой не так уж было много.
Тягач наш не тащился, а летел,
Колдобона в лесу звалась дорогой.

Стонал внизу наш тонкий инструмент,
Искала голова стекол оконных ..
Не человек я, только лишь предмет
В слепых руках ньютоновских законов.
«Ребята, не успеем мы к обеду, — кричал водитель, —
Будем где-то в шесть. И если я на этот раз доеду,
То там, на небе, все же кто-то есть».
А мне уже плевать на это небо,
Зубами в такт мотору грохочу,
Хочу я тишину, хочу я хлеба
И в первый раз движенья не хочу.
И это лишь деталь обычных буден...
Заглох мотор. Молчат буровики.
«Эй, мужики, на месте скоро будем?» —
«Приехали...» — сказали мужики.

Еще твердил про строний-90, который витает в воздухе, общем техногенное нечто, а навстречу мне, по лестнице, спус кался Алексей Ошев, которого не видел много лет, но узна сразу. Именно он, главный инженер ЗАО «Нефтегеотехноло гия», исполняющий обязанности директора, расскажет о но вой структуре. Сам Пешков в отпуске.

Вообще-то Алании накануне по телефону переадресова к Полыгалову, самому-самому генеральному президенту но вообразованной геофизической компании. Прорываться суровому Владимиру Федоровичу не рискнул, да и Ошев н меньше осведомлен. Алексей Петрович в 74-м переместилс из Горноправлинска, на старой базе по улице Ленина в долж ности инженера-геофизика объявился. Ростом тогда вып был, а по должности наоборот. Не в пример Александру Яков левичу — открытей он, вернулся к себе в кабинет.

Перестройка, да, в связи с геофизической компанией. Ком пания уже создана. Полыгалов жаждет собрать разрозненны предприятия воедино, вернуть утраченные частично терри тории и освоить новые. Рынок геофизических услуг требуе жесткой централизации. Меня интересующий главный акци онер А. Сокол у него заместителем — в московском предста вительстве. И здешние заместители генерального, бухгалте ры, экономисты упли в РГК (Р — Российская). Александ Александрович Курбатов, еще недавно правая рука уехавше го Каташова, именуется начальником регионального бюро Потупясь смущенно, сам сказал.

Ошев еще с Владимиром Перегинцев осваивал скважин струйными насосами и занимался интенсификацией прито ка пластовой жидкости. С переводом пешковской экспеди

ции в ЗАО взяли весь контроль за разработкой месторождений — продолжили дело Стакельскиса. До этого в ЗАО было семь производственных партий, добавились новые.

Свабирование передали в ПГЭ-2, бывшую первушинскую, а Назарова-командира оставили заместителем начальника экспедиции Александра Викторовича Скобелева, они вместе и вошли в кабинет к Ошеву. Крепко поручкались. Деловитые, вперед устремленные.

Во всем рост, подъем... Люди идут на повышение, объемов много, приборы и технику приобретают. Обслуживают даже Уват возле Тобольска, Нягань, Иркутск. Им Эдуард Евгеньевич шлет приветы из Твери — закупили аппаратуру и несколько станций геологических исследований, тех самых усовершенствованных, что в свое время Лукьянов с Леонидом Цигдеевым приспособили для буровиков параметры проходки снимать. Возглавил участок «параметров» Сергей Попов, бывший генеральный, след которого терялся однажды. Он вернулся из частной фирмы в РГК, и мы обнялись с ним по случаю.

Оживление нефтяников всколыхнуло многих. Шановский из Ивано-Франковска усовершенствует насос, ориентируя струйный на геофизику, одним нефтяникам полный результат неподвластен. К гидроструйности-динамике добавляют ультразвук, перфорацию, химреагенты, кислоты. Сами «ТНСТ-1» в штучном варианте готовят в мастерских. По струйным самостоятельная партия. Работает на скважинах, и нефтяники ею довольны.

Налаживается дело с повышением нефтеотдачи пластов, которая все еще непозволительно мала.

В соседнем здании, под августовским остывающим небом, разговорил другого главного инженера — Первушина, начав с бумажек на столе его шефа Апанина: ТНК, Славнефть, Аганнефтегазгеология... Передислоцированную в Нижневартовск аганскую структуру закрывают на семнадцати площадях, недовольны медленными расчетами за услуги и опаздывающей переброской с труднодоступных скважин. Вместо Первушина, в должности начальника ПГЭ-2, Думицкий Петр Павлович действует соответственно — стремительно, с полной отдачей.

Объемы за год увеличились в два с половиной раза. В Иркутске создано-таки стационарное предприятие для Ковыктинского, наметки его велись еще в пору минувшего юбилея. Туда перегнали технику, готовят молодых специалистов в Иркутск. «Схвачена», как выразился Владимир Васильевич, Нягань, недавно по воде ушла на полигон партия Сергея

А. Первушин — главный инженер ОАО ННГФ

Мурлина... Мегионские буровые управления и капитальный ремонт давно «схвачены». На глазах мужает экспедиция дальних месторождений, которую возглавил Анатолий Александрович Краснов, присовокупивший ВСП и теперь решающий весь геофизический комплекс — не одно только вертикальное сейсмопрофилирование, — сдает скважины заказчику «под ключ».

На Варьегане Зайтун Заляев... Там тоже шик и блеск энтузиазма: девять буровых вместо одной прошлогодней... Под бизнес-план у Зайтуна девять инклинометрических отрядов, перфорация, контроль за разработкой у него, у Загимуловича. Оперативную часть он решает с главным инженером Шарафеевым в местной диспетчерской, докуки крупнее, масштабней доводит в «штаб» — Первушину и Апанину. Отказа ни в чем нет. Но испытывают острый кадровый дефицит. Последние годы не нужны были геофизики, их выпуски обрезали высшие учебные заведения, и это сказалось. Средний возраст начальника партии — сорок лет. Постарело среднее звено.

В этом году должны появиться выпускники Уральской горной академии, уже подъезжают. Им сразу гарантируют жилье, высокую зарплату... Все горошки на ложку.

В Радужном Зайтун решил осесть основательно. Просит у Полыгалова ссуду на квартиру, надеется, что получит. Всего в Радужном планируют двенадцать партий, девять уже есть, реальность. И есть экспедиция, ведомая Заляевым.

Молодые горноуральцы, предназначенные для Восточного направления, в Иркутск, стажируются именно у Зайтуна Загимуловича, личности крупной, деятельной.

«Все своим чередом, — заключил Первушин. — Главное, не вешать носа и при любых обстоятельствах «крепить полет наших крыл».

Августовское остывающее солнце через окно согласно окатило Владимира Васильевича оранжевым светом, сделав шевелюру и ресницы рыжеватыми, украсив старшого.

«Приехали!» — сказали мужики в стихотворении, в жизни иначе, все время они едут, и не видно конца и края пути.

СПЕЦРЕЙС ГОРОДСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

О, счастливчик!

В январе позвонил из Ханты-Мансийска ответственный секретарь окружной писательской организации Коняев. Николай Иванович известил о предстоящем празднике, сборе ударников по случаю победных «Семи миллиардов тонн югорской нефти». На февраль определили. Будь готов, счастливчик!

Формировал команду Ханты-Мансийск, город наш лишь обеспечивал доставку, но гостиницу не предусматривал. Ее никто и не заказывал. После долгих согласований и утрясок, перемещений на 19 февраля, отважились нижневартовцы на спецрейс в один день. Утром рано вылетим, поздно вечером вернемся на «ЯК-40». Но я хотел бы задержаться. Ничего, в Доме писателей, что у подножия гористых холмов, есть заезжая гостевая комната, в ней переночую. Дорогу в обратный конец, если что, оплачу сам, цены вполне подъемные.

Попросил Надежду Викторовну Соловьеву, ответственную за отправку, разбудить телефоном на заре, и она пообещала, но я сам проснулся до третьих петухов. Возле дома на улице Мира меня подобрал микроавтобус, доставил в аэропортовскую депутатскую, где и собралась команда: президент нефтяной компании «Магма» С. Ракул и его заместитель по геологии В. Кушников, писательница М. Анисимкова. Чуть спустя дверь пропустила В. Палия — в легком модном пальто, отглаженных светлых брюках, лакированных туфлях-лодочках. Некоторым пожал руку, другим просто кивнул. Я обрадовался, что встретил здесь бывшего бурового мастера Владимира Викторовича Ляпина, некогда гремевшего на Самотлоре, а ныне тихо, незаметно возглавлявшего ЗАО в славном горизонтальными проходками УБР Юрия Камнева. Обещал о нем написать, но из-за болезни не повстречал, и в аэропорту смущенно объяснял неувязку.

Владимир Викторович не придал особого значения задержке. А зацепился я за лидера земных проходок в пору «Стремнины жизни»: просматривая в книге летопись свершений первого громко звучащего УБР, нашел, что в 1983 году его бригада достигла общей проходки в один миллион метров. Даже по тем скорострельным временам результат гулливеровский. Где теперь Ляпин? Что с ним? Дозвонился на квартиру, тогда и условились встретиться. Но надолго пришлось отложить условленное...

В Ханты-Мансийске нас встретил представитель администрации, домчал на микробегунке до вестибюля властного

учреждения, откуда мою сумку с книгами увезли в трест сейсмикам те же встречающие, и я всецело предался экскурсии по городу. После завтрака – экскурсия с гидом в музей под открытым небом на диковинных возвышенностях, усаженных хвойным лесом, куда свезены хантыйские и мансийские избы, лабазы, деревянные идолы, предметы быта и где нас насыщали стерляжьей ухой, поили водкой.

А мороз каменел за сорок. Я с тоской думал про теплые рыжие унты, которые для форсу заменил на легкие сапожки. Мерз ужасно, зуб на зуб не попадал, но до конца стойко выдержал ознакомительный маршрут. Съездили в центр биатлона, где спортсмены готовились к международным покатушкам и стрельбам из всяких положений: лежа, стоя, на бегу. Еще больше окоченел. Но радовался чрезвычайно тому, что повидал улицу ссыльных крестьян – Перековку, описанную в книге Николая Коняева, которая так и называлась: «Околоток Перековка».

Снова накормили в столовой окружной администрации, по талонам. Я бросился на закладку первого камня в основание будущего музея геологии, нефти и газа и капсул с письменным посланием к потомкам. На небольшом пятачке ватага корреспондентов создавала невообразимую толчею, можно подумать, предстоял запуск космического корабля.

Отправился в краеведческий музей, где приютилась небольшая минерало-геологическая экспозиция, призванная стать основой будущего музея. К «Семи миллиардам» существующий этнографический комплекс развернул обширную панораму нефтяных свершений в округе – с момента новых давних разведок и прогнозных заявлений. Но об этом – о предыстории отдельная глава.

Пора было спешить в Центр для одаренных детей Севера, где предстояло основное торжество. Назавтра, поутру, съездил еще к сейсмикам, с которыми познакомился раньше, в один из писательских заездов, пообщался с главным инженером Борисом Кузьмичем Зоммером, он для более подробной информации переадресовал меня к начальнику геологического отдела Владимиру Григорьевичу Глуху, и тот, вдохновляясь, приоткрыл мне тревожный и весьма своеобразный мир странствий, балков и палаток, вьюг и сейсмостанций, профилей и камералок, отчетов, защит, новых кладовых, имен открывателей-сейсмиков. В этом мире все необычно, но и очень буднично... А здание ОАО «Хантымансийскгеофизика» само по себе невзрачное, заурядное, стоит в пойме реки, на обрывающемся к низине одиноком береговом мыске. Вроде форпоста, крепости.

Я когда первый раз увидел это здание на просторе, остановился как вкопанный, задохнувшись от восторга: сбылась давняя мечта! Виват, сейсмики! На третьем этаже по тесному коридорчику кабинет Зоммера, тобольчанина, главного инженера, из числа легендарной когорты тружеников северных просторов. Свободного времени у Бориса Кузьмича не бывает, это видишь, понимаешь. Но решения принимает сразу отчетливые, как гвозди вгоняет. Меня сразу передал Глуху.

Генерального директора Ису Султановича Муртаева не видел, миновал осеверившегося чеченца. Зато тобольчанина Зоммера постиг вполне, зауважал. Через Бориса Кузьмича приоткрыл дверцу в доселе неведомый мне мир. Мир этот расширил и уплотнил Владимир Григорьевич – с подачи главного инженера. Кабинет Глуха, на мое восприятие, под стать коридорам, – тесный, барачного типа. Но атмосфера в кабинете добрая, дух товарищества, обители домашней веет.

Сам Глух и юные специалистки за компьютерами дружно вахтуют. При первом же намеке подали мне самотлорский отчет 1962 года, по которому установили залежь. Я коснулся ладонью реликвии: вот ведь чудо явленное! Оказалось, что уникальное историческое рядом, на стеллажах, в серых незаметных папках. Взволнованный, переспрашивал Глуха: так ли на самом деле, не ослышался ли? А у Глуха в архиве за все годы скопилось огромное множество подобных ценных материалов прошлых боевых походов, в образцовом порядке архив. И для него это обычное, необходимое явление. Так должно быть и так есть.

Ханты-мансийские сейсмики именуют себя «собирателями земель». После акционирований самая западная точка охвата – Тверь. Там крупный филиал – обрабатывающий центр; на юге Оренбургская экспедиция – дочерние предприятия (кстати, Борис Кузьмич вскоре станет заместителем генерального директора по дочерним предприятиям и производству); две экспедиции в Тюмени; в Ханты-Мансийске годовой штаб и три экспедиции; одна в Сургуте; филиалы в Ноябрьске, Енисейске.

Зоммер, столь полюбившийся мне, окончил Тюменский индустриальный институт, угодил вначале на Сахалин, через год этапы большого пути привели в Тюменскую область. От областного центра до Заполярья и Ханты-Мансийска протянулись его подвижнические маршруты.

– И это не ветровая героика, – прокомментировал Владимир Григорьевич, – не пафос победный, рутинная повседневка... Герои в таком понимании скорее – трактористы, водители тягачей, эти ладонями и позвоночником ведали без-

дорожье, рвали тросы, падали в выемки, тонули, горели, замерзали... У нас ошибки иного рода, кабинетные сидения. Но прежде всего мы прошли вместе с партиями, отрядами, экспедициями полевые неудобства, набрались опыта непосредственно в полевых условиях. Под открытым небом. И Зоммер один из таких «полевиков».

Сам Глух начинал вхождение в профессию начальником отряда, был старшим инженером, техруком сейсмозондирования. Прошел путь немалый, есть о чем поведать... Живая биография геофизики-сейсмики...

Открыли множество структур, рекомендовали проходки Самотлора, относящегося к антиклинальным структурам. Но не все структуры, конечно, оказывались нефтеносными. А сама сейсмика вначале не вполне была готова к решению задач. Рисовали разрезы вручную, по исходным полевым сейсмограммам. Это сейчас цифровые записи, а в те далекие шестидесятые годы о них и не мечтали. Ощутимо отставали от мировых возможностей по аналоговым магнитным записям. «Открытие века» обязало переосмыслить истинное положение вещей, критически оценить создавшуюся обстановку.

В целом курс обновления был выбран верный, вполне оправдал себя.

Глух рассказывает о себе: «Мой круг общения — умные симпатичные люди. Бывая наездами в Москве, спешу в театры, музеи, картинные галереи. Приобщаюсь к искусству».

Три года трудился на Кубе.

Продекламировал любимого им Василия Федорова:

Ах, как быстро время мчится
За плечами за моими!
Города сменяют лица
И становятся чужими.

В Москву манят культура и родственники – Глух по рождению москвич. Но Ханты-Мансийск не тяготит. В нем — с 65-го года, а не надоело. Скука, считает, внутри нас, при желании хоть где угнездится — в Москве или в малом лесном вигваме — одинаково. И все-таки общения не хватает. В свои 64 года кроме столицы бывает в подразделениях — на машинах, самолетах, катерами и лошадьми, случается, пешком добирается, в зависимости от целей и задач, от ситуации. Технически, говорит, мы переоснастились на сто процентов. Оборудование самое лучшее, какое существует у нас и за рубежом. Самые совершенные обрабатывающие комплексы.

Первооткрыватель Самотлора геофизик Л.Н. Кабаев, 70-е годы

Существенные обновления технического хозяйства провели в начале девяностых. Тогда они стали хозяевами нескольких геофизических предприятий Главтюменьгеологии. «Собирание земель» продолжается по сей день. И тому свидетельство – приобретение Астраханской экспедиции, ее вхождение в ОАО состоялось недавно.

Глух воодушевился, лицо его порозовело, голос обрел ораторскую певучесть: состояние, когда хочется выплеснуть самое заветное, освободиться – опрастаться от многолетнего багажа, преобразиться в самом себе. Я, уставший от вчерашних экскурсий, вечернего торжества, порывался уйти, но, к счастью, воздержался. Еще сейсмики нагрянули. Глух персонально аттестовал каждого: ого-го! Гыбы! Корифеи! Примутся листать память – не переслушаешь на береговом мысу, где пойма необъятна, как Ермаковы походы в Сибирь.

Открытие месторождений по Глуху – дело коллективное. И каждое звено в системе необходимо: от геодезистов на просеках-профилях до «полевиков»-геофизиков, геофизиков-обработчиков, интерпретаторов, буровиков, закладывающих скважины. Но известность нередко достается именно буровикам. О них наслышаны больше.

Одно время гулял анекдот, своего рода некая антикварная байка. Перед полотном Васнецова «Три богатыря» объясняют интересующимся: «Это – Цыбулин, это – Агафонов, это – Ягафаров». – «А геологи где?» – допытываются зеваки. «Они под богатырями. Лошадей видите?!» Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок. Безымянный автор байки хотел сказать, что геологи в приращивании запасов сырьевых – движущая сила. Главные они.

А случалось так в годы нефтяной и газовой эйфории, что высокие награды и титулы доставались тем, кто и не ведал, где «обнаруженные ими» залежи. Неоднократно слышал про это. Неоднократно и читал.

Доблестные хантымансийцы выявили более 250 месторождений.

ОАО в июне 2001 года исполнилось полвека. По случаю юбилея издали книгу увеличенного формата «Мы открыли нефть, нефть открыла нас». На торжество приезжал Ф.К. Салманов.

Сейсмик-полевик порой не ведает вполне, что открыл. Он сделал свое дело: «прострелял профили», написал отчеты, защитил их и ушел дальше. После обработки материалов, интерпретаций нефтеразведчики закладывают опорные скважины. В этом отношении повезло больше Норкину, прослыл первооткрывателем, автором семнадцати месторождений.

Был период, когда ежегодно вводили в действие пять-шесть залежей, увеличивали добычу на десятки миллионов тонн. Вот и сыпались поощрения, как из рога изобилия. Время было такое – горячее, расточительное. Строились судьбы, и ломались судьбы... Сломалась вся держава. По мнению некоторых аналитиков, рухнула под гнетом завышенных непомерно прогнозов. Нефти по договорам стало не хватать, и пенштрафы не опоздали. Танкеры в Новороссийске неделями томились в ожидании загрузки... И это ощутимо подорвало экономику, погубило Союз Советских республик... Не выдержало сердце главного нефтяника Западной Сибири Муравленко, он был оптимистом, но встретился с безмерным – соковыжималкой, когда брали наспех вершки, оставляя в глубинах много больше. По той же методе рвали Самотлор.

Верхогляды-шапкозакидатели есть и сегодня: «Даешь больше! Больше!»

В самотлорском отчете 1962 года «с целью выяснения перспектив нефтегазоносности структур, в пределах зоны поднятий» рекомендовано пробурить 24 разведочных скважины... На самотлорской структуре – пять, на малосамотлорской – три.. Вначале рисовали карту на это самое бурение, излагали свои обоснования... Если буровики следовали советам сейсмиков, они, как правило, открывали месторождения. Случались и неудачи. Норкин, видимо, очень следовал рекомендациям сейсмиков, ему везло на удачи.

Глух объяснил мне, что часто употребляемый термин «изотипса» термин сугубо специфический. И что означает «время пробега волн до отражающих горизонтов» и что такое «структурные карты, на основании которых и рекомендаций сейсмиков закладываются поисковые и разведочные скважины».

– Будь у нас глубокий крекинг углеводородов, – посетовал Владимир Григорьевич, – мы бы с лихвой закрыли потребность в нефтепродуктах Союза стран соцлагеря. Но гна-

ли безразмерно сырье (а разве сейчас не так?!). Тема осталась. И вот слышим повседневно: «Больше! Больше! Надо!»

Волнует все это Владимира Григорьевича, задевает за живое. Не может ветеран оставаться равнодушным ни к прошлому, ни к настоящему. Свое назначение выполняет образцово. Хорошо, что именно к нему направил Зоммер. И сам Борис Кузьмич симпатичен. Обязательно напишу о нем подробнее.

Я еще звонил Глуху из гостиницы, уточняя, дорасспрашивал, не полагаясь только на недавнюю встречу – впечатляющую, но краткую. Дверь, прикрытая вначале Зоммером, трансформировалась в яростный длящийся поток, в мир доотрытий, как недра. Его еще исследовать и и исследовать многим поколениям летописцев Севера.

Не случайно, что здание сейсмиков на берегу от прочих строений стоит особняком.

Сцена и банкет

В Центре искусства для одаренных детей корреспондентов, как в Государственной Думе перед пленарным залом, дозорят, цепляют. Меня не цепляли — ранг не тот. Собкор ОРТ Наталья Астафьева отмахнулась походя: некогда де, записываю... Я и не думал занимать ее высочество, в зал прошел, место занял свободное в третьем ряду, справа от сцены. Зал огромный, как в степи под Херсоном, мест что-то на пятьсот — шестьсот, и весь полный... Лауреаты, орденоносцы, дипломанты всякие, президенты... Постаревшие, трудно узнаваемые, и которые моложе...

Где-то в изобилии знаменитостей потерялись нижневартовцы, потерялся руководитель команды Андрей Дмитриевич Пясецкий — заместитель мэра Тимошкова по соцсфере, поборник здорового образа жизни, лидер движения «Единство». Молодой, улыбчивый, приятной наружности. Его даже прочили на замену Юрию Ивановичу. Но повел «Единство» иначе, чем хотелось. Сделал ставку на средний бизнес, и бизнесмены отчитывались добросовестно, как на селекторе. Пенсионеры все чего-то оспаривали, хотели побольше иметь. А партийность предполагает идеологию, массовку. Увы, или не хотели так или не умели.

Наверно, в его цветущие леты Андрей Дмитриевич расположен к вершинам. Но это пока так, к слову.

Вводка торжества была краткая, победная, с именами и цифрами, событийная. Приглашали одного-другого «именинника», цветы и сувениры вручали. Пригласили бывшего начальника бывшего Госплана Союза ССР Н. Байбакова —

бодрого старичка «при параде». Вышел наш геофизический Валерий Зайнуллович Гарипов, заместитель, тогда еще Калюжного, по Минтопэнерго, поздравил собравшихся и спел перед микрофоном про палатку свою комсомольскую, а Кобзон и Магомаев спели про разное. Михаил Ульянов произнес монолог о властителях.

Филипенко — губернатор, приняв бразды ведения торжества, парад знаменитостей развернул (вот гвоздевое-целевое!). Первыми неспроста выкликнул Палия, Кукеса, Маричева. Знал о разногласиях Виктора Остаповича с ними, желал примирить, наверное. Они у подиума на подъеме пожали друг другу руки и замерли недвижные. Им эмблемы — символы торжества девочки вручили, и остальным тоже вручили. Александр Васильевич по праву хозяина представил поименно каждого. Маричев еще оставался арбитражным управляющим Нижневартовскнефтегаза, а Кукес президентствовал в Тюменской нефтяной; Палий — лишь областной депутат, генеральным директором ННГ числился формально. Их дорожки тесно переплелись, никто не хотел уступать.

Везде, во всем крутились деньги. Большинство россиян имело их по-минимуму или вообще не имело. Процентов десять населения не знали цены рублям и долларам. Так в нашем городе, так и по всей стране. Криминальную перестройку под вывеской обновления и совершили ради этого, перекос очевиден. Олигархам за просто так манной небесной свалили природные ресурсы, технические, людские — все: владейте, жируйте!

Они и все маломальские, якобы «новые русские», паразитирующие на девяноста процентах остального населения страны, торопятся не только сладко есть и пить, впрок перегоняют «куски», равные госбюджетам, за бугор. Чего еще медлить! Крутись колесо, резвись белочка! Прочие малоимущие из числа тех девяноста процентов мытарьтесь за гроши. Вернулись, значит, к рабовладельческому изначалу, рано-поздно очевидный перекос довершит начатое в 1917-м разрушение устоев. Ни государства российского, ни демократии, если так, не будет. Смогут ли Путин и его команда уравнять доходы, как в сейсмике добиваются изогипс, — равновеликих глубин, постараются ли всерьез?!

Кукес Семен Григорьевич (Саймон Грегори) владельцем ТНК не был, акций компании не имел — лишь наемный работник. Свою линию предельно-откровенно обозначил три-четыре года назад еженедельнику «Нефтяник», а газета добросовестно и запротоколировала: «У компании активная, в хорошем смысле слова, агрессивная идеология: напористо, динамично идти вперед,

занимая лидирующие позиции в сфере добычи, переработки, сбыта продукции, и одновременно по наращиванию коммерческой стоимости ТНК. Все это на основе передовых технологий производства и управленческих, точно выверенных расчетов, путем поощрения духа творчества и риска».

Передовые технологии здесь заложены давно, кадры тоже что надо, традиции с коммунистических времен, и Кукес это знал и не сомневался при его американизированной манере в возможностях новых приобретений — методика захвата в «Альфа-групп» наивысшая: сноровисто выявить все, что плохо лежит (а плохо лежит в стране очень многое), выявить «ахиллесову пяту» очередной жертвы — и вперед! Скупай, убеждай, стращай, одаривай... «путем творчества и риска» — любые наезды угодны. В свое время генеральный директор СП «Колек-Еганнефть» С. Великий с благоволения «танкистов» вполне легально готовил в Нягани банкротство «Конд Петролеума». Предприятие не в фаворе: добыча катилась вниз, в финансах раздрай, недовольство коллектива. «Конд Петролеум» взяли тепленьким, как курочку рябу, продемонстрировали намерения и технологии, затвердили аппетиты...

Следом пала Черногорнефть, стала собственностью «Альфа-групп» — уже «ТНК-Нижневартовск», некогда по настоянию Б. Волкова и В. Сергеева выломившаяся из ННГ на аренду, в самостоятельность. И снова трансформировалась в собственность, отныне частную. А ведь как лихо вздымали стяг над сельсоветом: департаменты, зарплаты, дивиденды...

И вот квинтэссенция, итог хитросплетений — «Альфа-групп»... Палий еще противостоит. . Но существует угроза ассимиляции «Славнефти», государственной белорусско-российской компании. В ее совет директоров забрасывают десантно спецов по приумножению, прикупают акции. Сценарий неизменный. Молох предвкушает победу... Но восстает президент «Славнефти» Гуцериев, будто посох торчмя ставит в разверстый зев рептилии, внезапно — ударно, с заездом в город на Оби.

Гуцериев прямолинеен, темперамент южный.

Молох рыкнул, напрягся. Подминая дальнее и близкое, «Альфа-групп», по уверениям одного из «танкистов», сбившая капитал на торговле сахаром и мытье окон и машин, развернулась в очередную атаку: «Дашь «Славнефть!..» Сахар и мытье окон на нефть, — кто кого?.. Гуцериев встречно ринулся: суд высокой инстанции, скупка акций ТНК... Коси коса, пока роса... Маричев с Гумерским изначала положились на волю новых приобретателей, дистанцировался от Палия Юрий Шафраник, бывший министр.

И вот этих людей захотел примирить губернатор Филипенко. Помирить их было невозможно.

Обозреватель «Совершенно секретно» Олег Лурье считал, что даже самая малая часть нижневартовской прибыли способна решить проблемы российского бюджета и обойтись без унизительных подачек международного валютного фонда и прочих разных зарубежных водоотдач. Но зачем государству проблемы своих территорий, если территории сподручней «прихватизировать», нефтедоллары уютно расположатся в безразмерном кармане олигархов, а правительство пусть само расхлебывается с бюджетом, МВФ и голодным населением.

Лурье обратился снова к «Альфе», которая перед захватом Самотлора сговорила некое ЗАО «Новый холдинг», и ЗАО овладело 40-процентным пакетом акций ТНК. По акту регистрации — с гигантским уставным капиталом 86 миллиардов рублей (видать, изрядно перепродали сахара и вымыли запылившихся московских окон!). Олег отправился в Большой Савиновский переулок. Дом № 19 принадлежит жилищному кооперативу «Здоровье-2». С ним ЗАО договоров не имело и помещений под офис в аренду не сдавало. Не удалось найти следов «Нового холдинга». Поиски привели... в Государственную Думу. Председатель комитета по безопасности Виктор Илюхин передал запрос, адресованный в МВД А. Куликову и датированный 1997 годом. В нем настоятельная просьба председателя Илюхина: «*...Проверить изложенные обстоятельства и о результатах проинформировать...*» В списках бизнесменов с сомнительным капиталом и сомнительным прошлым для «Совершенно секретно» попали участники самотлорского захвата: Михаил Маратович Фридман — председатель совета директоров «Альфа-групп», один из учредителей ООО «Альфа-Эко», владеющий половиной акций «Нового холдинга», он же страстный борец за контроль за Нижневартовскнефтегазом, Герман Борисович Хан — из совета директоров «Альфы», соучредитель «Нового холдинга», человек с большими деньгами и большими возможностями; Александр Маркович Файн, один из вождей «Альфа-групп», ее идеологов, руководитель «Альфа-Эко», учредитель «Нового холдинга», стоял у истоков зачатия «Альфа-банка», созидал это учреждение ключевое; Петр Олегович Авен менее заметный, но более закоперный из всех названных, председатель правления банка.

При обретении акций ТНК «Альфа-групп» сыграла в одни ворота. Дело было так. По условиям договора купли-продажи с «Новым холдингом» приватизатор обязывался направить Российскому фонду федерального имущества 755 миллионов долларов. В руках у доки Лурье первая платежка от 31 июля

1997 года на 509 миллиардов рублей, по тогдашнему курсу около 130 миллионов долларов.

«Новый холдинг» через ТНК овладел западносибирской нефтью в обмен на упомянутое перечисление «больших» денег. «Больших» ли?.. Взглянем на финансовое свидетельство внимательней. Как правило, на платежном поручении указывается, с какой целью деньги перечисляются адресату. На этом же документе весьма необычная формулировка: «Назначение платежа: аванс по НДС в счет будущих платежей». Что это значит? Деньги за акции или оплата налогов? Оказывается, и то и другое. Для делового мира это нонсенс. Интересно, что ни у одной из правительственных структур такой вариант «покупки» претензий не вызвал, месторождения «ушли с молотка».

Фонд федерального имущества этому способствовал, налоговики в ту же дуду спели: даже будущие налоги оплачены! Получается, новые хозяева ННГ один и тот же документ использовали в качестве оплаты за государственный пакет и одновременно в качестве налогового возмещения! Удивился Лурье из «Совершенно секретно», призадумался, назвал подглавку в расследовании «За все заплачено, братан!». Своего рода это классическое определение сути перестроечных новаций «за все заплачено...» из кармана народа, его потрясло крепенько. «Новых русских» взлелеяли мы сами как наросты на теле, ради глобального сокрушения державы (а вдруг перепадет и нам со стола?!). Затеяли и длим спектакль.

А на имя Ельцина и Черномырдина всю весну 1997-го и летом спешили тревожные, как морзянка, письма из Нижневартовска, включая обращения генерального директора ННГ, академика В. Палия — с просьбой придержать нашествие «Альфа-групп», так как грозит это уводом за бугор многих миллиардов, консервацией скважин, малой зарплатой, умиранием нефтяного региона. Президент и глава правительства поручили Коху, Немцову, Чубайсу, Мостовому разобраться в ситуации и отложить конкурс до полного разрешения основных проблем. Что же реформаторы? Чубайс и Кох 5 июля 1997 года (через три дня и три ночи после такого распоряжения) обязывают представителей государства в совете директоров ТНК: «*...Обеспечить голосование против назначения В. Палия генеральным директором*», в противном случае стращают нефтяников банкротством. Впрочем, последнее состоится, не воздух сотрясали именуемые — реально-конкретный Нижневартовскнефтегаз.

Самотлорцы сообщают правительству о том, что, овладев госпакетом, «Холдинг» намеренными действиями за один только месяц нанес Нижневартовскнефтегазу ущерб в 1,4 миллиона долларов и более 56 миллиардов рублей. Генеральный прокурор

Юрий Скуратов в свою очередь обращается в правительство с просьбой пересмотреть итоги конкурса по «нефтяным акциям», поскольку *«продажа сорокапроцентного пакета акций ТНК, дочерние общества которой обладают самыми большими разведанными запасами углеводородного сырья в России, за 25 миллионов долларов заставляет усомниться в том, что организаторы конкурса действуют в интересах государства. Генеральная прокуратура располагает данными, что на вторичном рынке первого апреля произведена сделка по продаже ценных бумаг этой компании, ранее приватизированных за 35 миллионов долларов»*.

Получается, что Президент, глава правительства, Генеральный прокурор тревожатся, бьют челом правительственной команде принять по всей строгости меры к делцам от российской нефти, а Чубайс, Кох, Немцов и сотоварищи решают наоборот.

Может, команда Коха — Немцова действовала во благо России, благословляя «Альфе» крупнейшие в стране Нижневартовскнефтегаз и Тюменьнефтегаз? Увы, в «Акте проверки» торжища Счетной палатой РФ сообщалось: *«Госкомимущество России, в лице бывшего председателя Альфреда Коха, на деле способствовало одному из участников конкурса — ЗАО «Новый холдинг», напрямую представляющего интересы «Альфа-банка» (П. Авен). Продажа акций осуществлена РФФИ по существенно низкой цене, что нанесло бесспорный ущерб государству. Инвестиционные условия победителем конкурса не выполняются, что является основанием для расторжения приватизации сорокапроцентного уставного капитала ТНК на конкурсе»*.

Прежде, во втором томе «Историй», я уже писал, задолго до Лурье, что официальной реакции на Акт Счетной палаты не было. Я удивился. Обозреватель еженедельника удивился не меньше, озадачился вопросом: «Почему все осталось, как есть?» Ответ был прост: сбагривание акций и ревизии пришлись на 1997 год. Кто находился у власти? Они — Чубайс, Немцов, Кох и прочие. Да и сейчас в силе, как в теле. В сентябре того же года Нижневартовскнефтегаз стал головным предприятием компании, по договору с которой обязались перечислять ежегодно пятьсот тысяч долларов и пять процентов от величины чистых активов за год. А в декабре инициированная процедура банкротства была все-таки заменена арбитражным судом на внешнее управление, обязанное за год решить проблемы градообразующего предприятия, от которого зависит жизнь целого города.

Но уже в следующем, 1998-м, число безработных в Нижневартовске увеличилось в 2,5 раза, при этом заработная плата нефтяников сократилась на сорок процентов, прекратили

строительство жилья, под сокращение попали более восьми тысяч специалистов, почти на пятьдесят миллионов рублей в год снизились платежи объединения в бюджет.

Уволенного с должности генерального директора В. Палия избирают (избирают раньше, чем уволят) депутатом областной Думы, борьба за правду продолжается иными методами и способами. «Приватизаторы» действуют встречно в духе олигарховского менталитета, когда «люди гибнут за металл», «металлу», то есть большим деньгам, подвластны, решаются на крайность во имя того, чтобы жить очень хорошо, оставаться в числе даже не десяти, а трех процентов от ста. О чем в период заварушки с «Медиа-Мостом» проговорился одиозный телеДоренко, видимо, тоже не из бедных, как и НТВКиселев. Усматриваете плеяду «соколов»?

Но Палий еще не уступил, боролся с «альфовцами» за объединение, с момента зачатия давшее государству двести миллиардов долларов, способное дать столько, чтобы решить все проблемы российского бюджета, боролся за город на Оби, за страну, которую обесчестили «правые-левые», всякие в полоску...

ФАЛЬШИВКА № 1. Осенью 1997 года стараниями Чубайса, Коха, Немцова и «альфа»-команды Нижневартовскнефтегаз со всеми потрохами перешел в частное владение. Самотлорцы обратились в городской суд, требуя признать недействительными решения собраний акционеров о досрочном прекращении полномочий всех членов совета директоров и о передаче их ТНК, отныне принадлежащей «Альфа-групп», и суд признал иск правомерным.

«Приватизаторы» не растерялись и представили изумленным самотлорцам и вице-премьеру Немцову Постановление окружного суда об отмене вердикта Нижневартовского суда. Постановление это подписал якобы председатель высшей окружной инстанции А. Черных.

Вскоре выяснилось, что А. Черных никакого постановления «Об отмене предыдущего решения» не подписывал и ничего об этом не знает. На запросы из Нижневартовска он вполне однозначно сформулировал: «*Протест мною не выносился и на президиуме не рассматривался... Предъявленное Постановление Президиума окружного суда об отмене решения Нижневартовского суда недействительно...*». *И заместитель прокурора округа В. Рогачев подтвердил: «...По факту предъявления суду Нижневартовска фиктивного Постановления президиума проводится проверка в порядке статьи 109 УПК РФ*».

Документы длительное время курсировали по различным прокуратурам-канцеляриям, но «ничего не произошло», и «дело о подделке» тихо умерло в коридорах законников.

ФАЛЬШИВКА № 2. 28 ноября 1997 года столичная газета «Сегодня» разразилась «сенсацией», сообщив, что Палий, ополчившийся против «Альфа-групп», не признавший конкурсную аферу, — миллионер, имеет счета на Бермудских островах и в Монте-Карло. «Сегодня» опубликовала платежки американской компании о зачислении на забугорные счета Виктора Остаповича весьма значительных сумм. Средства массовой информации и телепрограммы тут же подхватили эту версию. Виктор Остапович был тотально посрамлен. Еще бы! Западная Сибирь и вся страна бедствует, перемогается с хлеба на воду, а правдоборец жирует.

Но вот что сообщила Федеральная служба налоговой полиции России: *«В ходе проверки получены материалы, анализ которых дает основание считать факты относительно денежного перевода в сумме один миллион восемьсот тысяч долларов от фирмы «Раймоил Холдинг КО ЛТД» через «Банк оф Бермуда» на личный счет В.О. Палия несостоятельными, а выводы необоснованными»*. Независимый эксперт, председатель правления коммерческого Восточно-Европейского Сибирского банка С. Толстогузов приводит четыре достаточно серьезных пункта, подтверждающих его сомнения в подлинности платежных документов.

Интересное заключение сделал сам президент «Раймоил Холдинг Компани», якобы направивший эти самые миллионы долларов, господин М. Радулович: *«Факсимильное поручение... является чистой воды подделкой, и к нему наша фирма не имеет никакого отношения»!* Глава американской компании, кроме того, на всех платежках (где якобы его подпись) собственноручно начертал слово «фальшивка» и расписался в присутствии свидетелей.

Лурье справедливо замечает, что сотни промышленных городов и поселков, жизнь которых обеспечивают различные крупные предприятия — нефтяные, урановые, глиноземные, машиностроительные и многие другие, страдают во время передела собственности, крупнейшие финансово-промышленные образования борются за право контроля над этими предприятиями и обретают баснословные барыши. Жизнь самих предприятий и городов их не волнует. Нет дела новоявленным миллиардерам до сотен и тысяч нефтяников, атомщиков, глиноземщиков и тех же машиностроителей. Для них главное — деньги, очень и очень много денег.

Егор Строев в резюме на Послание Путина Федеральному собранию 8 июля 2000 года заметил корреспондентам, что президент как хирург вскрыл организм, в котором ни одного здорового органа, все поражены: и это «великая» Россия.

«Прихватизация» — наиболее ощутимая инфекция в теле державы, введенная пресловутыми младореформаторами и Ельциным. Ельцина «сделали». Никаких, оказывается, критик на политбюро ЦК по части красной икры и осетрины на столах победных он не наводил. Это была своего рода фальшивка, пущенная в народ теми, кто хотел Союз нерушимый расчленить на уделы.

Фальшивки, фальшивки, доллары. .

Но вернемся на банкет по случаю «Семи миллиардов тонн югорской нефти».

На банкете, в огромном зале, Виктора Остаповича видел лишь однажды, беседующим с председателем окружной Думы Собяниным. Я пожал известному хантымансийцу руку, представился. Палий упреждающе кивнул мне, чтоб не мешал им, и я отправился к столам фуршетного пошиба, со снедью. Но столы оккупировали густо, не дотянешься к икорке с балыком, и я принялся бродить просто так по полю, созерцателем. Подошел к Ляпину и Кушникову, к Ракулу и Пясецкому, председателю Нижневартовского межрайонного комитета по охране окружающей среды Крупинину, к легендарному сургутскому мостостроителю Солохину. С Валентином Федоровичем в начале шестидесятых встретились на Шестаковке, в котловане, то есть в котловане неуступчивой речонки был я, плотник-бетонщик, а начальник мостоотряда появился наверху, старался понять ситуацию: почему заливает котлован, где дает сбой шпунтовое ограждение.

Наши праведные старания Шестаковка не приняла.

Рядом с Солохиным обычно суетился импульсивный прораб Нечто. И уезжали сообща, для обоих Шестаковка — это лишь малый штрих в картине. У них основой был Иртыш седой, возле горы Сузгун. Там главный полигон отряда, в Сузгуне, оттуда наведывались удальцы. А я наведывался к удальцам. Не потерял спустя десятилетия.

Солохин в наградах, как Брежнев или Жуков, пересилил самых сильных, хоть невелик комплекцией, а крепенек и до невозможного серьезный...

Талантливых всегда много, умных — по пальцам. Тихо, почти неслышно говорит Солохин, а дела громкие подтверждают, что только жизнь для многих — не для собственной утробы, не для особняков только, счетов банковских и деток в престижных упаковках, — истинная жизнь в Боге и для устройства планеты. Изнутри и снаружи подрывают, идеологически и экономикой, всеми возможными уловками. . Длится прицельная трансформация великого в никчемное, утрата территорий, рус-

скости, а Солохин мне про мостогероику, которая-де на спад идет без фронта работ.

Я не верил, конечно, — не тот Солохин, чтобы растеряться перед грядущим, наверняка предусмотрел наперед — и героика будет, и фронта хватит И мне, о чем писать, найдется. С Валентином Федоровичем прежние, с железнодорожной магистрали мои знакомцы: Нечто, Гончаров, Лысенко, Смехов, Мясникевич... Анатолий Захарович в гости пригласил, он профсоюзом командует, имидж комплекса по его части, песни боевые победные заказал нефтеюганскому сочинителю к открытию моста и в книгах не прочь людей прославить. Я пообещал приехать. Тем более, что гостиницу ведомственную построили, в том же трестовском здании, ставшем местом проживания многих штабистов-мостовиков. Приеду. Еще вернусь, друзья!

Из пресс-центра губернаторского девушка с самописцем вопросила: нет ли чего сказать? Я ей про то, что не разделяю эйфории длящейся, и сказал. Разорили, мол, изорвали недра, пенки снимают, конечно, жить хорошо, а хорошо жить еще лучше... Досластились, в полном нейтиоте духовном и экономическом... Не в ногу мой свист заупокойный, в «Новостях» не появился. И не надо, объективность сама по себе о неблагополучии свидетельствует. И еще аукнется в будущем.

Подошел к Гарипову и депутату Медведеву. Валерий Зайнуллович, поднаторевший в торжествах, заметил со сцены, что первопроходцы заглубили фундамент нефтегазодобычи и теперь значимость его для детей и внуков очевидна — есть что добывать в округе. Факт сибирского ускорения.

В Медведеве нижневартовцы разочаровались, он по спискам от «российских регионов» прошел. Я сказал ему, что приеду в Думу поизучать сибиряков, и как упомянул про жилье, Владимир Сергеевич сразу поскучнел, отвернулся, не захотел обременяться. С жильем меня устроит советник Геннадия Николаевича Селезнева Олейник. И невестке в отместку — интервью у Медведева я тогда не взял. У всех сибиряков исповеди записал, Владимира Сергеевича отложил на осень. После летних каникул встретимся.

Пригласили в Ханты-Мансийск областного губернатора Рокецкого, бывшего первого партсекретаря Богомякова, ныне фермера: для себя, говорят, больше преуспевает, чем когда сохранял и крепил КПСС; не миновали ямальского губернатора Неелова, который заявил, что люди, добывающие нефть и газ, обязаны жить безбедно. К нашим территориям должно быть особое отношение, ибо сырье из югорских недр кормит Россию, за счет него живет страна.

Истина бесспорная, однако не новая. Новостью должна стать сама безбедность северян.

Солохин и того лаконичней выразился:

– Приятно оказаться на таком празднике труда. Встретил достойных людей, с которыми лет десять — пятнадцать не виделся. Глаза горят у всех от восторга!

Герой Социалистического Труда, бывший буровой мастер В. Агафонов:

– Столько прожито, столько пройдено! Жизнь сложилась нормально. Сын продолжает трудиться в Сургуте, дочь в Новороссийске. Внуки подрастают. Если бы начать снова, я обязательно поехал бы в Сибирь. С удовольствием вспоминаю те времена.

От нашего избирательного округа посланец в Госдуме А. Рязанов:

– Летел сюда и снова размышлял над этой колоссальной цифрой — семь миллиардов тонн нефти! Это же сколько топлива, сколько денег дал стране округ! К сожалению, до недавних пор почти ничего не оставалось территории. И проблемы, которые у нас есть, тянутся из того времени. Например, в Сургуте почти тридцать тысяч человек ютятся в балках и ветхих домишках. А ведь для благополучия жилищного от этих семи миллиардов необходимо совсем немного.

С Александром Николаевичем мне вскоре придется тесно пообщаться в Госдуме, с ним и его помощниками. Записать программы и намерения.

Герои Труда, лауреаты, заслуженные работники, президенты, генеральные директора... Заместитель премьера В. Христенко, президент Башкортостана М. Рахимов, лидер КПРФ Г. Зюганов, министр экономики Р. Шаповальянц, культуры М. Швыдкой поздравили телеграммами.

Филипенко зачитал приветствие В. Путина и от себя лично всех поздравил:

– Сначала кто-то доказывал, строил гипотезы, что нефть в Югре очевидна. Пришли геологи и удостоверили сомневающихся, вроде ученого Назаркина, в таком факте. Общими усилиями совершили то, что сегодня имеем. Добились относительного благополучия. В каждой капле добытой нефти труд всех жителей округа, нет человека, прямо или косвенно не связанного с углеводородным сырьем. Нынешней молодежи предстоит добывать следующие семь миллиардов тонн и еще семь...

Такие замахи у губернатора Александра Васильевича, хозяйственника, надо сказать, хваткого. В данном случае хозяйственник части энергоресурсов, оказавшейся спасительной.

Журналисты тут же окрестили область в ее прошлом «рабочим кабинетом нефтегазового комплекса», ибо здесь, по их скорописному мнению, в Тюмени, принимались некогда все стратегические решения, округ назвали «большим промыслом-цехом», где эти решения осуществлялись на практике, поэтому роль и значение области и округа в закладке фундамента свершений одинаково велики, и споры о том, чей вклад больше, попросту неуместны.

Их ведут люди, резюмировали газеты, которые не знают истории обживания края. И вот своеобразным связующим мостком-перекидом с далеким 1964 годом, когда получили первые двести тысяч тонн «черного золота», стал год двухтысячный с его семимиллиардной тонной. Связал эти события и Николай Константинович Байбаков. В 1964-м он был председателем Государственного комитета СССР по нефтедобыче (в ранге министра).

Вспоминал, как в январе 1964 года округ посетила группа ответственных работников ЦК КПСС и Правительства во главе с тем же Н. Байбаковым. Визит приурочили к проверке исполнения постановления от 4 декабря 1963 года «По организации подготовительных работ промышленного освоения нефтяных и газовых кладовых и дальнейшему развитию геологоразведки в области». Москвичи высказали однозначное мнение о необходимости быстрейшего освоения края.

Николай Константинович сформулировал это так: *«По значимости этот нефтеносный район называют «Третьим Баку», но на деле он является «ПЕРВЫМ». Так был поражен увиденным здесь, что загадал о добыче в том, 1964, году не ста предусмотренных Правительством и Госпланом тысяч тонн, а кругленького миллиона»*. Так было.

И вот Байбаков, три с половиной десятилетия назад принимавший участие в стратегии развития нефтегазового комплекса, влиявший активно, снова в округе, его административном центре, в банкетном зале, вполне реальный пенсионер «союзного» значения. Его давние пророчества о «Первом Баку» сбылись. В одном ошибся главный плановик Союза нерушимого: «черного золота» в 1964 году с промыслов Тюмени отправили не вожделенный миллион — всего-то двести тысяч тонн. Больше не успели перевезти из-за краткой навигации. Зато в следующем, 65-м железнодорожные цистерны в областном центре, именуемом еще «столицей деревень», шаимскими углеводородами ускоренно заполняла труба — нитку смонтировали в ударные сжатые.

Составы с товарной станции уходили в европейскую часть и на Восток.

Нефтяная река ширилась.

За развитием поставок кроме Николая Константиновича пристально следил и направлял их первый секретарь обкома Б. Щербина. На территориальном пленуме скорректировали контрольные цифры, предполагая за пять-шесть лет довести добычу до 23–25 миллионов тонн вместо десяти.

...После пушечных салютов Пясецкий, посчитав программу исчерпанной, увез делегацию в аэропорт, где «под парами», готовый взлететь, дожидался арендованный городской администрацией ЯК-40, а я пешком да тишком в ночи отправился по долинам и взгорьям, какими изобилует Ханты-Мансийск, в Дом писателей, возле усаженных хвойных древостоем холмов. В три этажа одиночное строение. Посмаковал кофе с приветливым охранником, любителем поэзии и странствий босиком, полистал машинописные страницы местной рифмослагательницы и забылся в тяжкой дреме, под нахлесты пробудившегося к перемене погоды ветра. К утру потеплело. Рыжие громоздкие унты уже не требовались.

Из истории нефти

О бедолаге Назаркине узнал из «Новостей Югры». Валентина Патранова вернулась к событиям давности, которые продлили жизнь Союза нерушимого, но не спасли его окончательно, лишь на время заштриховали язвы от самопоедания. Назаркин — в начале шестидесятых директор Саратовского научно-исследовательского института, кандидат наук — не только с трибун, но в многочисленных письмах для ЦК КПСС, Совмина, в обком, министерства доказывал, что нефти в Западной Сибири нет и не может быть, государство напрасно выбрасывает деньги, финансируя геологоразведку.

Письма Назаркина, которого геолог Юрий Эрвье назвал «псевдонаучным», сыграли свою роль. Денег на разведку отпускали мало, и это затормозило открытие кладовых природы. Даже вопрос о сооружении газопровода из района Березово решался почти десять лет. Зато появилась бредовая идея постройки Нижне-Обской ГЭС и каскада электростанций на Оби, все потому, что правительство не верило в возможность крупных нефтяных и газовых залежей.

Не изменило ситуацию открытие Шаимского, Усть-Балыкского, Мегионского, Западно-Сургутского месторождений, не мобилизовали на освоение и скорейшую доставку сырья до потребителя. Никаких значительных сдвигов на правительственном уровне не происходило и не принималось «крутых» реше-

Дом писателей в Ханты-Мансийске

ний до тех пор, пока в декабре 1961 года первый секретарь обкома партии Борис Щербина не обратился в Центральный Комитет КПСС с обстоятельной докладной Запиской. Ответом на нее явилось постановление Совета Министров от 19 мая 1961 года «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири», после которого тяжелый, неповоротливый механизм советской экономики наконец-то повернулся в направлении Тюменской области.

В постановлении шла речь не только о расширении геологоразведки, но и о базах, дорогах, пристанях, речпортах, взлетно-посадочных полосах, новых образцах техники, усилении роли науки... Задачу поставили такую: «Довести к 1970 году добычу нефти до пяти миллионов тонн в год, газа — до десяти миллиардов кубических метров». Щербина и весь обком вдохновились на «организацию массового геологического похода за полезными ископаемыми», с привлечением и вовлечением в поиск полезных ископаемых... школьников, производственников, крестьян. «Нефтяной эпидемией» заболели многие, подавшись на Север к геологам и нефтяникам, навсегда распрощавшись с обжитыми починками, срывались на Тюменский Север специалисты из старых ресурсных территорий: Поволжья, Татарстана...

Теперь в округ жалует внушительная московская комиссия, проверить на месте, как постановление Совета Министров выполняется. С первыми лицами области, округа посещает месторождения, свидетельствуя, что Центр намерен заняться

Севером, но не представляет отчетливо, как это делать, в каких объемах. Обстановку прояснил опять же Б. Щербина. В декабре 1962 года с трибуны сессии Верховного Совета СССР очертил необходимые контуры. А в зале находилось все высшее руководство страны. Щербина в довольно непродолжительном выступлении был конкретен и богат на идеи. Борис Евдокимович предложил газ Тазовского месторождения на Ямале по 450-километровому трубопроводу подать на Норильский горно-металлургический комбинат; пересмотреть проект строительства газопровода Итрим — Серов, он считал, что газ на Урал надо подавать в таких количествах, чтобы хватило и в качестве сырья для химии, и на бытовые нужды.

По мнению Щербины, это дало бы возможность производить аммиачные удобрения, выпускать различную химическую продукцию, так необходимую стране. С горечью он говорил о том, что, «если бы плановики в свое время прислушались к голосу специалистов... смело пошли на освоение нового газоносного района страны, Урал уже получал бы березовское голубое сырье. Теперь надо наверстывать упущенное».

С той же трибуны он сказал, что надо «в самое ближайшее время разработать генеральный план развития нефтяной и газовой промышленности... Это важно сделать для того, чтобы наиболее разумно распорядиться разведанными богатствами».

В марте 1963 года в Тюмени начальник территориального геологического управления Ю. Эрвье заявил на пленуме промышленного обкома партии, что самое насущное, неотложное, быстрое подготовить и утвердить запасы нефти и газа, чтобы, не задерживая проектирования, начать и добычу. Пленум назвал цифры, отличные от тех, что были записаны в майском, предыдущего года постановлении Совмина: в 1970 году предлагалось добыть уже не пять, а десять миллионов тонн «черного золота» и четырнадцать миллиардов кубометров газа вместо прежних десяти миллиардов. Секретарь обкома предложил войти в ЦК КПСС и Правительство с предложением ускорить промышленное освоение нефтяных и газовых залежей. Что это было: авантюра, дар предвидения или точный расчет? В том 1963-м, когда цифры озвучили, округ не получил промышленным способом еще ни одной тонны нефти.

Журналист Валентина Патранова на этот счет рассуждает так: возможно, в основе решений лежали предварительные прогнозы о количестве сырья на открытых месторождениях. А скорее всего — это был стратегический ход: громко заявить о возможностях, чтобы пробудить интерес в столице.

В ответ 4 декабря Совет Министров обнародует новое постановление «Об организации подготовительных работ

по промышленному освоению нефтяных и газовых кладовых и о дальнейшем развитии геологоразведки в Тюменской области». К этому времени открыли уже восемнадцать газовых и девять нефтяных подземных кладов. В постановлении упоминалось и про Нижне-Обскую ГЭС как возможный, вероятный, проект. В связи с этим стройплощадки в среднем течении Оби следовало «располагать не ниже отметки тридцать метров, до которой может подняться уровень реки при возможном подпоре ее плотиной Нижне-Обской ГЭС».

Министерствам и ведомствам рекомендовалось организовать в 64-м — 65-м годах пробную эксплуатацию месторождений с тем, чтобы уже в 1964 году довести добычу нефти до ста тысяч тонн, в 1965-м — до двухсот тысяч, а в 1970 году — до десяти миллионов тонн, газа — четырнадцать миллиардов кубических метров. Заявленные тюменцами цифры были приняты и внесены в постановление Совмина. И было принято предложение Щербины — построить нефтепровод на Омский перерабатывающий завод. Впервые в этом документе союзного уровня шла речь о проектировании и строительстве железной и автомобильной дорог Тюмень — Тобольск — Сургут.

1962–1963 годы можно назвать периодом, когда Центр впервые по-настоящему озадачился нефтяным и газовым комплексом Западной Сибири. В этом направлении все только еще начиналось, все было впереди — и взлет, и будущая катастрофа...

В ареопаге славы «открытия века» устоялось имя академика Ивана Михайловича Губкина: в 1935 году он-де предсказал, настоял, затвердил и т.д. Это не совсем так. Вернее, совсем не так. О сибирской нефти знали много раньше, искали ее задолго до Губкина.

Воспользовавшись трехтомником «Нефть и газ Тюмени в документах», газетой «Новости Югры», достаточно компетентной, оттисками из окружного архива, там же, у подножия холмов, в заезжей писательской, сверстал краткую «родословную» того, как это на самом деле и когда было.

В январе 1903 года из министерства земледелия и государственных имуществ в адрес Тобольского горного управления пришло сообщение об установлении платы за разведку на нефть. Для Тобольской, Томской и Енисейской губерний размер ее составлял один рубль за десятину. По всей видимости, деньги собрали, но производилась ли в губернии разведка углеводородного сырья — неизвестно. Зато известно другое. В

1911 году Тобольское управление государственными имуществами выдало товариществу «Понамаренко и К°» свидетельство «на право производства в течение двух лет разведок нефти в пределах заявленной местности».

Местность эта находилась в Летнем бору в десяти верстах от юрт Цингалинских (сейчас поселок Цингалы Ханты-Мансийского района), под разведку отвели 37,5 десятин земли, при этом другие промышленники уже не имели права «производить поиски и ставить столбы в указанном пространстве». Некоторые из жителей Цингалов впоследствии вспоминали, что «летом 1913 года приезжал из Омска некий С. Пуртов и с ним два человека, которые в урочище Древесный Сор нашли ключ с маслянистой водой, похожей на нефть. Они взяли пробы и отправили их в Тобольск или Омск».

Здесь Пуртов организовал «мелкое бурение», и, как позже вспоминали рабочие, им нанятые, «с глубины 33-го аршина через устье скважины переливалась вода, на поверхности которой наблюдалась маслянистая пленка, похожая на керосин». В 1914 году из-за начавшейся войны бурение прекратили.

Новый всплеск интереса к нефтепоиску наблюдался в тридцатых годах. В 1932 году на Урало-Кузбасской сессии академии наук в Свердловске академик И.М. Губкин произнес вещие слова: «Сейчас надо поставить вопрос о разведке нефти на восточном склоне Урала. В обоснование своей версии он привел очень веские геологические доводы. Ивана Михайловича поддержали многие. Так в журнале «Нефть» за январь 1933 года появилась статья М. Чарыгина «Почему нужно искать за Уралом?». Подобные публикации в центральной прессе беспокоили воображение пытливых и любознательных. Неудивительно, что поиском горючего топлива в крае заинтересовались местные «следопыты».

Один из них, тюменский краевед П. Россомахин, в марте 1934 года составил справку, которую отправил в Обско-Иртышский обком партии (Обско-Иртышская область, куда входил и Ханты-Мансийский автономный, просуществовала с января 1934 по январь 1935-го, впоследствии вошла в состав Омской области). Так вот, в справке П. Россомахин сообщал: «До германской войны и во время ее писали, помню, в газетах о том, что в бывшем Тобольском уезде нашли, кажется, на реке Конде нефть. Для получения более детальных материалов об ископаемых богатствах области необходимо через музеи, краеведческие ячейки, райпланы, охотсоюз, архивы, школы организовать сбор материалов, составить карту и описание всех месторождений. Обратить особое внимание на Остяко-Вогульский округ...»

И будто в подтверждение П. Россомахину 16 мая 1934 года секретарь Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б) А. Сирсон направил телеграмму в Тюмень, редактору газеты «Советский Север» «Б. Назаровскому: «...Имеем серьезное основание ставить вопрос о изыскании нефти в округе... В 1932 году около поселка Юган — 60 километров от Сургута, летом по реке 150 километров, со дна реки регулярно каждые пятнадцать минут вырывалось подобие полушария — жировое вещество, оно расплывалось по воде, на расстоянии сорока метров также выкатывались жировые пятна, в ста метрах еще. Признаки нефти отмечены также недалеко от этих мест на речках, впадающих в Большой Юган. Имеются очевидцы, могущие указать места. Дальнейшее промедление с изыскательными работами недопустимо».

Из фондов окружного архива:

«В 1912 году изыскательские работы на нефть в нашем крае проводились в районе деревни Цингалы. Сведения об этом записаны со слов местных жителей осенью 1933 года Иваном Михайловичем Злыгостевым. Собранную информацию и свои личные наблюдения Злыгостев направил в несколько адресов – начальнику экспедиции «Уралсеверпуть», в Остяко-Вогульск окрисполком, а также в Свердловский трест «Востокнефть»:

«Четвертого октября 1933 года, я, сотрудник экспедиции «Уралсеверпуть» Злыгостев И.М., был командирован начальником экспедиции «Уралсеверпуть» тов. Смецким Н.И. в пределы деревни Цингалы Филинского сельсовета Самарского района для обследования месторождения нефти.

После прибытия в Цингалы 8 октября 1933 года мною были вызваны через посредство нарочных участвовавшие в работе экспедиции по изысканию нефти в довоенное время Максим Николаевич Пуртов, Михаил Осипович Куклин... М.Н. Пуртов прибыл ко мне в Цингалы 9 октября сего года, в 16 часов и объяснил следующее:

«В 1912 году мой двоюродный брат Спиридон Николаевич Пуртов, проживавший в то время в Омске, служил на солеварне предпринимателя Христофора Абрамовича, и они приезжали для изысканий нефти. Приехали 15 августа и закончили работу в последних числах. Работа у них происходила в съемке на пл местности, а также делали раскопки, ставили трубы для буре ния, но что доставали — я не видел, так как был в командировк в Демьянске по их поручению для передачи разных сообщен инженерам фирмы Христофора Абрамовича. После отъезда ин женеров на месте работ остались трубы и буровые, но были вы

везены в Тобольск в навигацию 1913 года. Почему эти трубы и буровые были вывезены обратно, мне неизвестно...

1933 года, октября 10 дня, вызванный Куклин М. явился и объяснил следующее. В половине июля 1912 года приезжали из Омска Пуртов Спиридон Николаевич и с ним два человека, которых не помнит ни имен, ни отчеств. Они приезжали специально отыскать разные месторождения. В урочище Перевесный сор, в шести километрах от деревни Цингалы, нашли ключ, из которого вытекает маслянистая вода, цветом похожая на нефть. Они ее взяли и отправили в Тобольск или в Омск (точно не знаю). Недели через три приехали инженеры, человек восемь. Инженеры привезли на пароходе трубы, всевозможные буровые приспособления и приступили к работе. Бурение было произведено на 33 аршина, работа у них была закончена примерно в конце сентября.

По какой причине была приостановлена работа, Куклин М. не знает, но слышал от них, что работу хотели продолжить в следующем году. Инструменты и трубы у них оставались в деревне Цингалы..

1933 года, сентября 11 дня, сего числа мною проведено обследование местности, охваченной изыскательской работой, выполненной Пуртовым Спиридоном Николаевичем. При точном осмотре контура № 15 установить признаки нефтяных ключей не представилось возможным ввиду того, что высокий подъем воды в озере, поэтому взять пробы нефтяных ключей сейчас невозможно.

По словам Куклина М., ключи бывают на видном месте с первых чисел августа и до половины месяца, иногда до конца сентября — поры обмеления. После осмотра контура № 15 перешли по прямому направлению на перевесную гриву, где осмотрели местность, но яму, где проводили бурение, не смогли отыскать...

Телеграмма секретаря А. Сирсона стала поводом для выхода в свет 11 июня 1934 года постановления Обско-Иртышского обкома ВКП(б) «О геологоразведочных и поисковых работах». Как видим, руководство Обско-Иртышской области всерьез озаботилось геологоразведкой.

Двадцатого июля 1934 года в Тюмень в редакцию «Советского Севера» из Сургута поступила телеграмма геолога В. Васильева следующего содержания. «Указание о выходе нефти на Югане подтвердилось. Необходимы детальные разведочные работы».

Но почему геолог послал телеграмму не в партийные органы и не по месту своей работы, а в газету? Дело в том, что еще

в 1932 году техник из Сургута Косолапов передал в «Комсеверпуть» заявку о выходе нефти у села Юган, на основании материалов Косолапова «Советский Север» поместил сообщение, что «у села Юган через каждые пятнадцать минут со дна реки выбрасывается клубок темной жидкости, принимающий в первые мгновения форму выпуклого кверху полушария, затем расплывающегося на поверхности».

По всей видимости, эти же факты сообщили и в другие организации. Для их проверки уфимский трест «Востокнефть» летом 1934 года командировал на Большой Юган специальную геологическую партию В. Васильева, который и решил первым проинформировать читателей «Советского Севера». Данные исследований Васильев доложил на бюро Остяко-Вогульского окружкома партии, и тогда же было принято решение: «По сообщению инженера-геолога тов. Васильева об изыскании нефти в округе». Подписал его не кто иной, как упоминаемый выше автор телеграммы в «Советский Север», секретарь Остяко-Вогульского окружкома А. Сирсон, понимая, что через печать быстрее привлечет внимание власти к нефтяной теме.

По всему видно, А. Сирсон был человеком незаурядным, масштабно мыслящим. Он прекрасно понимал, что обещает краю открытие нефти, и партийный хозяин округа торопился с развертыванием разведки, его беспокоила «угроза в условиях короткой навигации затянуть начало работ на долгое время». И А. Сирсон вписал в Постановление даже такой пункт: «Просить Васильева максимально сократить дистанции окончательной обработки всех материалов об юганской нефти и одновременно с докладом по этим материалам в «Востокнефти» сообщить свои выводы и заключение окружным организациям. Также просить тов. Васильева держать окружные организации в курсе дела продвижения вопроса нефти в центральных организациях».

Но не только партийный лидер округа был одержим перспективой нефтяных кладов, сам геолог В. Васильев стал горячим поборником этой идеи. Свои соображения он излагает на страницах все того же «Советского Севера», с которым у него, судя по всему, сложились хорошие отношения. Статья В. Васильева «К вопросу о нефтеносности Обско-Иртышской области» опубликована 15 ноября 1934 года. В ней, в частности, говорится: «Если два года назад мы только говорили о возможности нефтепроявления в обширных пространствах Сибири, то в результате работ этого года они стали фактом... На Большом Югане в пятидесяти километрах от ее устья, у уреза воды, происходит всплывание со дна реки маслянистой жидкости, которая на поверхности образует прекрасно ирризирующую пленку, типичную для нефти.

Такое взбулькивание наблюдается и на границе воды и береговой линии.

При раскапывании дна реки в данном месте выделение жидкости резко усилилось в форме массового появления пятен подобной же пленки различной величины и формы. Раскапыванием дна реки вдоль берега было обнаружено всплывание таких же пятен на протяжении до четырехсот метров, правда, значительно меньших размеров как по величине, так и по количеству их.

Кроме того, на воде вдоль берега полоса пленки шириной до пяти метров, которая обладает свойствами, типичными для нефти (при раскалывании пленки она моментально сливается и на солнце ирризирует). Данную пленку удалось проследить на протяжении до полутора километров».

С чем же было связано выделение нефти на поверхность, которая, как мы знаем, залегает на больших глубинах, превышающих две тысячи метров? Васильев приводит версию местных жителей. Летом 1931 года поселенцы села Угут, что в 120 километрах выше по реке, наблюдали появление волны, идущей с очень большой скоростью против течения. Волна была так сильна, что даже сорвала привязанные лодки. Сами угутяне назвали это явление небольшим землетрясением, хотя толчка и не ощутили.

Из фондов окружного архива

«...Куклин заявил, что в недавних годах случайно наткнулся на эту яму буровую гражданин Салтанов Дмитрий Александрович из Цингалов и видел в яме буровые трубы, оставленные в земле после буровых работ С. Пуртовым...

1933 года, октября 12 дня, вызванный с рыболовства гражданин из деревни Цингалы Салтанов Дмитрий Александрович объяснил следующее. Когда Пуртов Спиридон Николаевич брал из живуна какую-то жидкость, то ее отправили куда-то в центр, а потом против этого ключа копали яму и бурили, ключ вытекает из-под залавка Перевесной гривы, который течет в салок... Назад тому примерно лет двадцать Салтанов видел буровую яму, которая обвалилась с боков, но не заметил — были или нет тут трубы. Слышал, что верхний став трубы был снят, остальные оставались в земле. Салтанов объясняет, что он слышал от Пуртова С.Н., что пробурено сорок сажен или аршин, точно не помнит. Указать живуны-ключи, вытекающие из-под Перевесной гривы, и яму, он может.

1933 года октября 13 дня, взятый для указаний местности гражданин Салтанов Д.А. отыскал яму против контура № 15,

но утвердительно сказать не может, производилось ли в этой яме бурение. По словам Куклина М.О., эта яма была выкопана Пуртовым, но бурили в другой яме в глубину Перевесной горы (гривы) на северо-запад сажен на двести, но яму ту отыскать не смогли. Пришлось отыскать в северной части пруда контур № 26 — живуны с оттенками сине-масляничными, пробы с них брали в две бутылки для отправки в Северо-Уральский трест на предмет лабораторно-химического анализа. При этом контуры № 16 и № 26 были покрыты льдом, за исключением ключей, под которыми земля цветом желтая, запаха, напоминающего нефть, нет.

Ручьи-живуны, которые знает Салтанов Д., можно обнаружить лишь после спуска воды... Салтанов Д. подтверждает, что Пуртов брал пробы в контуре № 15, но теперь взять оттуда тоже нельзя, ввиду подъема воды... Кроме того, Салтанов и Кузьмин заявили, что в контуре № 15 рыба совершенно не живет, так же и в конце пруда, где есть ключи, с которых снимали синие оттенки».

10 ноября 1933 года от сотрудника экспедиции И.М. Злыгостева начальнику экспедиции УрСП:

«В дополнение к материалу по обследованию месторождений нефти в пределах Цингалов сообщаю, что, по частным сведениям, гражданин Пуртов Спиридон Николаевич, участник экспедиции 1912/1913 годов по изысканию нефти, проживает в городе Павлодаре на р. Иртыш. Спиридон Николаевич имеет двух сыновей — Александра и Сергея, которые будто бы проживают — один из них в Барнауле, а второй в Павлодаре или же в Семипалатинске.

По моему мнению, необходимо сейчас же принимать меры к розыску Пуртова С.Н. и его сыновей, так как Пуртов-отец мог бы дать ценные материалы об изыскательских работах по нефти, в которых он принимал непосредственное участие.

Выход нефти на Югане привлек внимание академика М. Губкина, с которым сотрудник ТАСС, по заданию «Советского Севера», 26 ноября 1934 года «имел беседу». На вопрос корреспондента: не случаен ли выход нефти в Сургутском районе? — академик ответил: «Нет, не случаен. Еще два года назад на сессии Академии наук СССР, посвященной проблемам Урало-Кузбасса, я высказал мнение о нефтеносности обширных пространств Сибири, особенно восточного склона Урала, ибо геологическое строение его многим напоминает западный склон, где имеется нефть».

Академик заявил корреспонденту, что 5 декабря 1934 года он созывает специальное совещание по вопросам сибирской нефти, в частности «о нефти в Обско-Иртышской области, на которое приглашаются виднейшие представители нефтяного дела. На совещании выступил В. Васильев с обширным докладом о месторождениях нефти вдоль Большого Югана. «Главный итог, — писала в те дни «Омская правда», — конференция достаточно научно обосновала и подтвердила наличие нефти в этих местах». После, прозвучавшей на совещании, положительной оценки академиком Губкиным изысканий Васильева, тресту «Востокнефть» выделили 150 тысяч рублей на организацию двух зимних разведочных экспедиций — в Сургутский и Верхне-Тавдинский районы, где тоже обнаружили выходы нефти.

«Цель их, — как было написано в задании, — на основе изучения результатов бурения определить методы дальнейших изысканий». Было решено, что Васильев, возглавивший всю работу, отправится на реку Белую в Верхне-Тавдинский район. Вести поиск на Большом Югане должен был Гуголь. Предполагалось начать работу 10 февраля 1935 года и завершить к 25 апреля. В планы юганской экспедиции входило пробурить 8—10 скважин глубиной до 30—40 метров, верхнюю зону дна реки предполагалось опробовать щупами на глубину до пяти метров.

Трудности подстерегали геологов в самом начале пути и были связаны с переброской оборудования в село Юган, которое находилось в 1 200 километрах от железной дороги. Планировалось перебросить руководителей работ и часть оборудования в Юган самолетом, остальное, это 1,5—2 тонны оборудования, а также рабочих, надо было доставить на лошадях по зимнику. Местная власть должна была обеспечить в Югане помещение под лабораторию и коллекторскую.

Весной того же года сургутская районная газета «Колхозник» опубликовала заметку о геологах на Большом Югане. В ней, в частности, отмечалось: «что в результате лабораторной обработки добытых пород имеются битумные вытяжки».

Каков же в целом итог работы экспедиций?

В. Васильев приходит к выводу: «Вся совокупность наблюдений заставила Гутоля сделать заключение, что наблюдаемое явление необходимо связывать с естественным выходом нефти, хотя собрать жидкость для анализа не удалось и ему... Остается предположить, что здесь имеется естественный выход нефти. У нас нет ни одного факта, который давал бы повод для другого вывода, и только осторожность, с которой приходилось подходить к оценке выхода нефти в Западной

Сибири, заставляет искать новые объяснения наблюдаемых явлений... В Сургутском районе исследования еще не закончены, поэтому сейчас трудно судить о перспективах работ в этом районе в ближайшее время».

Сейчас наивными кажутся попытки отыскать углеводороды на глубине сорока метров, но удивляет желание геолога Васильева, его настойчивость и последовательность, заключает журналист Валентина Патранова, проверить самые невероятные для того времени гипотезы. Вспомнили рассказ Пуртова, который в 1913 году в урочище Превесный Сор нашел ключ с маслянистой водой, похожей на нефть. Нашли этот ключ, где Пуртов брал пробы, но при проверке наличие нефти не подтвердилось, как не подтвердилась и заявка на выход газа, поступившая из Цингалов. Газ оказался обычным болотным.

Тем не менее вывод Васильева таков: «Если в Цингалах в 1913 году наблюдалось явление, подобное тому, что наблюдаем в Югане, вполне возможно, что оно прекратилось к настоящему времени».

В. Васильев не терял надежды найти нефть в Западной Сибири. И это действительно случилось. Через двадцать пять лет.

Васильев был недалек от истины, когда снаряжал поисковиков на Большой Юган, впоследствии там действительно обнаружили Западно-Асомкинское и Южно-Сургутское месторождения. Его экспедиция поставила не точку, но многоточие. Поиски продолжались.

Грандиозный проект так называемой Большой Сибирской геофизической экспедиции, равных которому по масштабам не было и в мире, возник в ходе XVIII партийного съезда, рассматривавшего «третий пятилетний план развития страны (1938—1942 гг.)».

Упомянутый трехтомник по нефти и газу констатирует, что экспедиция была задумана осенью 1939-го. А организатором стал наркомат топливной промышленности. К этому времени в Западной Сибири было известно шесть точек с признаками нефти, начиная от Сургута и заканчивая югом Омской области. Предполагаемый масштаб действий геофизической экспедиции поражает воображение даже сегодня, по прошествии шестидесяти лет с момента ее организации. Работа должна была развернуться на площади в пятьсот тысяч квадратных километров, захватывая часть Казахстана, Челябинской, Западно-Сибирской и Омской областей, в состав которой в те годы входил Ханты-Мансийский округ. Начать работы намечалось уже в зиму 1939/40 года.

В состав экспедиции входили 32 геофизические партии.

В 1940 году геофизики намеревались подготовить «районы и точки для глубокого роторного бурения скважин на нефть». В работе всей экспедиции намечалось использовать «все виды транспорта, как технического — вездеходы, автомобили, катера, самолеты, так и гужевого, кроме лошадей около тысячи оленей». Двусторонняя связь отдельных партий, отрядов и руководства экспедиции должна была поддерживаться десятком походных радиостанций.

Основной объем работ предполагалось сосредоточить вдоль железных дорог Свердловск — Омск, Троицк — Кустанай, Челябинск — Омск и далее на восток, к Омску и Новосибирску. Почему геофизики повернули на юг, вполне объяснимо: там, где железные дороги, проще организовать мероприятия.

Государственный геофизический трест запланировал четыре основные базы: в Остяко-Вогульске (Ханты-Мансийске), Тавде, Ишиме и Кургане. В начале осени 1939 года в Остяко-Вогульск отправилась первая партия для организации баз оленьего транспорта. В московской газете «Индустрия» за 14 октября 1939 года геолог Г. Рябухин писал: «На участников экспедиции возложены очень большие и почетные задачи. За их работой будет следить вся страна...» Но в жизни обернулось не так, как вначале намечалось, поэтому работа экспедиции продолжилась и в 40-м — 41-м годах. А начавшаяся война продиктовала иные приоритеты: главным для страны стала победа на фронтах, а не поиск нефти.

В войну разведку в Западной Сибири законспирировали, специализированные тресты ликвидировали, кадры и оборудование предприятий передали среднеазиатским подразделениям Наркомнефти.

Как только завершилась война, в мае 1945 года сессия Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР обсудила наличие нефти в Западной Сибири. Вице-президент Академии наук, корифей И. Бардин направил наркому нефтяной промышленности Н. Байбакову (Николай Константинович в послевоенные годы уже нарком!) «для ознакомления и проведения в жизнь практических предложений по обеспечению Западной Сибири собственной нефтью».

Профессор М. Коровин из Новосибирска настаивал на том, что «в плане разведки на нефть в Западной Сибири... на первом месте должен стоять пояс вдоль Сибирской магистрали железной дороги с охватом всего юго-востока Западной Сибири». В своем роде переломным стал 1950 год, когда геологическое совещание в Новосибирске рассмотрело «направление поисково-разведочных работ». Впервые за последние

годы прозвучали слова о том, что следует «начать бурение и обустройство новых скважин — Ханты-Мансийской, Покурской, Шаимской, Ларьякской...».

В окрцентре создается геофизическая партия. Комитет комсомола даже принял специальное постановление «Об оказании помощи в наборе кадров для Ханты-Мансийской геофизической партии». В райкомы ушла разнарядка о направлении тридцати комсомольцев в геофизическую структуру.

Поиск все больше смещался на север... К началу 1953 года в округе действовало пять разведочных партий: Ханты-Мансийская, Леушинская и Березовская подчинялись Тюменьнефтегеологии, а Покурская и Ларьякская — Запсибнефтегеологии. Все оказались удаленными от баз снабжения, оперативное руководство со стороны трестов было затруднено, и это сказывалось на результатах. Простои, аварии — вот геологическая повседневность той поры.

В 1953 году нависла угроза ликвидации Ханты-Мансийской экспедиции, куда в свое время окружком направил тридцать комсомольцев; приказом от 23 июля 1953 года экспедиция должна была войти в состав Тюменской геофизической, что означало ее полную ликвидацию. Руководству предлагалось в кратчайшие сроки обеспечить «транспортировку всего имущества, транспорта и оборудования... в Тюмень». Уход с севера означал перемены в самой ориентации поиска, предпочтение вновь отдавалось южному направлению. Вслед за геофизиками намеревались уйти и нефтеразведчики.

В Березовском районе разведку вела буровая партия. Ей райисполком отвел участок под опорную буровую Р-1. Располагалась площадка на окраине райцентра. И вот 29 сентября 1952 года проходка началась, как позднее признавались сами геологи, «в совершенно не изученном районе с целью изучения разреза и перспектив нефтегазоносности мезозойских отложений в верхней части доюрского фундамента».

Летом следующего года опорное бурение завершили на глубине 1 344 метра, в интервале 1 306—1 318 метров намеревались провести испытание скважины. Долгие бесплодные поиски вселяли мало надежды на успех: не даст ничего и Р-1. В архивы попало резюме министерской комиссии: «...В условиях интенсивного газирования перед спуском обсадной колонны, а также при наличии показаний... на газонефтеносность было проведено испытание газоводяного песчаника открытым забоем. На устье скважины отсутствовала необходимая арматура...»

Испытания велись круглые сутки, исполняющего обязанности мастера в тот вечер, 21 сентября 1953 года — истори-

ческой для округа и всей страны даты, вообще не оказалось на буровой. В половине десятого, после разбуривания цементных пробок, начали подъем инструмента, и вот в этот момент и произошло то, что вскоре назовут «открытием века»: с ревом и грохотом из скважины начали вылетать трубы — двести их метров, подобно пушинкам, взметнулись под небеса. Вытолкнула газоводяная смесь и долото. Ревущий фонтан воды и газа достиг высоты пятидесяти метров.

Давление на скважине достигло 75 атмосфер, дебит составил миллион кубометров газа в сутки. В эту же ночь начальник буровой партии Г. Суроков отправил управляющему трестом «Тюменьнефтегеология» А. Шиленко срочную телеграмму, был составлен акт о газоводяном фонтане на Березовской опорной Р-1.

Колесо истории завертелось вспять. Уже через пару недель «в связи с новыми геологическими данными по району села Березово» приняли решение об организации Березовской комплексной геофизической партии, ее «первым» назначили В. Зиновьева, который до этого руководил подобной экспедицией в Ханты-Мансийске, ужс к этому времени ликвидированной. Зиновьеву вменялось в обязанности «не позднее 15 ноября 1953 года начать полевые работы».

6 октября в Березово появилась комиссия Министерства нефтяной промышленности, и вместе с представителями треста «Тюменьнефтегеология» москвичи участвовали в ликвидации, а заодно и в исследовании газоводяного выброса. Выводы были таковы: «В селе Березово Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области в песчаных отложениях юрского возраста на глубине 1 305,75–1 309 метров открыта залежь горючего газа... Открытие имеет очень большое значение. Впервые на Западно-Сибирской низменности получен фонтан газа, свидетельствующий о большой перспективности северо-западного борта Западно-Сибирской впадины... Не ослабевающая в течение длительного времени сила открытого газоводяного фонтана убедительно доказывает, что скважина вскрыла не отдельную небольшую песчаную линзу, а мощную газовую залежь».

Березово становится геологической столицей округа. Здесь базируются нефтеразведчики, геофизики, геодезисты. Выступая в октябре 1955 года на пленуме Ханты-Мансийского окружкома партии, начальник Березовской нефтеразведки А. Быстрицкий сказал: «До передачи березовского газа в промышленную эксплуатацию еще далеко, но мне кажется, что областной комитет КПСС может поставить вопрос о пробной эксплуатации одной из газовых скважин для производственных и бытовых нужд района».

Собственно, так и случилось, но только в шестидесятых уже годах. Березовское месторождение не стало крупнейшим в стране, — оно и сегодня служит, но только нуждам райцентра. Журналистка Валентина Патранова по случаю торжества нашла очевидца тех далеких событий — начальнику участка «Березовогаза» Владимиру Всеволодовичу Толмачеву в 1953 году едва исполнилось семнадцать.

Он рассказал для «Новостей Югры»:

«Представьте ситуацию: тихий поселок просыпается от страшного гула. Утром среди жителей началась паника, все испугались, что поселок или разнесет вдребезги, или он провалится куда-нибудь. Фонтан бушевал до весны, и можно представить, во что превратилась зимой газоводяная смесь — на самой вышке и вокруг глыбы льда. Одна такая глыба убила командированного специалиста-москвича, погибли еще трое плотников. В это время готовились провести взрывные работы, чтобы разбить лед. Плотники приблизились к вышке, но из-за гула, который длился непрерывно днем и ночью, не расслышали команды покинуть территорию. Москвича увезли на родину, а трое плотников покоятся на березовском погосте. На удивление всем не пострадал верховой, он успел покинуть вышку. Согнутые в дугу сотни метров труб еще долго валялись вблизи буровой. Сразу после аварии зачастили многие комиссии, но что могли сделать, — ведь никакой техники, чтобы задавить фонтан, в поселке не имелось. Пришлось дожидаться весны, когда на барже привезли цементировочные агрегаты и специалистов по ликвидации фонтанов».

Сегодня скважина-первооткрывательница законсервирована и находится почти в центре расстроившегося поселка. Газ для бытовых нужд берут из скважин, что в трех километрах отсюда. С 1963 года эта «кормилица» питает предприятия, котельные, электростанции, квартиры поселка топливом.

...Через три года в Березово произойдет еще один подобный выброс. А в одной из скважин обнаружат нефть. Но это еще не станет началом Золотого века сибирских добычников. Подлинное открытие нефти еще впереди... В выставочно-буклетной периодизации, приуроченной к «Семи миллиардам», нет Самотлора и Мегиона, Хохряков и Пермяков, отправки первой нефти по воде и трубой, оглушительно-громких скоростных проходок, не менее оглушительных дебитов, имен, значительных посещений нового города и новых обжитых площадей, потому что составляла периодизацию сургутянка Л. Цареградская. И тем не менее периодизация эта свидетельствует: события значительные, этапные, в русле моей «Истории Западной Сибири в лицах и фактах». Сургутский поли-

гон по нефти запевный и по сей день весомый. Л. Цареград
кая — сургутянка по-своему права, перефразируя пословиц
действительно — каждому кулику свое болото роднее.

1951 год. В селе Покур Сургутского района заложена опо
ная скважина. Пробурено 2 360 метров.

1955 год. В Томской области создана первая нефтеразв
дочная экспедиция — Александровская.

1962 год. Геологов порадовала скважина № 63 на Усть-Балы
ском месторождении. В сутки она дает до восьмисот тонн жи
кого топлива. Подобных фонтанов в области еще не бывало.

1964 год. Шестнадцатого марта подписан приказ № 1 п
нефтепромысловому управлению «Сургутнефть» объедин
ния «Тюменьнефтегаз». Создано первое нефтедобывающ
предприятие в Среднем Приобье.

17 мая получена первая промышленная нефть из скважи
ны № 8 Усть-Балыкского месторождения.

1965 год. 10 марта создана контора бурения — Сургутск
управление буровых работ № 1. А первого апреля введено
промышленную эксплуатацию Западно-Сургутское нефтян
месторождение.

В декабре неподалеку от Нефтеюганска, в Каркатеево, вы
садился первый десант строителей нефтепровода Усть-Б
лык — Омск.

1967 год. В октябре нефть с промыслов Тюменской обла
ти по тысячекилометровому трубопроводу Усть-Балык
Омск впервые поступила на Омский перерабатывающий ко
бинат.

1970 год. Ханты-Мансийский автономный округ награж
ден орденом Ленина.

1971 год. Создано объединение «Запсиббурнефть». Откры
то новое богатейшее месторождение природного топлив
которое назвали именем известного в области геофизика Ви
тора Федорова.

1972 год. Проходчики Сургута первыми среди управлени
«Запсиббурнефти» выполнили повышенные обязательства
честь полувекового юбилея СССР.

1974 год. Миллионный метр проходки достигнут предпр
ятиями «Запсиббурнефти». Весомый вклад внесли буров
мастера Г. Левин, Г. Петров, Г. Еремин, В. Китаев. А в НГД
«Холмогорнефть» с начала эксплуатации месторождения д
быта миллионная тонна нефти.

Началось промышленное освоение месторождения Ля
торское.

1980 год. Первая тысяча тонн нефти получена с начала э
сплуатации Яунлорского месторождения.

1984 год. В Повховском УБР введено в эксплуатацию Ватьеганское месторождение. На торжественном митинге начальник НГДУ «Повхнефть» В. Алекперов отметил, что на новое месторождение возлагаются большие надежды.

Штаб ЦК ВЛКСМ подвел итоги соревнования среди комсомольско-молодежных коллективов Всесоюзных ударных строек Западной Сибири. Среди победителей — буровая комсомольско-молодежная бригада Абиля Шукюрова из Сургутского УБР-2.

1985 год. В сентябре на промыслах области добыта трехмиллиардная тонна нефти. К первому миллиарду тюменские нефтяники шли четырнадцать лет, ко второму — три с половиной года. На третий ушло менее трех лет.

На базе буровой бригады Героя Социалистического Труда В. Сидорейко из Сургутского УБР-2 создана Всесоюзная школа передового опыта.

1990 год. В июне решением конференции представителей трудовых коллективов производственных объединений Главтюменьнефтегаза в области создана нефтяная ассоциация.

1993 год. Правительственные делегации двенадцати стран, представители трех республик, входящих в состав Российской Федерации, прибыли в Сургут для обсуждения проблемы стабилизации и дальнейшего развития нефтегазовой отрасли.

1995 год. В ноябре в Париже состоялось вручение Сургутнефтегазу высокого международного приза — «Европейской награды за качество-1995». Это результат положительного опыта Сургутнефтегаза в решении интеграционных проблем экономики, экологии и взаимодействия с местным населением при освоении нефтегазовых месторождений.

Существуем? Нет — живем!

Мне еще недоставало Глуха, его историй, и я снова приехал к Владимиру Григорьевичу — флагман окружной сейсмики, выросшей из двух экспедиций, живет неподалеку. Первый управляющий Хантымансийскгеофизики Евгений Васильевич Сутормин погиб в горящем самолете. Он был заметной во всех отношениях личностью — скорбь по нему была всеобщая. На другой день после похорон главный инженер Бриндзинский, человек волевой, решительно заявил: «Хватит хныкать. Надо работать!» — и улетел в министерство. Дело, которым они занимались, не терпело промедлений. А через два года не стало и Бриндзинского.

Именем Сутормина назвали улицу в окружном центре, имя его не забыто. И благодаря книгам не будут забыты старший инженер партии Юрий Селивоник и равновеликий по должности и значимости Селивонику Виталий Петров. Я восстанавливаю эти имена, как мой однофамилец Сергей Сергеевич Смирнов некогда восстанавливал имена героев Брестской крепости.

На просеке, в ветрах и стужах, дождях-косохлестах, в суете, напряженке, матерщине, по Глуху, — еще не самое трудное; сейсмоприемник на снегу или грунте, сейсмостанция, восприятие сигналов — полдела. Отчеты, выводы, прогнозы, кабинетные вахтовки, споры до хрипоты, многая прочая рутинность — венец. Глух после института от Тюмени до закраек Ямала «полдела» на природе и «венец» самый изведал. Западная Сибирь геологически еще не изучена, разведку одно время вели на реке. Бросали в воду взрывчатку, потом уже сообразили, что следует заряд на суше закладывать. Берега дохлой рыбой были усеяны, кое-где и стерлядь встречалась. Безобразие вскоре прекратили.

Нынешний президент Хантымансийскгеофизики Иса Султанович Муртаев сохранил и преумножил комплекс, не отдал в чужие руки. Общая стоимость акций на период приватизации — 157 миллионов рублей. Их разделили между коллективами. В Тюмени экспедицию собрали под крышу центра обработки материалов, снабдили программным обеспечением. Все филиалы укрепили технически, сделали конкурентоспособными, более производительными.

В эпоху приватизации Владимир Григорьевич был председателем совета трудового коллектива, всячески способствовал Муртаеву в «собирании земель», словом и делом председателевым. Освободившись от диктата главка, прикупили акции Новосибирской и Оренбургской экспедиций. Краснодара и Твери, Енисейска — всех восьми филиалов. Укрупняли, а не распыляли. В повседневке освежали базу данных, переписывая диски и подпортившиеся магнитные ленты минувших лет.

Все «штурманы» нефти и газа еще и философы.

— Важно — не где живешь, а чем занимаешься, — подзавел Глуха его московским происхождением.

И он парировал достойно:

— И в провинции можно жить столично.

В свое время его родители-крестьяне от голода и большевистского произвола бежали из деревни в Москву, где Владимир Григорьевич впоследствии окончил геологоразведочный институт. В Москве остались родственники и друзья, оста-

лись воспоминания о Москве. Остальное же глубинное — здесь, в северной стороне. Это остальное — обширно-пространственное, причудливо сплетенное от тех же тракторных поездов с балками различных назначений, базы данных, суперЭВМ, сейсморазведочных «кос», общей длиной в полтора десятка километров, до тех же чувствительных датчиков, «отстрелов» площадей, методик, кадров. Это и заказы Сургута, Нижневартовска, Радужного, Ханты-Мансийска, ЛУКойла, Варьеганнефтегаза и Варьеганнефти, опаздывающие после кризиса 1998-го по стоимости сейсмических услуг: о повышении зарплаты приходится лишь мечтать. Остальное — это и телеметрические станции мирового класса (оборотных средств хватает лишь на «железо»), десятки тысяч записей по архивам, кои требуют реставрации, прием российских и зарубежных визитеров, всероссийские семинары в Ханты-Мансийске.

Он, начальник геологического отдела, и Б.К. Зоммер в голос скажут, пожалуй, общеизвестное, что прирост запасов в два-три раза должен опережать добычу. При извлечении 170 миллионов тонн нефти запасов необходимо иметь — до пятисот, а с 1990 года в Среднем Приобье их готовится вдвое меньше. Спохватились, но опаздывают в пути. Оживление с заказами лишь слабый проблеск необходимого зарева.

Известно, что свернутое производство лишает человека денег, возможностей купить самое необходимое, и марксовско-большевистское постулатное: «Кто не работает, тот не ест». А кто не ест — тот вымирает. Мы вымираем. В ежегодном послании к Федеральному собранию Президент Путин озвучил удручающие цифры: в России за год население убывает на 750 тысяч человек. В ближайшем будущем убудет на миллионы. Некому станет есть, пить и работать, оборонять Отечество. Значит, нужно немедленно разомкнуть обруч-удавку производством! Сильная экономика — сильная армия и флот, высокая нравственность... Отягощают кризисы и мини-индексации, переаранжировки капиталов за рубеж, неравенство зарплат, смыкаются с наркоманией, спидом, разложением всего общества и отдельной личности.

У капстранцев практицизм и выгода прежде всего. Только для самих себя. Возгласы о добре и справедливости не в счет. Национальные интересы — и все тут... Но как иначе, если производство требует нового посвящения — товара, занятости, денег. У кого деньги, возможности продавать и покупать, тот живет, а не существует.

Соблаговолил полумиллиардный кредит долларовый американский «Эксимбанк» Тюменской нефтяной компании с

обязательным условием — при реконструкции Рязанского нефтеперерабатывающего комплекса и Самотлора оплата тех же американских товаров и услуг через фирму «Халибертон». Свое — себе же. Цемент, насосы, химреагенты, запчасти, оборудование — все с «уолл-стритт». Наша российское — кому же, куда? Ваньке Ветрову, который дым пилит? Свернем производство еще больше — вымрем окончательно.

Такие «громкие» инвестиции являют колониальную наживку на острозаточенном крюке. Так зачем они, с обязательностью «использования страны происхождения кредита»? Хитромудры в мирах немарксово-большевистских, где призрак коммунизма не сгустился до контурных очертаний октябрьских переворотов. Испания, не производя ничего, одним туризмом обходится, туризм своего рода производство для нее, для Швейцарии — банкирство. У нас горазды лишь расхищать природные ресурсы, которых все меньше и меньше, экология все хуже и хуже...

Мегионский Долгов говорил, что российские турпримечательности разнообразней испанских, банковское априори и новые технологии, навязываемые иностранцами в качестве товара с процентами, способны побить любые иные, — не побивают, пребывая индейскими племенами в резервациях свободного законоустройства.

В. Путин обещает тотальную перемену в разновесе реализаций «товар нам и товар им». Что сбудется? Когда?

Имена месторождений

Признаться, я особенно глубоко не задумывался над тем, как, по какому принципу присваивают имена месторождениям, считал по наивности, что это высшие «хуралы» решают. Муравленковское, Повховское, Федоровское... Первый — начальник главка в Тюмени, Герой Социалистического Труда, лауреат, депутат и т.д.; другой — буровой мастер, самотлорец, погибший безвременно в краях не обжитых первопроходцами; третий — главный геолог Сургутской нефтеразведочной экспедиции — Виктор Петрович Федоров.

В Сургутнефтегазе недавно увековечили имя актера М. Ульянова за то, что долгое время блистал на подмостках театра имени Евгения Вахтангова, а театр этот давно дружит с Сургутом. Пригласило М. Ульянова по случаю его семидесятилетия управление поисково-разведочных работ компании. Начальник управления Вадим Владимирович Куценко принимал и опекал Михаила Александровича отныне на «именной» территории.

Заметили, кто приглашал? Геологи-разведчики!

Первое звено поиска — сейсмики, им и дано ломать головы над новорожденцами, пока те еще обещают стать полноценными кладовыми, в сейсмике они только желаемое-возможное, спрогнозированное на успех: есть запасы! Ройте, ребята! Нефтеразведчики и газовики роют, ставят точку.

Из газетных публикаций узнал, что названия часто привязывают к топографическим достопримечательностям: рекам, озерам, ручьям, поселениям разного толка. Иногда названия придумывают вовсе рядовые сотрудники. В одной из заметок прочитал про Нивагальское месторождение. Кружили кружева некто Нина, Валя и Галя и выкружили самоткано из начала своих имен — Нивагальское. Владигорская структура — в память ныне покойного Владимира Григорьевича Остапенко. Он был геофизиком, каких много, но уважаем близкими. Увековечили. Шаборинская площадь — в честь здравствующего начальника интерпретационной партии в Ханты-Мансийске Бориса Ивановича Шаборина. Специализируется на обработке полевой информации. Я его встречал в кабинете у Глуха, чай-кофе вкрутую пил, истории всякие шияновские слушал. Внимал так, как впоследствии не прислушивался к тому, что говорил при личном рандеву председатель Государственной Думы Геннадий Николаевич Селезнев. Рассказывал Шаборин про две небольшие структурки — Ивашкинскую да Степашкинскую. По названию речки Иван Степанович Ольга Попова, мать двоих детей, ласково назвала. Чудеса — и только.

В год хантымансийцы сдают геологам и разработчикам по нескольку структур. За тридцать пять лет, по словам В. Глуха, отработали 420 тысяч метров профилей, ими десять раз возможно опоясать земной шар. Подготовили шестьдесят тысяч квадратных километров площадей. Открыли 250 месторождений.

Услугами моих друзей пользуются и «Ритэк», предводительствуемый бывшим начальником Тюменского главка Валерием Исаковичем Грайфером, и «Славнефть», которую недавно взял в свои южные загорелые руки Михаил Сафарбекович Гуцериев. Объемы затвержены на весь 2001 год. Потрудятся вволю полевики и обработчики информации всех филиалов компании.

По масштабности Хантымансийскгеофизика в полтора раза превосходит самую крупную геофизическую компанию планеты.

Узнавания

Дни в Ханты-Мансийске были плотные, как липнущий к полусапожкам снег, успел выступить по телевидению в программе «От семи до девяти», в открытом эфире. Это прямое включение познакомило с Иваном Филипповичем Музыкой из Междуреченска, он назвался и спросил, не намерен ли в «Истории» писать о речниках. Я ответил утвердительно, вскоре и междуреченец прислал мне воспоминания с кипой личных фотографий, на некоторых он в дошкольном возрасте. Вот ведь доверился! Расчувствовавшись, я послал книгу и свой портрет. Заметки отложил для четвертого тома.

На СТС «Югра» пообщался с милейшим главным редактором этой телекомпании Тимуром Валерьевичем Волковым. Он встретился на входе, возле охраны, поинтересовался, кто я, и свел тотчас с ведущей программы «От семи до девяти» Ольгой Коблянской. Передача состоялась.

Перед выходом в эфир подстригли, «наманикюрили».

Осталось теплое чувство к добрым, внимательным людям, до сих пор согревает. Когда меня дружеским письмом поздравил с выходом предыдущей книги и прислал свой цветной портрет на фоне правительственной резиденции президент Франции Жак Ширак, первым делом сообщил именно Тимуру Валерьевичу, подкрепив информацию ксерокопией письма и портрета старины Жака.

В пустынном зимнем здании Дома писателей беседовал неоднократно с ответственным секретарем окружной писательской организации Николаем Коняевым. Даже побывал у него дома, на улице Коминтерна, в бревенчатом, потемневшем от времени и ветхости домишке, казалось, приплюснуто-осевшем. Хлебали щи, ели что-то второе, запивали чаем или компотом, поданным добродетельной матерью Николая Ивановича. Улица Коминтерна напоминала Перековку — из подобных же одноликих строеньиц поры тридцатых ссыльных.

Совестливый Николай Иванович не лез строптиво за благоустроенной квартирой, не старался побыстрее издать залежавшийся роман на средства окружной администрации, через комитет по средствам массовой информации и полиграфии, — получали квартиры, издавались другие. В прошлом Коняев экономист, окончил институт в Омске, учился заочно в литинституте. В литературу вошел с рассказами и повестями о старичках и старушках «перековских» и других, столь же буднично, житейски мудрых и основательных. Я его впервые встретил в Тюмени, на писательском собрании. У меня, «деревенщика», сразу ощутилось родство с ним.

Еще он был для меня производственником, на трезвомыслящем срезе экономическом из глубин народных, где и есть все истинное. Я будто всегда знал Коняева. Но знал его заочно, в основном со слов поэта-манси Андрея Тарханова, руководившего Угро-Ямальской писательской организацией, на которой выросла нынешняя окружная. Я оказался правой рукой секретаря: занимался фондом помощи писателям — выбивал спонсорские деньги для внебюджетных нужд. Получалось в пору перестройки. Деньги на счет поступали часто, Угро-Ямальская стала соучредителем издательского концерна «Северный дом», издали книги Леонида Шкоды, Анны Коньковой, Андрея Тарханова, секретарь занялся слегка коммерцией и политикой. Коммерция и политика, на мой взгляд, давались Андрею Семеновичу труднее, чем поэзия, и труднее и драматичней, не были его призванием. Не для тонкой души лирика они.

Ю.И. Коняев — ответственный секретарь окружной писательской организации

Он увлекался публицистикой, страстно, горячо ратовал за чистые воды и леса, за воздух, выступал за братство и равенство общественное, бичевал псевдодемократов, продавшихся журналистов, президента. По сути своей Андрей Семенович всегда желал и, думаю, желает сейчас одного: счастья, процветания всем и каждому, справедливости, единства великой державы, он был истинным патриотом и, вероятно, остался таковым, но не все и не всегда понимающим в круговерти и пестроте событий.

Он отзывался на мои приглашения. Неоднократно приезжал в Нижневартовск, вызволял меня из бед и немочей. Обязательный человек.

Бывая в Ханты-Мансийске, я Николая Ивановича ни разу не видел, только читал кое-что немногое в периодике, прочитал в мягкой обложке, почти брошюру, книжку его повестей, кажется «Чужая музыка». Почувствовал в нем беловско-распутинско-бунинское, отчасти астафьевское начало, обогащенное собственным коняевским мироощущением, идущее от народной

сермяжной глубинки, что истинна и непроходяща в любой общественной пирамиде, хоть российской, хоть чьей другой.

Слухи о Коняеве появлялись разные, он то возникал, то терялся, всплывал будто из ниоткуда снова. Одно время ответсекретарил в краеведческом журнале, учрежденном энтузиастом Валерием Белобородовым, ушел. Молва донесла о приеме Коняева в Союз писателей через Тюмень, дома вступать не пожелал.

С Коняевым встретился впервые на писательской съездке в Тюмени, — небольшого роста, при его худобе неестественно зычный, басовитый, являл он вдумчивость, страдание, ранимость. Импульсивный. Волнуясь, он слегка заикался. Русский интеллигент стародавней закваски. Среди прочих легких, пузыристых — прилежный, искренний, ощущалось в нем нечто характерное для перековкинского бытия с его оригинальными мыслителями и философами, тихими и безропотными.

Показался он мне родственным. И родственным был поэт из областного центра, редактор «Тюмени литературной» Николай Денисов, натура противоречивая, метущаяся. Постоянно с кем-нибудь конфликтующий, с кем-то или с чем-то сражающийся.

На руинах Угро-Ямальской впоследствии родили обновленную окружную организацию с благословения властей, избрали ответсеком Коняева.

А дальше закружило, повело, как пел известный бард, кого куда — к взлетам и падениям. Пузыристое шипучее взыграло девятым штормовым валом. Организация по творческому потенциалу мощная, но ржавчина точит и железо. Ржавчина всюду. Объявился Огрызко из «Литературной России», мнивший себя знатоком территории, специалистом по северным починкам. Некогда проявлялся Вячеслав Вячеславович в «Книжном обозрении», исчезал с небосклона оценочных изданий, появлялся где-то вновь. Но в любой переваловомиграционной ситуации Огрызко пристально взирал на облюбованные им просторы, где «открытие века» будто извержением вулкана всколыхнуло все.

Оказавшись в газете, назначением и названием прежде олицетворившей литературную истину в последней инстанции, он в роли заместителя главного редактора (а главный под стать — В. Еременко) смекнул, что к чему. Письма рассылает, легкой кавалерийской бригадкой наезжает сам-семь да с В. Еременко для пущей убедительности. Народа водитель и одновременно народный слуга. Мечет фишки белые и черные, ярлыки навешивает. Одних признавая непревзойденными, золотоносны-

ми, других окончательно и бесповоротно пригвоздил к «бесталанности» и «отсутствию творческой перспективы».

Новейшей субстанции нижневартовский газетчик Семериков проксерокопировал тезисы Вячеслава Вячеславовича в своем листке «Дни Самотлора». Я ринулся в контратаку, возмутил сердце, и сердце от довеска ко многим прежним тяготам чугунно-литого производства надорвалось — инфаркт. Остался жить...

Кто сам ничего не может, тот страждет о молодых и составляет справочники. Огрызко составил два. Третий грядет из-за холмов с теремами — еще лучше будет. Взбодрится придорожная мурава, осокори с обломанными ветками зазеленеют возле эстакад, гуттаперчивые попугаи взмахнут надувными крыльями. Образуется всеобщее процветание.

Еще меня огорчала позиция Еремея Даниловича Айпина.

Я его увидел впервые на организационном постановочном. Он оказался не столь крупным, как на газетных афишах в пору выборной компании в Верховный Совет СССР. Тогда действительно боготворил хантымансийца, пристально вникал в манифесты по защите северных аборигенов: «Быть ли моему народу?» Казалось, он заполнял все пространство вокруг. Я ему восторженные письма слал. Есть открытка ответная. На собраниях Угро-Ямальской организации, которые летуче проводили в квартире ныне покойный сказительницы Анны Митрофановны Коньковой, Еремей Данилович не был ни разу. С Андреем Семеновичем не приятельствовал. После разгона парламента в памятные штурмы на набережной через какое-то время работал представителем Президента в округе.

В кулуарах собрания ринулся было к нему приветливый, но он холодно отстранился, сказал, что писем не помнит и адреса по Рублевскому шоссе в столице не ведает. Но адрес в моих записных книжках очевиден, и почтовая открытка не потускнела, с характерной каллиграфией:

«Уважаемый Николай Павлович!

Спасибо Вам за поддержку, за добрые слова о моих делах, о моем народе! Спасибо! Читал и читаю Ваши публикации в газете. Спасибо за приглашение! Непременно зайду к Вам, когда буду в Нижневартовске. Забот сейчас навалилось очень много с выборами в народные депутаты СССР. Не знаю, каковы будут итоги. Всего Вам доброго!

С уважением Ер. Айпин».

Не берусь аттестовать Еремея Даниловича, явлю лишь «Фальшивую ноту «поющего озера» — статью Константина Лагунова в «Тюменской правде». Ее дал из секретарской папки припасливый Коняев, недовольный заголовком. Лагунов

рассуждает о рассказе «Русский лекарь», помещенном Айпиным в нашем альманахе «Эринтур» (по-мансийски — это «поющее озеро»).

Итак, Константин Яковлевич пишет:

«...Полотно повествования отталкивающе мрачно. В центре его две темы: Советская власть и народы Обского Севера, русский народ и ханты...

...Только человек, ослепленный ненавистью к Советской власти, может утверждать, что, кроме бед, лишений и страданий, эта власть ничего не принесла хантыйскому народу...»

Явление на Югру Советской власти — доказывает Лагунов, историк по образованию, — ознаменовалось борьбой. Беспощадной, непримиримой борьбой за физическое и духовное выздоровление коренных народов. Здравоохранение и просвещение (образование) — вот два кита, на которых Советская власть замыслила выдернуть из невежества и первобытного мира хантыйский народ, подтянуть его по быту и культуре к мировой цивилизации.

У русских принято за добро платить добром. Насколько мне ведомо, у хантов тоже свято блюдется этот неписаный нравственный закон: за добро — добром... Во имя чего переступил этот священный закон писатель Еремей Данилович Айпин?

Для меня этот вопрос пока безответен.

Быть может, на этот вопрос рискнет ответить знаток ненецкого фольклора Валентина Вануйто, считающая присоединение Обского Севера к России трагической ошибкой? Рискнут ли многие, заведомо похоронившие Россию и русских? Айпин с Огрызко в давности плавали по Агану, нашли явные свидетельства родовых запустений, пожарищ, истерзанной земли. Но разве меньшей эрозии подверглись русские? Сами истощаются и вымирают. Статистика в послании Президента к Федеральному собранию удручает и одновременно обязывает вернуться к звонам про «оккупантов» и «подвластных». «Оккупантами» одно время именовал новых северян ненецкий оленевод-стихотворец из Варьегана Юрий Вэлла, кстати окончивший литературный институт, пользующийся общим вниманием и помогой-опорой. Ему-то чего бы звонить?

Лишь недавно признал, что без русской культуры и русских не обойтись.

В претензиях есть доля истины, но больше позы, дежурной спекуляции на беспроигрышном. Запускают долгоиграющую заезженную пластинку ваххабиты в Чечне и Дагестане под соусом: Россия — русские — кеферы, то есть неверные, а без российских дотаций — вливаний из общего сосуда неспособны передвигаться и умствовать.

Местный строитель со стажем пенял мне после выхода «Нюролькиного хлеба», где самобичевания и угрызения автора перед аборигенами, что он столько объектов всяких создал здесь, а, получается, враг. Он что — из Америки или Австралии, иноземец какой? И другие пеняли. Стал я задумываться — дело-то нешуточное. Тлеют неприязнь и обособливость в аборигенах, добавляют раздрая в общий державный непорядок, когда с кавказских предгорий наползает вполне очевидная агрессия с глубинными намерениями.

Кто хозяева в Югре? Только ли коренные народности? Они ведь тоже некогда были пришлыми. Выходит, «оккупировали» до прежних угров, а те неандертальцам поспособствовали исчезнуть. А еще татары теснили остяков, те — вогулов, осевших принудительно в кочковатых тундрах. Лишь Природа и Бог вправе на первородность, прочие в Доме для всех, в равных правах и ответственности.

Показал мне Николай Иванович фотографию Отрызко. У трибунки Вячеслав Вячеславович, перед микрофоном, речь держит пылкую. Не раскусишь сразу, чего стоит...

Долги возвращают

В своей книжке «Глубинные горизонты», 1990 года издания, нашел местечко про И. Ефремова и Ю. Свищева из Нижневартовскнефтегаза, обвиняемых в завышении запасов на левобережье Оби. Что же на самом деле? «В годы, именуемые застойными... ресурсы месторождений определялись иногда на глазок и с такой же легкостью утверждались. По этому принципу Нефтеюганское объединение приняло Орехово-Ермаковскую залежь. На основании представленных запасов сотворяли схему разработки, под схему обсчитали обустройство, объем бурения и запустили Орехово-Ермаковскую, что называется, на поток.

Ефремов и Свищев приняли залежь от нефтеюганцев с благой целью — дать фронт работ нижневартовцам. Уточнив запасы, убедившись, что они не соответствуют действительности, тотчас перебросили коллективы на другие площади, сделали единственно верное, что в их положении можно было сделать. Обвиняя Юрия Михайловича с Игорем Федоровичем, никто из критиканствующих не удосужился заглянуть в приказ Миннефтепрома от 11 ноября 1985 года. Многое бы им стало ясно.

Участь Орехово-Ермаковского претерпели многие месторождения. При учете нефтяных запасов по Западной Сибири набрали липовых аж два миллиарда тонн. Их пришлось спи-

сать. Есть на этот счет совместные протоколы главка, Миннефтепрома, Мингео под грифом «секретно»... Проблема, видим, гораздо глубже, масштабней, ведь и разработка-то велась на глазок, без достаточного обустройства и точного анализа запасов, их уточняли зачастую промысловым бурением и накоплением информации, открывая новые пласты и пропласгки и даже новые площади.

Оказывается, и вот таким образом при спешке и гонке «Давай! Давай!» можно попасть впросак. Попали. Одним росчерком пера лишились двух миллиардов тонн углеводородов. Ударились тогда в конъюнктуру, позабыв о завтрашнем. Нефть любой ценой! Реванш любой!»

Так писал в 1990 году, оглядываясь на галопом пройденное в Приобье, на ощутимые издержки, не опасаясь еще иных ветров и погод: банкротств, приватизаций, инвестиций, соглашений о разделе продукции, олигархов... Сейчас и Мингео с геологическим главком в Тюмени нет, и спросить вроде не с кого за прошлое. Но прошлое остается настоящим: все те же «больше!», «быстрее!», «глубже!» звучали на торжестве в Ханты-Мансийске, знакомые уверения и предначертания. А извлечение нефти осталось прежним — сорок процентов от ста имеющихся в недрах, нижние горизонты практически нетронуты.

И нетронуты потому, говорил позже Долгов, что из дальних глубин добывать сырье все равно что из камня. Песчаники много податливей, вот и сосредоточились на удобистом: ухватить вершки, после — хоть потоп.

«Разрядили газовые шапки, впопыхах подтянули воду», — посетовал как-то бывший промысловый геолог Леонид Дмитриевич Рогожин, который на здешнем промысле до 1969 года был заместителем начальника. На ножевом каленом острие разработки Мегиона, Ваты, Самотлора находился, разрешал гамлетовские вопросы, вел... В ЦНИПРе управления добычи родился газлифт — новейший способ подъема жидкости. Курировал направление начальник отдела В. Кавказов, знаменитый Г. Арнапольский только прикоснулся, из управления скоро перевелся в отдел новой техники объединения. Так свидетельствовал уточняюще Рогожин.

Цех научно-исследовательских и производственных работ, дорогой сердцу Леонида Дмитриевича, являлся коллективом коммунистического труда. В нем восходили Ю. Келоглу, Юй-де-мин. Отменный теоретик, правая рука покойного главного геолога В. Литвакова в НижневартовскНИПИнефть ныне рука об руку с Юй-де-мином задумки реализует. Просил не забыть о них Л. Рогожин.

Помбур Николай Ефимов из деревни Мессели Аургазинского района Башкортостана обижается на односельчанина, Героя Труда Петрова — вешки рекордов расставлял с ним от Шаима до Самотлора, а не признал земляком буровой мастер, не приходил в гости прежде и по сей день, наезжая в юбилеи из облцентра, не навестит. Потеряв в гайдаровско-чубайсовскую неминучую инфляцию сбережения, не смог Николай выбраться на малую Родину: денег — одна пенсия, операцию перенес.

Н. Ефимов — из шумных семидесятых. Я сам тогда в забубенном порыве с Григорием Кузьмичом Петровым, Анатолием Шакшиным, С. Ягафаровым был знаком. Время минуло — обида у Н. Ефимова тлеет. Остался долг за Петровым, долги возвращают, но не всегда и не все...

Иные ветры на дворе, иные купюры в закладках раздатистых кошельков. Хватаются за всякую залежь, лицензии выкупают наперегонки. Возрождают брошенных в одночасье геологов и геофизиков, чтобы приратить запасы, однажды поверив в их безмерность. Вопреки многим на торжестве в Ханты-Мансийске я заявил корреспондентке из пресс-центра тамошнего, что радоваться нечему. Семь миллиардов канули в никуда, в бездонную пасть: разбазарены, проедены под бубны и победные фанфары, под фейерверки, какие вон за стенами Центра искусств производят, цветисто небо и холмы озаряют, а новых Самотлоров не предвидится, впереди лишь «долговские» нижние горизонты кремниевой прочности.

Бережливей бы, расчетливей с недрами. Целиться в глубины и повышать нефтеотдачу всеми возможными методами. Лишь один процент такого повышения на Самотлоре равен месторождению средней величины. Есть резон поломать голову.

Учиться самим хозяйствовать умно. На заграницу сколь ни паши, отечественного жита не напашешься, геологию еще Петр Великий учредил государевым указом, но геология только обнаруживает клады, вскрывают ларчики другие, как вскроют — таков результат.

«Все открытия в основном делаем по воде, — заключил на прощание Виктор Ильич в Мегионе, — а первую скважину заложили в 59-м на Баграсе, 65-й — это Самотлор: Абазаров, Долгов, Норкин... — И обобщил ударно: — Я сто пятьдесят площадей поисковых изведал, а однофамилец буровик известен больше...»

Что правда, то правда, недоимка у истории перед Виктором Ильичом. Возвращай долги, история...

Звездный час Владимира Ляпина

Громкое перекатистое эхо проходчики обеспечили непревзойденными скоростями, вдавливались долотами в песчаники, как в репу, заведомо обреченные быть героями. Бригада В. Ляпина в 83-м пробурила миллионный метр горных пород. Были шумные здравицы на буровой и в управлении, газеты запестрели анонсами. Владимир Викторович удостоился Государственной премии СССР. А первый миллион осилил Г. Левин. «Чем они слабее?» — вдохновились ляпинцы. — И они смогут!.. Смогли!.. То был звездный час лауреата...

Герои не теряются, скоро нашел Владимира Викторовича в местном спецУБР, славном горизонтальными скважинами и генеральным директором Камневым. Фирменным знаком управления стала фамилия первого руководителя.

В самолете подсел к Ляпину, не упускал в Ханты-Мансийске, экскурсировали вместе по городку, стопки в музее-заповеднике на морозе у костра для согрева пропускали, в залах на торжестве к Ляпину примагничивался. И к Ляпину же поспешил в Нижневартовске, его магистральные этапы — терний ведать...

Родился Владимир Викторович в Оренбуржье, после техникума и воинской обязательности родители намеревались определить в проектный институт, он, недавний солдат, начитавшись и наслышавшись про «открытие века», на Самотлор.

С помощью техникумовского однокурсника Ивана Тингаева (вакансий свободных не было) в доблестном первом УБР вначале угодил к Магданею Мифтахову, обливался потом и раствором в бывшей повховской бригаде, помбуром, верховым, бурильщиком. Помощником в комсомольско-молодежной у Степана Осадца старался.

В.В. Ляпин — знаменитый буровой мастер на Самотлоре. 70-е годы

Самостоятельно в первый год набурил под девяносто тысяч — это третье призовое место в объединении. Четырьмя вахтами бурил по сто и больше, избирался депутатом горсовета, членом окружкома и обкома партии. Чтобы успеть всюду, бодрствовал сутками, бросался в работу, как в атаку со штыком. В бригаде его понимали с полуслова, аварий,

просто осложнений, присущих скороспелке той поры, избежали. Миновали их на газовой «шапке» месторождения, особенно чреватой выбросами. В год сдавали по 45 — 50 скважин. До сих пор дают они нефть. Справлялся у разработчиков. Одних медалей ВДНХ у Владимира Викторовича «полный Георгий»: бронзовая, серебряная, золотая; трижды «Отличник нефтяной промышленности СССР», трижды награждался знаком ЦК комсомола, удостаивался звания «Победитель во Всесоюзном соревновании». Из года в год перевыполнял планы и обязательства, а их по два-три раза набрасывали.

Настрой был, какому позавидуешь. На работу с песнями, и после вахты неугомонные. Возраст такой — 25–26 лет каждому, самый взлет: «Мы счастливей других, мы идем впереди...» За беспорочный труд им квартиры, машины, высокий заработок, значит, и в семье лад. Постоянно на первых полосах газет: репортажи, фотографии... Звездный час капитанов пятилеток, невольных заблужденцев Марксовой утопии.

В 1989-м Ляпина пригласили на встречу с Горбачевым, генсек собрал нефтяников, чтобы услышать, как поднять экономику в Союзе, — кризис уже обозначился. Владимир Викторович тогда доложил о собственных «шахтерских» проблемах: зарплата никудышная, и ее перестали платить, вопросы с объемами проходки — нечего бурить, не на что жить. Доклад понравился многим, не в бровь — в глаз законерщику перестройки.

Был делегатом последнего партийного съезда с бывшим объединенческим секретарем Б. Волковым, который декларировал о «щепах России», ратовал разорвать оные, приветствуя новый арендный подход. Отделившейся Черногорской руководил, которую впоследствии сдал «Сиданко», та в свою очередь — Тюменской нефтяной. Секретарь обкома В. Чертищев, возглавлявший делегацию, удивился: что это Борис Петрович впал в критицизм? Прежде лояльным был, не рвал секретарских уз.

Всего от области приехало в Москву девять человек, и в их числе бурильщик из бригады Левина, участник предыдущего съезда Васильев. Обычно после подобных форумов выезжали на объекты, делились впечатлениями, на этот раз не потребовалось: прежнее внедолге рухнуло.

Владимир Викторович один на один остался с бурением и ностальгией по прошлому «звездному», когда не было воровства, беспредела. Пенсия удобоваримая, сейчас едва на кусок хлеба тянет. Образование и медицина бесплатные. Если дите с головой — поднималось на ноги без особых усилий. Нынче пустой кошелек — нет учебы. Без протекции на работу и с дипломом не устроишься, сиди на шее у родителей или иди в криминал. Разорвали цепи, да, видимо, не этак.

Борис Петрович оказался в столице, из Москвы на какое-то время переместился в Ханты-Мансийск консультантом по нефти к губернатору Филипенко. На «Семи миллиардах» не застал его, он уволился незадолго и, как узнал, оформился на пенсию. Неизвестно, куда бы повел ННГ, окажись генеральным, а он претендовал однажды рьяно... С женой Бориса Петровича одно время работал в Нижневартовскнефти, она все вздыхала мечтательно о «домике» и «садике» при нем. Сбылось ли?

Идеолог черногорской аренды Виктор Сергеев канул в белокаменную и того раньше. Много раз интервьюировавший обоих, не уяснил необходимости и новизны преимуществ навязанного ННГ времен В. Палия разлома.

Вместе с Максимом на производственную преддипломную практику из Губкинской академии приехало их шестеро. Парней, по рассказам, взяли в объединение без зарплаты, и они болтаются где попало. Максим — разработчик, с удовольствием набирался опыта в Приобьнефти. Помог, конечно, отец, посодействовал. Сам Владимир Викторович заочно окончил Тюменский индустриальный, факультет бурения. Двадцать с лишним лет был доволен своим занятием, считал, что среднее звено основное, но в перестройку должность мастера обесценилась, потребовалось иное положение, и случай подвернулся.

Жена Владимира Викторовича четверть века в УБР-1, экономист.

Владимир Казаков, мастер их управления, перевелся в Варьеганнефтегаз заместителем генерального, и в конце концов перетянул Ляпина в совместное предприятие «Белые ночи». Через восемь месяцев СП обанкротилось, и Владимир Викторович вернулся в Нижневартовск. С благословения Камнева возглавил смешанное товарищество, обязанное разбурить месторождение для «Магмы».

И вот сто пятьдесят душ порхнули в необжитость. Ни быта, ни дорог, полная изоляция. Первопроходствовали до поры, пока у «Магмы» не иссякли финансы — смешанное товарищество приказало долго жить. Покинули месторождение Южное.

Деятельный Камнев с московскими фирмами учредил «Сиданко-Ийл», присвоив «товариществу» статус нефтегазодобывающего предприятия: бурит, добывает нефть. В натуре ничего не получилось, и это новообразованное прекратило существование, перестал быть генеральным натерпевшийся от перемены мест Ляпин. После ноября 1999 года он — исполнительный директор «Спецбуриннеста», занимается производством: комплектует бригады, оборудование, ищет объемы; генеральный — сын бурового мастера Магданея Мифтахова, у которого в бригаде после армейства начинал Владимир

Викторович, — Фанис, и одновременно молодой Мифтахов — исполнительный директор всего спецУБРа, считай, полномочный заместитель Камнева. В такой подчиненности-связке. Постоянных в «Спецбуринвесте» лишь восемь человек, остальные договорники и по контракту. Малым составом легче выжить, мобильней структура.

Памятно время, когда из-за шараханий в стороны, отсутствия системы свели проходку на нет. Элитные кадры, которым все по плечу, рассеялись кто куда. Вырастить новые много сложнее, работа сродни шахтерской, неохотна молодежь к долоту и раствору, к ветровым дням и ночам. Шараханья бизнес-плановые длятся, то есть объемы, то минусуют их. Устаешь от нестабильности.

Без Камнева, считает Владимир Викторович, не выжить бы, — дает помещение, технику, мобилизует Юрий Михайлович во все широты-регионы. С ним на любой точке планеты, в любой ситуации уверенней себя чувствуешь. Сохранил Юрий Михайлович коллектив, когда отпустили в «свободное плаванье» с нулевым метражом проходки, сохраняет сейчас. Верную держит линию. И продолжается буровая стезя Владимира Ляпина на Югорской земле.

В связке с Камневым

Зварича год назад встретил в кабинете у Ляпина, на первом этаже спецУБРа. Обратил внимание на фамилию югославского окраса, и внешность Виктора Андреевича соответствовала: лицо смуглое, удлиненное. Порывист, импульсивен. Заинтересовавшись, напросился в «Рекомгео», на задворках респектабельного здания, во дворе. День был майский, праздничный. Но пасмурный. Не располагал к праздности.

Оказалось, что родом он из саратовской глубинки, в их деревне несколько семей с подобной фамилией. Переселение состоялось еще в конце девятнадцатого века — с Западной Украины, из Белоруссии и Словении, корни утратились. Прадед Виктора Андреевича пришел с обозом, упряжки тянули быки. Осел в Поволжье. Такова родословная, такова фамильная ветвь. Виктор Андреевич прожил в деревне до восьми лет. Дальше школа, университет, «красный» диплом. Стал геологом-геофизиком. В юности увлекался туризмом, часто уходил в леса, сплавлялся по рекам.

По окончании саратовского многопрофильного заведения определился в Хабаровский край, в комплексную геодезическую экспедицию. Остались светлые воспоминания о друзьях

и полевых сезонах по части ударной геофизики. Разведывали минерал кострит, содержащий олово. Использовали новые технологии, аппаратуру.

До самых белых снегов робинзонствовали в лесистых гольцах — палатки, вездеходы, вертолеты, дикая природа. Вели геодезическую съемку с вертолета пьезоэлектрическим методом. Взрывными работами занимались, волны электромагнитные ловили чувствительными приборами. В десантах таких царили дружба и товарищество, романтика, увлеченность. Молодые здоровые парни стремились хорошо выполнять свое дело. У Виктора Андреевича был небольшой отряд в 7–8 человек, поутру уходили в тайгу, забирались на сопки, трудились до изнеможений на профилях, до заката солнца. С восходом возобновляли поиски.

В отряде в основном сезонники с интересными биографиями: бывший зэк, бывший детчик-испытатель, морской офицер... Волей судьбы заброшенные в глухомань, в экстремальные обстоятельства, проявлялись все с лучшей стороны... Никакой работы не чурались. Он многому научился у них, окреп, возмужал духовно, расширил кругозор. И так бы и робинзонствовал среди гольцов, где олово и кострит обнаружили, доразведывал бы месторождение, но появилась Оленька-первенец. Вернулся в Поволжье. На Саратовщину.

Несколько лет занимался... мелиорацией. Воды в степи мало, искал ее, изучал залегания водоносных пластов — обеспечивал сельское хозяйство живительной влагой. Начав с рядового гидротехника, достиг должности главного инженера экспедиции. Познал принципы технологического руководства, взаимных отношений с предприятиями и организациями. С партнерами, одним словом. Заложил в себе администраторскую основу.

Искали воду и в соседнем Казахстане, бурили глубоко и мельче. Просторы автономные обдавали их зноем, температура в тени нередко за пятьдесят градусов по Цельсию. Снес бы Виктор Андреевич это, как сносил робинзонство и мытарства в сопках, но остался он в душе геофизиком и встречу с Михаилом Михайловичем Дмитриевым в саратовском тресте не посчитал случайной. Управляющий Саратовнефтегеофизики предложил ему организовать промысловую специализированную экспедицию в районе Нижневартовска, на Ермаках.

Дмитриев мужик крупный, глыбистый, категоричный. Из старой дозорной гвардии. «На раздумья двадцать четыре часа!» — заявил. Вскоре Зварич летел на Север. Через Обь, на левый берег, из Нижневартовска одна наезженная колея, вбитая скатами в лед. Впотьмах, тревожа ночь фарами, «газик» выскребся с равнины к забытой Богом и цивилизацией дере-

вушке Сарт-Еган. В одной избенке мерцал в окне огонек, слышно, тарахтел электродвижок. Возле избушки, как в цыганском таборе, горы оборудования, снаряжения всякого — здесь они, буровики и строители!

Познакомились, почаевали уемисто и с рассветом — за работу. Задача стояла жесткая — до ледолома переправить на Сать-Еганский форпост массу грузов и одновременно начать проходку. Весна уже подпирала, тепло, сине, полои на льду. Вот-вот тронется Обь. Возникли трудности с доставкой «железа» на месторождение. Тракторы вязли в болотах. Технику заправляли горючим из ведер, к заправке только на своих двоих и доберешься. Но работали успешно и в срок. Осенью получили первую нефть, обрели добрую репутацию.

Отменно зарекомендовали себя и геофизики. Здесь впервые Зварич встретил Камнева. Виктора Андреевича подкупили его доступность, восприимчивость, масштаб. Юрий Михайлович был одним из немногих, кто ставил во главу дела не только метры — но качество, осмысленный подход ко всему и дальнюю перспективу. УБР в это время ориентировалось на горизонтальные скважины, итэровцы управления активно осваивали самые новейшие технологии с учетом геофизики, Камнев и предложил объединить усилия: создать совместное производство.

Так судьба-тропа обрусевшего югослава сопряглась невзначай близко с судьбой Юрия Михайловича — другого волжанина, который немалое усердие вложил в «Рекомгео», не пожалел средств и в расстроенное бездорожное время, когда средств — как воды в Казахстане. Одни капли. По нулям, с пустым счетом в банке. Задействовали бескабельные забойные телесистемы, компьютеризованные станции параметрического бурения, прочие уникальности. Трансформировали группу инженерно-технологическую фирму с приставкой ООО. Е Зварич возглавил минувшей зимой, недавно.

Обосновалась фирма за большим каменным фасадом, во дворе здания. И первый заместитель Зварича Александр Николаевич Сараев в связке не последний. В первую очередь они вместе водрузили стяг дальнобойщиков, дали фирме имя и продолжают неостановимо движение. Бескабельные телесистемы для ни производит в Тюмени Генрих Саакович Абрамов, дока в области автоматики. Сообща прокладывают магистраль успеха, тесня иностранцев с их напором. Не превосходит зарубеж геологические вехи в пути, потребность в услугах неубывающая для сложных и горизонтальных проходок. Пользуются многие компании и совместные предприятия с мудреными афишками: «Ватайл», «Еган-Ойл», «Тура Петролеум», Вьетнам и Канада в партнерах. Востребован «Рекомгео» газовиками.

Опять заказали Абрамову телесистемы. В Генрихе Сааковиче уверены — не подведет. «Надо — сделаем», — протелеграфировал.

Всего у Зварича три заместителя. Сергей Николаевич Конев — кандидат наук, Сараев — без ученой степени ученый. Я к нему прибочился, листки для записи разложил. Его сын Саша после аспирантуры здесь, ведущий геофизик в «Рекомгео», дополняет отца. Третий заместитель Виктор Анатольевич Воробьев в компьютеризованных станциях смышлен, адаптирует необходимые программы молодцевато: в шести партиях информационного обеспечения буровиков. От Дальнего Востока и двух Сибирей до Уральских предгорий. Горит и пылает Виктор Анатольевич.

Кадры готовят сами либо приглашают специалистов со стороны, нехватки в них нет. Семьдесят боевых штыков всего, высшей квалификации, с высшим образованием, не боятся в боевых ситуациях натянуть сапоги и брезентовки.

Навострил я листки для записи в майский пасмурный день, Сараев засветился добродушием и с готовностью поведал о том, что авиационщик он по техникуму — окончил техникум авиационный. А конструкторства набирался в разном, даже в Горводоканале каком-то. Нефтяникам оказался близок в Тюмени и в конечном счете оказался в спецУБРе. Из заместителей Камнева в заместители к Зваричу попал, когда ООО заявило о себе на задворках респектабельного здания.

Сына примагнитил, чтоб возле матерел... Начинающей пианисткой Настенькой гордился особо, выше всех похвал сыграла на экзамене сонаты и сонатины, скерцо всякие. Ох, золотая у него семья! Предоволен Александр Николаевич. Благодаря супруге, Нине Васильевне, заочно добил индустриальный институт: жена взяла на плечи всю бытовуху, закрыла прочно тылы. Когда в доме лад и покой, и конструкторство спорится. Работы всегда было много, осталось еще больше — непрерывный процесс, дни и ночи.

Даже в праздники маракуют — промыслы не остановишь, сигналят и по выходным дням. В Новогодье, 1 января, всей семьей находились здесь, он трудился, и домашние его не удержались, навестили тотчас.

Со Зваричем, сказал, единодушие полное, никакой остроты, — если нет согласия в каком-то вопросе, всегда найдется компромисс. Хоть по организации, хоть по «железу», сориентированным на промысловый результат. Делу венец — конец, то, ради чего огород.

Спустя год снова наведался. Зварича уже не застал, в его кресле директорствовал Сараев. А «Рекомгео» неизменное, во

здравии. Оживление у буровиков — и геофизики в чести. Востребованы. Востребована Сибнефтеавтоматика Генриха Саакович с его забойными системами.

По имени «Мак»

По горячему, что называется, следу, тем же маем встретился я с Абрамовым. Телефон взял у Зварича, позвонил. Генрих Саакович согласился принять и в воскресенье, непосредственно в кабинете. День был еще пасмурней, совсем удручающий. Абрамов подвез меня на сизо-бурой иномарке, открыл ключом ворота и директорскую дверь. Одни мы в пустынном дворе, пустынном здании и пустом холодном кабинете. Собеседник — хозяин акционированной Сибнефтеавтоматики, что расположилась с обратной стороны завода «Электрон», опять же за фасадом.

Абрамов весь упругий, начиненный энергией, жутковато смуглый южанин. Невысок и подборист сын Азербайджана, в очах живость ума, весь он стремление и удар, немудрено, что спас от развала предприятие, сберег прежний коллектив.

Кто же он, Генрих Абрамов? Как правило, вывожу из биографии, в ней весь человек, то, что он есть на деле, как и где сформировался. Абрамов сформировался на бакинских нефтепромыслах, работал и учился одновременно, успел в армии отслужить. В Тюмень его, капитана запаса, зазвали однокурсники, определили в Гипротюменьнефтегаз завлабом. На заводе «Электрон» Генрих Саакович уже главный инженер и главный конструктор. Верховодил в НПО «Сибнефтеавтоматика».

В 1991 году свернули централизованное финансирование, запустили на игровое поле три варианта приватизации. Все захотели жить самостоятельно, в том числе и наше НПО, оставшееся с глазу на глаз с чубайсовской реформой, проще сказать, безоглядной раздачей госсобственности. Сумели выкупить имущество, стать товариществом с ограниченной ответственностью. В потоке инфляции даже увеличили уставный капитал, реорганизовавшись в акционерное полностью открытое общество.

Чтобы ценные бумаги не попали в случайные руки, их частично передали в спецУБР Камневу (еще одна связка — через акции), Тюменскому «Нефтесервису», некоей дружественной фирме «Крохнэ». С 1991 года Генрих Саакович — первое лицо в ОАО, бывшем НПО. Защитил по забойным системам кандидатскую диссертацию, еще окончил Академию народного хозяйства при Правительстве РФ, имеет ордена, меда-

ли, звания «Отличник нефтяной промышленности», «Заслуженный рационализатор», обнародовал добрую сотню научных трудов.

Камнев свою часть пакета приобрел первым и первым же заказал бескабельные забойные по чертежам октябрьского ВНИИГИСа. Озадачился круто Абрамов со своими под крышей, и ВНИИ два года обливался потом над воплощением конструкции. Им здорово помогал директор разработчиков Анатолий Александрович Молчанов. Сделали, испытали — и забыли. С плеч долой, в сутолоке не до систем.

Вдруг опять звонит Камнев, предлагает Генриху Сааковичу встретиться, обсудить партнерское содружество, когда уже никто ничего не предлагал конкретного, только расхищали и присваивали наработанное до них. Надо — за встречей не постоим! Встретились. И оказалось, что Юрий Михайлович с большой пользой практикует забойные бескабельные, просит возобновить их производство.

Сколь ни отнекивался Абрамов от возврата к прошлому экспериментальному, настоял Юрий Михайлович. Пришлось автоматчикам поднять пропылившуюся документацию, свою и вниигисовскую, усовершенствовать модель и возобновить производство систем. Раз в квартал общаются с Молчановым и Камневым, выводят оценочные критерии.

Денег на доводки и производство автоматчики не просят, плюсуют затраты при продаже готовых изделий. Изначально опробует системы, адаптирует к промыслу «Рекомгео», вот почему у Зварича всегда под рукой телефон Генриха Сааковича. Молчанов из Октябрьска представил датчики основных узлов, тюменцы смакетировали конструкцию, изготовили, северяне испытали в полевых условиях. И у Генриха Сааковича под окнами на территории контрольная скважина.

«Не пустили иностранцев в Сибирь, — пошутил Генрих Саакович. — Можем то же самое проще, экономичней, эффективней, чем они. Смотри! Каждая система с начинкой — это полтонны обработанного титана, столько же спецсплава алюминия, пластмасс... Еще генераторы, электроника... В девять месяцев цикл, пока откатаем, смонтируем, испытаем на жизнеспособность».

Впечатляет, конечно. Трудоголики.

На Самотлоре бескабельные забойные, в Стрежевом. Сургут, Когалым, Уренгой, Якутия ими вдохновились. СпецУБР даже обычные наклонно-направленные стволы бурит с ними — подземным навигатором-поводырем. Точность проходки микронная, в долях градуса. Без предположений и домыслов знают, где долото, в каких азимутах, в каком таком состоянии.

Металл приобретают за доллары, в случае необходимости берут кредиты под проценты, выкручиваются как могут. Землю выкупили у завода, возвели на собственные прибыли цеха-мастерские, насытили необходимой оснасткой. Кроме систем «МАК» (Молчанов, Абрамов, Камнев) выпускают счетчики тепла, пара, технологические блочные комплексы, замерные кустовые установки «Спутник», регуляторы... Телесистемы лишь часть айсберга, наиболее выгодные по рентабельности, значимые — лицо предприятия.

Благополучие на трех китах: профессионализме, качестве, востребованности... Продают и документацию, не только изделия. Некоторые изделия размещают на тюменском «Нефтемаше» и лениногорской «Нефтеавтоматике», в Татарстане, других заводах, в научных центрах. Не успевая со всеми объемами, отдают заказы на взаимно выгодных условиях нуждающимся.

В числе пятнадцати именинников удостоены международного Парижского знака «Лучшее предприятие России», и в отечественном энциклопедическом справочнике лучшие среди лучших. Не довольствуясь только собственным опытом, ищут новое в технической периодике, на выставках. Генрих Саакович с главным инженером часто выезжают.

— Больше конструкторы, чем производственники, — резюмирует собеседник. — Представительства в двадцати пяти городах. Автономно-самостоятельные рекламируют и продают готовую продукцию. Есть представительство и в Нижневартовске, есть группы внедрения в странах Содружества.

Узлы контроля и качества для Транснефти, установки промысловикам поставляют в кооперации с немцами (дружественное «Крохнэ»).

По каждому направлению имеются свои корифеи-светила. Их много таких, ветеранов и смышленой молодежи. Им в первую очередь обязаны, берегут, ценят их, не ущемляют в зарплате и социальных благах. Пока подобные думные головы есть, Сибнефтеавтоматике абрамовской быть и оставаться лучшей.

* * *

Простился с Коняевым по телефону.

Слишком велик груз впечатлений, чтобы не поделиться... Ханты-Мансийск открылся доселе неведомым, трепетным. В памяти дворик Коняева по улице Коминтерна, он в шубейке, валенках до колен разгоняет метлой снег, который порошит на подметенное, сугробит оградку, и Николай Иванович метет повторно; престарелая его мать кашеварит щи; не избудутся Гнух, Тимур Волков и Ольга Коблянская с телесту-

дии, прямой эфир и вопрос Ивана Филипповича Музыки из Междуреченского — намерен ли писать о речниках?.. Поход на этажи окружной администрации, приемная Филипенко на кодовом замке, безуспешная попытка увидеть Анатолия Корнеева, заключателя многочисленных соглашений с журналами и газетами. Пустынный Дом писателей возле холмов, вечерние посиделки с вахтерами, один из которых любит стихи... Дом пытаются заселить иными желателями, а Коняев бьется против, обретая стенокардии... Весь причудливо-затаенный мир, некогда управляемый остяцким князцем Самаром, ассоциирующимся у меня почему-то с Андреем Тархановым; неподалеку же музей деревянных божков и ветхих строений — одно из родового селения Айпина: спутник его беспорочного остяцкого детства.

Тревожусь за организацию, расчленяемую Вячеславом Вячеславовичем. В противовес многим афиширует нескольких. Коняев нервничает, порывается собрать внеочередное собрание, подать в отставку. Без Коняева — окончательное, полное всевластие Огрызко. Разделяй и повелевай! Зачем было создавать организацию, чтоб отдать безропотно на откуп заезжему командору?

Такое явление — продукт времени. Ростками через камень пробивается, цепляя захватисто здоровое, полнокровное, паразитирует, полынью да беленой кустится. Опасная штука.

Задача любой организации, как и общества в целом, помогать реализоваться всем и каждому плодотворней, полнее, укрупнить в себе доброе, идущее от Природы и Бога, добрым же вернуть.

С собой из Ханты-Мансийска вез письмо к председателю Государственной Думы Селезневу. Письмо составил сам, а Коняев завизировал и удостоверил печатью. В нем просил разрешение Геннадия Николаевича пообщаться с депутатами от области, вполне уместными в «Истории». Хотел знать, как, чем живы законотворцы. Пресс-конференции бесполезны. Убедился в этом.

Избрали по одномандатному сургутянина Рязанова, и вот Александра Николаевича-то в первую очередь хотел повидать, извлечь истину из встреч. Повременив, отдышавшись, отправил письмо в Думу. Ответ не заставил долго ждать, он окрылил. В Москве меня ждали. Оставалось лишь созвониться и согласовать дату вылета.

Шар попал точно в лузу.

Предстоял другой рейс. Дальний.

БАСТИОН ВЕРЫ

Пакет для министра внутренних дел

21 ноября 1997 года председатель думского комитета по бе зопасности Виктор Иванович Илюхин пришел в здание н Охотном ряду раньше обычного, по привычке тщательно про тер стекла очков, пригладил волосы, еще волнистые, как в мо лодости, и углубился в чтение. Перед ним на столе лежало не сколько листков машинописного текста о владельцах некое новоявленной «Альфа-групп», восставшей на волне сомни тельных преобразований, из ничего, ниоткуда словно, влегку приватизировавшей гигант Самотлор с прилежащими к нем кладовыми масштабом меньше. Нижневартовскнефтегаз с всей его наличностью, в том числе с двумя санаториями, сто имостью в миллионы долларов, особенно внушающей почте ние «Сосновой рощей», бывшей совминовской крымско здравницей; Тюменьнефтегаз с группой месторождений и все технической оснасткой; Рязанский нефтеперерабатывающи завод — в просторечии и на служебном сленге НПЗ.

Самотлорцы забили тревогу. Били и раньше, обращалис к президенту, премьеру, в генеральную прокуратуру, суды ра личных уровней. Напрасно. Не прислушались, отдали, н обретя взамен почти ничего. Обещанные суммы, и без тог заниженные, будто растворились, не достигли госказны, ко торая все так же в дефиците. И так же обстоят дела с никеля ми, оловом, вольфрамами, предприятиями по меди и золот по железным рудам, с металлургическими и другими комп лексами, еще недавно составлявшими становой хребет эко номики Союза.

Уралмаш, это детище пятилеток, творение целых поколе ний, стал собственностью одного К. Бенукидзе. Никель — вчерашнего комсомолиста Потанина, не сплошали брат Черные, Березовский, Гусинский, Абрамович, Петр Авен — в недавнем средний советский служащий со средней совет кой зарплатой. Их тьмы и тьмы в столице и на местах.

Как становятся «олигархами» при всеобщей нищете и во общем развале, нередко преднамеренном, как взрастают ско ропостижно в хозяев страны, задают необходимую погод Кто подпитывает, подвигает на захват коллективного, в т время, когда вымирает и рушится нация, агонизирует гос дарство, обращаясь в колониальный придаток? Кому это вы годно?

Илюхин не однажды задавался этим вопросом и не нах дил однозначного ответа. Патриоты бьются насмерть, их о хаживают, обходят, сминают, перешагивают через них, чер судьбы и чаяния многих. Думал ли народ, создавая в небыв

ло спрессованное время небывалую в мире индустрию, думал ли он об ее плачевной участи, доле-злосчастии Союза Советских республик. Союз раскроили несшиваемо Ельцин с Кравчуком и Шушкевичем.

Собственность раздаривают наиболее проворным, и нет удержу раздаче. Разгул обогащения немногих приобрел гипертрофированный драматический окрас. Процветает ненаказуемость. Он на пленарном заседании огласил количество квартир и машин у известного парламентария — и что же?! Ничего особенного! Собственность партии, оказывается. Но даже если и так, зачем столько, правомочно ли множить виллы на дальних лазурных берегах, когда другие бедствуют, перебиваются на зарплатах и пенсиях, порой унизительно малых, ненадежных?

Перекос несоизмеримый, почти астрономический, не приведет к хорошему...

Вспомнил Виктор Иванович свое холстинковое детство, зори, рассветы, труд на пашне, стремление к совершенству, помыслы об истинном счастье и долге, радостях жизни и бескорыстии. Он с этим входил в юность, жил постоянно, всегда. Не согласен с несуразицей социальных контрастов, деньги уводят за рубеж, истинным хозяевам оставляют крохи. Обогащают кого угодно, только не родную страну, тайно и явно краденные капиталы не в один годовой бюджет.

Все верховные знают про это, журят манипуляторов, но никто палец о палец не ударит, чтобы противостоять вакханалии. Да, Россия больна... Ложь, насилие, казуистика. Критерии державности утрачены, нация попрошаек на необъятных просторах, возле несметных богатств. Предки оставили достойное наследие, — что они оставят потомкам? Такой передел собственности — безответственность неимоверная, и она длится, нет конца безобразиям, продолжают обирать народ-созидатель. Рядом с «приватизаторами» и расхитителями восстают им подобные, тьмы и тьмы, еще более изощренных, алчных.

Вчитался в «досье»... Фамилии чем-то памятные. Писали в газетах про «альфовцев», он в общем потоке публикаций не задерживал особо внимание, а здесь сгусток негатива, способный повергнуть в уныние даже его, обремененного прокурорским стажем. Размышляя, Виктор Иванович слегка морщил лоб, то поднимался порывисто со стула, то опускался, снова протирал очки. Таким его застал в тот рабочий день 21 ноября, когда ветерок вихрил по улицам поземку, топорщил перья голубей, облепивших фронтоны зданий, черными ком-

ками, неприятно выглядевшими на общем сером фоне. Здание в Охотном ряду, № 1, постепенно наполнялось гомоном, движением, перестуками каблуков, — обычная горячительная атмосфера, присущая только правительственным учреждениям.

Надо разобраться, решил Илюхин, обязывает такая сделка... Отправить запрос министру внутренних дел, заместителю Председателя правительства Куликову. Так и сделает, отправит пакет с грифом «секретно». Написал адрес, к «досье» присовокупил приписку:

«Уважаемый Анатолий Сергеевич!

Направляю поступившие в комитет по безопасности материалы в отношении ряда коммерческих структур и некоторых ответственных должностных лиц. Прошу Вас проверить изложенные в них обстоятельства и о результатах проинформировать комитет по безопасности.

Приложение на 9 л.

С уважением

Председатель комитета
по безопасности В.И. Илюхин».

Вверху дата, год и регистрационный номер запроса 315-22.16.

Но обстановка не позволит довести расследование до конца, воспрепятствовать новым поползновениям, поставить точку. Самого министра распоряжением Ельцина сместят, лишат возможности разобраться в этом и других делах. Но патриоты не отчаялись, не опустили рук, в газетах, в той же «Совершенно секретно» — появились фрагменты из «записок» на заданную тему, тайное стало явным. Обозреватель Лурье обнародовал кое-какие материалы, подписался. Опровержений и встречных судебных исков не последовало. Как же так? Согласен? Значит, правда. Отныне судьба ресурсных запасов, того, на чем еще держится страна, в руках вот таких непотопляемых ловкачей с сомнительным прошлым. Собственником стратегических сырьевых запасов и не менее стратегических определяющих промышленных комплексов могут быть лишь государство и трудовые коллективы, только в таком случае государство сохранит свою связующую роль и роль основного регулятора всей деятельности пока еще великой державы, в этом залог настоящего и будущего успеха. Приватизировать сырьевые отрасли не следовало. Это аксиома. А некто подталкивает

к абсурду-беспределу, свистит в дуду экспроприации, сигнал которой подал Ельцин, а подхватили проворные. Они в первую очередь воспользовались слабиной главного реформатора.

На эту тему заводил разговор с Зюгановым во время визита Геннадия Андреевича к нам в Нижневартовск, он ответил, что противостоять пока невозможно, все потуги упираются в президентскую каменную волю. Как дернут за веревку, так и прогудит колокол...

Тогда что же народ, дерзания, круглосуточные бдения на полигонах? Какова во всем этом роль правительства? Думы?.. Ответа не находил, ответ ускользал, терялся, обрастал массой фактов, взывающих к исследованию...

Каюсь, сцену с Илюхиным сочинил, возможно, было иначе, не так — острее, жарче, напористей, ибо этот честный человек из народа, государственник по сути, не мог остаться равнодушным. Сделал все от него зависящее, возможное.

Спустя время я нашел исходный материал и с ним отправился к законотворцам, чтобы выяснить судьбу российской собственности, а заодно ближе узнать самих законотворцев. С новым президентом изменилось ли что в настрое большинства? Какова позиция парламентариев на будущее? Виктор Иванович уже не председатель комитета по безопасности, возглавляет его известный юрист Гуров. Моя позиция совпадает с мнением тех, кто так тщательно подготовил «досье» на «альфовцев», владеющих состоянием, какое и в благостном сне не привидится; приватизаций, какую учинили с Тюменской нефтяной, не должно быть.

Нам не дано знать, что испытает министр А. Куликов, познакомившись с «досье» из Госдумы. Вскоре его сместят, и он воскликнет огорченно: «Так вот ценят истинных патриотов, которые душой болеют за Россию!»

Действительно, патриотизм не в чести. Иные критерии овладели властьпредержащими.

Жизнь беспокойная

Письмо Селезневу отправил в мае, довольно скоро получил ответ, который, как уже говорил, окрылил. Напрасно сомневался Коняев — секретарь, просьбу восприняли очень серьезно. Звучало это в каждой строчке, слове. Я много раз перечитывал послание, читал по телефону друзьям, знакомым. Вот и в книге повторю:

«Федеральное собрание
Российской Федерации

Руководитель секретариата
Председателя
Государственной Думы
103265, Москва,
ул. Охотный ряд, 1

628623, Нижневартовск
Тюменской области,
ул. Мира, д. 23, кв. 214

Н.П. Смирнову

26 апреля 2000 года. №11-0520

Уважаемый Николай Павлович!

С интересом ознакомились с Вашим письмом, в котором Вы рассказываете о работе по созданию серии документальных произведений «Западная Сибирь в лицах и фактах». Нам думается, Вы делаете хорошее, полезное дело. История России, ее главное богатство — это ее граждане. Запечатлевая облики наиболее интересных из них, Вы оставляете для изучения потомкам живую картину нашей родины.

Готовы оказать посильную помощь в организации Вашей работы в стенах Государственной Думы. Для решения конкретных вопросов и сроков просьба за 7 — 10 дней до приезда в Москву связаться по телефону (095) 292-48-85 с советником Председателя Государственной Думы Олейник Любовью Васильевной.

С уважением
А.Д. Усов».

Нет, не обесценилось звание писателя, нужен я в Госдуме. Лечу! Уже тетрадки припас для записи, ручки, стержни. Работаю по старинке, без диктофона.

Вдохнул глубже, набрался решимости, позвонил советнику Геннадия Николаевича Любови Васильевне. Я-то, сирота казанская, думал, зачем предварительно, явиться — и все. И только потом узнал про чрезвычайную занятость законотворцев, расписанность времени далеко вперед. Там все делается как надо, применительно к обстановке повседневной, — если бы все так работали, подобно Государственной Думе. На мой возглас Любовь Васильевна поприветствовала и сказала, что в понедельник вылетать не надо, депутаты лишь возвращаются из краткосрочного отпуска, на неделе будет утверждение премьером Михаила Михайловича Касьянова, хотя его, очевидно, утвердят с первого захода, все равно найдется хлопот, лучше прилететь двадцать второго, через понедельник. Спросила, какую подобрать гостиницу.

Я ответил, что подешевле, попроще, даже не придав осо-

бого значения вопросу, слегка удивившись: надо же, и про крышу над головой не забыли. Все было в диковинку...

Собрался как на Северный полюс, с сумкой книг, сменной одеждой, в плаще... при тридцатиградусной жаре. И вот таким я и предстал перед Любовью Васильевной, на шестом этаже здания, что фасадом на улицу Охотный ряд, 1. Совсем рядом с Красной площадью. Подошел с главного центрального пропускного бюро, но дежурный пропуска не нашел. Я позвонил Любови Васильевне, и дело тотчас решилось. Поднялся на лифте на высоту, не столь уж большую, прошествовал по коридору, открыл тяжелую, дубовую дверь — вот она. Серьезная, строгая, внимательная.

Сказала, что она два созыва избиралась от Кургана, а теперь осела в Москве, что хорошо знает Зауралье, нашу Тюмению. Уважает сибиряков. Позвонила кому-то, повела куда-то. Я еще не ведал, что повела к Владимиру Сергеевичу Чертищеву, секретарю областной коммунистической партии Российской Федерации. Я о нем часто слышал, но видеть не довелось. Зато многократно общался с однофамильцем Александром Васильевичем Смирновым, по партии — секретарем не то городской, не то окружной организации КПРФ, по службе — ведущим специалистом Нижневартовскнефтегаза. Одно время он трудился в пресс-центре ННГ. Еще раньше был секретарем парткома спецАТК и секретарем горкома. В излом самый угодил.

Приятный, обходительный, нешумный, Александр Васильевич оказался здесь по случаю — у своего идейного наставника, он и принял меня немногословно от Любови Васильевны, которая провела по перекрытиям и спускам пока чужого мне комплекса из двух внушительных зданий, объединенных переходом на первом этаже; второе здание фасадом выходит на Георгиевский переулок, манеж.

Вторая передача состоялась в кабинете Чертищева, встретившего, надо сказать, напряженно, с досадой бодро: мол, в Москве даже Солженицына не читают, кому надо про законотворцев; я заметил, что Солженицына, быть может, и не жалуют, а меня будут во все грядущие времена, да и как иначе, если оказывается под такой обложкой (похлопал по «Звону клинка», объемистому второму тому «Истории»), ощутишь сразу, что такое.

Владимир Сергеевич парировал, что ему все равно, как напишу, хоть сиво, хоть бусо или в полоску, левым или правым. Предупредил, чтоб не говорил лишнего, все прослушивается, и что правые не любят, когда им говорят, какие они на деле, обижаются. Охотно согласившись не говорить лиш-

него, а только по существу, в пределах дозволенного, тут же поинтересовался «за жизнь».

Владимир Сергеевич бросил взгляд в окно, как в бойницу осажденной крепостной стены, сказал, что видит отсюда всю Россию на четыре года вперед, плохая будет жизнь четыре года. Решив, что подразумеваются президентские полномочия, я увеличил дистанцию вдвое. У нас так, если утверждают — то по-максимуму, значит, вторично изберут Владимира Владимировича, можно не сомневаться. Видимо, Чертищеву, очень загруженному, мой визит оказался не совсем кстати или совсем некстати, тем более что болела его московская помощница, предстояло самому везти почту в Шереметьево. Но никуда не деться — наказ секретариата думского, товарищей по фракции, — размоторится, подобреет. И так оно и оказалось, раскрепостился собеседник, что называется, сменил гнев на милость, успокоился, пообещав интервью по дороге в аэропорт.

Я принялся изучать список депутатов Тюменской области, рачительно подготовленный и врученный мне Любовью Васильевной. В их числе — В. Черномырдин, представляющий Ямал: понятно, газпромовец... Еще — А. Рязанов, В. Медведев, А. Лотарев, Г. Райков... А. Рязанов баллотировался по Сургуту и Нижневартовску (помню, что в жаркую выборную пору у Александра Николаевича убили отца-пенсионера); В. Медведев прошел по спискам «Российских регионов»; А. Лотарев из Нефтеюганска, а Г. Райков и Ю. Конев — тюменские... Представлялись пока абстрактно, исключая разве В. Медведева, бывшего «генерала» северной Сибнефтегазпереработки, где довелось поработать.

Но сейчас передо мной был Чертищев, в белой отутюженной рубашке, галстуке, тугой, упругий в свои шестьдесят, резкий в суждениях, отчасти непредсказуемый... И все-таки — вот он, близко, и разговор мне обещан. В списке он — член комитета по энергетике, транспорту и связи, консультант-специалист трех подкомитетов. Подкомитетов всего одиннадцать, и комитетов немало, люди в них бывалые, образованные. У Владимира Сергеевича три высших диплома. Кроме энергетики, транспорта и связи занимается газом, нефтью и нефтепродуктами, соглашениями по разделу продукции. В подкомитете по газу с ним В. Черномырдин и заметный уралмашевец Н. Рыжков.

Комитетские дни — понедельник и четверг.

У Владимира Сергеевича два помощника в Тюмени, один в Салехарде и один в Ханты-Мансийске.

В депутаты Чертищев прошел, естественно, от КПРФ.

Время — обед. Спустились на первый этаж. В просторном зале у раздачи два потока, очередь движется быстро. Ас-

сортимент блюд обычный для столовых подобного рода, в том числе производственных: первые, вторые, салаты, чай, кофе, соки. Обошлось в 29 рублей. Владимиру Сергеевичу — в тридцать. У него месячная зарплата 8 500 рублей, сказал про это охотно, безо всякой секретности и оглядок, словно заведомо готовый к ответу. Думский день с 9-00 утра до 18-00 вечера. У Чертищева он по привычке с 8-00 тюменского времени, а завершается по московскому раскладу — удлинен значительно. С утра ему звонят в гостиницу «Россия» или в кабинет, где застанут, — звонят многие, все чего-то хотят, запросов хватает. Приходится отвечать на любую малость, и там и тут — всюду. В любой обстановке. Есть и такая форма, как депутатское представительство, по план-графику бывает на различных мероприятиях, выезжает в другие страны. И все время не забывает о рядовых избирателях, законотворчестве.

Депутат госдумы В.Медведев

Все это, вместе взятое, именуется РАБОТОЙ.

После столовой он углубляется снова в бумаги, завершая что-то перед Шереметьево, а я снова рассматриваю список «областных» избранников.

Лотарев Александр Николаевич, Охотный ряд, 1, кабинет 03-51.

Райков Геннадий Иванович, председатель депутатской группы «Народный депутат», Охотный ряд, 1, кабинет 07-01.

Конев Юрий Михайлович, заместитель председателя комитета по делам Федерации и региональной политики, Георгиевский переулок, 2, кабинет 14-35.

Бондарь Вадим Николаевич, член комитета по вопросам местного самоуправления, Георгиевский переулок, 2, кабинет, 10-50.

Черномырдин Виктор Степанович, член комитета по вопросам энергетики, транспорта и связи, Охотный ряд, 1, кабинет 07-53.

Рязанов Александр Николаевич, заместитель председателя комитета по собственности, Георгиевский переулок, 2, кабинет 13-21.

Медведев Владимир Сергеевич, заместитель председателя комитета по энергетике, транспорту и связи, Охотный ряд, 1, кабинет 03-35.

Ну, и — Чертищев Владимир Сергеевич, член комитета по энергетике, транспорту и связи, Георгиевский переулок, 2, кабинет 05-10.

Всех за один заезд не освоить, хотя бы с несколькими увидеться: непросто застать на месте, не всегда у них есть возможность принять для беседы. Буду стараться. И начну с Чертищева, который оторвался наконец от бумаг, втиснул папки в объемистый портфель, велел спускаться вниз. От центрального бюро пропусков пройти под арку мимо магазина «Подарки», найти там «Волгу» с таким-то думским номером... О, как сложно!.. Но под аркой встретил осведомленный Александр Васильевич Смирнов, и разыскивать «Волгу» не пришлось. Скоро спустился сам Чертищев, уместился рядом с водителем. Вырулив из-под арки, ввинтились в сумятный машинный поток, попетляли по Москве и на главной магистрали понеслись споро к аэропорту. Расслабившись, Чертищев начал рассказывать о себе.

Родился секретарь областной Тюменской КПРФ в ноябре 1940 года в семье военнослужащего, с родителями проехал всю страну от Сахалина до Кавказа. Уйдя на пенсию, отец поселился в Краснодаре. Дед родом из Вятки, волей революции заброшенный в Тюмень и Тобольск, оказался активным участником переустройства мира... У него было семеро сыновей. Умер дед в начале двадцатых от тифа. Старшему сыну исполнилось тогда восемнадцать, младшему лишь год. Благодаря Советской власти, все семеро получили образование, все семеро участвовали в Великой Отечественной и вернулись живыми, родословная интересная.

Сибиряки не изменяют ни в бою, ни в труде, всегда готовы подставить плечо. Он старается следовать завету. Школу окончил в Краснодаре. В политехнический институт не добрал баллов, оформился на вечернее отделение. Днем трудился до жаркого пота — тянул теплотрассу, после смены корпел до глубокой ночи над конспектами, учебниками. Тогда ему все время хотелось спать, усилием воли прогонял дремоту. Еще занимался спортом. И так он дослужился до слесаря пятого разряда, в совершенстве узнал практику чернового труда.

Через три года перевелся на дневное, учебы стало больше и еще больше спорта. Занятия легкой атлетикой надолго обеспечили безукоризненную физическую форму, способствовали учебе. Диплом он защитил по машинам и аппаратам пи-

щевой промышленности, распределился в Баку на комбинат. Как раз запускали новое оборудование, и он с увлечением отдался ключевому процессу, большую часть времени проводил на комбинате. И тут возникли осложнения: умерла мать, он вернулся в Краснодар, чтобы поддержать младшую сестру. В Баку не отпускали, но слишком весома причина. В Краснодаре находился редко, мотался по всему Кавказу: в Чечне, Дагестане, Грузии, Армении пускал пищевые объекты.

Со своей будущей женой учился в одном институте. Брак их оказался счастливым, но беспокойным: всю жизнь его куда-нибудь переводили или переводился сам. В Урае Тюменской области доводил до ударных кондиций хлебозавод для нефтяников. В Краснодаре, как перед этим в Баку, не отпускали. Добился через высокие столичные инстанции: писал, неоднократно обивал пороги. После хлебозавода — головная перекачивающая станция нефтепровода Шаим — Тюмень. В должности главного механика в трескучие морозы занимался мощными насосами, установкой их, обкаткой. Персонал все молодой — парни, девчата. Незаметно с ними «в буче боевой, кипучей» втянулся в общественную жизнь, стал вожаком комсомолии нефтепроводного управления, секретарем горкома комсомола.

Активно проявлялся в совете молодых специалистов, где заметную роль играл нынешний председатель совета директоров Самотлорнефтегаза, недавний управляющий Ф. Маричев, являлся Федор Николаевич почетным членом его. Совет гремел в области.

В 73-м году управление перевели в Тюмень. В это время тянули трубу с Усть-Балыка через Омск — Уфу до Альметьевска, тысячные дистанции. Чертищеву достался участок между рекой Тавдой и Юргамышем Курганской области. Испытания готовой нитки выпали на зиму, а опрессовывали трубу на прочность водой, она и схватилась льдом, пробка образовалась в километр длиной. Этот кусок пришлось заменить. Трое суток длилась баталия, без пищи и тепла, на энтузиазме, погода нелетная, наземных подъездов никаких, оказались отрезаны вглухую в февральской снежной завихрени и ветродуе штормовой силы.

Все-таки «МИ-8» пробился, с ним появился главный инженер управления Куликов, привез денег, еды — кури, колбасы, хлеба, водки. Они, перед этим долго постившиеся, предпочли куриный бульон, быстро восстановились на свежем воздухе.

В управлении было 96 коммунистов, и Владимир Сергеевич возглавил партком. Поступил в индустриальный инсти-

тут. На рассвете, проводив детей в садик, спешил на службу, вечером учился. На спорт не оставалось и часа. Секретарь обкома Геннадий Шмаль, знавший его по комсомолу, и порекомендовал секретарем парткома. Случайного ничего не бывает. Он принимал Косыгина, беседовал с глазу на глаз, лицо в лицо с Председателем Совета Министров СССР, показывал Алексею Николаевичу, как готовят блочные конструкции дожимных станций. Многое полезное перенял от 34-летнего начальника управления Пермикина Юрия Николаевича, набирался мудрости у операторов, монтажников, мастеров, инженеров.

Он же, Шмель, перевел Владимира Сергеевича инструктором в обком, в отдел нефти, газа и геологии. Снова Чертищев рука об руку — с начальниками главков, министрами, партийными деятелями. Расширяет кругозор, углубляет самого себя, при этом все же... тоскует по горластой сшибчивой действительности на полигонах Тюмени. И в третий раз благословляет Шмаль — на этот раз в Сургут, вторым секретарем.

После непростых объяснений с супругой объявился по месту назначения, а там пожары полыхают в районе. Он экстренно созвал бюро, у нескольких руководителей за беспечность и неучастие в ликвидациях погрозился отобрать билеты: не дадите технику, людей — исключим из партии! 156 загораний! Встрепенулись руководители, за две недели совместно с пожарными устранили огонь и дым. Нестыковок в громе и шуме нефтяной эйфории несть числа, привезли в большом количестве «корчагинцев» и болгар, а жилье не предусмотрели, пришлось размещать во временных пристанищах, спешно мобилизоваться на сооружение своего домостроительного комбината.

Почин удался. ДСК родили и запустили на поток стеновые панели и перегородки.

Памятна операция «Труба». Через Обь по льду, рискуя провалиться в колее, перебросили тридцать километров «тыщовки» на плетевозах — доставили на другой берег под сварку. Меры предосторожности, конечно, старались соблюдать, но все же рисковали невероятно, напереживался второй секретарь горкома, заимел седину в чуприне. Операцию сочли подвигом, в газетах писали, снимали для телевидения эпизоды марша. Славили водителей и Чертищева, дневавшего и ночевавшего с капитанами этой ледовой эпопеи.

Чем только не занимался! От садов и огородов до железной дороги, речпорта, Сургутэлектросетьстроя, ведомого легендарным Игорем Александровичем Киртбайей. Сооружали ГРЭС, новые школы, детсады, столовые, жилье, оснаща-

ли месторождения... В год миллиард рублей освоили. Время созиданий!

Он старался не мешать людям, а умело направлять их действия, выявляя главное, озадачивая. Призыв тогда имел действенную подвижническую силу, но его требовалось подкрепить материально, всегда это учитывал и добивался успеха.

В 80-м году познакомился с Б. Ельциным.

Шереметьево прервало исповедь... Круто Владимир Сергеевич покинул салон «Волги», скоробежно пустился в аэровокзал. Тем временем на стоянке депутатских машин, в ожидании, я побеседовал с охранником, цветущим полнокровным парнем, изнывающим от жары и безделья, поскучал. С полчаса не было законотворца из Тюмени. Появился он так же внезапно, как исчез, уместился на сиденье, без обиняков продолжил:

— В Сургуте первым секретарем был Гриша Голощапов, страдавший язвой желудка, часто бюллетенивший. Но Ельцина он сопровождал и еще кроме меня с Борисом Николаевичем пять человек — отборная свита. Отправились за город, в баню. Борис Николаевич перед этим принял «Столичной» «на грудь» и после бани добавил. Вдруг спрашивает: «А где Гриша Лобов?» — председатель Свердловского облисполкома, значит. Еду за Лобовым. Уже одиннадцать ночи, Лобов спит. Что делать? Бужу: «Борис Николаевич зовет!» — «Не поеду!» — возражает исполнительная власть категорично. «Как объясню, Борис Николаевич разгневается. Надо!» Уломал-таки. Снова перемежали выпивку баней. Ельцин хорошо пел. Выпьем — попоем, опять выпьем.

В восемь надо на Федоровку, уложили гостя спать. В семь он поднимается свежий как огурчик, а ведь осушили за ночь по две бутылки на брата, и того больше, с довеском. После утренних омовений принесли сухого вина. Борис Николаевич поморщился: не то. Водки требует и три стакана. Себе налил до краев, областному секретарю Богомякову половину. Голощапов, сославшись на язву, отказался совсем. Борис Николаевич выпил до дна, повеселел. Неуемный уралец... В добром расположении отправился к нефтяникам.

На месторождении наведались в столовую. Он встал в очередь со всеми, наполнил поднос, рассчитался — обед в шестьдесят копеек. Он удивился, переспросил. Вечером опять — выпивка. Наконец отбыли в Тюмень. Богомяков перед посадкой в Як-40 заявляет мне: «Поедешь первым в Тобольск, здесь все сделал. Через два часа дашь ответ». Гриша Голощапов в шоке: ни в коем случае не звони Богомякову, не соглашайся!» Мне и самому это в печень, — что скажет супруга,

только что освоившаяся в Сургутнефтегазе? А отказаться не имею права. Задачка...

Богомяков сам напомнил звонком, уже не спрашивает согласия: «Вылетай, на месте разберемся». Так оказался в древнестольном сибирском граде. Пять лет пахал на берегах Иртыша после Томилова. За это время ввели базу стройиндустрии, завод КПД, с 83-го «сели» на нефтехимию — ее объекты. Генеральный директор Юдин приехал, и все переменилось: город оскудел, скукожился. А комбинат был первоклассный.

С легкой запевки Егора Лигачева тогда учинилось оздоровление союзных республик Сибирью и сибиряками. Меня на укрепление забросили аж в Туркмению, к Ниязову. Напутствовали одним только словом: «Надо!» С третьим «красным» дипломом, Академии общественных наук при ЦК КПСС, назначили вторым секретарем обкома. Первым был фронтовик, подобно Голощапову, часто недомогал, приходилось тянуть лямку за двоих.

Узнал, что такое сеять хлопок, убирать, мыть — одним словом, всю агротехнику. Область давала тонковолокнистый хлопок, очень дефицитный, трудоемкий. Два месяца на уборке школьники и студенты до двадцати лет. Травились химикатами. Сориентировались на машинную уборку и доработку сырца. Ранние овощи отправляли на Север. Добывали газ.

Меня без подталкиваний свыше избрали первым секретарем. За честность. Я взятки не брал и другим не велел. Обижались. Я пришел к Ниязову, говорю: «Отпусти в Россию», он не отпустил, нет, отправил в народный контроль. И я еще до 1990-го являлся членом политбюро Туркменистана, снимал за поборы министров, многих высокопоставленных лиц.

Из-за борьбы с религией в республике не имелось ни одной мечети, так без согласований с кем-либо открыл молельный дом для мусульман. Атеист Ниязов впоследствии принял хадж, стал святым. Я в ту пору был оторван от центра, но чувствовал издалека, что со страной творится неладное, теряем страну...

Исповедь осталась незавершенной. В Госдуме на столе Чертищева ждала телеграмма — извещение о смерти Романа Ивановича Кузоваткина, первого начальника НГДУ «Нижневартовскнефть», личности во всех отношениях заметной, олицетворяющей первопроходчество вообще.

Некролог в газете красноречивый, — не человек — история:

«22 мая 2000 года ушел из жизни самый яркий человек Самотлора, первооткрыватель северной нефти Роман Иванович Кузоваткин. Он родился 14 октября 1930 года в селе Новоалексеевке Барановского района Ульяновской области.

В поселок Нижневартовский Роман Иванович приехал 12 февраля 1968 года и возглавил единственное нефтегазодобывающее управление. При нем созданы нефтепромыслы, введены дожимные насосные станции, запущен товарный парк, стал реальностью город на берегу Оби.

Уже к лету 1969 года на Самотлоре пробурено девять скважин, а в 1971 году Самотлор дал 1 350 тысяч тонн нефти, в 1974 году — 100 миллионов.

Под руководством Р. Кузоваткина осваивалась залежь, поднимался Нижневартовск, прокладывались дороги. В народе за это его ласково, с любовью именовали «Самотлором Ивановичем», что действительно соответствовало тому — с командой первооткрывателей он превратил Самотлор в главную энергетическую базу страны.

Роман Иванович был подлинным «директором Самотлора», тружеником с Большой буквы, уважал и ценил труд оператора и инженера, строителя и дорожника, одинаково строго спрашивал с виновных и в то же время всегда оставался душой коллектива, так как умел помочь человеку в трудную минуту.

Родина высоко оценила заслуги Романа Ивановича, наградив орденом Ленина. Он — лауреат Государственной премии СССР.

В 1977 году Р. Кузоваткина перевели в производственное объединение «Юганскнефтегаз» на должность генерального директора. Занимал руководящие должности в Тюмени, но самое значительное в его жизни — все-таки Самотлор. В людской памяти Р. Кузоваткин останется именно тем «Самотлором Ивановичем», каким его помнят первопроходцы. Вечная память и наше человеческое спасибо Герою за город на берегу Оби, за Самотлор!

ОАО «Тюменская нефтяная компания»,
ОАО «Нижневартовское добывающее предприятие»,
ОАО «Нижневартовскнефтегаз».

В областном центре Р. Кузоваткин возглавлял институт нефти, являлся президентом и вице-президентом, консультантом различных фирм, приезжал на торжества в Нижневартовск, много курил, почти лишился голоса. Съел его, видимо, никотин. Последние годы Роман Иванович жил отсветами былой славы и с этим угас.

Телеграмма о кончине, присланная Чертищеву, — подтверждение депутатской обязательности участвовать в «меропри-

ятиях», в данном случае похоронах. Тем же днем, взяв билет, Владимир Сергеевич улетел в Тюмень, мне осталось его неоконченное интервью с ударной концевой фразой: «Чувствовал, что со страной творится неладное, теряем страну...», обязывающей продолжить исследования и книжные ласки всего, что делаем, как живем.

Обыкновенный Путин

То, что теряем страну, чувствовали многие — при Горбачеве и Ельцине. Линия движения утеряна, ориентиры приблизительные, зыбкие. Уже не только «стронций-90», миражи витают, апокалипсис. Всеобщая растерянность, уныние, воровство, местечковщина. Президента клянут на каждом углу. Нуждаются в новом обновленном курсе, но курс по-прежнему держим на разграбление сырьевых запасов, всего, что плохо лежит, курс превращения недавно могучей державы в придаток иностранщины, превращения и развращения. Чего не сумели пушки и ракеты, совершил доллар. Кто остановит неостановимое? Требовалась личность не похожая на примелькавшиеся, содержательная, действенная, последовательная, а не птица-говорун от политики и должностей. Слетали с насеста Гайдары, Чубайсы, Черномырдины, Немцовы, Примаковы, Кириенки, Лебеди, проигрывали Зюганов и Явлинский. Менялись фигуры на шахматной доске нового мироустройства. И вот — Путин. Ждали именно такого — внезапно прорезавшегося, незнатного, но близкого к обеим половинам (90 к 10) расслоенного по достатку общества. Ждал и я.

Увидел Путина по телевизору 8 августа 1998-го, когда банды Хаттаба и Басаева втекли в Дагестан. Они шли вальяжно, как некогда в 41-м шли самоуверенные воины германского вермахта, с засканными по локоть рукавами, картинно поигрывая оружием. Главари охотно давали интервью, в том числе и Шамиль, с аккуратной подстриженной бородкой, в берете, закрывающем лысину во все темя.

В Махачкале тревожно взывали: «Армию! Скорее армию! Это не просто банды — агрессия! Банды по двести — триста человек не бывают...»

И вот тогда запели в небесах самолеты и вертолеты, явились яростные десантники, засияли залпы установок «град». Но перед этим небольшого роста, худощавый, плотно сложенный человек со строгим прямым взглядом, негромко произнесет: «Мы — россияне... Чечня — часть России, обязаны очистить от нелюдей...» Услышалась в голосе такая непреклонная убедительная твердость, что воспрянули в стране, при-

осанились, уверовали в возмездие. Час «Ч» грянул, как «градовые» залпы.

Путин — вначале глава правительства, прилетел в Махачкалу на военном вертолете; в окутавшем вершины тумане перемахнул через хребет в освобожденные села, вплотную общался с жителями; на боевом штурмовике, в пилотской кабине, в пилотском шлеме, рванул в Чечню. Его увидели на кораблях, подлодках, пашнях и в заводских корпусах, спортзалах, школах... Он упражнялся с дзюдоистами, летал на горных лыжах, отвечал журналистам, заседал в Кремле...

Он был нестандартным и еще не освоившимся в верхах, вставлял в ожидаемые речи незнакомые прежде обороты. Неизвестные обороты, неизвестный Путин... Народ терялся в предположениях, озадачивались: «Кто Вы, Владимир Владимирович?» Может, поэтому согласился на диалоги с Н. Геворкян, Н. Тимаковой, А. Колесниковым, чтобы книжкой издательства «Вагриус» ответить, кто он, откуда есть пошел. Наверное, так. Обязательный, он не мог оставить загадку непросветленной. А загадки и не было. Школа, университет, КГБ, администрация Собчака в Санкт-Петербурге, управление делами президента в Москве белокаменной. ФСБ, премьерство, и.о. президента, президент.

Беседовали интервьюеры обычно у него дома, на кухне, поздно ночью, нередко в обществе жены Людмилы, дочурок Маши и Кати и... пуделя миляги Тоськи, и только однажды в кремлевском кабинете.

Большие печальные глаза, серьезен, неизменно уравновешен, но глубоко переживает нестыковки запущенного огромного хозяйства.

По привычке документалиста пеленговал каждый его телеэпизод. Путин много работает, у него прекрасное здоровье, изначальная самоорганизация, скромность, даже стеснительность, твердость, голос тихий. Еще и потому пеленговал, что обожаю чекистов — людей исключительного хладнокровия и выдержки. Сколько ни черпай Владимира Владимировича, не обнажишь до дна.

Именно такой, незаезженный, и нужен России.

В Полтаве 27-летний заочник, рабочий мебельной фабрики Валерий из Могилева-Подольского назвал его мессией, с него берет пример. Я уклончиво вроде, а втайне гордясь, сказал: «Очень обычный» — и дал прочитать вагриусовское «От первого лица». Валерий прочитал «Разговоры» и мнения не изменил, оставил Владимира Владимировича образцом для подражания.

Я похвастался, что две мои книги с автографами у Владимира Владимировича, о чем свидетельствует письмецо в несколько строк, но убедительное. Можно гордиться.

Меня больше всего занимало в Путине то, как он распорядится неприватизированной впопыхах, остаточной госсобственностью. Власть у того, кто владеет всем этим, остальные в роли попрошаек. На сей счет обладатель многих почетных титулов и званий, ректор Тюменского университета Г. Шафранов-Куцев выразился следующим образом:

«Подобрать власть в августе 1991 года было не так уж сложно. А вот как удержать? Для этого требовалось архистремительно создать новый класс собственников, готовый стоять насмерть за новую власть, за уже свою собственность. Этим и занималась команда Гайдара. Им позволялось все: разворовывать государственную собственность, вывозить ресурсы за границу, годами не выплачивать зарплату работникам, прятать выручку в зарубежных банках. Приватизировали нефтяную промышленность, предприятия цветной металлургии, отказались от государственной монополии на алкоголь — и это ради одной только цели: быстрее, быстрее, быстрее сформировать класс собственников, создать социальную опору новой власти. И вылезло такое отвратительное мурло новых собственников, с таким махровым индивидуализмом, алчностью, небрежением к национальным ценностям, моральным устоям, что буквально оторопь берет — откуда вы взялись, бесы окаянные, как вас земля русская носит? Примет ли она вас обратно в конце концов? Да что для них русская земля — звук пустой!»

Еще точней определил ситуацию депутат областной Думы, вице-президент российско-белорусской компании «Славнефть», тогда еще только начальник главного территориального управления «Сибирь» В. Палий:

«Происходит то, что неизбежно должно происходить. Некогда могущественная страна, которую уважал весь мир, разворована. Созданная на деньги олигархов система власти (точнее, на деньги от «приватизированных» мощностей и природных ресурсов) насквозь коррумпирована и служит интересам своих хозяев. Богато стали жить 10% населения страны, еще 20% живут зажиточно, остальные 70% с трудом сводят концы с концами либо бедствуют. Практически все бюджетообразующие отрасли промышленности в стране перешли в руки олигархов. Что осталось нам? Смехотворный бюджет страны в двадцать миллиардов американских долларов, которого не хватит на всех, нищенская зарплата, инфляция, безработица, преступность, захлестнувшая страну, страх перед будущим. Не хочу казаться пророком, но кто сомневается, пусть полиста-

ет подшивки городских газет трех-четырехлетней давности с моими выступлениями и обращениями. Именно такие последствия нашего безразличия к происходящему в стране называл я тогда.

Я просил, я предлагал, я убеждал всех объединиться, встать на защиту своих интересов, иначе будет плохо всем. Мы могли это реально сделать. Не услышали, не послушали, не захотели, а кое-кто посчитал, что это касается только меня. У меня нет обиды за это на людей, мне их просто жаль. Каждый день в мою депутатскую приемную приходят десятки людей с просьбами о помощи. У меня нет столько денег и возможностей, чтобы им всем помочь, да и саму проблему таким образом не решить. Для меня стало очевидным, что одними состраданиями и разовыми участиями в решении проблем людей ситуацию изменить к лучшему невозможно. Думаю, что многие со мной согласятся и в том, что нынешняя городская власть не способна что-либо изменить в силу определенных обстоятельств, о которых я неоднократно говорил в своих прежних выступлениях. Слабость и соглашательство городской власти, ее угодничество перед хозяевами ТНК стали причиной многих проблем и бед для жителей города. Сам глава администрации Тимошков отгородился от людей глухой стеной охраны, и чем он вообще занимается, одному ему известно. Выдаваемая городской пресс-службой информация о кипучей деятельности мэра напоминает эпоху Ельцина в период его длительной «работы над документами» на своей даче. Мы все знали истинные причины «хвори» Ельцина, однако стыдливо их замалчивали. И что же в итоге? Домолчались! Какую страну после своего десятилетнего правления оставил нам Ельцин взамен гарантии неприкосновенности? Как нам в ней живется и как долго нам предстоит пожинать плоды его работы и нашего безучастия? Ко всему сказанному, каждый может сравнить еще пожизненные условия, полученные семьей Ельцина, со своими.

Изменить ситуацию в нашем городе к лучшему можно и нужно на предстоящих выборах. Главой города должен быть избран человек, который не будет заглядывать в рот олигархам, положит конец грабительской ценовой политике, проводимой московско-американско-израильскими финансовыми акулами в нашем городе, который заставит олигархов платить нефтяникам достойную заработную плату, строить жилье и многое другое. Этот человек в период предвыборной компании должен быть назван и поддержан всеми партиями, движениями, предприятиями и общественными организациями, всем населением города. Если же избиратели вновь «купятся» на слащавые обещания отдельных местных или нанятых оракулов трибун, загоревшихся вдруг желанием в предвыбарную компанию повысить зарплату, дать

ссуду на покупку квартиры, отремонтировать детскую площадку, оборудовать улицу или каждого из нас, и проголосуют не умом, а сердцем, то они должны трезво оценивать все трагические последствия для своего города. Дальнейшее его развитие и надежды людей я связываю с тесным сотрудничеством со вновь избранной городской властью и государственной компанией «Славнефть».

Я уже говорил о том, что из себя представляет сегодня администрация города и какую политику проводит, как ее воспринимает население. Результатом такой политики стало прекращение строительства жилья в городе, самая низкая заработная плата в округе, один из самых высоких уровней коммунальных платежей, разрушение градообразующего предприятия города Нижневартовскнефтегаза, сокращение рабочих мест, низринувшееся материальное положение горожан и т.д.

До сих пор у нефтяников Нижневартовска не было выбора, теперь в город вошла «Славнефть». Когда она может реально начать работу здесь? Завершается процедура переоформления прав собственности предприятия, владеющего лицензиями, от корпорации «Славтэк» на компанию «Славнефть». По окончании этой процедуры в Нижневартовске будет объявлено о создании нефтяной компании «Славнефть-Нижневартовск». Кроме обустройства приобретенных месторождений компании будет поручена эксплуатация автозаправочных станций, ранее работавших под логотипом ТНК. Их также приобретает «Славнефть».

Приобретенные месторождения и лицензионные участки находятся в районе Мало-Черногорского нефтяного месторождения, обустройство этих залежей придется практически начинать с нуля. На предстоящем в октябре аукционе мы намереваемся приобрести два месторождения. Чтобы аукцион прошел для нас успешно, мы делаем все необходимое для этого. А в начале лета (2000 г.) начали скупку акций дочерних предприятий ТНК в Нижневартовске. Результат есть и очень хороший. Поток желающих продать свои ценные бумаги именно компании «Славнефть» говорит о высокой степени доверия людей к нашей компании.

Соглашение о сотрудничестве с городской администрацией приурочено к открытию офиса компании «Славнефть» в Нижневартовске. Такое предложение сделал Тимошкову наш президент Гуцериев. Однако на это предложение от Юрия Ивановича не последовало никакого ответа. Если мэр не одумается, соглашение подписано не будет, а компанию зарегистрируем в районе. Причина проволочек с Соглашением, я уже объяснил: Тимошкову подписывать Соглашение не разрешает ТНК. На днях

очередное письмо, подготовленное специалистами администрации на имя президента компании Гуцериева, касающееся Соглашения, он не подписал и отправил в архив. А ведь «Славнефть» намерена участвовать в социально-значимых направлениях города на базе конкретных постановочных проблем, обоснованных проектно-сметной документацией. Объявленная «Славнефтью» деятельность в городе на ближайший только год превосходит все, сделанное Тюменской нефтяной за два с половиной года...»

Всегда местечковое малое сопрягается нераасчленимо с общедержавным, в данном случае сплотка движется по мелководью пока не присвоенного. Намереваются присвоить. Опять же «альфа-групповцы» — удачливые баловни властной близорукости, непримиримый борец В. Палий им костью в горле встает. И не только им одним. Всем, кто еще питает надежды завладеть сырьевыми отраслями, машиностроением, прочими масштабными комплексами. Именно на такое прихватизирование толкали ловкачей-желателей мladореформаторы. Толкают сейчас.

Б. Немцов добился аудиенции олигархов у Владимира Владимировича, тот заверил, что отбирать захваченное не будут, если только по суду.

И здесь хочу заострить внимание вот на чем. Любое отношение к политическому устройству — это всегда отношение к собственности. В книге, которую я приобрел, будучи в столице. «От первого лица, или Разговоры с Владимиром Путиным» Путин сказал об этом коротко и ясно, уравняв себя с плеядой «демократов».

«Кор.: Вот мы все время говорим, что Россия ослабла и от этого куча проблем и внутри страны, и вовне. Ваш тезис: нужно восстанавливать государственность, нужно сильное государство. Понятно. Но не означает ли это, что надо восстанавливать и государственную собственность?

В.В. Путин: Нет, конечно. У нас должна быть государственная собственность в ограниченном масштабе, там, где это необходимо. Например, в оборонной отрасли.

Кор.: То есть надо расширить частный сектор?

В.В. Путин: Первое, что нужно, — гарантировать право собственности. Я считаю, что одна из главных задач государства — создать правила, общие правила: в виде законов, инструкций, положений. И второе — соблюдать правила эти, гарантировать их соблюдение».

«Конфискации и национализации — вот этого точно не будет. Не будет очередной крупномасштабной трагедии... Если были произведены в предыдущие годы какие-то неправомерные действия и это установлено, доказано судом, то другое дело. Ну а сама по себе

национализация и конфискация вне судебной процедуры — это ка тастрофа. Хотя бы потому, что это путь к произволу.

У государства должны быть отношения с крупным бизнесо. обязательно, потому что от крупного бизнеса очень многое за висит. Но эти отношения должны строиться на основе тог же самого закона, тех же общих правил.

Кстати, и самый крупный бизнес заинтересован в том, что бы в среде бизнесменов у государства не было фаворитов, чтоб все были в равных условиях. Общение с крупными бизнесменам не исключено, конечно. Я считаю, что государство должно при слушиваться как к рабочим — а их выразителями являются профсоюзы, так и к представителям крупного бизнеса, ассоци ациям предпринимателей. От того, как они строят политик своих фирм, своих крупных компаний, многое зависит. Зачем ж делать вид, что мне это безразлично? Это неправильно. Госу дарство не должно командовать бизнесом. Это правда».

В небольшой книжке «вопросов-ответов» Владимир Вла димирович фактически изложил свои президентские прин ципы, соображения о сильном центре, полномочиях регио нов и губернаторов, о вооруженных силах, партиях, соци альных и духовных эволюциях и ломках, о собственности. О том, что вопрос о собственности решался спонтанно, бе необходимых обоснований.

«Ваучер я потерял вначале, потом нашел и что-то купил в него, какую-то глупость. Когда где-то за год до приватизаци я разговаривал на эту тему с Василием Леонтьевым, лауреа том Нобелевской премии, он мне сказал: «Да раздайте вы ко угодно эту собственность, все равно через два-три года вся он окажется в нужных руках. Хоть бесплатно раздайте». Во Чубайс и раздал. Я думаю, что у него именно такой подход бы хотя, конечно, об этом надо спросить у него самого».

В другом интервью Путин сказал:

«Важно, чтобы собственность оказалась у эффективно работника». — «Так ведь она оказалась у разного собственн ка»,— возразили ему. — «В том-то и дело. Я не диктатор и собираюсь возвращать страну к директивной экономике. .»

Последующие конфликтные ситуации на предприятиях в нефтяных компаниях показали, что он действительно ст рается не вмешиваться в разборки, оставляя это арбитраж и собраниям акционеров, пытается ладить с конфликтующ ми сторонами, «частный сектор» в нем перевешивает над «г сударственным». Мне это казалось и кажется ошибочным, не мне только. Но в принципе Владимир Владимирович к юрист ведет свою юридическую линию верно. В ней не хв тает, конечно, экономики. Это я снова ощутил, слушая тел

интервью с журналистами, вопросы которых были столь же общи, не конкретны, как и ответы президента: «Есть положительные тенденции». В чем они, какие? — неведомо. Ни одного конкретного примера ни по одной отрасли, ни по одному предприятию. Это от незнания.

Там явно не хватало голоса отменного хозяйственника Виктора Палия, без которого и без подобных ему, уверен, не сладится производственный механизм страны. Виктор Остапович Палий, ныне вице-президент компании «Славнефть», начальник ее сибирского территориального управления, должен быть там, именно он способен внести свежую весомую струю в управление экономикой. Он — ее истинный знаток.

И еще Андрей Валерьевич Дохлов, ныне 35-летний директор департамента финансов Мегионнефтегаза, составной части упомянутой смешанной российско-белорусской «Славнефти», к которой настойчиво тянет руки «Альфа-групп», заявляя о слиянии (значит, о поглощении ее) с этой компанией. Еще остались островки государственности в нефтяной индустрии, остались истинные хозяйственники. Они противостоят безоглядному леонтьевско-чубайскому: «А раздайте кому угодно...»

И тут я вынужден подробнее рассказать о другом ратоборце, сподвижнике Виктора Остаповича, его единомышленнике, Андрее Валерьевиче Дохлове. Для спасения России необходимы еще многие умы, опыты, воли. И тут важно вовремя заметить их и дать возможность проявить себя с той силой и уверенностью, которые дадут ощутимый результат.

Дохлову только тридцать пять!

Обыкновенные зачастую и есть необыкновенные, отличие лишь в том, что одних заметили и дали возможность реализоваться, других по стечению обстоятельств отгерли в сторону. Один из «других» — Андрей Валерьевич Дохлов. Я вплотную сошелся с ним в памятный для всех самотлорцев год, год «приватизации» крупнейшего объединения «Нижневартовскнефтегаз», столь же крупнейшего, как Уралмаш, Автоваз, Кузнецкий металлургический... Во втором томе я подробно писал, как это происходило. Генеральный директор Палий с единомышленниками бился до последнего, но тенденция: «Да раздайте вы кому угодно эту собственность, все равно через два-три года вся она окажется в нужных руках» — возобладала. Участь объединения была предрешена заранее, чаша весов с помощью самого Бориса Ефимовича Немцова в конце

концов неумолимо перевесила в пользу альфа-групповцов. Случилось это в декабре, когда Нижневартовскнефтегазу навязали банкротство, затверженное якобы судом. Вероятно, затверженное, коль такова была правительственная линия: отдать кому угодно «эту собственность». Отдали. Почти все отдали, словно устав от государственного правления, не просчитав заранее, что и как отразится на экономике и благосостоянии. Отразилось плачевно.

А тогда, в декабре, альфа-групповцы вошли хозяевами в главный офис по улице Менделеева ННГ.

Этому предшествовали месяцы жесточайшего противостояния, где проявил свою несгибаемую волю Палий. Его видели, слышали, обсуждали, было, и осуждали. Менее заметным оказался главный экономист Дохлов, но именно он зачастую и был первым лицом в этом противостоянии. Палий по разным причинам отсутствовал, и он принимал решения самостоятельно, рассказывал после, что ему предлагали деньги, должности, чтоб только отступил, он не отступил. Остался при своем. В знак уважения к его бойцовским качествам, его неподкупности был приглашен на банкет победителей и сидел рядом с главной фигурой той, противной, стороны — Германом Ханом. А оставался он до последнего сторонником Палия потому, что их позиции совпадали, а не из поклонения перед генеральным. Есть праведники в России, есть!

Будучи в 1996–1997 годах корреспондентом еженедельника «Нефтяник», вплоть до увольнения Андрея Валерьевича новыми хозяевами, частенько брал у него интервью, имел повседневный скорый допуск к главному экономисту. Он был переполнен задумками, планами реорганизации. Его не устраивала излишняя самостоятельность нефтегазодобывающих управлений и других предприятий объединения, на которые можно было повлиять лишь опосредованно через собрания акционеров, почти невозможно было повлиять. Многие в ущерб производству увлеклись строительством жилья в различных регионах России, а он думал укрупнить некоторые сервисные службы, кому-то дать большую самостоятельность — отпустить в ЗАО. Не успел: сняли новые хозяева, кстати, претворившие в жизнь многие задумки Дохлова.

После увольнения он довольно успешно справлялся с обязанностями заместителя «Комвесбанка». Я время от времени навещал Андрея Валерьевича, находил его уверенным в себе, деятельным, радушным. Таким он остался и в должности директора департамента по финансам ОАО «Мегионнефтегаз», куда его пригласила компания «Славнефть». Ему предлагали

должность в центральном офисе, он предпочел Нижневартовск, ведь до Мегиона рукой подать — час на дорогу туда и обратно. Сумел в считанные месяцы так отладить финансовый механизм, что работники стали получать в полтора-два раза больше, чем прежде, а по добыче углеводородного сырья Мегионнефтегаз шагнул далеко вперед.

Часто бывая на предприятиях Мегиона, я знал об этом не понаслышке. И вот наконец решил взять интервью у самого Андрея Валерьевича, прояснить, что он за человек, кто таков. Записал всю его родословную, его северный путь. В конце спросил, сколько лет Андрею Валерьевичу. Он ответил: тридцать пять. Я чуть со стула не упал. Только тридцать пять! А по масштабу решаемых задач, должностей, которые занимал и занимает, можно дать все пятьдесят. Невольно у меня вырвалось: «Так ты должен быть советником у президента!» Он спокойно посмеялся: «Там места все уже заняты». Я возразил: «Профессионалов всегда не хватает!» Вот таких специалистов-самородков от производства следует поставить на ключевые посты, тогда экономика воспрянет и достигнет уровня, о котором сейчас только мечтают.

Такие, как Дохлов, работают столь же много и неутомимо, как президент, делают свое дело уверенно и последовательно, как полагается профессионалу, мягко, я бы сказал, ненатужливо. Очень много, на мой взгляд, общего в работе у Дохлова с Палием и Путиным. И они тоже поднялись из низов народных. И у всех троих очень благополучные семьи.

Вот рассказ Дохлова, записанный летом 2000 года.

Родился я в городе Бугульме, что в Татарии. Отец работал там на заводе по ремонту нефтяного оборудования, мать — инженером-технологом на этом же заводе. В 1972 году, мне тогда было десять лет, семья переместилась в Нижневартовск. Отцу, в свое время закончившему Самарский политехнический институт, прислали вызов, и он принял должность начальника электроцеха в УБР. Начальником бурового управления в то время был известный первопроходец Севера Валентин Иванович Хлюпин. С ним в одной упряжке Валерий Алексеевич Дохлов проработал немало лет. Первое время ютились в балке, жили на поселении в деревянном, наскоро слепленном домишке, пока не переселились в пятиэтажку на проспекте Космонавтов.

Я тем временем учился в школе № 6 — ее только что открыли. Учился с большим интересом, увлеченно. Круглым отличником был. Всегда первые места на олимпиадах по физике, химии, математике занимал, в городе и округе. Школу окончил с отличием. Без особых усилий поступил в Самарский политехничес-

кий институт, и тоже, как отец, на электромеханический факультет. Я всю жизнь, во всем хотел быть похожим на него.

К этому времени отец был уже начальником отдела в объединении, оформившись на пенсию, он снова вернулся в бурение. Работал до самой кончины. Он был большой благородной души человек, всегда внимательно относился к людям. За это уважаем был во всех коллективах, где довелось работать. Скончался он в 63 года от инфаркта миокарда. Можно сказать, сгорел на работе. И мать очень добрая, энергичная. Под стать они друг другу. Последнее время они жили в Абинске. Отец посадил там виноград, другие фруктовые деревья. Занялся садоводством.

Биографии хороши тем, что открывают «тайны» формирования человека. Оказывается, неизменные доброта и справедливость Андрея Валерьевича, при любых перепадах судьбы, от его родителя идут, как в Палии — гены несгибаемости от его далекого предка. Занятым он бывает часто, хмурым, неприветливым, или хуже, злым — никогда. Много общего с президентом в характере. А вот взгляды на нефтяную отрасль, пожалуй, разнятся.

Окончив факультет с дипломом специалиста электроснабжения промышленных предприятий, он твердо уверился к этому времени, что вернется в Нижневартовск.

Курсовые работы и диплом писал на материале северных промыслов, практику проходил в местных предприятиях, занимающихся энергетикой.

С женой Татьяной вместе учились в институте, вместе приехали в город, на берегу полноводной Оби. Институт окончил опять же с красным дипломом — на «отлично». Проблемы трудоустройства не возникло, охотно пригласили в Нижневартовск-нефтегаз. Здесь зашел в отдел руководящих кадров к Емельянову. Евгений Петрович направил в только что созданное нефтегазодобывающее управление «Самотлорнефть». В НГДУ, по обычаю того времени, определили пока электромонтером, но в том же году перевели мастером в управление по эксплуатации электрических сетей. Проще говоря, «Энергонефть». А в 1987 году избрали начальником предприятия, подобно Черногорнефти одним из первых «выломившегося» на аренду, но в составе объединения, бесконфликтно. Время было интересное. Испытывали и внедряли новое оборудование, практиковали новые экономические отношения.

Именно тогда познал эту сторону, загорелся новым направлением. Окончил в Штатах, в Барух-колледже, школу менеджмента. Много полезного приобрел от местных специалистов. Прива-

тизацию встретил, что называется, во всеоружии. У себя на предприятии возглавлял приватизационную группу.

«Энергонефть» стала образцово-показательной во всех отношениях. К нам приезжали за опытом, учились у нас. Особенно плодотворно работалось с главным инженером Александром Андреевичем Пухальским и главным энергетиком Виктором Викторовичем Садовым. На нашем управлении отрабатывались многие эксперименты, рационализаторские схемы. Приватизацией вплотную помимо основной работы занимался, будучи начальником «Энергонефти», — примерно год, постоянно контактируя с главными специалистами объединения. Тогда и поднабрался опыта, и меня заметили, пригласили в Нижневартовскнефтегаз.

Свое предприятие к этому времени удалось из средних вывести по всем показателям в лучшие, сплотить коллектив на решение любых задач, подготовить высококлассных специалистов. Садовой и Пухальский ушли вместе со мной в объединение. С большим уважением отношусь к геологу Фариту Абдулловичу Шарифуллину, это высококлассный работник, просто умный человек, во всех отношениях порядочный. Порядочные Пухальский и Садовой.

Разговаривая с тем или иным человеком, знакомясь с их характерами и биографиями, я теперь постоянно параллельно думал о Путине, проводил аналогии. У Дохлова с ним много общего. И в характере, и в установках, и в личной жизни. У Путина две дочери школьницы — Маша и Катя. У Дохлова тоже две — Катюша и Анастасия. Еще совпадение. Жена Дохлова Татьяна, подобно жене Путина, попадала в автомобильную аварию, повредила позвоночник. И вовсе любопытно то, что в обеих биографиях — Дохлова и Путина — фигурирует воз с сеном, который чуть не погубил водителей.

Так два россиянина трудятся во благо России на различных плацдармах: политическом и производственном. И оба преуспевают. Просматривается хоть какая-то стабильность. Но ох как далеко еще до оценки «хорошо»! А ведь все возможности и всегда на такой территории были. Значит, не так думали, не туда шли, намеренно или слепо выводили кривую в сторону оврагов.

Большевики искорежили все, что можно искорежить, заковать в цепи, поместить в ГУЛАГи, Борис Николаевич Ельцин с сотоварищами располосовал Союз, а Верховный Совет утвердил это. Непростое наследство досталось Владимиру Владимировичу Путину. На месте НТВ я бы отказался транслировать двухсерийный фильм «Царь Борис». А НТВ транслировало, значит, «Царь Борис» вполне устраивал «Медиа-

мост», которому «Газпром» ссужал миллионы долларов. С какой стати ссужал? В никуда.

После моего оседания на Севере молодым специалистом отец обменял бугульминскую квартиру на Нижневартовск, так что жилищной проблемы не было. Оставалось работать. Мой принцип: работать много и плодотворно, постоянно совершенствоваться, идти туда, где можешь сделать больше и лучше, чем другие. Именно так было в «Энергонефти», при избрании директора было восемь претендентов, коллектив предпочел меня. Я не удалил после этого прежнего начальника Сергея Ивановича, он остался на работе, охотно трудился заместителем главного инженера.

В объединение я попал в то время, когда разгулялась перестройка, прежнее ломалось, новое еще не родилось, смутно, неясно, как идти, ГКЧП, Палий противостоит Чубайсу, «приватизация» ННГ... Перемещением в ННГ я обязан в первую очередь сестре известного буровика Левина Людмиле Михайловне Речистовой. Она играла важную роль в Нижневартовскнефтегазе: вела экономику и финансы. Пригласив меня, сагитировав, оставила себе блок финансов, я занимался отношениями между структурными единицами и дочерними предприятиями, принимал меры по улучшению производственных показателей, снижению себестоимости услуг, изменению условий труда.

Прежний маховик, запущенный перестройкой, вращался уже неукротимо, его можно было как-то подправить, скорректировать, но остановить было невозможно. «Здоровье» ННГ было обременено долгами в объеме двухлетней выручки за реализацию нефти. Счета были закрыты. Вопрос стоял о спасении предприятия. Чем кончилось все — знаете. Нижневартовскнефтегаз отдали в частные руки. Я был против и остаюсь против.

Позиция моя была и остается неизменной: нефтяная промышленность должна находиться в руках государства, как одна из самых прибыльных формирующих бюджет страны, округа, города в отечественной промышленности.

С Палием у меня изначала совпадала позиция на этот счет, мы боролись вместе против приватизации Нижневартовскнефтегаза, насколько это было возможно. Вся команда боролась: Николай Прохоров, Людмила Речистова, Андрей Пухальский. Старались, чтобы на предприятии был нормальный настрой. Домой приходил спокойный, уравновешенный. Я умею переключаться. Свой стресс никогда не выливаю на окружающих людей, тем более близких. Меня так воспитали.

Жена Татьяна Николаевна трудится в ННП «Нижневартовскнефть», от электромонтера поднялась до начальника лаборато-

рии. Вернее и точнее сказать, трудилась: три года назад я ее попросил заниматься детьми, постоянно, вплотную. Старшая дочь Екатерина учится в МГИМО — Институте международных отношений по специальности юрист. Специализируется по финансовому праву. На третьем курсе. Школу она окончила с серебряной медалью, без протекций поступила в институт.

Младшая дочь заканчивает девятый класс. Жена ее опекает.

Брат Алексей повторил путь мой и отца, тот же институт, тот же электронефтяной профиль: мастер в нефтегазодобывающем предприятии, начальник цеха, главный энергетик. Углубляет себя, совершенствуется.

После увольнения из ННГ я не очень растерялся. Была надежда, что государство пересмотрит свою позицию к недрам, можно будет вернуться в объединение, с которым очень много связывало. Увы. Я не работал две недели, через две недели председатель «Комвесбанка» Толстогузов предложил интересную работу — внедрить в городе пластиковую систему обслуживания клиентов, в первую очередь выплату заработной платы. Я приложил к этому немало усилий, сейчас картами банка охвачено до сорока тысяч клиентов. Я оценивал объективно кредитные риски банка, мы вносили вклады в нужное производство, я же отвечал в банке за многое, что помогало предприятиям закрывать различные долги. Производство знаю лучше и совершенней банковских работников. Во многом это выручало. Но и не только.

Хвалиться особенно не буду, но получалось.

В Мегионнефтегазе занимаюсь непосредственно финансами, в ННГ эта была прерогатива в основном Людмилы Михайловны, а здесь — иное. Здесь финансы вышли на первую роль. Так должно быть у директора специализированного департамента по экономике и финансам. Деньги, деньги, деньги. Каждый день, час они... В свое время меня нашел президент компании «Славнефть» Гуцериев, пригласил для разговора в Москву. Произошло это в марте 2000 года. Беседовал с ним в центральном офисе на Кутузовском проспекте. Он предложил работу в Москве, я отказался, посчитав себя более полезным на месте. Он согласился. Председатель «Комвесбанка» отнесся с пониманием, одобрил «мегионский вариант».

И вот я есть то, что есть.

Именно в этом месте нахожу в записях признание Андрея Валерьевича, что в пору «прихватизации» ННГ, яростного противостояния нынешний исполнительный директор ТНК Герман Хан (о нем упоминали) предлагал миллион долларов отступных — чтобы вышел из схватки. Он говорил Дохлову:

«Ну, что ты упорствуешь. Все равно проиграешь». Дохлов ответил, что принципами не торгует, что для него важны люди, его обязательства перед ними, обязательства перед городом. Если для Хана и его сподвижников важнее всего деньги, то ему важнее иные ценности. Нет, они не поймут друг друга.

Мосты были сожжены.

Но на банкете победителей в гостинице «Самотлор» его усадили рядом все с тем же Германом Ханом, все были в шоке от того, что к человеку, столько досадившему альфа-групповцам, единомышленнику Палия уделяют столько внимания. А они сидели весь вечер рядом и беседовали, что не помешало москвичам избавиться от Дохлова, когда у него появилась возможность стать генеральным директором Самотлорнефти. Просто отказали. Они ведь хозяева! Не хватило до конца остаться на высоте, может, опасались противодействий, мины замедленного действия в своем новом царстве. В конце концов не один Герман Хан все решал в «Альфа-групп». Были еще Петр Авен, Виктор Вексельберг и другие крупные держатели акций.

Они были хорошо организованы. Они могли казнить и миловать, что и делали. Иногда с плеча, иногда осторожно, закамуфлировано, используя в качестве щита Маричева и Гумерского.

Все же уважение к сильным врагам — Дохлову и Палию было и осталось, не могут их сбросить со счета, идут на соглашения с городом и округом, осуществляют благотворительные программы. Без них могли и не осуществлять.

Странно, что государство, имевшее возможность забирать полностью выручку за природное сырье, вынуждено теперь востребовать ее в форме налогов и благотворительных подаяний.

В Мегионнефтегазе приходится работать как с внутренними структурами, так и внешними, с налоговыми органами. Разнообразный спектр, интересный. С деньгами все в порядке. Много их вкладываем в обновление производства, в зарплату, которую значительно подняли за счет того, что даем много нефти, удешевляем ее себестоимость, вспомогательные услуги. Все по справедливости, по разумению и опыту. Хорошо, когда он есть и к месту пригоден. Одним словом, интересно работать, служение государству приносит огромное удовлетворение. Много внимания уделяем разведке новых месторождений и бурению новых скважин, стараемся нарастить потенциал. И выполнять неукоснительно обязательства перед Мегионом, как это всегда делали с Палием в Нижневартовске.

Виктор Остапович возглавил Главное территориальное управление «Славнефти» в Нижневартовске «Сибирь». Это у него самостоятельная структура. В одном котле, но самостоятельная, ее расцвет еще впереди. В дополнение к тому Виктор Остапович вице-президент компании. И хотя возглавил управление недавно, о нем отличные отзывы в «Славнефти», много работает, плодотворно. И его опыт к месту оказался. Не брошенные мы с ним, не на обочине.

И так было, есть и будет!

На этом и расстались. Я всегда считал, что без таких людей, как Палий и Дохлов правительство, президент бедны. Подобных им необходимо находить и помогать реализоваться на самых ключевых высотах: советниками, завами, замами, первыми, кем угодно, но реализоваться на полную мощь и полный охват, с потенциалом, какой в них сформирован десятилетиями неустанного труда.

Людей, подобных Палию и Дохлову — незаурядных, в России немало... Был первооткрыватель Мегионского месторождения и Самотлора Норкин, есть бывший буровой мастер Липковский, освоивший первую скважину Мегионского месторождения, точнее, скважину Норкина. Дебит — четыреста кубометров в сутки! На «освящении» первым появился начальник нефтеразведки, знаменитый Фарман Салманов. Привез целую машину шампанского. «Обмыли» крепко. Даже местные ханты помогали ту машину с шампанским упокоить. Если на счету у Григория Ивановича, ныне покойного, семнадцать месторождений, то у Евстигнея Федоровича, дожившего до наших дней, — девять. Их дело продолжают многие и многие, отмечают прошлые миллиарды нефти и добавляют к ним новые.

«А раздайте, все равно...» — думают многие из тех, кто у власти, и росчерком «нобелевских» и всяких лауреатов, администраторов, явных и закрытых суесловов, далеких от элементарной целесообразности, лишенных элементарной общественной перспективы — что будет от их росчерков завтра: на родине Б. Ельцина, В. Леонтьева, Б. Чубайса, в дедушкином гайдаровском Арзамасе, в моей Иске?.. Решили — и все, и готовы — Немцов, Кох, Мостовой... И словно ниоткуда — Файн, Хан, Вексельберг, Фридман, Авен... Есть на местах ревностные исполнители, и их тоже много.

Но есть и другие, которые не покорились судьбе, которые видят, что они, эти другие, взывают, требуют, объективная реальность вопиет социальным расслоением, гибелью подлодок, пожарами, высокими покупными ценами, взрывами, теракта-

ми, падением нравственности... припасть к мнению народа, к травинке, корню, хлорофилловому зеленому листку, чтобы уяснить эволюцию мироустройства, свою роль в этом миропорядке и роль государства по имени Россия. Уяснить организм политики и экономики, соотносимость их. Понять, что экономика — это способ жизни, политика — ее цель.

Не уяснив ничего, нарешали, нараздавали... Стоило ли развиваться бесконечно долго и мучительно, чтобы остаться на пещерном уровне у дверей третьего православного тысячелетия. Себя раздевая, кормим, поим, согреваем всю планету. Разбазариваем. Проедаем беспардонно... Потому подозрителен к начальственным табличкам на дверях, порой совсем пустяшному духовно человеку в кресле... Но и к человеку в кресле доступ через многие преграды. Они от нас, мы от них далеки. Разные материки и острова.

К Путину еще вернемся. А пока заждалась Госдума, впечатления о которой уместились в школьного образца тетрадях — заждались записи, сделанные в Георгиевском переулке, 2 и Охотном ряду.

Родом из Самарово

С того же вопроса, с собственности, начал вхождение к Любови Васильевне, на что советник Г. Селезнева заметила, что ничего уже не изменишь, паровоз неотвратимо летит вперед. Я менять и не вправе, моя задача ставить диагноз. Хотел пообщаться с Б. Немцовым, сыгравшим определенную роль в подвижках «Альфа-групп», но неудачно обозначил намерение (к сибирякам и Сибири Борис Ефимович не причастен, легко отговорился занятостью).

Обязателен для меня был разговор с сургутско-нижневартовским Рязановым, Лотарева нефтеюганского в запеве почему-то игнорировал, пока не увидел и не услышал на пленарном заседании по СРП для Тянского месторождения. Но Рязанов не давался, неугомонный, все виражами ходил по Москве, отсутствовал. Встречи, встречи... И я занял образовавшуюся нишу времени встречей с Юрием Михайловичем Коневым, бывшим ректором Тобольского пединститута, заместителем главы Тюменской областной администрации, с которым уже соприкасалась моя исследовательская стежка. Без особых усилий разговорил просвещенца в его кабинете, неподалеку от чертищевского, «раскрутил» на всю минувшую жизнедеятельность. Что он был и что есть, заместитель Председателя комитета по делам Федерации и региональной по-

литики, за кого опустили бюллетени в тот судьбоносный день ишимцы и тобольчане — обширная территория.

А вот за кого! За уроженца поселка Самарово, пригорода Ханты-Мансийска, где в революционные пороховые проявлялись «красные» и «белые», постреливали, метали гранаты. Отец погиб на фронте, родительница рано умерла, а он все-таки выучился в Тобольском педагогическом и московской аспирантуре, по экспериментальной физике специализировавшись.

После аспирантуры в Тобольске — уже профессор, осел на двадцать один бюджетный год возле седого Иртыша, за стенами видимого отовсюду Кремля. Последние тринадцать лет неизменно ректор, в сообществе с северным градоначальником Г. Черниковым создает педагогический институт в Нижневартовске, укрупнил и Тобольский, корневой, который принял лишь с двумя факультетами, сдал — уже с девятью, с новыми учебными корпусами и жилыми домами, общежитием, спорткомплексом. Оставил преемнику 250 преподавателей — целая армия, из которых 95 — кандидаты наук, семь докторов.

Нижневартовский педагогический создавал через филиал своего корневого, пустили вначале такую ветвь, преобразовали в самостоятельное учебное заведение высшего разряда. Нынешний ректор института А. Карпов в свое время послужил у Юрия Михайловича проректором, неплохо справляется в высшем студенческом заведении автономного округа.

Сам Конев был замечен в своих подвижнических деяниях: может — и делает! Его заместителем председателя облисполкома рекомендовали с берегов седого Иртыша. Вел успешно социальный блок, внешнюю и внутреннюю политику, занимался национальным вопросом. Полигон необозримый. Но Тобольск роднее всего. В День химика обязательно встретится с избирателями-земляками, проведет приемы. Госдума не политический клуб, считает, все, без исключения, должны избираться по одномандатным округам, персонально отвечать перед людьми, отстаивать их интересы. Жизнь человека, его личная судьба прежде всего. Это и обязательная цель любой политики.

Но без подъема промышленности полноценная эта жизнь невозможна. Значит, что? Развивать всемерно экономику, усовершенствовать налоговое законодательство, усовершенствовать трудовой и земельный кодексы. Землю продавать рано, продашь, а кому, в чьи руки — неизвестно. Не готовы к продаже земли.

В плане создания вертикали Путин прав. Без сильного центра — искривления, путаница, отсебятина. И без того стали

конфедерацией. Россию надо собирать заново, иначе развалим окончательно, останемся без страны. Диктатура закона — да! Диктатура отдельного правителя — нет!

В комитете Конев занимается привычной «социалкой». Вместе с ним бок о бок председатель комитета Иванченко, молодой Рыжков, Лысенко, Морозов. Проявляются не худшим образом. По неотложным депутатским запросам его правая рука — помощник Елисеев, в прошлом работник Верховного Совета РСФСР и бывалый госдумовец.

...Конев мог бы закрепиться в Москве, но... все же вернется в Тобольск, отработает необходимое — и домой к Иртышу, к детям, внукам и внучкам. Под сень древнего кремля на взгорье, где сине и вольно, ельники и березники простерлись в долы. Там монарх Николай II с семейством ссылку отбывал, Григорий Ефимович в скиты наведывался. Много кое-чего перебывало. Добавим Ермака, да Кучумку, да атамана Брязгу. Оттуда же Иван Кольцо с челобитьем и дарами в Московию отправился к Ивану Грозному про землю Искер глаголить законершику опричнины.

Занимается законами:

1) «Об основах региональной политики в Российской Федерации». Первый вариант закона готов для обсуждения.

2) «Об изменении границ субъектов Федерации». Закон очень актуальный.

Будет дорабатываться и укрупняться третий «О приеме в РСФСР новых субъектов», тех, кто захочет войти добровольно. В очередь не стоят, но прецеденты вхождения возможны. Взаимоотношения округов и областей, многое другое на очереди, занимают Конева и его коллег. Как прежде, Юрий Михайлович в форме. Может — и делает.

Бог ему в помощь!

Лотарев из Нефтеюганска

Притерпелся в коридорах и залах к знаменитостям, как к повседневности. Запросто здоровался, перекидывался с ними никчемушными проходными фразами, «тусовался» среди журналистов, в дни заседаний недремно вахтующихся возле дверей с расчехленными фотообъективами и телекамерами. Надо сказать, доступ в Госдуму упрощен донельзя, достаточно позвонить охране, помощнику депутата, мало-мальски значимому сотруднику из обслуги, которых полторы тысячи, и пропустят. Для страховки заказывал накануне сразу по два соизволения.

В здании Госдумы даже водят экскурсии.

Как везде, буфеты, столовые, киоски, билетные кассы... Никакой чопорности, помпезности, излишней секретности, обычная деловая атмосфера. Истинно законодательный орган, полный срез общества. Среди депутатов единомыслие, при активно работающем нынешнем президенте все движимы стремлением к консолидации, каждый выкладывается, как может.

Даже Жириновский поуспокоился. Г. Селезнев — всегда олицетворение корректности.

Дерзают избранники в тесных каморных кабинетиках, куда второй стол — помощника — едва втиснешь. От этого неудобства, нервозности. У тюменца Райкова, руководителя парламентской группы «Народный депутат», достойная приемная, кабинет на одного, конференц-зал, оснащенное компьютерами помещение для членов фракции. Случайность это, или по значимости так, может, конструкция здания «подфартила», не ведаю. Но подобные «фарты» неоднократны. Особенно в Охотном ряду.

Как везде, кулуарные разговоры... Про Медведева сказали, что обещает больше, чем выполняет, несоразмерно печется о своем личном, и проиллюстрировали газетными материалами — цифры внушительные. В числе весьма состоятельных наш Владимир Сергеевич, если верить слухам и газетным публикациям. Березовскому акции ОРТ якобы великодушно ссудил Борис Николаевич, как шубу с плеча. А спустя время Г. Селезнев подтвердил это с телеэкрана, добавил, что надо разобраться с позиций законности. Почему бы и не так, по существу дела?

Мы-то удивляемся лихой раздаче природных ресурсов — спинного хребта экономики, — которые «приручать» вообще нельзя. Неуместно. «Приручили» однако — ни устойчивого хребта, ни благополучия, ни должной государственности не осталось. Получайте молитвенно из горсти свое же. Впрочем, почему свое? Народное! С раздачей, как и с «беловежским пактом», не спросили, не сказались, решили келейно.

Едва тронули Гусинского с его «медиа-мостом», о, вскинулись! Загомонили! Но откуда содержание медиамостовцев, не с рекламы же о перхоти, зубной пасте «Аквафреш» и стиральном порошке. Например, Газпром ссудил, Вяхирев Рем Иванович великодушный, сто миллионов враз — президент огласил в дни штурмовок тюрьмы с подследственным «магнатом». Захотел и дал. Из чьего, думаете, кармана? Понятно, из государственного, нашенского то бишь. И ничего, полный порядок на корвете «Россия».

Пусть страна в развале, от зарплаты до зарплаты, иногда вовсе без никакой. Зато сто миллионов за здорово живешь,

Березовскому акции основного телеканала. А... да, ЛогоВАЗ, Аэрофлот, банк, ТВ-6, «Коммерсант-экспресс» и т.д. Когда только успел заработать?

Первый президент-виртуоз раздал «в доверительное пользование» — 49 процентов, без одного процента половину, с условием: если управятся — 20 процентов (обратите внимание: только двадцать!) соблаговолит в собственность. Поживем-увидим, что день грядущий готовит.

Пленарные форумы — до 35 вопросов в день. Вместительные прогоны. От прав русских в Прибалтике, проблем банковской сферы и пострадавших от наводнения до баз террористов в Афганистане. Каждое заседание тщательно стенографируют, отдел обработки и выпуска стенограмм при управлении документационного обеспечения аппарата сводит в бюллетени. Изведешь себя, утомишься от переключек. Но Лотареву внимал с интересом. Взвешенно, грамотно говорил о разработке сургутнефтегазовского Тянского месторождения на условиях Соглашения о разделе продукции.

В первом же чтении единогласно, без проволочек утвердили. Не часто бывает.

Открыв для себя нефтеюганца, решил с ним поконтактировать.

Вот что вычитал в думской справке:

«Лотарев Александр Николаевич. Родился 10 сентября 1948 года в Курской области. Два высших образования: педагог и юрист. После средней школы — армия, после армии — слесарь-инструментальщик подшипникового завода. Секретарь заводского комитета комсомола.

По 1982 год он — заместитель директора профессионально-технического училища в Курске. И заместитель, а потом директор ПТУ в Сургуте и Нефтеюганске. В Нефтеюганске назначают Александра Николаевича председателем горисполкома, заместителем главы администрации.

Избранный в 1995-м депутатом Государственной Думы второго созыва, занимается в комитете по природным ресурсам и природопользованию, является заместителем председателя депутатской группы «Российские регионы». Автор семи законопроектов. В 1999 году победил по одномандатному избирательному округу № 222 и вошел в третий состав Российского парламента. Снова заместитель председателя «Регионов России». В комитете по энергетике, транспорту и связи. Вплотную занимается нефтью. Член мандатной комиссии. Женат, имеет тро-

их детей. Увлекается охотой, рыбалкой. Коллекционирует оригинальные выражения известных отечественных политиков».

Законопроект о Тянском загодя показали Путину. Владимир Владимирович, проявив себя осведомленным и в недропользовании, добавил в части пятой, что *«Соглашение о разделе продукции по участкам недр, включенным в указанные перечни, на основании совместного решения Правительства Российской Федерации и органов государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации может быть заключено без проведения конкурса или аукциона с пользователями недр, осуществляющими на момент принятия такого решения поиски, разведку или добычу полезных ископаемых на данном участке на иных, предусмотренных законодательством Российской Федерации условиях, с другим юридическим лицом или объединением юридических лиц, созданным с участием этого пользователя».*

В тот же день, 24 мая, пресс-служба Думы распространила «весть», — именно так, под грифом «Вести», оглашение:

«Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла в первом чтении законопроект «Об участках недр, право пользования которыми может быть представлено на условиях раздела продукции (Тянское нефтяное месторождение)».

Этот законопроект был внесен еще в Государственную Думу второго созыва Правительством Российской Федерации. О необходимости принятия законопроекта говорилось в выступлениях официального представителя Правительства РФ и выступавшего с содокладом депутата Государственной Думы от 222 Ханты-Мансийского избирательного округа А.Н. Лотарева, который отметил, что помимо сохранения свыше одиннадцати тысяч рабочих мест, включая смежные предприятия, реализация данного законопроекта позволит российской нефтяной компании «Сургутнефтегаз» за счет использования оптимального налогообложения освоить труднодоступное нефтяное месторождение и даст дополнительные доходы в российский и окружной бюджеты.

При голосовании за принятие законопроекта в первом чтении высказалось 309 депутатов Государственной Думы. Регламент Государственной Думы позволяет надеяться на то, что и на второе чтение законопроект «Об участках недр, право пользования которыми может быть предоставлено на условиях раздела продукции (Тянское нефтяное месторождение)» будет вынесен для рассмотрения на пленарном заседании еще в весеннюю сессию 2000 года.

А помните опасения северян, что они лишатся льгот? Как заволновались и встревожились, опасаясь остаться на общих и равных со всеми — из средних и южных широт! Но не случилось этого благодаря Александру Николаевичу.

«Первому заместителю председателя
Государственной Думы Федерального
собрания Российской Федерации
Слиске Л.К.

Уважаемая Любовь Константиновна!

Прошу Вас распространить среди депутатов Государственной Думы (через почтовые ящики) мое обращение по предстоящему рассмотрению на пленарном заседании Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации в первом чтении законопроекта «О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации «О гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях».

Приложение: на трех листах.

А.Н. Лотарев»

Сравнительный опыт Курска и Сургута, дни и ночи, зимы и весны Нефтеюганска, поступки и помыслы тех дней — знание жизни, доброе сердце, сострадательная ответственность, многое и многое слилось в обращении, написанном ради сотен, тысяч и миллионов неведомых ему и одновременно родственных судеб, на каждой из которых отзовется его мнение, воплощенное на бумаге, именуемой деловой перепиской. Бывает, годы постигаешь человека и не постигнешь до дна, а этого принимаешь сразу. Говорит — ему веришь, замолчит в глубоком раздумье — тем более понимаешь. Ло-та-рев... В округе он больше на слуху, чем Рязанов, про него часто спрашивают. Предельно скромен, прост, во всем значителен. И расположен одновременно, ровен, без видимого напора. Движим ясными устоявшимися критериями. Любит рыбалку и охоту, любит людей, их дела. Этим последним более всего весом.

В общем видит конкретное, как видят крупномасштабные Палий и Куцев, и Путин, наверное. Я эти фамилии вровень числю, напоминаю о них моему великодушному читателю на немереных просторах российских и вне их.

А теперь черед Александра Николаевича, пора услышать голос самого законотворца:

«Уважаемые коллеги!

19 апреля 2000 года на пленарном заседании Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации планируется рассмотреть законопроект «О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации «О гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», который Правительство РФ 18 октября 1999 года внесло на рассмотрение Государственной Думы.

Суть законопроекта — определить сроки, после наступления которых установленные действующим законодательством государственные гарантии и компенсации лицам, заключившим трудовые договоры (контракты) в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, имеют силу, в случаях, если предоставление этих гарантий и компенсаций предусмотрено в соглашениях, коллективных договорах, срочных трудовых контрактах.

Таким образом в противоречие нормам Конституции Российской Федерации:

• статьи 19, гарантирующей равные права всем гражданам России;

• статьи 37, гарантирующей свободный труд, обеспечивающий право каждого гражданина на вознаграждение за труд без какой-либо дискриминации.

Правительство РФ пытается с помощью парламента с одной стороны снять с себя обязательства по гарантированию равных условий труда всем гражданам России, принудив таким образом Государственную Думу пойти на нарушение Конституции РФ, а с другой стороны, по неизвестным нам причинам, настаивая на введении срока, после которого одни россияне, приехавшие работать на Крайний Север после 1 января 2001 года в силу трудовой квалификации либо по иным мотивам, будут обладать меньшей социальной защищенностью по сравнению с россиянами, проживающими либо приехавшими на работу до указанного срока.

Получается, что Государственная Дума в случае принятия данного законопроекта внесет раскол между россиянами, поделив их на обладающих правом на гарантии и социальную защиту и не имеющих таких гарантий.

По этому поводу в федеральном законе «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации», часть 2 статьи 8, говорится, что «гарантии и компенсации лицам, работающим и проживающим на Севере, устанавливаются дифференцированно с учетом его районирования по дискомфортности условий жизнеде-

ятельности населения. Федеральным законом гарантии и компенсации могут быть распространены на лиц, проживающих в иных районах с дискомфортными условиями проживания.

Рассматриваемый законопроект вводит новую форму, вероятно оправданную в случаях, когда устанавливаются гарантии и льготы для участников прошедших событий, например, войн, катастроф и т.п., но климатические условия не могут быть изменены принятием того или иного нормативного акта.

Как видно из законопроекта, Правительство РФ предлагает ввести эту норму на всех предприятиях и учреждениях, независимо от форм собственности, переложив проблему выплаты компенсаций на добросовестность работодателя.

Мы еще можем предположить, что работники бюджетной сферы могут рассчитывать на сохранение действующих гарантий для северян, но, как показывает опыт, государство зачастую урезает бюджетное финансирование и, на наш взгляд, будет иметь большой соблазн сэкономить какую-то часть средств, сократив объем гарантий работникам северных территорий.

Частные компании и в настоящее время изыскивают всевозможные способы экономии средств, дабы развиваться, а в случае принятия закона, по нашему мнению, вряд ли найдутся добровольцы выплачивать «лишние» деньги. Компании пойдут на распространение в массовом порядке вахтового метода работы, с привлечением к труду рабочей силы из тех регионов России либо ближнего зарубежья, где заработная плата в несколько раз ниже заработков северян.

Таким образом, налицо, во-первых, попытка протащить через Государственную Думу закон, противоречащий Конституции Российской Федерации, наверняка, в случае его принятия, имеющий высокие шансы быть отмененным Конституционным судом Российской Федерации, мы уверены, что найдется достаточное количество россиян, которые попытаются отстоять свои конституционные права, обратившись в высшую судебную инстанцию.

Во-вторых, этим решением будет нарушен баланс в сфере занятости в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, что приведет к значительным социальным потрясениям.

Еще раз обращаю внимание, уважаемые коллеги, что речь идет не только об ущемлении прав северян, но и нарушении прав тех россиян, которые могут приехать на работу в районы Крайнего Севера, то есть необходимо защитить права всех избирателей, которые в настоящее время проживают в нашем государстве.

С учетом вышеизложенного, прошу вас, уважаемые коллеги, отклонить проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Депутат Государственной Думы
по 222 Ханты-Мансийскому избирательному округу
13 апреля 2000 года.
А.Н. Лотарев»

Путин во время пребывания в Южно-Сахалинске заявил, что северные льготы не собирается отменять. Последние годы эта тема действительно возникала на страницах печати, в стенах парламента. Новая схема районирования, разработанная в бывшем Госкомсевере, предполагала лишить часть регионов права называться северными. Вслед за изменением статуса неизбежно последовала бы отмена льгот. Президент своим заявлением в Южно-Сахалинске расставил точки.

Так это подано в газетах, но мне-то известно, что поставил точки Владимир Владимирович под воздействием Лотарева, законотворца из Нефтеюганска. А мог законопроект стать неотвратимой гильотиной для северян. Опасность такая имелась. Знаю.

Помощник Лотарева Анатолий Емельянович Родин сказал мне:

— Если даже очень плохо, но ты знаешь, что живешь по закону, что прав, не бойся отстаивать позицию. Ты обязательно победишь, потому что на твоей стороне высшее — ЗАКОН.

Депутату направляют множество запросов от простых избирателей, руководителей предприятий и администраций, самых различных — от федеральных до местечковых. Его законопроект «О государственных бюджетных фондах воспроизводства минеральных ресурсов» готов ко второму чтению. Суть его в том, чтобы компании отчисляли в этот фонд средства для поиска и разработки новых залежей по современным технологиям, в том числе на восстановление Самотлора и Федоровки.

Он автор поправки к законопроекту «О порядке принятия в Российскую Федерацию новых субъектов РФ». В поправке указал, что предметом этого закона является не регулирование отношений, а образование новых субъектов Федерации, и поэтому часть такую следует исключить как не соответствующую реальной действительности, ее сути. Ясность в этом щекотливом вопросе прежде всего. «Новые» в очередь пока

не стоят, но прогнозируются, и они будут. Возможно, нарастим территориальный потенциал. И присоединятся все желающие.

Лотарев работает также в согласительной комиссии по взаимоотношениям края и области с входящими в них образованиями. Тему эту Александр Николаевич изучил досконально. Блюдя интересы округа, согласовал постановочно с Ханты-Мансийском, но столь же скрупулезно занимается иными дальностями, не замыкаясь лишь на своей «подмандатной» территории. В связи с этими вопросами и встречается со многими и разными, ничей запрос не минует и потому, подобно Рязанову, постоянно в передвижениях, застать его непросто. Вот помощник и дополнил Лотарева.

На этом и расстались, полагаю — не навсегда.

Меморандум Райкова

Райков, руководитель группы «Народный депутат», могуч и знаменит. Как Микула Селянинович, легендарен. От корня жизни глубинного. Голос Геннадия Ивановича басовит и звучен, — кажется, сама матерь-Россия вступила вместе с ним под думские своды на Охотном ряду, — ширится, заполняет этажи и переходы, вносит оздоровление в многоречивое и многоструйное, матереет, становится флагманом в непростом потоке законотворчества.

Вопросы тюменцу обозначил такие:

1. Кратко биография.
2. Что привело в политику?
3. Законотворчество.
4. Чем занимается группа «Народный депутат»?
5. Что бы передал Райков своим избирателям.

Еще до рандеву освоился со знаменитостью. Вынес такое заключение: приятное обхождение в приемной, при случайных замолвках он добродушный, весь какой-то душевно-просветленный. В этом качестве прекрасный. Эх, родина моя!.. Горжусь россиянином-сибиряком... Поскучал немного в конференц-зале, заглянул в рабочие отсеки группы, присел в приемной. К нему заходят и выходят деятельные, нера электрический рвется из дверей. Райков так работает в квинтэссенции энергии.

Он 1939 года рождения. С отцом военнослужащим, подобно Чертищеву, исколесил бывший Советский Союз, зарубежье Варшавского договора. Школу окончил с серебряной медалью. Живал в особняках, солдатских казармах, хибарках...

Машиностроительный институт окончил. От мастера заводского поднялся до главного инженера и генерального директора производственного объединения. Ракетные двигатели делали. Видимо, неплохо, если заметили. Назначили председателем городского Совета, избрали председателем городской Думы. И вот уже десять лет в большой власти. С Ельциным был не согласен, его потеснили. Временно оказался безработным. С трудом устроился заместителем генерального директора Главтюменьнефтегазстроя. Возглавлял совместный с Россией завод в Швеции. Уезжая, сказал телезрителям: если востребуете, я вернусь. Его востребовали — избрали депутатом Государственной Думы. Единогласно прошел.

Об этом узнал в Стокгольме, вернулся в Москву. Четыре года потрудился в прошлом созыве в комитете по борьбе с коррупцией и преступностью и в нескольких подкомитетах.

Но, как это бывает, часть депутатов из «Российских регионов» перетекла в «Отечество — вся Россия», Геннадий Иванович создал группу «Народный депутат». В семидесяти регионах баллотировались — в 35 победили. Сегодня группа из 62 человек, третья по значимости после КПРФ и «Единства», контролирует пять комитетов.

Полусумрак легкий... Райков глыбищей возвышается, рокочет, звенит, полноводьем исповедуется, будто ворочает многопудовые валуны. А уже брифинг в конференц-зале ждет. Оболгали руководителя газетчики, так он через суд проучил, восстановил справедливость, зазвал на экспресс-шоу — чтоб по странам и континентам разнесли истину. Помылись и почистились журналисты.

Ему отставной маршал Язов приятельски звонит, предлагает встретиться. В субботу съезд «Единства». Завтра председательствует на Совете Федерации. Во вторник вылетает в Дагестан, 8 июня — в Париж. Ненадолго. Путина видит часто и общается уважительно запросто.

По межнациональным вопросам у него Дмитрий Рогозин, по обороне отставной генерал Андрей Николаев, Александр Шохин по кредитным организациям и финансам. Есть комитеты по делам Севера и Дальнего Востока, по охране здоровья и спорту. На все ведущие образования Думы влияют, везде его люди. И все 62 избраны по одномандатным округам, поименно.

Главный девиз их — благополучие людей. Еще тридцать миллионов за чертой бедности — есть чем озадачиться, над чем поломать буйну голову.

Группа всецело поддерживает президента.

Геннадий Иванович при этом любезно вручил программу-манифест фракции, именуемый «меморандумом». В нем даже больше, чем я сказал. Полнее и объемней:

«Меморандум депутатов Государственной Думы — членов группы «Народный депутат»

Мы, депутаты Государственной Думы, объединившиеся в январе 2000 года в составе группы «Народный депутат», констатируем, что несколько месяцев, прошедшие с начала нашей совместной парламентской работы, позволили сблизить мировоззренческие и политические позиции многих вошедших в группу депутатов и выработать согласованные подходы к законопроектной деятельности. Поэтому сегодня мы считаем крайне важным как для себя лично, так и для определения политических перспектив группы «Народный депутат», сформулировать основные принципы, которые мы намерены соблюдать при работе в профильных комитетах и при голосовании на пленарных заседаниях Думы по наиболее важным законам, постановлениям, запросам и иным официальным парламентским документам:

I. Блок «Государственное строительство и национальная безопасность»

Признавая в качестве основного приоритета законодательной деятельности в этой области необходимость принятия мер по восстановлению единого конституционного и правового пространства России как основы национальной безопасности государства, мы намерены отстаивать следующие принципиальные позиции:

• недопустимость отступления от принципов верховенства Конституции России и федеральных законов; законодательное обеспечение системы мер по приведению регионального законодательства и деятельности органов законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации в соответствие с указанным принципом;

• укрепление вертикали исполнительной власти и усиление ответственности всех ее звеньев за исполнение законов и принимаемых решений;

• законодательное обеспечение системы ответственности и отстранения должностных лиц органов власти субъектов Федерации за несоблюдение федеральных законов, а также введение института федерального вмешательства, возможность внесения изменений и дополнений в законодательство, регламентирующее деятельность палат Российского парламента;

• мы убеждены, что для решения основных задач, стоящих перед обществом, сегодня требуется консолидация власти по

линии исполнительной вертикали, а потому необходимо повышение ответственности избранных руководителей субъектов Федерации и органов местного самоуправления за соблюдение федерального законодательства, вплоть до отстранения от занимаемой должности;

• законодательная поддержка формируемых Президентом России новой концепции национальной безопасности и новой военной доктрины России, исходящих из реалистичной оценки социально-экономического положения в стране и сложившейся в мире геополитической ситуации; последовательное устранение зависимости внешнеполитического и внутриполитического курса России от политического, экономического и финансового давления извне, исключение неравноправного партнерства с иными государствами.

2. Блок «Социальная политика»

Ориентиром при принятии законов мы считаем социальное благополучие своих избирателей. Но мы прекрасно помним, что дорога в ад вымощена благими намерениями. Невозможность сегодня в полной мере обеспечить финансирование всех обязательств государства по принятым законам ведет к понятному человеческому раздражению. Когда для всех не хватает обещанных средств, выигрывают те, кто распределяет, а ущемленными и униженными оказываются самые нуждающиеся. Сильное государство не то, которое обещает, а то, которое держит слово.

Признавая в качестве основного приоритета законодательной деятельности в этой области необходимость преодоления хронического разрыва между законодательно закрепленными обязательствами государства и фактическим уровнем социальных расходов, мы намерены отстаивать следующие принципиальные позиции:

• законодательные меры в социальной сфере должны исключать популизм и ориентироваться на принцип сосредоточения имеющихся бюджетных ресурсов на решении первоочередных социальных задач; для этого необходимо наложить мораторий на всевозможные амбициозные и дорогостоящие социальные проекты, реально приближая увеличение доходов населения до уровня не ниже прожиточного минимума;

• сопоставлять любые законодательные инициативы в области роста социальных расходов с реальными возможностями бюджета, а также в рамках партнерства с Правительством усилить влияние и контроль конкретных депутатов, поддерживающих правительственный курс в области социальной политики, за текущим процессом финансирования социальных программ в регионах, где они избраны;

• мы поддерживаем внесенную Правительством Российской Федерации в Государственную Думу совместную программу действий Правительства РФ и Федерального собрания Российской Федерации по исполнению поручений Президента и с учетом этого считаем нецелесообразным рассмотрение Государственной Думой законопроектов, не предусмотренных указанной программой и иными правительственными документами, определяющими политику государства в социальной области;

• учреждениям социально-культурного комплекса (здравоохранения, образования, науки, культуры), которые испытывают хронический дефицит государственного финансирования, должны быть представлены возможности привлечения дополнительных средств, в том числе за счет снятия необоснованных ограничений на их хозрасчетную деятельность; в то же время необходимо упорядочить использование этими учреждениями бюджетных средств, усилить государственный и общественный контроль.

3. Блок «Экономическая политика, собственность, бюджет и финансы»

Признавая в качестве основного приоритета законодательной деятельности в этой области создание устойчивых предпосылок для роста благосостояния общества на основе создания современной конкурентоспособной экономики, формирования многочисленного среднего класса, мы намерены отстаивать следующие принципиальные позиции:

• законодательная поддержка модернизации российской экономики, направленная на использование во всех отраслях передовых технологий и стимулирование их освоения отечественными производителями, а также стимулирование налоговой системы и снижение налогового бремени;

• обеспечение принятия законодательных актов: по реструктуризации задолженности предприятий бюджету и социальным фондам в сочетании с применением процедуры банкротства по отношению к безнадежным должникам;

• сохранение госконтроля над стратегическими отраслями экономики, природными ресурсами и естественными монополиями;

• принятие земельного кодекса, стимулирующего развитие сельского хозяйства, защиту прав сельхозпроизводителей при сохранении контроля со стороны государства за целевым использованием земли и ее оборотом;

• развитие ипотечного кредитования и привлечение инвестиций в сферу жилищного строительства;

• законодательное обеспечение бюджетной дисциплины за счет строгого исполнения закона о бюджете, принятие только

тех затратных законов, финансирование которых предусмотрено бюджетом на очередной год или производится за счет реальных дополнительных доходов;

• сохранение консервативной денежно-кредитной политики и защита курса рубля от резких потрясений; принятие мер по реструктуризации банковской системы с учетом оценки эффективности работы кредитных учреждений в посткризисный период. Реформирование системы Центрального банка, направленное на повышение эффективности его контрольно-надзорных функций в регионах России;

• осуществление законодательных мер по устранению неравенства субъектов Федерации в бюджетной сфере;

• законодательное обеспечение единства экономического пространства, свободы перемещения товаров, услуг и финансовых средств, недопустимость введения субъектами Федерации налогов, сборов, пошлин, не предусмотренных Федеральным законодательством.

• Результатом нашей работы над законами должно стать укрепление демократического российского государства, повышение его авторитета в мире, существенное улучшение уровня жизни каждого проживающего в стране за счет роста отечественного производства, появление новых перспектив для нашей молодежи.

По поручению группы
«Народный депутат» *Г.И. Райков»*

«Народный депутат» однозначно поддерживает Владимира Владимировича. Продекларировали весомо на государственном уровне. Райковцы стоят на позициях левого центризма — объективной реальности то есть. Бюджетные средства, по их мнению, должны приумножаться, казна должна полниться деньгами. Нужен веский Закон о пенсионерах. Пенсии — это в первую очередь. Их повысили, еще повысят, будут повышать. В этом несомненная заслуга райковцев. Они сторонники политических решений, которые подтверждены законом, не уважают голый популизм.

Главные магистрали «Народного депутата»: укрепление России и ликвидация бедности (говоря это, Райков надвинулся на стол и как бы на меня: могуч чертяка, силища прет). Все остальное между этими двумя магистралями.

Он дорожит мнением избирателей-земляков, спешил к ним летом, на каникулах, и в зиму собрался — снова отчитаться. Его группу можно назвать объединением идей, серьезные подобрались ребята, и Конев в нем, в этом объединении Добра и Справедливости.

А в конференц-зале ждут брифинга, навострили телекамеры и микрофоны, заявления Райкова жаждут. Ему напоминают входящие: мол, пора закругляться с рандеву. Он отмахивается — повремените: видите, с кем занят! Момент особенный, редкостный — с сибиряком сообщаюсь.

Живет он в Митино, где большинство законотворцев соседствует. У Райкова там двухкомнатная квартира общей площадью в 72 квадратных метра, жилой площади 49. Не бог весть сколько, зато в Митино хорошо думается и отдыхается. В семь утра он поднимается, делает пробежку под липами, среди птичьего щебета и пересвиста, обливается ледяной водой, растирается круто. БМВ с думскими номерами подхватывает его и несет через перекрестья улиц и переулков, излюбленным маршрутом отправляется вершить государственные дела.

Возвращается домой в 10–11 вечера, после плотной повседневки. И не только в будни. Также трудится и в выходные. Устает? Да, конечно! Завтра пленарное заседание, встречи с экономистами. В Дагестане ждут национальные нюансы. Потом в Париж Жаку Шираку и кабинету министров фасад России показать. Там сессия какая-то всепланетарная. Райков речь держать намерен. Он же депутацию с Охотного Ряда возглавит. Знай наших!

Раз в месяц Райков с президентом обсуждают проблемы, калят в горниле мысли истину. Владимир Владимирович реагирует на «меморандумы» отовсюду. Известно, одной головой не обойдешься, не зазорно и посовещаться с избранниками.

Сын Райкова по юридической аллейке отправился с желанием. У Геннадия Ивановича образование техническое и юридическое — оба высшие. Он на работу и учебу никогда не напрашивался, но и не отказывался от них. Мог — делал: основательно, продуктивно.

«Государственная Дума, — заметил Райков, — срез всего нашего общества. Какое общество, такая и Дума».

И это — истина.

Вопросник исчерпан... Он поднялся решительно, как гору повернуть. Пол у него под ногами прогнулся, стены качнулись, осели, пространства меньше стало. С башни куранты пробили который-то час. На прощанье, выдвинувшись из-за стола, Райков могутно обнял меня, расцеловал так, что радостно, вольно стало. Удалился я, чтобы вскоре увидеть его в Тюмени, а в сентябре, после каникул, услышать на телеканале. Встреча депутатская с Путиным состоялась, и Геннадий Иванович мораторий на смертную казнь предлагал, а бывший министр правосудия, ныне думский коллега нашего си-

биряка, Павел Крашенинников был против. Владимир Владимирович это перекрестье пообещал изучить, принял к сведению.

Что еще напишу о Райкове, не ведаю пока, но твердо знаю одно, напишу о Микулушке Селяниновиче из Западной Сибири хорошее.

Точки зрения

На открытии сургутского автодорожного моста, осенью 2000-го, в береговой толчее, где с дебаркадера под шум ветра и дождя произносили здравицы, мало кто обратил внимание на поджарого энергичного человека лет пятидесяти, заметно устремленного к центру событий.

Не обратили внимания и в Доме культуры энергетиков, когда после торжества на свежем воздухе собрались в просторных, как степь, зале и фойе, он приостанавливался, кивал приветливо знакомым, улыбаясь, беседовал накоротке, уместился в кресле рядом с героем дня, генеральным директором Мостостроя-11 Валентином Федоровичем Солохиным, которого часто вызывали на сцену. Этого человека не вызвали ни разу, не упомянули даже.

А это был депутат Думы по Сургутскому — Нижневартовскому одномандатному округу свежего созыва Александр Николаевич Рязанов. В Сургуте неожиданно для себя встретил северного избранника и обрел возможность наблюдать со стороны, перекинуться несколькими фразами, в первую очередь о том, где провел лето. А провел его Александр Николаевич, как и задумывал, на Саратовщине, у отца. Намеревается приехать в Нижневартовск, здесь утверждается помощником бывший коммунальщик Владимир Федосеевич Голубничий, уверенный в том, что имеет дело с умными московскими помощниками Александра Николаевича и умным порядочным депутатом.

С помощниками Рязанова, Александром Петровичем и Юлией Михайловной, я познакомился в ожидании встречи. Наведывался часто. Юля угощала чаем и печеньем, Саша снабжал информацией на заданную тему — о себе и Рязанове.

Александра Николаевича он знает с 1985 года по сургутскому горкому партии. В одном отделе работали. Рязанов, по его словам, производил благоприятное впечатление, подкупали его манера говорить с людьми, умение располагать к себе — спокойный, выдержанный. Через пару лет он вернулся на газоперерабатывающий завод, уже не главным прибо-

Депутат Государственной Думы А. Рязанов

ристом — заместителем директора. И тут управленческая демократия — первые выборы директора. Александру Николаевичу отдали предпочтение, он десять лет руководил комплексом. Опытный хозяйственник. Построил и сдал «под ключ» целый микрорайон — шестьсот превосходных квартир. Запустил цеха оконных блоков и колбасный, пивзавод. Соорудил теннисный центр, на базе которого проводили чемпионаты России.

Денег, конечно, не хватало, брали кредиты, увеличили задолженность. Теннисный центр пришлось отдать в зачет налогов.

Хозяевам компании это не понравилось, разгорелся сыр-бор. Рязанова уволили. После него часто менялись директора, завод стал убыточным. Социальную программу перечеркнули.

Рязанов остался депутатом окружной и областной Думы, не пропускал ни одного заседания, ни одного мало-мальски важного мероприятия. Являлся «неосвобожденным», то есть получавшим зарплату. Федотов в то время трудился заместителем начальника нефтегазодобывающего управления. Встречались часто, дружески. В недавнюю выборную кампанию Рязанов обратился к нему с просьбой помочь, организовать пропаганду и агитацию. Необходимый опыт Александр Петрович имел, проявил блестящие способности, умел учитывать настроения северян. Очень быстро наладил отношения с местными политиками, общественными движениями. Даже в Нижневартовске, где Александра Николаевича почти не знали, добился заметного успеха.

В агитационные дни у него убили отца, на пенсии занявшегося хлебопашеством. В саратовской глубинке и расправились с бывшим председателем Нижневартовского суда. Кандидат уехал на похороны, не до «пропаганды и агитации» было. И все-таки Рязанов выиграл. За него дружно проголосовал Сургут, хорошо отнеслись другие города.

Кроме московских Александра Федотова и Юлии Зацепиной у Рязанова помощник в Сургуте — обязательная Нелли

Латыш, в Нижневартовске — симпатичный в общении Владимир Голубничий, на пятого помощника депутатского фонда не хватает. Бывший коммунальщик Владимир Федосеевич с трудом обрел помещение, а вот связь с Москвой не предусмотрена, из Москвы могут звонить, им оплачивается, Голубничему в Нижневартовске — нет. Трудовую книжку сдаст в отдел кадров Госдумы, заключит контракт. Свою повседневку согласует с главой администрации города. Федотов при его опыте, компетентности может проявиться крупней, ярче в другом месте, хотя, конечно, проявиться можно везде и с любой высотки. Этот долго в помощниках не задержится, покруче что-нибудь сообразит.

Сам Рязанов — заместитель председателя комитета по собственности и заместитель в комиссии по защите прав инвесторов. Работы море, полторы тысячи законопроектов остались недорассмотренными от прошлого созыва, еще Путин внес несколько первоочередных. Законопроект дело емкое, затяжное, проходит через правительство, президентскую команду, всякого рода комиссии, фракции, субъекты Федерации. Немудрено, что опаздывают. На это здоровье надо иметь железное, максимум сосредоточенности. Александр Николаевич в свои 47 здоровье имеет, весь он — порыв, натиск, убеждался в этом многократно.

Сообща с райковским «Народным депутатом» отклонили попытки отменить льготы северянам и дальневосточникам, надбавки и накрутки хотели свалить на работодателя, не прошло это и благодаря Юрию Коневу, Виктору Черномырдину — депутату Ямала, тоже нашенскому. В связке с Лотаревым, на условиях Соглашения о разделе продукции, провели в первом чтении разработку особой экологической уязвимости Сургутнефтегазом Тянского месторождения.

Во времена директорства и после Рязанов оставался противником гайдаровско-чубайсовской приватизации. Конфликтовал остро с хозяевами своей химико-технологической фирмы. «Сибур», считает, — наглядное подтверждение тому, как не надо приватизироваться. Прежде все заводы платили налоги, основными налогоплательщиками были. «Сибур» ничего не платит в регионах: нет доверенного капитала. Уверен, что раздаривать и дальше народное достояние преступно. Компаниям «Роснефть», «Онако», «Славнефть» уместней образовать единую крупную государственную.

Всем комитетом, с председателем Владимиром Алексеевичем Пехтиным, побывали в российском фонде Федерального имущества, его возглавляет Шувалов. Фонд и готовит имущество к продаже. Госдумовцы решили посмотреть, как го-

товит, узнать настроение Шувалова-председателя. Проговорили с ним концепцию приватизации. На этот счет был Указ Президента, ситуация несколько изменилась. По мнению Рязанова, государству больше пользы забрать в судебно-исковом порядке или купить отданное у нерадивых собственников, чем продавать остаточное. Договорились о согласованной деятельности.

Перед этим проданные естественные монополии прошли мимо. У фонда была задача лишь определить госимущество, «наклеить ярлыки-этикетки» и без должных обоснований пустить на аукцион. А что это за аукционы, знаем по самотлорскому-тэзнковскому. Задача сегодня: продумать тщательно, что продавать и на каких взаимных условиях. Чтобы не стало это пустопорожней фикцией, односторонним захватом того, что плохо лежит.

Ответно владельцы упомянутого «Сибура», точнее, их северные представители, руководители ОАО «Сибур-Тюмень» А. Бауман и руководители ОАО «Сибнефтегазпереработка» Л. Трифонов при встрече однозначно порицали Александра Николаевича: раздувал-де необязательное, набрал кредитов, которые надо отдавать. Рабочие без зарплаты. Вообще по уши в долгах. И только с появлением «Сибура» упорядочилось внимание к самой газопереработке и оплате труда в ней.

Представительства депутатские, инаугурации, юбилеи... Министры охотно отзываются на звонки, руководители компаний. Рязанов вплотную занимается авиацией округа, которой государство задолжало и не возмещает.

Это веду уже рассказ от лица Александра Николаевича объявившегося, беседовали под чаепитие, на которое напросился я, и Юля, куда деваться, налила крутой замес «Принцессы Ганди». Александр Николаевич из солидарности пил пожиже. Улыбчивый такой, устремленный и обреченный на доверенную деятельность, когда погибнуть или сделать — иного не дано. И когда в сентябре увидел его в толчее, под ветром и дождем, кожей ощутил его депутатские обязанности.

Отец его советской поры юрист. По долгу службы обетовался на Куралах, в Печоре, Среднем Приобье. Школу Александр окончил в Сургуте. Какое-то время крутил водительскую баранку, после чего угодил в известный МИНХ и ГП. С губкинским дипломом не тотчас вознесся. Как это практиковалось, походил слесарем контрольно-измерительных приборов и автоматики, был механиком, начальником участка, главным специалистом Сургутского ГПЗ. В Штатах просвещался и другим давал такую возможность.

Обиды на «Сибур» не держит, сняли так сняли, худа без добра нет, в депутатство вжился, на дивиденды от акций, иных сбережений приобрел квартиру в белокаменной. Ныне москвич.

Сибнефтегазпереработки, считает, больше нет: «Сибур» химико-технологический поглотил объединение. При нем, Рязанове, ГПЗ утилизировал восемь миллиардов кубометров попутного нефтяного газа, утилизирует сейчас вдвое меньше. Построил Рязанов Лянторскую компрессорную станцию, современное предприятие стоимостью в 150 миллионов долларов — завод пропилена и завод по производству геотекстиля и агрополотна стоимостью в десять миллионов «зеленых». Вот и заимствовал кредиты, влез в долги. Напористо создавал рабочие места и налогооблагаемую базу.

Добродушный и одновременно сконцентрированный Александр Николаевич. Не рубаха-парень, сама история перестройки, все загогулины сельцинского аврала через него девятым штормовым валом перекатились.

— Работали мы серьезно, растерянности не знали. В окружную и областную Думу меня избрали. Не сомневался в грядущей победе. Региональным депутатом я решал проблемы конкретных коллективов. Госдума — орган политический, общегосударственный, у нее охват шире и глубже. В преддверии сказал Медведеву, что поборюсь на выборах. Он поулыбался, ничего не ответил. А потом увидел его фамилию в списках «Российских регионов». Ничего другого Владимиру Сергеевичу и не оставалось, как баллотироваться по спискам. Мой главный соперник в Нижневартовске — начальник электрических сетей Елин, свой в городе, но все равно многие проголосовали за меня, в Сургуте — большинство. Обычно Сургут не ходил на выборы, проявлял инертность, а тут рванули дружно. Своей победой обязан именно Сургуту.

Заметил Александр Николаевич, что государство допустило серьезные ошибки, особенно в приватизации топливно-энергетического комплекса. Контрольные пакеты акций естественных монополий должны быть государственными, государство должно управлять ресурсными компаниями — в интересах всего народа, не потворствовать кучке олигархов. И примерно таков настрой комитета по собственности, председателя В.А. Пехтина.

Подготовлен законопроект «О едином налоге на вмененный доход». Когда такой провели в округе, то сделали заметный шаг вперед, уменьшили сумму налога. Больше возможностей предоставили среднему и малому бизнесу.

В законотворчестве общается со многими политиками и фракциями: с «Народным депутатом», «Единством». По од-

ному из проектов сотрудничает с ОВР. Фракция всегда сильнее одиночки, не грех заручиться поддержкой. Он так и поступает. Приветствует межпарламентские связи с послами и министрами. В Италию ездил. Занятость оптимальная, продуктивная.

Расстались дружески, под чаепитие и рукопожатия.

На месте я связался с Голубничим, озабоченным поиском офиса и телефонными проблемами. Владимир Федосеевич пообещал в случае побывки депутата известить. Поговорили немного, он сказал, что с Рязановым вопросы обсудил. Народ к нему уже обращался. Похоже, завязка Голубничего устраивала: до этого он на пенсии маялся невостребованностью, порывался уехать и не решался. Предложение Рязанова принял без особых колебаний.

А сам депутат собирается в Ханты-Мансийск, на окружные думские заседания, навестит Нижневартовск, где, по его замечанию, «народ боевой».

Предстояла пресс-конференция.

Предстояли новые встречи с избранником.

Ситуация не только литературная

Но возвращаюсь к московским впечатлениям.

Жил я в общежитии гостиничного типа АМО ЗИЛа, на улице Машиностроения возле метро Автозаводская, в чем и удостоверила визитка. Не враз его отыщешь, без вывески на входе. Меня в первый день после Шереметьево привез тупа Чертищев, оформил на постой от имени Госдумы — служебную записку с правительственным грифом оставил. Меня приняли вполне лояльно, в графе начертали «Федеральное собрание». Вот как! Из грязи да в князи! Номер на двоих, умывальник и туалет через коридор. И 45 рублей в сутки за ночлег. Идеально по Москве.

Владимир Сергеевич оформил меня как думского работника, во всяком случае причастного к парламенту Российской Федерации. Храню до сих пор гостиничную визитку из грубого картона и конверт письма Любови Васильевны — дорогую мне памятную реликвию.

Утром я добирался на Охотный Ряд, завтракал в буфете, наносил визиты. Обедал, снова работал. К вечеру, вымотавшись основательно, в жаре и замкнутости отправлялся прямиком в гостиницу. На прочее не оставалось времени и сил. Навестил преуспевающего в коммерции племянника, приобретшего добротную трехкомнатную квартиру в районе ВДНХ. Пообеща-

лись о житье-бытье, прогулялись от улицы проживания вдоль и поперек, полюбовались зеленью распустившейся, фонтаном возле улицы, где увлеченно стучали в домино не только старики. Фонтан шумел, плескал, разбрасывал струи и брызги. Благодать райская! Вот бы так же пожить! А племянник живет и мне посоветовал перебраться поскорей, бросить навсегда окаянный Север вымораживающий. Я собирался с мыслями, где взять столько денег, вот если бы компания какая поспособствовала с жильем, можно поработать и в столице. Но столице я неизвестен, хотя многие из моих прежних персонажей осели в белокаменной: президенты, генеральные, финансисты. Разговаривал как-то на эту тему с Палием, он однозначно сказал, что никакой служебной квартиры не предоставят и неслужебной не купят. Самому определяться надо.

Я еще колебался, где мне быть, Москва дорогой город и требует много здоровья, Север требует того и другого не меньше, но привычка, связи, наработки. Врос корнями в Среднее Приобье. Мог бы врасти в столицу. Меня влекла Москва ..

Побывав у племянника, заглянул в Союз писателей России — наш штаб на Комсомольском проспекте, 13, в старинном особняке с колоннами. Первого секретаря поэта Игоря Ляпина не застал, он болел. Встретил председатель правления, прозаик, больше известный как многолетний редактор «Роман-газеты», Валерий Николаевич Ганичев. Он какое-то время жил в Нижней Тавде — от Иски рукой подать до райцентра. Жил, видимо, недолго, но больших людей и за «недолго» помнят и чтят, помнил и чтил я. Он очень мудрый, тяготеет к православию, соборности, к высокому, не опускаясь до мелких дрязг и разборок, столь характерных личностям низменным. Сказал, что с ним пытаются подружиться нижнетавлинские краеведы, и это он воспринимает с пониманием.

Так вот, я вошел в кабинет к Ганичеву на втором этаже, вероятно, какого-то дворянского в прошлом заведения. Поприветствовав, я вручил Валерию Николаевичу два первых тома «Истории» с автографами, с места в карьер принялся частить литроссийского оценщика Огрызко, зачастившего в глубинку.

Ганичев протянул мне «Вестник Союза писателей России», в нем открытое письмо X съезду писателей России. Сказал: если найдется газета в Нижневартовске, напечатай и прокомментируй. Я пообещал.

«Мы не намерены больше мириться с позицией нечистоплотных руководителей газеты «Литературная Россия», использующих авторитет и репутацию нашего писательского издания в

интересах небольшой группы литераторов, возглавляемой заместителем главного редактора В.В. Огрызко.

Недопустимо, чтобы газета «Литературная Россия», призванная к организации взаимопонимания и взаимодействия в Союзе писателей России, превращалась в склочный бульварный листок и разжигала страсти, используя все недозволенные приемы прессы.

Секретариат Союза писателей России напоминает, что ранее, на пленуме в Омске и Санкт-Петербурге, звучали резкие отзывы авторитетных писателей на подобную позицию «Литературной России».

За последние три года из общественного совета издания вышли Э. Володин, Л. Баранова-Гонченко, Ю. Лощиц, В. Распутин, С. Лыкошин, М. Чванов и ряд других писателей, творческой судьбой и делам связанных с «Литературной Россией» в самые трудные годы ее существования.

В нынешних условиях мы считаем, что руководство газеты предало интересы Союза писателей России и не обладает ни моральным, ни физическим правом говорить от его имени. Потоку грязных измышлений и интриг мы можем противопоставить только нашу писательскую честь и достоинство.

Мы снимаем имя Союза писателей России с полос газеты и отзываем полномочия созданного нами в помощь изданию общественного совета.

Одновременно, выходя из состава учредителей газеты «Литературная Россия», мы начинаем правовые действия по перерегистрации этого издания и закрепления права использования его исторического названия за Союзом писателей России.

Москва, 16 ноября 1999 г.».

Это был приговор компаний, имевшей «своих» у нас в Нижневартовске, соседнем Мегионе, в Советском, Ханты-Мансийске. И не только.

Кто-то скажет: что за проблемы? Все это литературные междусобойчики, каковых в последние годы не мало на страницах печати! Но ведь, действительно, русские писатели-северяне, и не только писатели, оказались униженными.

В давние годы мудрый Анатолий Приставкин заметил мне, принявшемуся горячо порицать кого-то: «Никогда не возвышай одного за счет принижений других». Я это усвоил от Анатолия Игнатьевича на всю долгую жизнь.

Ситуация в Тюмени имеет отношение, но только не к литературе. Трудно представить, чтобы рождение «Войны и мира», «Тихого Дона» зависело от того, кто — П. или К. — возглавлял творческое сообщество. Подобные ситуации воз-

никают скорее из-за потери ориентиров, обедненности духа и пристрастия к административной возне. Писателя ведет забота о благе Отечества, всей планеты, подвигает на невозможное не П. или К. — Шекспиром-то и Сервантесом, Франсуа Вийоном кто руководил?

Свою писательскую востребованность осознавал и тогда, когда тянули через топи и бурелом, завьюженность стальную магистраль к Самотлору, поднимали мосты над Иртышом и Обью, разбуривали нефтяные кладовые, сооружали газовые промышленные комплексы, ставили новые города. Наверное, это оттого, что всегда спешил поучаствовать там, где совершалось самое важное, судьбоносное, понять, в чем болевой определяющий нерв страны. Пришло время политики — повлекла неумолимо Российская Государственная Дума, овладело мной желание понять: что такое наш парламент?! В Москву! Даешь Госдуму! Не любопытства ради детел — востребовал Бастион Веры и Надежды возрождения страны.

Да, меня влекла Москва.

Здесь все мозговые властные, хозяйственно-управленческие, финансовые центры, огромные возможности для работы писателя-документалиста. Столица требовала исследований тайного и явного, что привело к распаду Советского Союза, крушению экономики и раздаче народной собственности группке лиц без каких-либо веских мотивировок и пользы дела.

Социально-имущественный разновес такой, какого в мире давно не знавали. Госдума во всем управленческом организме — корневое, стояк. От Бастиона Веры и Надежды в первую очередь будет зависеть здоровье нации, страны и возможность чистки навороченных на пути нашего поступательного движения искусственных бездумных баррикад. Умы собрались в ней могучие, оригинальные. Работа совершается многоемкая.

Уезжал из Москвы в Полтаву. Время в столице использовал предельно сжато: в день по два-три интервью брал, на второстепенное не отвлекался.

Все славно, все хорошо. Поработалось на славу, прием был отменный, а главное, во мне самом укрепился Бастион Веры и Надежды, что Госдума способна переменить ход событий, способен Путин. В одной связке с Президентом — уже хорошо! С приглядкой, неспоро начинают. Одним махом тут непобивахом, из ситуации, что пострашней татаро-монгольского ига, выбираемся, прокопытили основательно всё эти вурдалаки-реформаторы. Утратней всего то, что генфонд выбили, духовные критерии сбили.

Написал я пока о немногих из Бастиона Веры, ленточку вплел в общий свиток, чтоб утяжелил прочее. И тем же летом

собрал материал о Семене Филипповиче Гурко по прозвищ
Палий, национальном герое Украины, предке нашего Ви
тора Остаповича Палия, уширившем границы «истории
Через нефтяника Палия и Сибирь с ним общность, родств

Подобно Богдану Хмельницкому, Семен Филиппович во
жизнь хотел и что мог совершал для единства Московии
Украины, даже если Московия по тактическим соображени
ям препятствовала этому. Я давно слышал о нем, но предста
лял Семена Палия, «поджигателя», вроде Стеньки Разина и
Пугачева — народной вольницей. Картину переменила «И
тория» Н.И. Костомарова, — прочитав ее, понял, что Сем
Палий не местечковый бунтарь, каким он представлялся вн
чале, вырос он для меня до общенационального, общеде
жавного деятеля, по прозорливости и постоянству превосх
дившего многих деятелей той поры. О нем писатель Юр
Мушкетик даже роман написал. О Семене Филипповиче зв
нят на Украине звонницы. Ставят ему памятники. Имя ж
вет в народе. Но не все так просто, поборникам самостийн
сти «окраинной России» не особо по душе личность Пали
судьба которого оказалась очень современной и созвенье
ной с судьбой России и Сибири.

СИБИРСКИЙ ИЗГНАННИК

По этапу в Енисейск

Прочитал в «Истории» Н.И. Костомарова, книге третьей, следующее:

«Когда король польский вступил в войну с Турцией и принялся набирать всякую козацкую вольницу и назначил для нее гетманом иллахтича Куницкого, козаков у него оказалось восемь тысяч. В 1684 году козаки казнили его и выбрали гетманом Могилу. В 1686 году Могилы уже не было, появились предводители из простого народа. Среди них белоцерковский полковник Семен Филиппович Гурко по прозвищу «Палий», что означало «поджигатель», уроженец города Борзны с левого берега Днепра.

Сначала он убежал из своей Родины в Запорожье, а потом с толпою удальцов пришел из Запорожья в правобережную Украину, уступленную Россию полякам. Местопребыванием своим Палий сделал местечко Хвастов — немногочисленное тогда поселение правобережной Украины, состоявшее главным образом из приходивших с левого берега Днепра, сильно было проникнуто духом козацкой вольности, хотело всеобщей козацкой вольности, ненавидело поляков и жидов.

Палий более всякого сочувствовал этому направлению и потому приобрел к себе любовь народа. Его задушевная мысль была — освободить правобережную Украину от Польши и соединить ее с остальным малороссийским краем, находившимся под властью России. С этой целью Палий не раз через Мазепу обращался к царю, просил принять его в подданство. Московское правительство не хотело заводить ссоры с Польшею и потому не стало потакать видам Палия. Оно предложило Палию сначала уйти из Запорожья, как в край не принадлежащий ни России, ни Польше, и оттуда уже по своему желанию прийти во владения русские на жительство. Но Палию не того хотелось, не сам он лично желал служить московскому царю, а хотел он отдать под власть царя весь этот край, который был прежде отдан царю Хмельницким, но который не сумел или не захотел им владеть.

Поляки каким-то образом успели схватить Палия и посадить под стражу в Немирове. Но Палий скоро освободился и прибыл в свой Хвастов, тут он увидел, что во время его заключения немировокиевский католический епископ, ссылаясь на давнюю принадлежность Хвастова сану католического епископа, овладел этим местечком, привез туда своих ксендзов. Палий перебил всех этих ксендзов и с тех пор стал в непримиримо враждебные отношения к полякам. Хвастов сделался гнездом затевавших восстание по всей южной Руси против польских владельцев, пристанищем всех бездомных, бедных и беспокойных, каких собирал около себя Палий с 1701 года и поднимал их против поляков.

Между тем над правобережными козаками продолжали су ществовать гетманы, утверждаемые властью короля Швеци трудно ей было сосредоточить свои силы для прекращения бе порядков. Поляки и стали просить Петра содействовать усми рению малороссов, и Петр приказал послать от себя увещева тельные грамоты Самусю и Палию. Но грамоты не оказали воз действия: Самусь и Палий доказывали русскому правительств что не козаки, а поляки подали первый повод к беспорядка потому что польские паны делают несносные преступления сво им русским подданным.

В конце концов козаки летом 1702 года разошлись по дома рассеянных, их без труда разбили с Самусем в Немирове. Саму убежал из крепости. В Ладыжине был взят в плен и посажен на кол товарищ Самуся полковник Абазин, вся Подолия была укроще на, всех взятых в плен сажали на кол, местечки сжигались дотла Жителей вырезали поголовно. Русские в страхе стали покидат Подолию: кто в Молдавию, кто к Палию на Украину. Начался по том суд господ над непокорными подданными, жестокость, ка видим, процветала с обеих сторон.

Дух восстания не был окончательно погашен. Самусь еще дер жался в Богуславе, хотя был для поляков мало опасен, потом что начальным исходом своей борьбы с поляками потерял попу лярность в народе, — зато Палий, укрепившись в Белой Церкв и владевший всем киевским Полесьем — северной частью Киев ской губернии, — стал настоящим предводителем народа. Н поляки, и русский государь через Мазепу обращались к нему т требовали от него сдачи Белой Церкви полякам. Палий отгова ривался под разными предлогами, а между тем докучал Росс просьбами принять его в подданство.

Сам Мазепа подал царю совет принять Палия, но Петр н хотел ссориться с Польшей, нуждаясь в содействии Августа против шведов, и продолжал требовать, чтобы Палий сдал Бе лую Церковь полякам. Палий упрямился.

Тогда Мазепа, по царскому указанию, выступил на правую сто рону Днепра, как бы следуя против шведов, и начал звать к себе козац ких начальников. Явился к нему Самусь и положил перед ним свои гетманские знаки, надеявшись, что наконец-то русский царь при мет его в подданство и исполнится давнее желание. Мазепа задер жал Палия в своем лагере, по-видимому, дружелюбно, а между тем сносился с Головиным и спрашивал, что следует сделать с Семеном Филипповичем, который, как доносил Мазепа, пребывая в гетманс ком лагере, постоянно пьянствовал. Головин приказал предложит Палию ехать в Москву, а если он откажется, то узнать — не рас положен ли он к врагам России, и, в случае улик в таком расположе нии, арестовать его.

Мыс Сузгун

Обличители Палия тотчас нашлись: какой-то хвастовский иудей показал, что Палий сносился с гетманом Любомирским, принявшим тогда сторону Карла XII, и Любомирский обещал прислать денег от шведского короля. Показания арендатора-еврея подтвердил священник Гриц Карасевич. Мазепа, постояв-ши несколько дней лагерем в местечке Паволочи, в конце июля 1704 года перешел в Бердичев и там, пригласивши к себе Палия, напоил его допьяна. Потом приказал заковать его и отправить в Батурин, где караульные сдали Палия, вместе с его пасынком, русским властям.

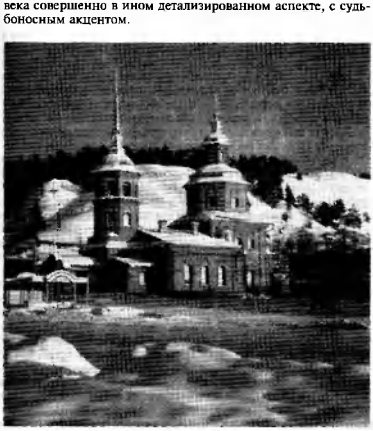
По царскому указанию его отправили на вечную ссылку в Енисейск. В Енисейск Семен Филиппович не попал, вначале его держали в Тобольске под стражей как простого арестанта, и некоторое время провел он в Томске»...

Другие источники подтверждают, что народный герой Украины за свое правое дело действительно оказался изгнанником в Западной Сибири, в недалеких от нынешнего Палия — Виктора Остаповича местах. Гены непримиримости передались молодому Палию, в своих убеждениях он неподкупен, и мышление его государственное, и сам он — государственник: раз и навсегда за единство славянских народов, даже когда первые лица государства оказались и ока-

зываются против. Многое в нем — наследственное от Семена Палия.

Дальнее-близкое

История, хотя и не имеет сослагательного наклонения, рано-поздно возвращается на новом витке, вплетается в новые времена и давнее делает вдруг сиюминутным, злободневным. Длань ее из глубин протягивается к сегодняшним сердцам и душам. Открытие мною в белоцерковском упрямце, в чем-то смахивающем и на белорусского Лукашенко, деятеля пророчески дальновидного, последовательного в своем намерении, предельно честного, вернуло самое начало XVIII века совершенно в ином детализированном аспекте, с судьбоносным акцентом.



Тобольск. Построено пленными шведами...

Разделение Союза вопреки воле народов... Подобной смуты Великая Русь еще не знавала. Петр I и его родитель Алексей Михайлович хотя бы из тактических соображений противостояли Хмельницкому и Палию, их желанию немедленного московского подданства, — а соучастников Беловежских закулисных переговоров что сподобило, какие осложнения с Польшей или Османской империей? Не всем хочется обратно в содружество республик свободных, которые сплотила навеки Великая Русь, как пелось в гимне недавней поры.

...Справедливость все-таки восторжествовала: после измены Мазепы Семена Филипповича вернут из ссылки, дадут возможность поучаствовать в битве и умереть на родной земле, которую он так любил.

Я не историк, поэтому доверяюсь тому, что услышал и прочитал на эту тему, сопрягая все время с судьбой «сибирского изгнанника» и нынешней разделенностью славян.

Обойти пешему поле сражения невозможно — так велико. К редутам и обелискам ведут узкие натоптанные туристами тропки. Я же пересекал поле напрямую по липкой черной грязи. Побывал на редутах, где теперь памятные обелиски, оглядел остатки земляных укреплений, накрепко схваченных муравой. Походил по «шведскому полю» — земельному клину в оторочке мелкого курчавого леска, постоял на холме Палия, откуда тот обозревал диспозиции, отметил мысленно и место стана Петра I, хотя станов было два: командующий русскими силами перемещался в зависимости от ситуации.

В одноэтажном приземистом здании в последнюю русско-турецкую войну там был приют для инвалидов, разместилась довольно масштабная экспозиция, представившая все, что составляло жизнь и быт, войну и мир двух сторон. Есть довольно красочная диорама битвы, перед началом которой Петр I якобы сказал (и голос его воспроизведен артистом): «Мне моя жизнь не дорога, была бы жива Россия!» Одежда, вооружение, письменные источники, портреты шведских и русских королей и императоров, офицеров, крупных сановников, военачальников, рядовых солдат. Известные еще по пушкинским стихам и другим источникам Розен, Брюс, Боур, Репнин, Меншиков, Левенгаупт, Мазепа со своими перебежчиками, не дававший русским соединиться с союзниками, в частности с калмыками, которых шведы очень боялись. Экспозиции удивительные, впечатляющие. Все в хронологической последовательности. Воспроизведены некоторые эпизоды боя, например момент, когда Карл XII был поражен яд-

ром в ногу, склонившийся воин возле него наскоро перебинтовывает короля, коему лишь 26 лет.

Есть казацкий зал, где и помещен портрет Палия, чеканки полтавчанина Евгения Васильевича Путри, его большой, писанный масляными красками образ из основной экспозиции убрали — он ведь был с русскими. А русские непопулярны на всей Украине и в самом музее. Ближе к шведам стали музейщики — те могут заплатить. И соответственно музейщики восхваляют мужество армии Карла XII, выделяют их защитную миссию, — приглашены были. Одним словом, подгоняют историю под ситуацию.

Естественно, портрет Мазепы в основной экспозиции: он ведь с Карлом оказался и с ним бежал. Внешне вовсе неказистого вида, писарчук какой-то, но знал этот писарчук восемь языков, был образованнейшим по тем временам человеком. Видимо, очень серьезные раздумья толкнули его на измену, но изменники всегда проигрывают. Проиграл и Мазепа, долгое время обласкиваемый императором всея Руси, слывший его любимчиком. Мазепа увез с собой близкую свиту и несколько бочонков с золотом и вскоре умер скоропостижно, наверное, от душевных потрясений. Сник. Увял.

И все-таки ему памятников не ставят по Украине, ставят Палию — его мощи считаются святыми, великомученическими, ратными, правдоборческими.

Побывал я в музее в одну из суббот июня, когда вся Полтава, как на вражеские редуты, с орудиями труда устремлялась в сады и на огороды — промышленность, как в большинстве отделившихся республик, стоит, зарплаты нет, вот и припадают к земле-кормилице. Внешней бедности не видно. Упитанные, элегантно одетые, особенно женщины, добродушные. Вечерами любят гулять, пить пиво, заходят в храмы — их много. Есть такие, которые со времен Петра и Екатерины служат — небольшие зальчики, опрятно вписанные в городской ландшафт.

Действует Сампсониевская крепость, построенная в честь победы 1709 года. Возле внушительного холма с лестницами и крестом на вершине — братская могила русских воинов. 1345 их захоронено — было это 28 июня, на другой день после ожесточенной баталии, отмечены памятными знаками места пребывания Петра I, есть памятник погибшим шведам от русских — дань уважения мужеству противника. Перед зданием музея памятник Петру I работы скульптора Адамсона и архитектора Вероцкого. У основания памятника — боевые пушки того времени.

В километре от музея, где размещался второй полевой укрепленный лагерь и командный пункт Петра — памятный

знак, — глыба серого гранита. А памятник шведским солдатам и офицерам — возле села Побиванка, где во время боя располагался левый фланг армии Карла XII, памятник привезен из Швеции и установлен в 1909 году. Ныне родственники погибших шведов, ученые — частые гости в музее. Кстати, помогают содержать музей, которому с развалом Союза живется плохо: резко сократился поток туристов, в основном наведываются школьники из сельских школ. Что-то на содержание мемориала-заповедника выделяет городская казна.

Ну и как везде, помогает энтузиазм сотрудников, которых немного и все любому посетителю рады: заместитель директора Людмила Кирилловна Шендрик, научные сотрудники Екатерина Ивановна Демченко, Вита Тихоновна Кузьменко, сам директор Александр Васильевич Янович, отслуживший в музее одиннадцать лет. Когда-то мечтал стать музыкантом, но, окончив педагогический институт, переквалифицировался в историка. Невероятно влюблен в свое дело. Может говорить часами, водит экскурсии, на работу приходит и в выходные дни. Постоянно заставал его в музее. Даже по воскресеньям.

Смотритель зала в шутку, улыбаясь, но и серьезно как будто, заметила: «Лучше бы нас шведы завоевали. Жили бы припеваючи, не при нашей нищенской зарплате. Месячная оплата за газ превышает пенсию. Как жить пенсионеру? Поневоле подрабатываешь». Как везде. Но, повторяю, озлобленности, раздражения повсеместного нет. Все сводят на обстоятельства, которые неизбежны в жизни.

По вечерам мы с Валерием, студентом, что поселился в номере бывшей обкомовской гостиницы, гуляли по городу. Он из Каменецка-Подольского. Женат. Работает на мебельной фабрике. Лет ему 27. А учится он на историческом факультете и, возможно, когда-нибудь займется политикой. Россию и русских он уважает, считает очень дружными, талантливыми людьми, помимо парка Славы, где монумент в честь защитников города-крепости с небольшой площадкой в центре, на которой и отдыхают желающие, предложил Валерий посетить Пушкинский сквер, — вид его, сказал, «Русью пахнет».

Он так настаивал, что я сходил один и убедился, что это так. Ели, березки, замшелость, птицы — и те северные. Будто заокольe ивановское или вологодское, санкт-петербургское. Рядом старая часть города, гениально описанная Гоголем. В Полтаве среди всего ее благолепия, с рекой Ворсклой, множеством самобытных архитектурных ансамблей, некрикливых, простоватых, под старину, чувствуешь себя вознесенным к Богу, матери Богородице, ко всему Святому на земле. Всю жизнь мечтал увидеть и до конца дней буду переживать в душе каждый штрих увиденного.

В парке Славы пенсионеры и молодежь танцуют и пляшут под гармошку, и даже стук деревянных ложек слышится, постоянно так бывает в ясную погоду. Совсем другие здесь парки, чем в России. Невелики, но притягательны, действительно для отдыха устроены. Убедился. В последнее свое воскресенье я побывал в Белой Беседке, где пировал Петр после победы, столь судьбоносной, что, окажись иначе, судьбу России трудно было бы предсказать, великой России просто могло не состояться. И вот поставили Белую Беседку и храм рядом — с небольшим зальчиком. В нем шла служба. Из Беседки, с горы, далеки и дымчаты подгорные дали. Отсюда 27 июля 1709 года появились массы войск: пехота и конница перекатывались, согласно разработанным планам и сложившейся во время действий обстановке...

Валерий стоял рядом. Это он привел к Беседке и Храму, внушая уверенность в том, что когда-нибудь восторжествует все-таки единство народов общего корня, начинавшегося с Киевской Руси, а еще прежде — разрозненных языческих племен, обживавших дикие бескрайние леса, наводненные птицей и зверем, рассеченные всевозможными полноводьями и тихими укромными ленточками течений в неведомость.

Царили надо всем две главные магистрали — Днепр и Днестр да Киев стольнокаменный. История возвращается. Мы много говорили о Путине, его незатейливой биографии, простых, из народа, родителях Шеломовых. Рассуждали о том, что, когда общество измучилось ожиданием непохожего на всех известных ему политика, появился он. Может, его приход к власти — начало Новой Эпохи? Санктпетербургский мальчик, возмужавший в предводителя накренившегося государственного корабля, призван к Высокому Деянию. Так взволнованно и патетично говорил мой и новый знакомец. И я с ним соглашался: не крутым наскоком, но последовательностью, какой обладал Семен Палий и его далекий нижневартовский потомок Виктор Остапович, развернул он поход на завоевание утраченных вершин.

Хотелось верить.

Все это, вместе взятое, и составило мое полтавское пребывание, чувство исторического оптимизма и надежда на лучшее. Не может быть все время плохо.

Я заторопился в Нижневартовск, чтобы вручить Виктору Остаповичу ксерокопию с портрета его далекого предка с автографом директора музея «Полтавская битва».

Связуя с современностью

А по дороге обдумывал вот какие события — четырнадцать дней до 27 июня 1709 года — то, что предшествовало громкому сражению на восьмистах гектарах, когда от Ворсклы до наспех отрытых редутов развернулись боевые диспозиции шведов и русских — двух северных соседей.

У шведов давние счеты с московитянами, уже в разгаре затяжная северная война. Разбив под Нарвой русских, восемнадцатилетний король уводит армию в Белоруссию, а затем в Польшу и на Украину. Полных восемь лет перемещается на обширной территории, удержать которую невозможно даже такой отлаженной наступательной силой. За восемь лет сила поистощилась, и в конце концов в решающий момент жаркого лета 1709 года, как сказал директор музея, не столько пули и ядра, холодное оружие скосили северян, сколько дизентерия, поразившая солдат и офицеров.

У Петра было семнадцать тысяч под ружьем, у Карла XII — двенадцать — огромные массы людей, агрессивных, яростных, пребывающих в постоянных стычках и схватках.

17 июня король сообщает в Стокгольм: «Меня закрыл собою Бертман. Погиб, а я, раненный ядром в ногу, остаюсь, слава Богу, с войсками. Ищу решающего боя, выгодных позиций. Кажется, бой недалек: русские окапываются...»

Это он писал накануне исторического события, положившего конец затянувшимся рейдам, а значит, и влиянию на окраинную часть России. «Поутру... Катятся ядра, свищут пули, нависли хладные штыки... Швед, русский рубит, колет, режет, бой барабанный, стоны, крики скрежет... Уходит Розен сквозь теснины, сдается пылкий Шлиппенбах...»

В ночь на 27 июня полностью соорудить редуты на равнине, что неподалеку от нынешнего музея, русские не успели, шведы заняли их довольно скоро, но успеха не добились: кольцо охвата сужалось, клещи замкнулись. Петр I предвидел близкую викторию. И она свершилась. Петр торжествовал.

Непобедимый доселе противник был основательно сокрушен и вынужден был скитаться с остатками своей гвардии в Польских и окраинных московитских владениях, уже не представляя никакой реальной угрозы. Обоснованная радость. Мечта Петра о Великой Руси становилась конкретно-зримой, и в ней была заметная лепта Семена Палия. Его последовательность одержала верх над всеми невзгодами и перипетиями.

Исследование потомка Палия

Из сибирской ссылки Семен Филиппович вернулся с надорванным здоровьем, прежде времени состарившимся, но еще могутным. И то — по этапу прошагал Урал и Западную Сибирь, был узником Тобольской каторжной тюрьмы, вернее, ее зачаточного подобия. С ним рядом все время был пасынок, оберегавший «батьку». Семен Филиппович Гурко в Тобольске — это совершенно новая, неизвестная и неисследованная страница в местном краеведении. А ведь предок Виктора Остаповича Палия побывал в Томске, Енисейске. Из Енисейска его и вернули величайшим повелением русского царя.

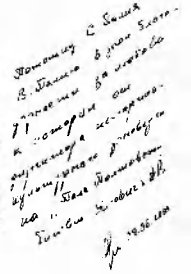
В полтавской баталии он, ослабленный ссылкой и возрастом, принял самое деятельное участие, все время руководил казаками, находился на одном из командных пунктов на холме. Его на коне видели отовсюду: «Батька с нами!» Одним своим видом он вдохновлял воинство. И постоянно с ним рядом находились телохранители, в числе которых был и пасынок.

Палий с Меншиковым первыми вырвались к речной переправе, где корпус Ливенгаупта, значительно дезорганизованный, прикрывал бегство короля, только что со свитой и остатками гвардии перебравшегося на другой берег. Когда в поле зрения военачальника показалась лава конников и по одежке и клинкам взблескивающим Ливенгаупт понял, что это казаки, он тотчас решил сдаться. И сдаться решил его корпус. Но пленных не брали. В азарте боя изрубили шведов, истоптали пеших конями. Полегли возле реки тысячи. И тысячи полегли еще раньше.

На портрете Палий в гетманской накидке, с перначем в руке — символом власти. Взгляд тяжелый, насупленный, но далеко видящий взгляд. Лицо массивное, почти квадратное, тяжелые складки губ. Могуч был предводитель. Стрижен «под кружок». Волосы подобраны от висков и затылка. Но без оселедца, какие обычно носили запорожцы.

По исторической значимости он где-то рядом с Богданом Хмельницким.

Женат Семен Филиппович был не однажды. Неудивительно, что кроме Виктора Остаповича нашлись и другие потомки знаменитого поборника воссоединения с Россией. Только с Россией! Никаких шведов и поляков-шляхтичей! И не смогли бы те удержать столь огромную территорию, столь вольнолюбивое население, унаследовавшее дух запорожцев. Не могли они ходить под их владычеством-гнетом, большинство хотело дружественного союза с братьями-московитянами.



Портрет С.Ф. Гурко-Палия.
Автор — Е.В. Путря

Так было и так будет, хотя сейчас пытаются снова отторгнуть русских, снова размежевать, очернить. И в этом смысле не очень жалуют Семена Филипповича, потому и убрали портрет из основной экспозиции. Уже после меня засуждали наши нижневартовские, возмущались. А Янович лишь руками разводил: он из тех, кому не очень дорого единение, за которое боролись Богдан Хмельницкий и Семен Палий

Тем не менее я благодарен Александру Васильевичу за искренность, гостеприимство, за автограф, который написал к портрету Гурко-Палия. Автограф такой:

«Потомку С. Палия В. Палию в знак благодарности за любовь к истории края Полтавского от директора историко-культурного заповедника «Полтавская битва» А.В. Яновича 27.05.2000 г.».

Благодарен за исследование Анатолию Игнатьевичу Палию из города Умани Черкасской области, он открыл мне новые дополнительные штрихи, значительно дополнившие мои знания о казацком полковнике, позже удостоенном звания гетмана. Дело потомок гетмана сделал нужное, великое.

«Среди наших славных предков, самоотверженных борцов за независимость Украины, особое место принадлежит Семену Палию, — пишет Анатолий Игнатьевич. — Народ на века сохранил память о нем — борце за освобождение родной зем-

В.О. Палий, генеральный директор ООО «Славнефть-Нижневартовск», депутат Тюменской областной Думы

ли от иноземного ига. О деяниях его свидетельствуют документы, о жизни его поют песни, воспевают в стихах и поэмах. О нем высокой строфой писали Шевченко, Пушкин, Рылеев, Дивович... Личность Палия нашла свое отображение в творчестве Данилы Мордовца, Юрия Мушкетика, Григория Колесникова и других писателей».

Рассказ А.И. Палия о своем предке основан, видимо, на многих источниках. Должно быть, Анатолий Игнатьевич проштудировал все документы, которые смог собрать. Поэтому передаю ему слово, пусть расскажет обо всем подробно и неторопливо.

Родился Семен в четвертом десятилетии XVII века (точная дата неизвестна) в местечке Борзна (ныне районный центр Черниговской области). Отец Семена был простой казак Турко. Палий получил для своего времени хорошее образование: окончил Киево-братскую коллегию (ныне Киево-Могилянская академия — высшее учебное заведение, куда принимались дети казаков.

Устав этой школы предписывал: «Учителя обязаны учить и любить всех детей одинаково — как сыновей богатых, так и сыновей убогих...» Всесословность была одной из наиболее характерных черт Киевской братской школы, где обучение было тесно связано с патриотическим воспитанием. Здесь учили любить свой народ, его язык и традиции.

Студенты получали широкое светское образование и образование духовное, изучали славянские и западноевропейские языки, а также латынь и греческий. Палий знал украинский, польский, латинский, немецкий и татарский языки, играл на кобзе. Очень популярными в те времена на Украине, а также в России, Белоруссии, Молдавии, Румынии были произведения одного из образованнейших деятелей Киевской коллегии Иоаникия Галятовского (1620– 1688). Сам Галятовский был воспитанником Киево-братской коллегии и в 1657 году стал ее ректором.

Он горячо проповедовал идеи равенства, предлагал разделить имущество богатых между бедными, строить школы, больницы,

монастыри, помогать сиротам и пр. Галятовский резко осуждал бесчинства польской шляхты, религиозный и национальный гнет на украинских землях, измену украинского духовенства и светских магнатов своему народу. По окончании учения Палий служил в Нежинском полку, охранял окрестности села Пуховки Остерского уезда от людей, желающих жить за чужой счет. Затем, подвергаясь преследованиям, тайно с женою Марусей (дочерью зазимского казака) удалился из Пуховки с Заднепровскую степь.

Овдовевши, Семен отправился в Запорожскую Сечь.

В народной памяти об этой героической эпохе образ Палия — представителя старого украинского казачества соединил в себе черты казака-богатыря, охранителя народных интересов, обладавшего к тому же сверхчеловеческими свойствами чудодея-кудесника.

Мотивы, которые заставляли многих искать себе приюта в диком Запорожье, были весьма различны: в Сечь шли люди «и по доброй воле, и по неволе». Тут были те, которые от жен бежали, отца и мать покидали, «с-под пана тикали»; тут были и кровно обиженные, не нашедшие себе на родине никакого удовлетворения, не имевшие насущного хлеба для пропитания; были тут натерпевшиеся от тяжелых повинностей, оскорбленные, униженные за свою веру и народность, перенесшие унижения, истязания за свои человеческие права, свое существование, были и те, что чувствовали в себе «волю огненную, богатырскую», которые носили в груди «тоску лютую», «горе-злочастие». Все они находили радушный прием в Запорожье, находили приют и те, кого привлекали воля, добыча, молодечество, слава.

Жизнь Семена Гурко совпала с тяжелыми временами в истории Украины второй половины XVII и начала XVIII века. Подобно многим другим казакам он прошел «сечевую» школу, приобретя славу храброго воина. Мужество и неукротимая энергия сделали его известным на родине. За воинские подвиги он был прозван в Запорожье «Палием», что означает «поджигатель».

Юрий Мушкетик в своей книге о народном герое говорит, что Палий в Запорожье появился одновременно с Иваном Сирко и был выбран кошевым атаманом, случилось это в 1663 году, скорее всего, после «Черной рады», когда казнили многих военачальников и в том числе нежинского полковника В. Золотаренко. Согласно одному преданию, его назвали Палием потому, что он в первые дни своего пребывания в Сечи спалил атаманский курень.

Ведя беспрерывные войны с татарами, Семен Филиппович сделался любимцем всей Украины. В начале девяностых годов XVII века гетман левобережной Украины Иван Мазепа писал в Москву, в Малороссийский приказ: «Палий человек военный, имеет в воинских делах счастье, за что козаки его очень любят, и другого такого человека на Украине нет».

Первого августа 1680 года умер кошевой атаман войска Запорожского Иван Сирко. Со смертью Сирка, можно сказать, закончилась героическая пора Запорожья. В 1681 году Палий с несколькими сотнями запорожцев оставляет Сечь, переходит на правый берег Днепра и начинает там энергичную борьбу против турецко-татарских вторжений. Передвигаясь с места на место, казаки по нескольку месяцев не зажигали огня и ели только один раз в день — толокно и толченые сухари, не давали коням ржать.

Отлично зная все дороги и речные переправы в южных степях, обычаи татар, а также имея опыт борьбы с ними, днем и ночью определяя направление по солнцу и звездам, хоронясь в балках и перелесках, казаки подстерегали татарские отряды, внезапно нападали на врага, смело атаковали его и принуждали ретироваться.

Вот как описывает это К. Рылеев в стихотворении «Войнаровский» к неоконченной поэме «Мазепа»:

Враг хищных крымцев, враг поляков,
Я часто за Палием вслед
С ватагой храбрых гайдамаков
Искал иль смерти, иль побед.

Бывало, кони быстроноги
В степях и диких и глухих,
Где нет жилья, где нет дороги,
Мчат вихрем всадников лихих.

Дыша любовью к дикой воле,
Бодры и веселы без сна,
Мы воздухом питались в поле
И малой горстью толокна.

В неотразимые наезды
Нам путь указывали звезды,
Иль шумный ветер, иль курган,
И мы, как туча громовая

Внезапно и отразных стран,
Пустыню воплем оглашая,
На вражий наезжали стан.

Дружины грозные громили,
Селения и грады в прах
И в земли чуждые вносили
Опустошение и страх.

Враги везде от нас бежали
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
У нас сомнительный союз.

Ватиканская дипломатия времен папы Иннокентия XI хорошо знала цели борьбы украинского народа того времени, поэтому Апостольский престол хотел использовать антитурецкие настроения казачества и привлечь эти силы на свою сторону. Еще в апреле 1681 года было решено, чтобы с одного миллиона флоринов (итальянская золотая монета того времени) папской помощи на оборону Европы, отпустить 600 000 на формирование казацкой армии. Было приложено немало усилий, чтобы Украина заняла соответствующее место в оборонительной системе христианской Европы против турецкой опасности.

В июне 1683 года папский нунций передал польскому королю Яну Собескому необходимую сумму на наем трехтысячной казацкой армии, которая сразу же должна была вступить в войну. В том же году между австрийским императором Леопольдом I и польским королем Яном Собеским был заключен наступательный и оборонительный союз против турок и татар. После этого Леопольд I отправил свое войско отобрать у турок завоеванную ими австрийскую крепость Неоговселино, на защиту которой вышел с многочисленными турецкими и татарскими силами визирь Кара-Мустафа. Он разбил там большое австрийское войско, которое начало отступать к Вене, австрийской столице.

Турецкий визирь Кара-Мустафа с крымским ханом крепко обложили Вену и начали бомбардировать городские стены минами, меняя временами войска: на смену уставшим становились свежие, отдохнувшие. И так они много недель, день и ночь, зажимали Вену и уже были близки к тому, чтобы взять ее, так как осажденных венцев поджидала уже и внутренняя беда — голод. Осада Вены вызвала переполох в Европе. Турецкая угроза, еще вчера воспринимавшаяся лишь как далекий отзвук религиозных бурь, бушевавших где-то на краю света, обернулась вдруг визжащей ордой с огромными пиками наперевес в самом центре Европы. Если бы Вена пала, ничто не удержало бы эту орду и она через германские княжества, слабые и разрозненные, растеклась бы по всей Европе. Это была серьезная опасность, и борьба с ней рассматривалась как общеевропейское дело.

Леопольд еще до осады Вены, заранее выехал с семьей в Чехию, поручив свою столицу для защиты генералу Штаренбергу. Ян Собеский выслал своих эмиссаров, которые повсюду должны были объявить условия набора казацкого корпуса. Уже тогда было решено отправить казаков на границу Венгрии. 26 июня

папский нунций писал из Кракова, что «казаков согласилось намного больше, чем можно было ожидать и уже двинулось в поход». И в том же письме нунций говорил также о том, что завербованные казаки уже миновали Краков и находятся в Шлеске. 23 августа 1683 года казацкая армия готова был идти в бой.

Ян Собеский хорошо знал о боевой силе украинского казачества и его отчаянной отваге. Не имея сведений о движении казаков, он начал нервничать. Без казаков польский король не хотел идти против турок, — казаки, по его мнению, были незаменимы для его войска. Один очевидец, французский дворянин Д' Алорак, говорил: «Я слышал не один раз, как Собеский хвалил казаков и жаловался на их медленный набор и, отъезжая в поход, поручил королеве высылать поспешно новобранцев за ним вслед. Можно было думать, что вызволение Вены зависело только от казаков!

Вербовку казаков Собеский доверил полковнику Менжинскому и запорожскому полковнику Булизе и часто сетовал на Менжинского: «А что слышно о казаках? Прошу сообщить, и как только можно поторопите их прибытие, а также намыльте Менжинскому голову за то, что до сих пор не отозвался ко мне». 1 сентября 1683 года Собеский принял командование над соединенными войсками, и вся армия двинулась через Дунай; переход продолжался два дня. Он прошел без помех, ибо враг его не заметил.

В письме от 9 сентября, уже после перехода через Дунай, Собеский пишет королеве: «С Апостолом (казацкий полковник. — Н.С.) не более 150 казаков... Я слышу, что паны Стадницкий-Немировский, староста Любельский и Сандомирский староста прибывают, но что мне все это, если казаки с Менжинским не смогут прибыть вовремя, они, которые одни были для меня, конечно, необходимы, и в первую очередь, при переходе через эти неприятные леса и горы».

Но вот подошли и казацкие войска.

Австрийские и немецкие войска выглядели великолепно: представительная осанка, новенькое оружие и, конечно, дисциплина. Его не беспокоил и вид собственных солдат. Гусары и кирасиры были, конечно, вне сравнения, но вот пехота... Едва одетые, босые, с ружьями, подвязанными веревками, чтобы не развалились. В основном это были казаки под командой Семена Палия. Но как прекрасно они воевали! Говорят, что Собеский вывел этих оборванцев вперед и заявил: вот люди, давшие обет не носить никакой другой одежды, кроме той, которую снимут у врагов. Скоро вы их увидите в роскошных восточных одеждах.

Это была чисто польская бравада, но на австрийцев она произвела большое впечатление: король намеревался сражаться. 9 сентября был совершен марш на Вену. Он проводился двумя дорогами: правую, более выгодную, выбрали поляки, левую, по бе-

регу Дуная, заняли немцы. Не встретив турок, 11 сентября соединенные войска подошли к подножию Каллинберга. И вот наконец на холме Каллинберг появилось громадное, развевающееся на ветру красное знамя с белым крестом. Это к Вене приближались войска Яна Собеского.

Ни турки, ни осажденная Вена не ждали его с этой стороны: дорога считалась непроходимой. На это и рассчитывал польский король. Правда, по пути пришлось бросить немецкие пушки, но «оборванцы» Палия протащили через ущелье польскую артиллерию. 12 сентября, на рассвете, объединенные войска мощным ударом обрушились на все басурманское воинство.

Немецкие войска атаковали турок с Нусдорфа и Деблина, саксонцы отбили турецкую атаку на левом крыле, согнали их с горы, а затем заняли эту позицию вместе с австрийцами. Турки отбили атаку драгун и поляков под командою Любомирского и нанесли им значительный урон. Тогда австрийцы вместе с саксонцами продвинулись к Гайлигенштадту и Деблингу. Когда великий визирь Кара-Мустафа заметил это, то послал янычар и всю пехоту из лагеря со всей артиллерией и 30 000 человек своей конницы против правого крыла союзных войск.

В 10 часов двинул вперед свои силы фон Вальдек и поравнялся с левым флангом. Тогда Собеский приказал князю Лотарингскому остановиться. Около полудня наступил короткий перерыв, который турки использовали для того, чтобы собрать новые силы и атаковать поляков, те, однако, их отбили и нанесли большие потери.

Польский король послал им на помощь фон Вальдека и баварцев, а сам двинул вперед со второю линией и цесарскими драгунами. Когда он увидел красный шатер великого визиря, то приказал немецким батальонам открыть огонь по шатру Кара-Мустафы. Битва наконец достигла кульминационной точки. И тут король увидел, что турки подались назад: это казаки во главе с Палием внезапно, с тыла, ударили по янычарам, сидевшим в шанцах-редутах. Собеский попросил князя Лотарингского прислать ему подкрепление и дал двум эскадронам гусар приказ атаковать под его командою. Первый эскадрон под командою одного из братьев королевы ударил по турецкой коннице с такою силою, что она вынуждена была откатиться назад. Это отступление превратилось в бегство. Великий визирь тщетно пытался остановить убегающие турецкие войска и просил крымского хана поддержать его, но хан как раз был одним из тех, кто убегал первым.

Казацкая кавалерия с Дорнбаха и Горнальса атаковала вместе с польскими гусарами турецкие укрепления. Там, на возвышенности святого Ульриха, был турецкий лагерь с шатрам Кара-Мустафы. Казаки с великой храбростью атаковали эту возвышенность,

перебежали турецкие позиции и преследовали бегущих турок до речек Швехат и Лайта. Ян Собеский дальше не погнался за турками, а вернулся к шатру великого визиря. Это было в 18 часов.

Вена была спасена.

Главную роль в этой битве сыграло войско под командованием Семена Палия, которое в этом решительном бою выбило из шанцев отборную турецкую гвардию — янычар, которые в беспорядке бросились врассыпную. Вся Европа восхищалась героизмом Палия, давши ему имя героя Вены — защитника Европы. Турки оставили на поле боя 21 тысячу убитыми, всю артиллерию, обоз, провиант и войсковые запасы. Среди трофеев был и вороной конь Кара-Мустафы-паши, на котором Палий вернулся на Украину.

После венской битвы, положившей конец турецкому продвижению в Европу и потере Османской империей одной за другой прежде завоеванных ею территорий, польское правительство разрешило официально заселять пустовавшие до этого земли правобережной Украины, которые (кроме Киева и его окрестностей) в течение долгих лет были ареной многочисленных войн и в результате походов польских и турецких войск и постоянных набегов татарских орд оказались совершенно опустошенными.

На основании универсала короля Яна Собеского от 1684 года, уступавшего вновь создаваемому казачеству земли, предназначенные к вечному запустению по договорам между Россией и Польшей, Турцией, Палий получает «проповедный» лист на вербовку людей для казацкого полка. Он предложил всем желающим записываться в список казацкого полка, обещая им широкое право «свободы». Заняв территорию бывшего Белоцерковского полка, Палий установил свою резиденцию не в Белой Церкви, где до 1702 года стоял польский гарнизон, а в городке Фастове.

В Фастов прибывает отовсюду много людей, которые вступают в образованный Семеном Филипповичем полк либо селятся на фастовщине как «жилые люди» и занимаются сельским хозяйством.

Палий правил своим полком самостоятельно, как будто над ним не было никакой верховной власти. Первые годы он избегал стычек с польскими властями, но устраивал смелые походы к югу и доходил аж до Черного моря. Однако ему не удалось уйти от конфликта с поляками. По мере того, как вновь заселялось Правобережье, начали вспоминать о своих правах на землю дети и внуки выгнанных когда-то оттуда при Богдане Хмельницком панов и шляхты. Из сундуков и архивов они извлекали старые бумаги, из которых было видно, что владения вольной народной колонии, то есть занятые палиевцами земли, несколько лет назад принадлежали другим собственникам. И дети этих собственников начали предъявлять свои права. Но Палий не при-

знавал никаких прав и не допускал никаких бывших собственников к их бывшим имениям. Не церемонился он и со шляхтою соседних с его полком окрестностей и размещал своих казаков на квартиры в шляхетских имениях. Это, разумеется, вызвало недовольство и жалобы на Палия.

До 1683 года у новозаселявших Правобережную Украину не было открытых столкновений с поляками. Расширив подластную ему территорию, Палий через левобережного гетмана Мазепу открыто обратился к русскому правительству с просьбой, «чтоб великие государи приняли его со всеми войсками и жилыми хвастовскими людьми под свою державу». Побудительной причиной к такому шагу явилась не только надежда на помощь в борьбе с татарами и шляхтой, но и глубокая убежденность Палия в том, что вся Украина должна быть единой.

О переговорах казацкой старшины с царским правительством стало известно польским магнатам, которые стремились помешать дальнейшему сближению казачества с Россией. На Палия началась охота, но он всегда ускользал от польских заслонов. По указанию польского короля в начале 1689 года группа старшин во главе с Палием, следовавшая в Киев на богомолье, была арестована польским комендантом города Немирова Ранцем. Палия обвиняли в измене и намерении совместно с русскими стрельцами воевать против Польши.

Арест Палия вызвал большие волнения на Фастовщине, Богуславщине, Корсунщине. Боясь народного движения, поляки перевели его в крепость Мариенбург и приказали заковать в кандалы. Казаки и крестьяне делали все, чтобы освободить своего вождя. С этой целью зимой следующего года в Варшаву к королю явились два палиевских сотника и просили освободить Семена Филипповича, но Ян Собеский отказал им в этом. Он заявил, что Палий «идти хотел на поляков войной», соединившись для этого с московскими ратными людьми.

В апреле 1690 года огромный купеческий обоз с пшеном, шерстью и кожами остановился на ночлег в Мариенбурге, а волов выгнали на наемную пастьбу, за которую обещали дорого заплатить.

Ночью триста казаков, скрывавшихся в возах, перевязали стражу замка, проникли в тюрьму, сбили с Палия кандалы, вывели из конюшни лучших коней, взяли четыре пушки со снарядами и, бросив свои возы, с чучелами людей, якобы спящих под напрядками[1], сели на подведенных коней и ускакали; с ними исчезли и чумаки. Незаметно прошли они всю ночь и часть дня, и только тогда опомнились городские начальники, но погоня их была непродолжитель-

[1] Напрядка — верхняя одежда из домотканой материи.

на и безуспешна. По дороге, награждая себя за оставленн
ры, казаки обобрали многих панов, участвовавших в зак
полковника, и возместили свои убытки с процентами.

Между тем во время сидения Палия с тюрьме Фастов -
до палиевцев — захватили поляки, а так как он издавн
тался местностью католического епископа, то туда хль..,ли
ксендзы и хотели обратить православные церкви в унитатские, —
как вдруг воротился из неволи Палий, вычал их и, как говорят,
некоторым упрямым приказал отрубить головы. Поляки реши-
ли отомстить Семену Филипповичу, их войска заняли Полесье
и стали более прежнего притеснять казаков.

Вернувшись в Фастов, Палий стал править своим полком как
независимый властелин. Женился вновь. Вторая его жена Фе-
досья была сестрою казака Саввы и от первого брака имела
взрослого сына, которого звали Семашко. И жена, и пасынок
стали верными помощниками Палия.

В апреле 1690 года он вновь обратился к России с просьбой
принять казаков и жителей Фастова под власть Москвы. Но в
Москве повторили сказанное прежде: владения Палия в состав
России нельзя принять без нарушения мира с Польшей, пусть
сперва идет в Запорожье, а гетманскому правительству пред-
писывалось поддерживать сношения с Палием. Положение Па-
лия становилось все более сложным. Летом того же года он ко-
мандовал левобережными казацкими отрядами, набранными из
Переяславского полка, с которым совершил поход на Очаков,
причинив там большой урон татарам и турецкому гарнизону.

Современник Палия Григорий Грабянка утверждал, что Па-
лий со своими войсками не только не допускал «воевати и опус-
тошати» Польшу и Россию, но, чтобы пресечь разорительные
татарские набеги, самостоятельно или часто совместно с ле-
вобережными казаками совершал успешные походы против ту-
рок и татар. Слухи о замыслах Палия и его казацкой террито-
рии, где нет господ и шляхетской власти, достигли Перемышля
и Санока, Подолии и Молдавии, Закарпатья. Угнетенные и обез-
доленные стекались сюда из разных мест. У Палия насчитыва-
лось три тысячи «воинских людей», у которых были хаты, се-
мьи, скот, столько же было «жилых людей».

Часто к Палию являлись крестьяне с жалобами на бесчело-
вечное обращение с ними их господ. «Казацкий батько», как име-
новали его казаки, не оставлял без внимания ни одной жалобы.
В имение обидчика являлся отряд палиевцев и вместе с кресть-
янами учинял над ними суд и расправу, крестьяне объявлялись
свободными от всяких повинностей, имение присоединялось к
подвластной Палию территории, обнаруженные юридические
и иные кабальные документы уничтожались. Освобожденные

крестьяне вместе с казаками участвовали в разгроме шляхетских имений. Разоренные шляхтичи убирались восвояси, и многие из них больше не возвращались на Правобережье. На «Палиевщине» действовал свой суд — суд казацкой рады. Были даже случаи, рассказывали позже старики, когда Палий давал своих лошадей крестьянам для сева.

В начале 1691 года против крымцев действовал полк охочих запорожцев под командованием Юска совместно с полковником Палием, они напали за Очаковым на возвращающихся «с немецкой войны до Крыма» татар, шедших под начальством двух султанов — Довлет-Гирея и Батыр-Горая. В стычке они много неприятеля забрали в плен, а многих покололи, немало добычи захватили и одного языка отослали гетману Мазепе, который в свою очередь отправил пленного в Москву.

В сентябре отряды Палия вместе с тремя тысячами левобережных казаков совершили поход на Белогородчину и Буджак. Они появились возле сильной крепости Аккерман, разгромили там татарское войско, остатки которого бежали в Крым. На обратном пути под Паволочью его встретили наемники во главе с полковником П. Апостолом-Шуровским, чтобы внезапно, из засады, разбить казаков и схватить Палия. Палий решил атаковать первым. Но вражеский отряд не принял боя, ибо состоял из украинских казаков, не пожелавших воевать против своих. Они убили начальствовавшего над ними полковника и переметнулись на сторону Палия.

Зимой 1692 года Ивану Мазепе доложили, что на Украину движутся крымские и белогородские орды. Тогда гетман вышел им навстречу со своими отрядами. Нападавшие перешли Днепр, пограбили села у Демонтова и Бубнова. Узнав же, что им навстречу идет Мазепа с войсками, повернули назад. В погоню за ними за Днепр отправился есаул Гамалия с войсками, но не нагнал. Тогда гетман часть своего городского и компанейского войска на добрых конях направил в погоню. В марте, соединившись с полком Палия, они двинулись под Тягинь. Войска переправились через Буг и подошли к Очакову, который весь спалили и разорили. Набравши добычи, вернулись назад. Но крымские татары снова вторглись на Украину. Предводителем у них был зять хана Нурадин-салтан и его сын Ширин-бей. Сорокатысячная крымская орда зацепила города полтавского полка и, захватив многих в плен, ушла восвояси.

Тем временем к Мазепе в Лубны прибыл со своим полком из Фастова Палий, желая помочь ему в борьбе против татар. Но так как те уже повернули обратно, то Палий устремился за ними, а в помощь ему Мазепа дал лубенского полковника Свечку с частью его полка и выборное товарищество с других городовых полков и компанейцев. Присоединились к ним и запорожцы

во главе с кошевым атаманом Федором Степановым. Они пошли под Кизикермон, разбили у этого города сильные татарские отряды, сожгли предместья, умертвили многих жителей.

Многие победы Палия над турецко-татарскими войсками оставили глубокое впечатление у противника. Крымский хан предлагал ему сорокатысячное войско против польских панов, если только он примет над собою ханскую власть. Хан также обещал, что «сделает его лучше Хмельницкого», но Палий отверг предложение. Территория «палиевщины» выходила уже далеко за пределы Белоцерковского полка, вся правобережная Украина от Полесья до «дикого поля» фактически была в руках Семена Филипповича.

Вот как представляли себе жизнь «палиевщины» на левобережной Украине: обосновавшись в Заднепровье, Палий построил там «многие грады», заселил этот край и, «яко удельный князь, войска свои охотние» расставил по Полесью. «Даже до литовской границы» и для нужд своих собирал десятины с пасек, индукту и «всякие приходы», «жил при всех довольствиях, владеючи всем Заднепром до Днестра и Случи, якобы гетман, но не был гетманом».

Осенью 1693 года султан Нурадин с крымскими ордами и султан Онита с белогородскими и ногайскими ордами двинулись на Украину. Нурадин ударил на слободскую Украину под Новые Водолаги и другие местечки, где, нахватав много людей и причинив немалый ущерб, повернул в Крым. Вдогонку ему гетман отрядил киевский, переяславский и охотницкий конные полки, которые соединились с Палием. Разминувшись в заднепровских степях с Онитом, имевшим сорок тысяч татар, вторглись под Тягин (Бендеры), где причинили бусурманам много вреда. Султан Онита, очевидно, услышал про беду в своей державе, бросил свое намерение бить христиан, повернул с ордами назад. И вот здесь-то, в долине Кодыма, между Днепром и Бугом, нечаянно встретился с казацкими войсками, во главе которых был Палий, а с ним переяславский полковник Иван Миронович и конно-охотный Григорий Пашковский (всего казаков было не более семи тысяч и шесть пушек). Онита устроил с ними бой. После многих атак в течение дня сломить казаков все же не удалось, и к вечеру они устроились на ночлег, а чтобы казацкое войско не отошло от них ночью, обложили его вокруг. Казаки, видя, что орда не уходит, кое-как за ночь выстроили укрепления из возов и земли и приготовились к отпору врага. Но подумали и о том, что враг знает полную картину расположения войск, поэтому ночью полки тихо переместились. Переяславское войско перешло на место Палия, а вместо Переяславского полка стало войско Палия и другие силы.

С восходом солнца орда всей мощью ударила по той стороне, где думала найти Переяславский полк, но стоявшее там отборное войско устроило ордынцам отменную встречу — поло-

жили до четырех тысяч трупов. После этого татары еще до полудня покрутились возле казаков, но, увидев, что ничего больше нельзя достигнуть, повернули прочь.

А казаки, переночевав на том же месте, двинулись домой.

Докладывая об этой битве в Москву, Мазепа говорил: Палий остался недоволен тем, что к нему присоединилось так мало людей моего регимента, ибо он просил во много раз больше. В конце 1693 года региментарь Вильга организовал внезапное нападение на палиевский полк. С польскими хоругвями и с казаками, верными Речи Посполитой, под начальством полковников В. Искрицкого и Я. Гладкого они разом в один день напали на несколько мест Палиевого владения.

Однако палиевцы повсеместно отбили атаки врагов и удержали свои позиции. Подойдя к Фастову, Вильга потребовал от Палия оставить город. Казаки вначале пушечным огнем отогнали нападающих, а затем в боях под Корпином и Корыстышевом нанесли решительное поражение. Мазепа писал в Москву, что Палий, отчаявшись, может уйти к татарам и тогда за ним уйдут и запорожцы. «Палию, — писали по этому поводу из Москвы, — перейти на Запорожье вовсе не бесчестно: каким путем он вышел из Запорожья в Польшу, тем же путем он может вернуться из Польши в Запорожье». Но Палий не хотел идти в Запорожье: «На Запорожье идти мне не хочется, хотя войско два раза звало туда и предлагало кошевое атаманство и даже высший чин, однако я, привыкши к городскому житью, идти в Сечь не желаю, потому что, пришедши туда, в низовое войско, должен буду делать то, что войско захочет. Лучше мне в Хвастове до времени держаться, нежели вдруг неведомо куда оттуда уходить...»

Весной 1694 года Палий поехал в Батурин к Мазепе, прося помощи войсками и надеясь во время личной встречи урегулировать интересовавший его вопрос. Он не хотел оставлять Фастов и доказывал гетманскому правительству значение этой крепости для защиты Киева и «для охраны всей Малороссийской страны...». «Я нашел здесь край опустелый, — писал он Мазепе, — и работал около Фастова, как около своего хозяйства. Жаль мне сильно расставаться с этим местом, не только потому, что там много домостройства моего, пространное поле хлебом засеяно, умножились жители, но и потому, что я взял это место пустым и населил не польскими подданными, но от реки Днестра, частию из войска запорожского и из Волошского края... Церкви Божии, на славу имени Божия, украшенные устроил, чего непригоже покинуть», — так он писал и говорил гетману.

Мазепа сослался на царя Петра, не желавшего нарушать мира с Польшей, и посоветовал Семену Филипповичу «не раздражать польского короля».

Мазепа обнадежил Палия в милосердии со стороны царей за его верную службу. Он щедро угощал Палия в своем доме, относясь к нему с надлежащим почтением, и подарил ему пристойные дары. Вскоре Палий получил письмо от своего друга Франциска Замейского с извещением о необходимости покориться польскому королю. Воротившись от гетмана без надежды получить помощь из левобережной Украины, Палий послал к королю какого-то Папугу с жалобою на то, что поляки хотели выгнать его из Фастова и всей Фастовщины, и вместе с тем же Папугою отправил королю пленных татар, как свидетельство своей недавней победы над неверными.

Летом 1694 года крымцы неожиданно вторглись в Переяславский полк и нанесли чувствительный вред. Мазепа отрядил Киевского полковника Мокиевского и ахочих полковников Пашковского и Козменко под Очаков для своего военного промысла против неприятеля. Они переправились через Днепр и в августе соединились в запустелом местечке Лисянка с Палием, который по доброй воле выступил с ними в поход. Из Лисянки они пошли степью мимо Умани к Очакову.

По дороге встретили татарские отряды, окружили их и принудили сложить оружие. После этого Мокиевский и Козменко с восемью сотнями казаков отделились от Палия и Пашковского, подошли к городу и расположились станом в версте от Очакова. Третьего августа огонь, пожиравший неприятельский хлеб, возвестил мусульманам об угрожавшей им опасности; сначала из города вышло только пятьдесят человек, от которых Мокиевский и Козменко, раздробив свои силы, начали намеренно отступать к своему стану. Тогда четыреста человек турецкой пехоты и полтораста конницы, под предводительством очаковского бея, устремились за казаками. Густой дым препятствовал неприятелю видеть приближение к отступившим казакам другого их отряда. Вскоре Палий соединился с Мокиевским, и тогда казаки с превосходящими силами напали с разных сторон на турок; преследовали их до городских ворот, положили на месте двести человек, взяли в плен до трехсот мусульман, три бунчука и, отбив у них пятнадцать тысяч овец и 240 волов, возвратились с добычею домой.

В середине сентября 1694 года гетман Мазепа отправил в «Дикие поля» двадцатитысячный отряд под командованием наказного гетмана Черниговского полковника Якова Лизогуба. Соединившись с Палием, они ходили к устью Днепра, в Белогородчину. Добыли паланку под названием Ганкушлы, что находится над Днестром, сожгли много татарских сел. Забрав там двести человек ясыря, полки счастливо вернулись на Украину.

17 июня 1696 года умер польский король Ян Собеский. Королем Польши сейм избрал Августа Саксонского, который заклю-

чил союз с Турцией — Карловицкий мир. Обезопасив себя со стороны Турции, Польша стала менее заинтересована в казаках — защитниках ее южных границ. Правобережная Украина всецело оставалась в распоряжении Польши.

В августе 1699 года коронный гетман Яблоновский издал универсал «К наказному гетману Самусю, полковнику Палию, Искре, Абязину, Барабашу и вообще ко всем всякого звания козакам». Он извещал всех, что сейм Речи Посполитой постановил распустить казацкое войско. Предлагалось очистить занимаемую ими территорию и распустить полки. Вместе с тем он предупреждал об откомандировании на правобережье польского войска, которое принудит их покориться Речи Посполитой. Вслед за универсалом в Фастов явились ксендзы от католического бискупа, которому польское правительство предоставило фастовские земли, и потребовали от Палия сдачи правобережных казацких городов, на что Семен Филиппович ответил: «Я не уйду из Фастова. Я основал его в свободной козацкой Украине Речи Посполитой до этого дела нет, я же настоящий козак и вождь козацкого народа». Ксендзов посадили в тюрьму, а затем позорно изгнали из города.

Для осуществления решения польского сейма на правобережье были посланы войска, которые захватили Немиров, Бар, Винницу, Брацлав, вытеснивши оттуда казацкие гарнизоны. Сложилась очень напряженная обстановка, так как на Киевщине, в районе Белой Церкви, Черняхова, Бородянки и других мест, на зимние квартиры разместилось польское войско, грозившее наступлением на Фастов. На протяжении всей зимы происходили постоянные стычки с обеих сторон.

Палий отправил письмо Мазепе о невозможности идти на царскую службу, а в это время русская армия выступила в поход — началась Северная война. В ней участвовала и Польша, как союзница России против Швеции. Чтобы разрядить обстановку в отношениях с Польшей, Семен Филиппович на просьбу польского правительства послал для участия в войне отряд конницы и пехоты.

Воспользовавшись некоторым ослаблением фастовского полка, коронный гетман отрядил в поход на Фастов четырехтысячное войско во главе с генералом Брандтом, который попытался захватить Палия хитростью: отобрал несколько десятков человек и приказал им затаиться в лесу неподалеку от пасек, а в Фастов к Палию послал иудея, который прежде вел торговые отношения с Семеном Филипповичем. Иудей должен был прикинуться, будто приехал купить мед, и этим способом вытащить Палия к его пасеке. Но Семен Филиппович сам не поехал, а послал с иудеем своего пасынка Семашко. Когда Семашко был уже в четверти километра от города, один из пасечни-

ков дал знать, что близ пасеки в лесу скрываются какие-то люди и стоят, замаскировавши себя и лошадей ветвями деревьев. Палий послал человека предупредить об этом пасынка. Семашко тотчас убил в поле иудея, вернулся в Фастов,-собрал отряд конных казаков, пошел с ними на засаду и уничтожил ее.

Высланный Яблоновским отряд с региментарием Цинским был разгромлен. Палий заранее проведал о намерениях поляков и расположил часть своих казаков за лесом, а с остальными заперся в городе. Когда неприятель подошел к Фастову, то стоявшие в засаде напали на поляков в то время, когда Палий напирал на них из города, и таким образом враг был разбит. На всем правобережье начались волнения крестьян, которые перекинулись на левобережье. В апреле 1701 года польский гетман Потоцкий в универсале к шляхетским сеймикам с тревогою сообщал, что «козацкий полковник Палий стремится идти следами Хмельницкого, который зажег факел крестьянской войны».

В начале 1702 года в Фастове собралось совещание, на котором обсуждалась возможность всеобщего восстания на правобережье. На совещании присутствовали Палий, Самусь, Искра, Абазин и другие военачальники, а также представители крестьян, мещан, духовенства и мелкой украинской шляхты. Высказавшись за восстание, совещание обратилось затем с воззванием к православному населению. Был на этом совещании и поборник православия поэт Данило Братковский, ему и поручили составить призыв ко всем православным.

Палий развил бурную деятельность: он связался с Запорожьем и нашел там большую поддержку. В Фастовщину собираются казаки и беглые крестьяне с левобережья, Волыни, Полесья, России, бежавшие от непосильного гнета. Польских ставленников повсюду начали изгонять или попросту убивать. На правобережье была провозглашена вечная свобода от господ. Скоро восстание достигло Каменца, охватило всю Подолию.

В то время Белая Церковь была форпостом польско-шляхетского господства, и казаки приступили к осаде города, прибыл туда и полуторатысячный отряд палиевцев. Сам Семен Филиппович взял в свои руки руководство восстанием и, прибыв под Белую Церковь, стал руководить осадой крепости.

Оставив в одном месте засаду, он якобы отошел с войском прочь, комендант крепости Галицкий выехал из-за крепостных стен, чтобы осмотреть оставленные восставшими позиции, тут казаки, что были в засаде, бросились к нему, и комендант вынужден был бежать. Палий въехал победителем в крепость. Тогда польское правительство собрало большое карательное войско и вторглось в Подолье, разрушая повсюду города и села, расправляясь жестоко с восставшими. Таким об-

разом уничтожили около десяти тысяч человек, но дальше идти не решились.

Петр I, зная о популярности Палия на Украине, всячески призывал его действовать против шведов там, где в этом есть необходимость и «его величество велит». Семен Филиппович стал готовиться к новой войне и вскоре выступил на помощь Львову. Но Мазепа вел двойную игру, тайно подыгрывая шведам, и всячески пытался скомпрометировать Палия. Но фактов, уличавших Палия в измене, не было. Тогда гетман самовольно приказал схватить Семена Филипповича и заковать в кандалы, чтобы отправить в Москву.

Более полугода Палий с пасынком Семашко просидели под стражей в Батуринском замке. Оттуда в мае 1705 года их сослали в Енисейск на вечное поселение. Но по какой-то причине они попали вначале в Тобольск, а впоследствии их переправили в Томск. Более трех лет Семен Филиппович находился в Западной Сибири. Так что наш край узнал он предостаточно, много здоровья потерял в каторжных тюрьмах.

Лишь после перехода Мазепы на сторону шведов клевета на Палия стала очевидной, и его, и Семашко вернули сперва в Москву, где безвинно пострадавших ласково принял Петр I и поручил Палию командовать казацкими полками правобережья Украины. Ему вернули конфискованное прежде имущество. Палий тут же перешел к активным действиям против шведов, внезапным ударом нанес им серьезный урон.

И хотя по причине возраста и болезней он не мог уже разить врагов шашкой, одним своим присутствием он «воспламенял украинцев к подвигу», указывал им путь к победе и многое сделал для успеха в этой битве.

Вместе с русскими войсками он преследовал убегающего к Днепру неприятеля, оказываясь впереди московитян. В критический момент, когда русская кавалерия была смята, а пехота покинула недостроенные редуты и шведы уже кричали про победу, Палий с казаками напал на врагов с тыла, смял фланги и центр, отчего те, смешавшись, побежали к своим шанцам и потеряли генерала Шлипенбаха, взятого в плен вместе со штабом. Казаки же, преследуя шведов до их шанцев, провели позади себя колонну российской пехоты, и она, сильным залпом из пушек и ружей поразив шведские укрепления, ворвалась в них и погнала шведов во все стороны.

Так впоследствии писали историки.

Есть свидетельства очевидцев, послов евангелистской церкви, что казаки с русскими напали на шведов в их осадных траншеях, выбили их оттуда, пленили генерала Розена со многими офицерами и рядовыми. Министр финансов и любимец Карла XII Пипер в обозе вместе с его канцелярией и казной, боясь казаков,

приказал бить в барабаны и сдался коменданту Полтавы А. Келину. Обоз со всем лагерем достался русским.

На поле боя под Полтавой погибло десять тысяч шведов и три тысячи их взяли в плен. Московское войско потеряло убитыми и ранеными четыре с половиной тысячи человек. После полудня всем русским было приказано выстроиться. Петр поблагодарил всех за храбрость, устроил в шатрах пир, к которому были приглашены знатные шведские пленники — генералы и полковники. А за это время остаточная неприятельская армия оторвалась от наседавших на них казаков на тридцать километров. У Новых Санжер колонну отступавших догнал Левенгаупт, прикрывавший отступление.

Ночь для шведов выдалась тревожной — их беспрестанно беспокоили наседавшие со стороны Глотвы казаки Палия. За сутки шведы прошли почти семьдесят километров и, хотя они отбили стрельбой нападавших казаков у речи Кобелячки, все же отступили с этих позиций, при этом бросив оружие, знамена, значки, оставив раненых, около трех тысяч повозок. Казаки следовали почти вплотную, не оставляя им времени для раздумий. Днем 29 июня уцелевшее войско шведов спешно, на чем попало переправлялось через Днепр. В числе переправившихся был и король, — прощаясь с генералом Левенгауптом, он просил прощения за «несчастья, в которые вы мною повергнуты».

Не успел Левенгаупт привести в порядок свой корпус, как на возвышенности появилась кавалерия русских и казаки. Светлейший князь Меншиков включился в переговоры с неприятелем и подписал соглашение о капитуляции, таким образом присвоив себе честь пленения корпуса шведов.

О палиевцах умолчали. Битва, положившая начало возведению России в ранг великой державы, выиграна во многом благодаря казакам Палия. О них и об их предводителе в большинстве исторических документов даже не упоминается. Отставной полковник из Умани Черкасской области по крупицам восстановил правду минувшего времени. «По народному мнению, — утверждал историк Н.И. Костомаров, — Полтавская победа приписывается Палию. Когда царь Петр предложил Семену Филипповичу просить у него за неоценимое участие в битве и его высокую результативность всего, чего он захочет, он якобы ответил: «Прошу об одном — не опустошай гетманщину». «Пусть будет так», — сказал на это царь, доселе гневный за измену на Мазепу. И в этот момент Семен Филиппович прежде всего думал о простом народе, забытом и, как прежде, поруганном.

Такие выводы делает уманский потомок великого Палия. И скорее всего, так оно и было. Рядовые же украинцы остались без вознаграждений и уважения.

Вопреки указу Петра жить вблизи Киева «спокойну, и чтоб никаких гультяев при себе не держать, и с поляки никаких ссор не вчинать», Палий все же поселился в милом его сердцу Фастове и командовал Белоцерковским полком, непримиримо боролся против засилья поляков, выгоняя панов из их имений и провозглашая их земли вольным казацким краем. Был таким, таким и остался. Этот период активной борьбы против шляхты был последним в его жизни.

Войны, тяжкая сибирская ссылка надломили силы полковника Охочекомонного и Белоцерковского его царского пресветлого величества войска Запорожского. Он тяжело заболел. Перед кончиной собрал к себе в Фастов всю свою полковую старшину и произнес последнюю волю — после его смерти управление полком чтобы принял зять Антон Танский. Его волю выполнили.

Похоронен Палий в Межигорском монастыре, под Киевом. Сохранилось о нем множество легенд и песен, по нему вечная скорбь и вечная память украинского народа. Одна из легенд легла в основу поэмы Тараса Шевченко. Данило Мордовец назвал Палия «Воскресителем правобережья Днепра». Записки уманского исследователя это подтверждают.

После смерти Палия последовало восстание против засилья поляков. Казаки вновь проявили неиссякаемое свободолюбие, сумели отстоять государственность Украины, которую та сейчас обрела. На Великом Луге (Хортица) есть урочище под названием «Палиевщина». Неподалеку от него, через четыре версты, через Днепр, — памятник великому сыну Украины. В Фастове, на горе, показывают место, где долгое время возвышался замок — резиденция Палия. В Белой Церкви в знаменитом парке Александрия есть гора и дуб Палия, откуда открываются далеко степные просторы, которые так любил Семен Филиппович и за «самостийность» которых всю жизнь боролся. В народе наречен сказочным богатырем.

Такова судьба украинского героя, недюжинной, могучей натуры. Ненадолго ставшего сибирским узником, предка нижневартовца Виктора Остаповича Палия, вобравшего ратоборческие гены и проявившего их на производственной ниве, гены последовательности, своей собственной, не подменной позиции в наше непростое разноречивое время, гены несгибаемости и воли. Понять его можно, лишь исследовав исторические корни родословной, родовую линию. Подобно своему предку, присягнув однажды на верность россиянам, служит им верой и правдой, как бы ни препятствовали тому обстоятельства.

Стоило побывать в Полтаве.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Ласточки прилетели рано

В отчете депутат Государственной Думы от Нижневартовска, бывший генеральный директор Сибнефтегазпереработки Владимир Сергеевич Медведев в районной газете «Новости Приобья» в номере за 18 января 2000 года свидетельствовал:

«Российские регионы» старались сделать все, чтобы ускорить процесс стабилизации. Не все удалось. С одной стороны в качестве оппонентов выступала исполнительная власть в лице «молодых реформаторов» — тех, кто взялся за реформирование экономики, не имея ни управленческого опыта, ни профессионализма, ни национального патриотизма. Производство, рабочие коллективы, завтрашний день промышленных отраслей в стране — все эти понятия были для них пустым звуком: «Отнять и поделить» — вот слова, которые они понимали.

С другой стороны прагматизм депутатов часто вступал в противоречие с партийным диктатом, плохо прикрытым популизмом. Знаете, еще римский историк Ливий сказал: «Борьба между партиями есть и всегда будет гораздо худшая беда для народа, чем война и голод, мор или любой другой гнев».

Выдержка — своего рода объяснение тем многим нестыковкам, буквально засорившим повседневность. В хоре противоборствующих выкриков трудно понять и отличить истинное от наносного, фальшивого, третьестепенного. Проще констатировать происходящее. Объяснение дают последующие поступки противоборствующих, иные можно простить, иные, вроде Беловежского соглашения, никогда. Лето 2000 года не предвещало в Нижневартовске каких-либо серьезных разногласий. Палий не принимал ТНК — это знали, с этим свыклись. Он и не мог принять новых хозяев компании в силу своих убеждений. Упрекал альфа-групповцев за то, что покупали у добывающих предприятий нефть много дешевле, чем продавали ее. Таким образом уходили от налогов, уходили и от социальных нужд населения. С этим нельзя было не согласиться. Не могли не считаться с упреками и альфа-групповцы, кое-какие подвижки делали. Этим Виктор Остапович оказывал большую пользу государству и горожанам, округу.

К лету минувшего года Нижневартовскнефтегаза, как такового, уже не было. Из него выделили Самотлорнефтегаз, поручив ему разработку Самотлора. Дальние месторождения отдали Нижневартовскому нефтегазодобывающему предприятию — бывшей Нижневартовскнефти во главе с Фирдаусом Галеевым. Нижневартовскнефтегазу оставили сервисные ус-

лути, отправив многие предприятия в ЗАО. А весь комплекс наименовали «ТНК-Сибирь». Директором филиала назначили Олега Нама.

Прежние опытные коллективы тянули лямку исправно, справлялись с заданиями, но все же реконструкция вызвала некоторое замешательство. Как всегда оказалось значительным число сокращенных. Пенсионный ценз соблюдался строго — достиг пенсионного возраста: получи компенсацию и уходи. Это реальность, каковой при Палии и в помине не было.

Примечательно то, что одиозным противником альфа-групповцев стала частная газета «Семейный бюджет», редактируемая Вячеславом Семериковым. Из номера в номер она смело, рискованно разоблачала новых хозяев Самотлора, приводя такие подробности из настоящего и прошлого, что шапка с головы слетала. Куда там газете «Версии», что при еженедельнике «Совершенно секретно», Думскому комитету по безопасности! И ни разу альфа-групповцы не обратились в суд. Вот что странно! Герман Хан, Михаил Фридман, Петр Авен, Александр Файн и др. терпеливо сносили все публикации, видимо считая, что при текущей правительственной политике останутся безнаказанными — какая-то нижневартовская газетка им не противник. У них нефть — деньги, а с деньгами передавят не одну такую.

И все же публикации типа «Берегись! Работает «Альфа» с подзаголовком «Криминальная окраска деятельности консорциума «Альфа-групп» будоражили общественное мнение и тревожили «персонажей» публикаций. Члены консорциума активизировали свои средства массовой информации, часто посылали эмиссаров для встречи с городской администрацией с целью утряски отношений между городом и столицей. Им это удавалось. У них были деньги.

А начинался консорциум с небольшого кооператива «Альфа-фото», в свое время принадлежавшего Олегу Киселеву и Михаилу Фридману, ныне одному из богатейших людей мира. Следуя названной публикации, у «персонажей» протеста не вызвавшей, все девяностые годы в приемах и средствах не стеснялись. Олега Киселева выдавили из системы, выгородили двухуровневую, многопрофильную структуру, что обеспечило им хорошую организацию и невозможность отслеживания финансовых потоков. В 1997 году Палий и Дохлов вряд ли подозревали, с какой командой они встретились. И в Москве не подозревали, обратили внимание, когда команда захватила Самотлор, протянула руки к Нягани, Черногорнефти, Мегионнефтегазу, всей Славнефти, Лисичанскому химкомбинату на Украине, к Ачинскому глиноземному...

Надо признать, ей многое удавалось прибрать к рукам, потому что антимонопольное право не действовало, а другие оказались слабее «Альфа-групп», и те скупкой акций, заброской своих представителей в советы директоров, прочими несложными приемами переигрывали благодушных производственников. Не надо забывать, что и правительственная политика в вопросе о собственности способствовала такой успешной «экспансии». Способствовал президент ТНК Семен Кукес, много лет работавший в Штатах и в совершенстве владеющий подобными способами и методами.

Конечными хозяевами оказались все-таки более мощные зарубежные компании и банки. Они охотно давали займы под сырье, с условием сохранения выгодных для себя условий.

Примечательно и то, что газета с яростью обрушилась на доселе неприкасаемого главу администрации Юрия Ивановича Тимошкова. Газета припомнила и льготы, определенные ему городской Думой — весьма ощутимые, их размер равнялся примерно материальному благосостоянию пяти тысяч нижневартовцев. Разоблачения были, прямо скажу, шокирующими. Напомнили ему и о долгострое различных объектов, гонениях на сотрудников администрации, даже о физической немощи... Перехлестывали, конечно. Но во всяких обвинениях, говорят, есть доля истины. Тем более, что на выпады «Семейного бюджета» в то время* Юрий Иванович не отвечал, поясняя, что лучше дело делать, чем погрязнуть в склоках. Поговаривали о кандидатах на его место. Еще только осень подступала, далеко до выборов в январе, а уже пророчили то одного, то другого. Называли и Палия. Я знал твердо, что ему место главы администрации ни к чему, не будет он баллотироваться, но позицию газеты Виктор Остапович, похоже, разделял, что меня несколько смутило, поскольку еще не так давно отношения Палия и Тимошкова казались безоблачными.

Пробиться к Палию было не просто, но все-таки после моей поездки на Украину мы встретились, побеседовали. Я задал ему несколько вопросов. Записал ответы. Спустя месяцы поднял записи, перечитал и... почти полностью воспроизвожу здесь.

Итак, мы вдвоем за маленьким столиком, за чашечкой символического кофе, потому что у одного нет времени на долгие разговоры, другому надо успеть записать ответы, не потерять что-либо важное. Вышел из кабинета в жарком поту, но довольный. Одно дело взирать со стороны, совсем другое

*Позднее он предъявил газете несколько судебных исков за клевету.

тет-а-тет — беседа наедине, глаза в глаза. Именно так: Палий не любит, когда отводят глаза, пристально всматривается в собеседника. И тут важно выдержать его взгляд, не отвести свой.

Двоедушных он не признает.

Я очень дорожил отношением Виктора Остаповича и взгляда не отводил, зная эту его особенность. И незачем было отводить: моя позиция по проблемам нефтяных, вообще природных ресурсов совпадала с мнением Палия. В равной мере совпадала с позицией Дохлова и депутата Государственной Думы от нашего округа Александра Лотарева. Вот что говорил Лотарев, вернувшись с делегацией парламентариев и газпромовцев из Норвегии:

— У норвежцев нам есть чему поучиться. Мы традиционно считаем себя могучей нефтяной державой. А между тем маленькая северная Норвегия добывает углеводородного сырья 25 тонн в год на душу населения, в то время как Россия — только две тонны. Россия в год продает на экспорт свыше 120 миллионов тонн нефти, а Норвегия — 150 миллионов тонн. Почти все сырье идет на экспорт.

Интересен и другой факт: в норвежских нефтяных компаниях, разрабатывающих крупные месторождения, в качестве основного собственника выступает ГОСУДАРСТВО. В нефтяной компании «Норск-Гидро», чей опыт изучали российские законодатели, государству принадлежит 43 процента акций. Понятно, что при таком раскладе заработанные на месторождении деньги не уйдут за границу, а будут работать на отечественную экономику. В России же нефтяные компании, в отличие от капиталистической Норвегии, стали частными, и государство не имеет возможности влиять на их дальнейшую деятельность даже при разработке крупнейших месторождений.

Норвежский вариант Соглашения о разделе продукции мобильнее, применительнее к мировым ценам на нефть. Если государству выгодно осваивать недра на условиях раздела продукции, то ничто не может помешать ему в этом. В России и сейчас до конца не разработан механизм действия законодательства об СРП.

Вот то, о чем твердит многие годы Виктор Остапович, вот почему он непримиримо ко всем, кто действует вопреки этой «норвежской» целесообразности.

Не случайно, что в конце концов становится вице-президентом российско-белорусской компании «Славнефть», начальником главного территориального управления «Сибирь», предназначенного курировать Западную и Восточную Сибирь. Гигантские территории.

Он еще не имел своего офиса, беседовали в депутатской.

— Виктор Остапович, немного подробнее о создаваемом управлении, его возможностях и перспективах. Год назад Газпром предлагал Вам нечто подобное: создать управление по разработке газоконденсатных месторождений. Долго шли переговоры, но кончились ничем. Я верил, что в конце концов Вы обретете себе достойное применение. С Вашим-то опытом и работоспособностью! Но все-таки...

— Основным добывающим предприятием компании является Мегионнефтегаз. Остаточные извлекаемые запасы на его территории — 300 миллионов тонн нефти. Их недостаточно. Необходимо нарастить ресурсную базу (с этой целью и создано управление), где только можно — за счет тендеров, конкурсов, разведки, покупки лицензионных участков. Приходится очень тщательно отслеживать всю информацию, заниматься практическими вопросами. Уже сегодня за непродолжительный период моего участия в компании ресурсные запасы увеличены на 60 миллионов тонн. До конца 2000 года намерены увеличить их еще на 140миллионов тонн. Таким образом выведем «Славнефть» на самый высокий уровень обеспеченности запасами, что позволит увеличить добычу с 12 миллионов тонн в год до 20. Как вице-президент, помимо добычи я буду контролировать деятельность нескольких сибирских структур. Сегодня ведем переоформление ряда месторождений с правом на их разработку, создаем производственные подразделения. Дело движется успешно.

— Виктор Остапович, еще совсем недавно Вы поднимали на своем пятидесятилетии тост за здоровье Тимошкова, теперь против Юрия Ивановича. И прежде благоволили мэру. В чем причина внезапной перемены?

— Отвечаю. За время лечения главы нижневартовской администрации за рубежом и в Москве к нему часто наведывались эмиссары «Альфа-групп», не с пустыми, конечно, руками. Он по возвращении стал совершенно иным, чем был раньше. Широко открыл ворота ТНК, в выгодном для них ключе. Одобрил реорганизацию ННГ — по сути ликвидацию объединения, согласился на сокращение рабочих мест, покупку нефти у самотлорцев по явно заниженным ценам и т.д. С этого времени мое мнение о Тимошкове изменилось. Он не только глава администрации, он еще и член совета директоров. Может многое. Но ручной стал.

— Когда же начнет действовать «Сибирь»? До сих пор неугодные альфа-групповцам нефтяники оставались не у дел. Таких специалистов скопилось немало. Теперь явилась возможность использовать их в альтернативной структуре «славнефтевской».

— Действительно, альфа-групповцы захватили все, как в свое время большевики «на халяву» захватили российскую империю. Используя всяческие ходы-выходы, привязывая ТНК к зарубежным финансовым воротилам, на деле творят что хотят с подчиненными.

— Как в свое время большевики, есть сходство.

— ТНК подают всюду как процветающую, матереющую количественно и качественно компанию. Внутренне же система управления там, техническая и технологическая дисциплина дезорганизованы невежеством частников, выжимающих как можно больше и скорее — не для России, конечно же. Фактически неуправляемая, держащаяся на методах устрашения ТНК не имеет долгих перспектив — уж коли Вы привели в пример большевиков, то сошлемся на эту аналогию. Ей не завладеть ярославским «Оргсинтезом», Мегионнефтегазом, как завладели Нягапью, Тюменьнефтегазом, Черногорнефтью, Лисичанским химкомбинатом. Их «казачков» из совета директоров убрали. Не пройдет!

Это при всем том, что за спиной у альфа-групповцев американский и израильский капитал. Не позволим. Скоро переселимся в здание бывшего КИБбанка, начнем разработку месторождений в интересах трудовых коллективов и государства. Постараемся не оплошать. Посоревнуемся с альфа-групповцами, хоть они и владеют неизмеримо большим, нами в десятилетия создаваемым. Сырьевые отрасли должны быть государственными. К чему было их отдавать за просто так всяким и разным Фридманам — Авенам — Файнам. Какое имели право и разумение на это «младореформаторы», бесстыже глядящие на происшедшее из сегодняшних окон? У кого спросили?

— Вот именно — у кого?

— Намедни Уральский РУБОП изъял документы в офисах бывшего Нижневартовскнефтегаза, чтобы разобраться в передаче альфа-групповцам огромной собственности по явно несоответствующей цене. Намерен завести уголовное дело.

— Знаю, читал в «Семейном бюджете». Но, уверен, спустят на тормозах, — как иначе, если президент категорически против конфискации и национализации.

— Возможно, но — пример с большевиками: сколько веревочка ни вьется... Впрочем, Владимир Владимирович не исключает возврата нечистоплотно присвоенной собственности через суд.

— Суда не будет. Сила у того, у кого деньги и собственность, их производящая. Не будет его! Документы вернут, альфа-групповцев снова простят.

— Вы правы. Да, пожалуй...

— Многие пророчат, что Палий рвется в главы администраций. Я всем заявляю: такого не произойдет — на кой черт

Виктору Остаповичу эта юдоль. Он изначально производственник, и замены адекватной ему нет.

— Баллотироваться в январе 2001 года, действительно, не намерен, но безучастным в интересах города к этому не останусь. Жалею, что прежде оставался. Меня ТНК не победила, не сломали даже с помощью отдельных федеральных органов, членов прежнего правительства и вице-премьеров, судей, хоть и отстранили от родного детища — Нижневартовскнефтегаза и объединение растащили на куски. Нет, не сломали! Но у меня осталось горькое чувство недовольства собой, за то, что немного не учел обстановку и позволил себя переиграть. Сейчас мой потенциал востребован в «Славнефти», пока не на полную мощность, могу больше, но все равно созидательную государственную работу буду осуществлять добросовестно. Президент Гуцериев сказал недавно, что успел сделать столько, сколько другим удавалось за годы. Лестно.

— А что сын Роман?

— Из совместного предприятия ушел. В ТНК «Сибирь» у Нама.

— Не теснят?

— Нет, не теснят... Предвижу следующий вопрос. Нет, к учредительству яростного «Семейного бюджета» отношения не имею, ни к учредительству, ни к финансированию отношения не имею. Напрасно это мне приписывают. Иногда выступаю в этой газете, но потому, что в других средствах массовой информации на порог не пускают либо запрашивают непомерные деньги. Лучше я эти деньги отдам нуждающимся, которыми всегда полна приемная. И отдаю. «Семейный бюджет» финансируют многочисленные малые структуры, которым отказали в содействии ТНК и городская администрация. Нет, это не моя газета.

— Слава богу, а то там такие дровоколы, что за каждую заметку можно подать в суд. Грубые оскорбления, неподтвержденные факты. Странная какая-то журналистика... Никакой ответственности за слово. Хотя, конечно, оппозиционность имеет право быть, сама по себе интересна, но не в таком же беспардонном вареве, абы что изречь, а там хоть трава не зеленей...

— Что еще, господин писатель?

— Следующий вопрос — что с досугом, какой он? Для души какое занятие? Предвижу и ответ, господин депутат областной Думы: дача... Хотелось бы посмотреть своими глазами, много наслышан...

— Именно дача. Можно и посмотреть, чтоб понять, сколько сил и напряжения, времени требует земля. Чтоб ощутить гармонию природы, люблю ходить по земле босиком. Хочу, чтобы

все ощутили гармонию природы, делали свою работу вдохновенно и красиво, не спустя рукава. Безо всего этого ты пустой сухой человек. Без смысла жизни. Очень обедненный.

Вот такое интервью.

А «разоблачения» Тимошкова на полосах «Семейного бюджета» продолжались с тою же безапелляционностью, перемыванием одних и тех же ситуаций. Я удивлялся, почему безмолвствует городская газета «Варта»? Позвонил главному редактору Страбыкину, которого «Семейный бюджет» тоже порицал, как порицал Тамару Козлову, директора телестудии, родственнику Тимошкова. Во мне говорил и азарт публициста. Семейнобюджетовцев легко было уличить во многом, и я сказал об этом Страбыкину, он ответил, что пусть лают собаки, пока караван идет. В декабре, перед выборами, им ответят.

Я сказал, что может быть поздно. Слово, даже врачливое, тлетворно действует на читателя, тот невольно начинает соглашаться.

Тимошкова я не знал, только встречал многократно, наблюдал со стороны. Складывалось впечатление, что это добрый, слегка простодушный, слегка упрямый человек, волей судьбы брошенный в водоворот новейших событий и оказавшийся на прицеле у многих. И тут Тимошков вынужден был меняться, занимать какую-то позицию, принимать аплодисменты или наоборот.

Ясно мне было одно: баллотироваться в начальство он будет, к нему привыкли в городе, он может пройти в главы администрации. Ему нужен очень серьезный соперник, потому что из-за привычки к Юрию Ивановичу, его властных возможностей число сторонников у Тимошкова велико. Петерман, президент «Славтэка», не будет баллотироваться, Палий не будет. Тогда кто же составит серьезную конкуренцию упрочившемуся в должности мэру? Не виделось такой фигуры. Но она найдется. Уверен был, что противная сторона не дремлет, ломает голову над этим. И кандидатура найдется. Нашлась!

Мне хотелось в эти дни встретиться с Тимошковым. Не получилось, но в отделе кадров взял его биографические материалы, частично увязанные с недавним юбилеем.

Вот что представлял собой человек, на жизнь которого дважды покушались, имя которого стало предметом многих споров, полемик задолго до выборов января 2001 года.

Итак, Юрий Иванович Тимошков.

Родился полвека назад в селе Казанском Тюменской области. В семье кроме Юрия было еще четыре сына. Отец —

участник войны. Родители скончались. Жена Людмила трудится в городском центре санэпиднадзора. Дети: сын Максим 25 лет, дочь Анастасия. В 1975-м окончил Тюменский индустриальный институт по специальности инженер автомобильного транспорта. Получил второе высшее образование по специальности политолог. Обучался в Нью-Йоркской академии менеджмента и Японском институте исследований.

Работать начал с восемнадцати лет. После института в Нижневартовске назначили вначале старшим инженером автобазы, через полгода перевели начальником производственно-технического отдела. И дальше пошел на повышение. А прежде, до института, служил в Туркестане в звании старшины роты, в дальнейшем получил звание майора. Награжден медалями «За воинскую доблесть» и «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири», орденом «Знак Почета».

Похоже, принадлежит к типу русских людей, которые любят перегрузку до полной усталости и стремятся преодолеть преграды. Прост в обращении, ценит порядочность и искренность. Никогда не курил, не жил в роскоши и не стремится к этому. Единственная роскошь, которую иногда себе позволяет, — это общение с дорогими ему людьми.

Пригодились и данные с юбилейных торжеств: стабилизировалась ситуация у нефтяников, город, благодаря «дальновидной и гибкой политике мэра», выжил, выстоял; появилось множество предприятий различных форм собственности; решена проблема тепла, реконструированы дороги, создана мощная система социальной защиты населения и т.д.

В юбилейной листовке упоминалось, что Юрий Иванович в свободное время заядлый рыбак, охотник, дачник, любит почитать книги. Любит природу. Еще он ветеран труда. Награжден вторым орденом «Знак Почета» и Почетной грамотой Правительства Российской Федерации, почетный гражданин Нижневартовска.

Петерман

Оппозиционный блок складывался тайно и одновременно явно. И в нем не последнее место занимал президент «Славтэка» Александр Петерман, депутат городской Думы. Человек при больших деньгах, но к деньгам равнодушный, он помог мне издать второй том, хоть и пришлось побегать изрядно. Я относился к нему с интересом, даже опубликовал во втором томе очерк о его семейной династии «Звон клин-

ка», давший заглавие всей книге. Дело в том, что дед Александра Анатольевича Яков был лихим рубакой в кавдивизии Щорса, отсюда сабельная сеча, всхрапы коней. Сам Александр Анатольевич в очерке не очень нуждался, его больше привлекала газетная скорострельность, но я настоял. Еще и потому, что хотел разобраться в Петермане, слишком разноречивые слухи витали о нем в городе.

Впечатление он оставил хорошее и, видимо, был и есть порядочный, талантливый человек на самом деле. Он не довольствовался вторыми ролями, постоянно напоминал о себе в газетах, неизменно критикуя мэра и администрацию, приветствуя благотворительность, спорт, духовное здоровье молодежи. И всегда утверждал, что в мэры баллотироваться не намерен. И это было правдой, иначе бы прощай бизнес! А вот депутатское место в городской Думе он забивал накрепко. Бывая по делам финансирования второго тома в его офисе, встречал Палия, депутата Сергея Капрелова, депутата (бывшего) Верховного Совета Владимира Тихонова, что говорило об их общности. Впрочем, Владимир Тихонов не очень с ними соглашался, но на компромиссы шел, видимо, по каким-то вопросам, и встречались в уютном коттедже среди сосен и кедров — в офисе «Славтэка».

Позиция Александра Анатольевича в отношении администрации, лично Тимошкова, горожан была неизменной. Он повторялся в публикациях, но имидж себе создавал выгодный. Это было очевидно. И все-таки когда выборы в городскую Думу назрели и Александр Анатольевич выдвинул свою кандидатуру, этого показалось или даже оказалось мало, помимо других разыскали и меня, попросили сказать доброе слово. Я подготовил в городскую газету панегирик на две печатные страницы, уверенный, что Александр Анатольевич его заслуживает. Таких панегириков собрали на полосу, намереваясь дать накануне выборов, а перед этим снова провели интервью с кандидатом.

В интервью он похвально отозвался о Палии, который, как я и предполагал, предпочел производство, но не управленчество, не баллотировался в мэры, что не помешало Юрию Ивановичу заметить, что он собрал против него крепкую команду. Если так, то Петерман был одним из этой команды. Явно он был в пути, крепкий, мужал. Заботился о здоровье и имидже, вероятно полагая, что молод и у него еще все впереди.

Закладывал в городе новые спортивные объекты, финансировал игровые мероприятия, пригласил перед Новым годом в город известного борца Александра Карелина. Бичевал своего давнего подельника по бизнесу Вячеслава Шев-

ченко, много задолжавшего городу на продаже нефти и проживающего в столице. При этом оговаривался, что за прямоту и неподкупность его каждые полгода хотят убить. О таких попытках было известно в городе. Работая над книгами или газетными статьями, я всегда беру рабочий телефон своих героев: мало ли что потребуется спросить, уточнить во время подготовки материала. Петерман единственный, кто телефона не дал, думаю, поосторожничал не случайно — кто знает, где может проговориться писатель либо журналист.

Осторожничал Александр Анатольевич, хотя все мне говорили, что он очень доступный. Со мной таким не был. Но пришло время, попросил разыскать внук боевого конника из дивизии легендарного Щорса. История продолжалась, но на новом витке: Яков боролся за идеалы большевизма, его внук — за истинную капиталистическую демократию. Бизнесмен, богатый человек, он, в отличие от коллег-предпринимателей, совершенно равнодушен к деньгам, они — его работа. Охотно отдает их в налоговую инспекцию, на общественные благотворительные мероприятия и частным, вроде меня, просителям. Безукоризненно одевается, умеет слушать собеседника, не проронив ни слова. Вообще, скуп на слова. Скуп на эмоции. Взгляд напряженный, пытливый. Встречался с ним на юбилее Палия, на банкете у журналистов 13 января в ресторане «Юность». Он из когорты «новых», но серьезных, про которых анекдотов не сочинишь и в легкомыслии не обвинишь.

Но если Палий не хотел оставаться в стороне от выборов главы администрации, то Петерман тем более. И вот фигура кандидата — противника Тимощкова определилась. Полагаю, наиболее удачливая из всех — Сергей Великий. Глава нефтяного предприятия, принадлежащего «Славтэку». К Сергею Великому, которого мало знают в городе, хотя он давно на Самотлоре и других месторождениях, вернемся позже. Знаю Великого не понаслышке, работал с ним, писал о нем.

Должен при этом добавить, что все эти люди много помогали мне в моих попытках констатировать действительность.

Было даже так. После выхода второго тома совет исторического городского общества послал в центральный московский офис компании и опубликовал в газете «Варта» просьбу следующего содержания:

«Миссия.

От господина Кукеса зависит наше знакомство с Америкой.

Мы, члены совета исторического общества г. Нижневартовска и района, решили обратиться к президенту ТОК г-ну Куке-

су с просьбой помочь нам выполнить историческую миссию: издать на средства нефтяной компании две книги местного писателя Николая Смирнова за рубежом, а точнее, в Нью-Йорке, на языках английском и эсперанто. А также обеспечить поездку нашего писателя в различные районы Америки, где проживают русские эмигранты и их потомки, для встреч с соотечественниками. Это даст возможность представить им книги нижневартовского автора, познакомить далеких друзей с нашей историей и повседневностью, важными событиями и открывающимися перспективами.

Надеемся, что г-н Кукес откликнется на наше обращение и поймет важность предлагаемого нами проекта».

Напрасно надеялись: г-н Кукес пробезмолвствовал. В чем я и не сомневался. Несколько лет назад, будучи работником Нижневартовснефти, через ту же «Варту» я обратился с просьбой к возможному спонсору отправить меня с популяризаторской целью в Штаты. Тогда очень много и нерезультативно катались в Барух-колледж. Я обещал статьями рассказать больше, сократить необязательные вояжи. И что же?! Гумерский отчитал меня в той же газете, язвительно заметив, что операторы дожимных насосных станций в их реестре не значатся, хотя к Нижневартовснефти и Гумерскому — генеральному директору я не обращался. С тех пор охота к дальней «перемене мест» отпала. И потому я равнодушно воспринял восклик совета исторического общества, заранее предвидя финал.

Трудно с финансированием книг. При Палии финансировали, при альфа-групповцах наглухо захлопнули двери. Петерман, Палий, Дохлов, Великий не оставили в нужде. Еще у меня осталась своя позиция. И с нею на руках соприкоснулся с Петерманом, ставшим моим персонажем. Нет худа без добра. Маричев, прослужив необходимое время арбитражным управляющим, по завершении процедуры банкротства, благополучно отбыл в Москву. Говорили, что на этой должности получал баснословные деньги, жил припеваючи. Отчитался в одночасье, передал «ключи от кабинета» новому генеральному директору и благополучно избылся. Встретиться при всем желании не удалось. И попытки с моей стороны были слишком слабые, вялые.

Пусть их, списали и списали. Мир не без добрых людей.

Возвращаясь к Петерману накануне выборов, замечу одно обстоятельство: блок государственников по сути и духу очевиден, его не смахнешь просто так с пути, и уверен, что он будет крепнуть и набирать очки, ситуация и сегодня благо-

приятная, завтра может оказаться еще благоприятней, ибо президент и Госдума, правительство все больше убеждаются в правильности здорового государственного подхода в общей российской тенденции. Предполагаемый союз с Белоруссией эту тенденцию укрепит, и меньшинство может оказаться решающим на ключевых направлениях. Убедит в своей правоте многих.

Петерман признаваем в равной мере альфа-групповцем Германом Ханом и президентом «Славнефти» Михаилом Гуцериевым, а это что-то да значит.

Гуцериев ворвался стремительно

Именно так оно и было: ворвался Михаил Сафарбекович в Нижневартовск, иначе и не скажешь. Его яркие пламенные речи на пресс-конференциях поразили даже видавших виды журналистов. Альтернатива ТНК наконец-то появилась. Теперь не одни они могли засылать «казачков» в советы директоров, устраивать игрища в дни праздников, благоволить городу и считать его своим. Похоже, в регионе при наличии Палия их «экспансия захвата того, что плохо лежит», кончилась.

Что было, то было. Виктор Остапович учел свои промахи в противоборстве с частниками. Не давая им спать спокойно, перешел в контратаку. Думаю, что визит Гуцериева произошел не без его инициативы, не без его подачи погнали альфа-групповцев из совета директоров Мегионнефтегаза, спохватились по поводу теряемого ярославского Нефтеоргсинтеза. Дело зашло слишком далеко, коль гласно альфа-групповцы заявили о слиянии «Славнефти» с ТНК, что подразумевает все ту же «приватизацию» за бесценок, путем тихой и всякой иной скупки акций этой государственной собственности. Видимо, Палий проинформировал Михаила Сафарбековича, и тот дал предупредительный ход преуспевающим альфа-групповцам.

Дело было в конце августа. Михаил Сафарбекович налетел как вихрь, открыто «объявил войну «Альфа-групп».

Гуцериев заявил:

– Я приветствую ТНК. Пусть она покупает государственный пакет акций, но не за 100–200 миллионов долларов, то есть за бесценок, как они поступили с другими компаниями. Так не пройдет. Пусть покупают честно, на аукционе, по рыночной цене, то есть за 2–3 миллиарда долларов... ТНК ведь была сильной, потому что другие были слабыми.

Поступать всегда надо правильно. Не знаешь как быть? Поступай благородно.

Компания к этому времени уверенно шла по России, покупая на аукционах все новые месторождения, открывая филиалы в тех районах, где активно проводилась разведка новых месторождений, увеличив добычу до полутора миллионов тонн в месяц. Только в прошлом, 2000 году прибыль составила более 1 миллиарда 200 миллионов долларов. «Славнефть» купила более пятидесяти автозаправочных станций в Москве, усовершенствовала технологии двух нефтеперерабатывающих заводов, привлекла инвестиции в размере шестидесяти восьми миллионов долларов для строительства газотурбинной станции. Недавно в очередной раз подняла зарплату.

Каюсь, данные взял из «Семейного бюджета», полагая, что позитив не преувеличен.

Выяснил я также, что средняя зарплата нефтяников Мегиона составляет в среднем 10 000 рублей в месяц. В Нижневартовске промысловик за ту же самую работу имеет 6 200 рублей. С начала года в Мегионе сдали в эксплуатацию пять девятиэтажек и две малоэтажки. В Нижневартовске — ни одного дома.

Что правда, то правда, строить в городе ТНК не собиралась, зато шоу создавали грандиозные, зрелищные.

Еще я из газет узнал и убедился воочию, что многие нижневартовские автолюбители ездят заправляться в тот же Мегион — бензин на тридцать процентов дешевле. То дешевле, это лучше — могли ли стерпеть альфа-групповцы? Нет, протянули руки и к «Славнефти».

Михаил Гуцериев:

— Скоро начнем реализацию плана присоединения ТНК к нашей государственной компании. Если Тюменская нефтяная компания одумается, всерьез займется проблемами Нижневартовска и прекратит свои подходы к нам, возможно, не будем отправлять ее на свалку рыночной экономики.

В подтверждение его слов исключили представителей ТНК из совета директоров Мегионнефтегаза и ярославского завода «Нефтеоргсинтез», заполнив образовавшийся вакуум своими людьми. По мнению М. Гуцериева, альфа-групповцы запутались в многочисленных оффшорных компаниях и перепутали свои банковские счета с чужими. Давно перепутали.

Но что же известно о самом Михаиле Сафарбековиче Гуцериеве?

Родился в 1958 году в Целиноградe. Окончив школу, работал грузчиком. В 28 лет он занимает пост генерального директора производственного объединения. Окончил вечернее отделение технологического института, Московскую финан-

совую академию, Губкинский институт нефти и газа в столице, аспирантуру Санкт-Петербургского юридического института.

Кандидат юридических наук. Доктор экономики. В 1988 году совместно с итальянским предпринимателем создал в Чечено-Ингушетии совместное предприятие — мебельную фабрику, первый в СССР кооперативный банк. Сформировал и возглавил промышленно-финансовую корпорацию БИН. Возглавил в Ингушетии свободную экономическую зону.

Был заместителем председателя Государственной Думы. Президент российско-белорусской нефтяной компании с января 2000 года. Награжден орденами и медалями. Известен как меценат, спортсмен.

Был одно время в партии Жириновского — в ЛДПР, но ушел, стесненный ее рамками. Ярко проявился в роли президента «Славнефти», но для двух заводов — Мозырьского и в Ярославле — нефти не хватает, приходится докупать шесть миллионов тонн. Встает вопрос о новых месторождениях. Разрыв между добычей и переработкой намеревались преодолеть. К этому времени у ТНК оказалось 33% акций ЯНОСа, и она решила заблокировать первый этап реконструкции завода, чтобы открыть «зеленый свет» Рязанскому НПЗ. Так это выглядело в телетрактовках президента. Но этому не суждено было осуществиться, завод реконструировали, потратив 58,5 миллионов долларов.

Обозначился и конфликт с ТНК, вознамерившейся получить контрольный пакет акций «Славнефти». Гуцериев принял ответные меры. И в этом, нетрудно предположить, Палий оказался кстати. Союз неслучаен. Он продиктован обоюдным желанием этих государственников создать более мощное образование, чем есть, и влиять на рынок в большей мере, чем российско-белорусская компания влияет. Вплоть до скупки акций этих компаний, например «ОНАКО», «Роснефти». Поглощение ТНК скорее желательное, чем возможное, сказанное, возможно, в запальчивости. Но важно то, что до сих пор ТНК шествовала победоносно, под предводительством альфагруповцев поглощая многое, практически без сопротивления.

Кое-кого это встревожило.

Нетрудно предположить, что газетные полосы и телевыпуски запестрели выпадами в адрес Михаила Сафарбековича. Обвинений нашли предостаточно, а потом этот «девятый вал» сошел постепенно на едва заметную рябь по воде, но конфликт нельзя было считать исчерпанным, сражения еще предстояли.

Предстояли они и на выборной ниве в Нижневартовске.

Так кто же он, Сергей Великий?

Итак — основным претендентом на пост главы городской администрации оказался не Палий и не Петерман, а Сергей Станиславович Великий, широкой аудитории доселе неизвестный, но очень хорошо известный нефтяникам. Он трудился долгое время в Нижневартовскнефти, начальником цеха, имея типичную для молодежи советской поры биографию: армия, институт, производство с низовых ступенек. В должности начальника цеха он дерзал плодотворно и в одночасье оказался главой добывающего предприятия «Колек-Еганнефть», учредителем которого или соучредителем оказался «Славтэк», считай, Петерман. Великий — человек осторожный, приглядистый, дружил с альфа-групповцами, даже способствуя им в банкротстве Няганьского предприятия добычи. Долго занимался в городке вне района.

Я часто заходил к нему, с первых дней помещал в «Нефтяник» заметки о «Колекъеганнефти», подолгу беседовал с Сергеем Станиславовичем о том о сем, о житье-бытье, в результате чего родился биографический очерк о нем для первого тома «На стремнине жизни». В разговоре с Виктором Остаповичем как-то назвал его умнейшим человеком. В сущности так оно и было. Думаю, что Палий и сам скоро убедился в этом: дела Великого шли в гору, он преуспевал. Создал кроме «Колекъеганнефти» еще «Узуннефть» и Нижневартовскую нефтяную компанию. И это при всем том, что соседствовать с компаниями-гигантами непросто, очень проигрышно. Великий умел налаживать мосты и с гигантами, постепенно сам крупнея.

Вот на него-то и пал выбор противников Тимошкова. Денег не пожалели, и о Сергее Станиславовиче пошла реклама, сам он часто выступал перед людьми, и знали его многие. Но вопрос «Кто такой Сергей Великий?» все-таки был. И его следовало снять, чтобы выиграть выборы. А времени оставалось мало. Близился две тысячи первый год.

Петерман баллотировался в городскую Думу. В своем интервью городской газете он похвально отозвался о Сергее Станиславовиче, назвав «Колекъеганнефть» славтэковским предприятием. Фигуры заняли свои места. Офис Сергея Станиславовича располагался неподалеку от моего дома, я зашел к Великому и одобрил его решение пойти в политику. Он, кроме того, что баллотировался в главы администраций Нижневартовска, возглавил местное отделение партии «Единство» вместо оставившего лидерство Андрея Пяссцкого.

Мне в прежнюю пору пришлось присутствовать на нескольких организационных заседаниях «Единства». Заседания походили скорее на производственные или профсоюзные отчетные совещания, куда собрались для того, чтобы подвести итоги, поделить еще непроизведенное. Очень скоро движение как бы зависло, уперлось во что-то. Видимо, это понял сам Андрей Пясецкий, заместитель главы администрации по здравоохранению, поняли другие. Во всяком случае перемена мест состоялась без особого шума-треска.

Великий оперировал уже иными понятиями, смотрел шире и дальше, зная, куда вести и как двигаться. Его сподвижники баллотировались в Думы различных уровней, знали твердо, чего они хотят и зачем пришли в «Единство». Теперь противная Тимошкову сторона делала ставку на проправительственную партию. Она как бы оформилась организационно в оппозицию, имея шанс переиграть иных в городе. Понятно было, что сокрушение Тимошкова сильно бы осложнило положение альфа-групповцев, и догадываюсь, что те тоже не бездействовали.

Неожиданно, конечно, что именно Сергей Великий стал оппонентом Тимошкова, но подобных неожиданностей повседневность рождает немало, без них не обойтись. А как же иначе? Чтобы заявить о себе, надо выйти на широкий, что называется, круг. Выйдя, быть признанным и оцененным. Испытания, испытания... Их немало выдержал Сергей Станиславович на производстве, предстояло выдержать в ином «поле». Он к этому оказался готов.

Четырнадцатого января предстояли выборы.

* * *

Первый день третьего тысячелетия, морозный, застойный, плотный. Елка сияет, но прохожих немного: отшумели в предыдущую ночь. Но шумит телевизор. Наша Госдума празднует Новый год на телеканале. Дают второй прогон действа: Черномырдин, Чубайс, Кобзон, Березовский, Жириновский... Такова Россия. Вернулся доктябрь смутного года. Нормально. Жить надо по-людски, но хорошо бы всем нормально, не только политическому бомонду. Путина нет. Он на Красной площади, но о нем короткометражный фильм. Действующие лица подлинные: он сам, его жена, депутаты Госдумы и члены правительства. Впечатляет больше сам Путин: не играет — живет ситуацией.

Хочется не гонки — нормальной жизни.

Но предстоит борьба, — 14 января ее финал, а может, новое продолжение. Кто же станет главой администрации, чья возьмет? Листовки Великого, его портреты всюду, заполонили почтовые ящики, украсили заборы, газеты. Воля времени взметнула незаметного доселе Сергея Станиславовича на гребень выборных баталий, вмиг сделала видимым отовсюду. Вот как бывает. Но результат для всех пока загадка.

Дай им Бог мира и творчества!

Если и борьбы, то честной, без подсидок и оскорблений. Высшие моральные, нравственные законы взыскуют к объективности и высшим идеалам.

Последуем им.

Александр Анатольевич Петерман баллотировался в городскую Думу. Я похвалил его заметкой в городской газете. Работать надо умно, толково, напористо. Работаем пока нерезультативно. И частное владение этому не способствует. В приемную к С. Великому пришел буровик с жалобой на то, что платят мало, рабочий день с дорогой длинен, постоянные реорганизации замотали. Мостовики-солохинцы, акционировавшись, выкупили государственные акции, остались хозяевами мощностей и хозяевами положения. Выкупил Сургутнефтегаз и тоже остался таковым.

Нижневартовск упустил такую возможность. Упустил Регион.

Перед Новым годом наведавшийся в Нижневартовск Гуцериев заявил журналистам, что с ТНК достигли согласия, представители компании возвращаются в дочерние предприятия «Славнефти» соответственно с их пакетами ценных бумаг. Не получилось у него с удалением «казачков» — поздно спохватились. Не то время: частное владение сырьевых предприятий — государственная политика, и менять ее не собираются. Помните путинское из книги: «Национализация и конфискация собственности? Вот этого уж точно не будет...»

Но хорошо, что хоть на полпути спохватились в белорусско-российской, ударили в набат, иначе полная ассимиляция. Альфа-групповцы на марше боевом. Вроде того: мирись, Кавказ, идет Ермолов. Запасы природные скоротечно иссякают. А человеческий алчущий рот ненасытен...

Мой личный исследовательский опыт показывает, что там, где хозяевами остались трудовые коллективы, там дела спорятся и крепнут, жизнь на территории остается рентабельной. Иначе обстоит со «счастливчиками» — обладателями огромных дармовых ценностей, есть вопросы, есть сомнения. Дармовое, оно и есть дармовое. Бриллианты, золото, нефть, алю-

миний, — да где это видано, чтоб общенациональное — нескольким. Одумайтесь! Не делайте важных лиц, не растопыривайте пальцы на трибунах. Верните собственность нации ей же!

Глухо вокруг, нет отклика.

Повторюсь: там, где хозяевами остались трудовые коллективы, там дела спорятся и крепнут. Пример тому сургутский «Мосстострой-11», сохранивший у себя в руках наличность и специалистов, событие 16 сентября прошлого года подтверждает это. И это обязывает посвятить чудесникам речных «переходов» отдельные странички.

* * *

Я бы так ничего больше и не сказал, ограничившись упоминанием о Гуцериеве в Мегионе и Нижневартовске, но по материалам прессы, из других источников заключил, что российско-белорусская «Славнефть» признана одной из лучших и перспективных на отечественном рынке. Многие аналитики напрямую связывают это с президентством Михаила Сафарбековича. Он победил в номинациях «Лучший менеджер государственной компании» и «Лучший менеджер нефтяной отрасли», сформировал новую структуру управления компанией, и теперь она абсолютно централизованная. Полностью восстановлена управляемость предприятиями. Одновременно с ростом добычи нефти ведется прирост запасов сырья, модернизируют действующие мощности, создают систему сбыта нефтепродуктов. Более пятисот автозаправок трудятся под флагом «Славнефти». Новые технологии позволяют снизить себестоимость добычи продукции, дешевле прежнего стоит один метр проходки горных пород. Строит «Славнефть» свои газотурбинные станции, сама производит электроэнергию. Пять процентов прибылей тратят на науку и конструкторские разработки. Совместно с «Бритиш Петролеум» вложили средства в Ярославский «Оргсинтез» — производят и реализуют авиатурбинный керосин на внутреннем рынке и в странах Европы. В основном потребителями керосина станут компании «Бритиш Эрвейс» и «Люфтганза».

...Сотни миллиардов рублей оборота в год, сотни миллионов рублей прибыли. Зарубежными кредитами себя не обременяют, обходятся собственными средствами. За неполный минувший год заработали 21 миллиард рублей прибыли. Начислены большие дивиденды. У компании самое

большое число налогов на тонну добытой нефти. Каждый четвертый рубль бюджета Ярославской области из налогов «Славнефти». За минувший год компания заработала в два-три раза больше, чем остальные нефтяные образования.

Производственные успехи и прибыль позволяют тратить деньги на многие благотворительные нужды, и не только в местах дислокации.

Миллион долларов выделили храму Христа Спасителя, построили жилье и церковь в Мегионе, приют для девочек в Ярославской области, дом ребенка в областном центре, мечеть в Солнечногорске, буддистский храм в Бурятии, финансируют мечети в Казани и Ингушетии.

— Компания — социально направленная, — поясняет Гуцериев. — Извлечение прибыли должно быть через ее капитализацию. Запасы нефти за последний год увеличились вдвое и достигли шестисот миллионов тонн. Растет сеть АЗС. Это и есть ее капитализация. Сумели приобрести шестьсот грузовых автомобилей для Мегионнефтегоза, 139 легковых автомобилей в бесплатное личное пользование. Дивиденды на рубль выше, чем у других компаний.

С ТНК нашли конструктивную позицию. Представители «танкистов» снова войдут в советы директоров, но при всем том мы должны платить хорошие налоги, высокую зарплату, строить бесплатное жилье, развивать производство. Город, люди — не пустой звук. А так, чтобы выжать все и выбросить, я этого не позволю. Только на таких условиях можем вести с ТНК диалог.

К началу года запасы нефти «Славнефти» выросли до миллиарда тонн. Приобретены новые месторождения. Всего их восемнадцать. Крупнейшая сургутская Обьнефтегазгеология с запасами в 80–90 миллионов тонн переходит в «Славнефть», разработкой их будет заниматься «Славнефть-Нижневартовск» под руководством Палия. Приобретем еще одно месторождение. Никаких переговоров с Виктором Остаповичем на тему выборов не вели, давлений никаких, боже упаси, не было. Он сам принял решение. У него прекрасная перспектива создать здесь мощную нефтедобывающую компанию. Поддержим все задумки и начинания. У Виктора Остаповича большой опыт, знания, свое умение и мнение, упорство. Он занимается развитием добычи в «Славнефти», а вы выберите себе достойного мэра. Мы хотим влиять на законотворческий процесс и законодательную власть, но не стоит воспринимать «Славнефть» агрессором. Ее нужно воспринимать как игрока, который хочет сделать все возможное для компании и людей, связавших с нею свою судьбу.

А ближайший мой план — купить ТНК. Все, что продается, будет покупаться. То, что я говорю, я делаю. Только Обьнефтегазгеология принесет компании 120 миллионов рублей чистой прибыли. Принесут ее другие предприятия. И все это без кабальных займов и кредитов, на свои кровные.

С государственным, хозяйским подходом человек.

Приватизация, приватизация...

Чем больше вникаю в суть «Альфа-групп», тем сильнее скорблю о России.

Твержу с отчаянием: мы в бездне, повергнутые навзничь. С нами, ограбленными, спутанными по рукам и ногам, на финансовой уздечке, творят, что заблагорассудится; и способствуем «Альфа-групп», им подобным (не путать с ТНК, они лишь труба продуктовая для выкачки нефтебаксов, сырьевая подпора почти военизированной по отлаженности организации захвата и снабжения забугорных покровителей «Альфы», ее кровеносный сосуд) мы сами.

В дни «прихватизации» видел близко Хана, Вексельберга, Бакалейника, Фурмана, Гумерского, Мазепина, Ширманкина, Маричева... Заметил их организованность, преднамеренную и целенаправленную, о многом догадывался и многое

Заместитель председателя правления ТНК В. Вексельберг и президент компании С. Кукес

Ю. Шафраник, О. Сосковец, В. Палий

предвидел, отмечая тесную связку альфовцев с правительством и Госкомимуществом.

И все-таки при неравенстве сил и возможностей противостояние длилось долго, вызывая усталость самотлорцев, гнев неправедный «альфовцев», обосновавшихся в СпецУБР. Добыча не давалась. В конце концов к декабрю произошло ожидаемое. Сцепленная воедино «Альфа-групп» с забугорным флангом «Акссес Индастриз» жаждали новых жертв. Материальная подпора-то, напомню, — «труба», ТНК, питающая нефтедолларами этот поглощающий организм захвата, есть. Видимо, в этой паутине есть центр наблюдений за слабыми местами в разнопестром несобранном хозяйстве младореформаторской России, причем в первую очередь хозяйстве сырьевом, дающем скорую отдачу. Здесь самим пот проливать не надо — прольют ради них трудовые коллективы. Информирует этот центр дальних и близких. Те принимают решение.

Судите сами: за непродолжительное время пали Оренбургнефть, нянганская «Кондпетролеум», «Черногорка», Ковыкта, Лисичанский химкомбинат, свердловский алюминий и свердловская нефть, частично «Славнефть», «Торговый Дом потомков поставщика императорского двора Петра Смирнова...», сбыт нефтепродуктов и переработка сырья в Башки-

Первый вице-президент ТНК И. Бакалейник

рии... Пользуясь аморфным российским законодательством, безволием властей в центре и на местах, корпоративной отсебятиной цен на нефть, умильными взорами и скороспешными статейками, «Альфа-Аксесс» потеснили ОНАКО, «Русия Петролеум» и прочая, и прочая. Антимонопольное законодательство наше едва дышит, журналисты от верху до низу строчат филиппики восторженные, власти охотно от своего же кровного принимают подачки, при этом не добирая в бюджет миллиарды. Экспансия?! Да! Захват не только сырья, но всей государственности. Известно, у кого деньги, тот и хозяин положения. Помимо воли обеих сторон стороны контактируют, взаимодействуют на всех уровнях — от глав местных администраций до правительства и президента, который присутствовал в Нью-Йорке при подписании «пакта» о кредите в полмиллиарда долларов от «Эксимбанка» для компании — «трубы». Журналисты ахали, восторгались: сам президент! Скороспешно отрапортовали благодушным, доверчивым читателям. Но оказалось, что отрабатывать кредит будет фирма «Халлибертон»: ее оборудование, технологии, люди. И деньги ее же, а вовсе не компании-«трубы».

Зато вскоре я, акционер Самотлорнефтегаза, получил письмом бюллетени с повесткой красноречивой, но темноватой: «О заключении Договора поручительства по коммерческим обязательствам, в совершении которого имеется заинтересованность, по которому Самотлорнефтегаз выступает в качестве поручителя в пользу «Дойче банка» и иных финансовых сторон в соответствии с договором от 27 сентября 2000 года, помимо прочих сторон, в том числе между «Тюменской нефтяной компанией» и «Дойче Банком».

Предписывалось заключить Договор поручительства по коммерческим обязательствам, согласно которому Самотлорнефтегаз выступал в качестве гаранта поручителя в пользу «Дойче Банка» и иных финансирующих сторон.

Подобное же поручительство «ИНГ-банку» на договор того же двухтысячного, заключенного днями позже.

Предлагалось заключить договор поставки нефти Самотлорнефтегазом компании-«трубе», но сколько, по каким ценам, под какие цели, когда, ничего этого не оговаривалось. генеральному директору В. Нюняйкину предлагалось «совершить все действия, необходимые для выполнения данного решения».

И так всякий раз. Недра государства, коммуникации, трудовые коллективы заложены-перезаложены.

Трижды прав В. Палий, твердя об этом устно и печатно. Стократно прав! По этому поводу Александр Прохоров из «Сельской жизни» пишет:

«Если государство всерьез займется проблемой законности приватизации ТНК, оно неминуемо столкнется с тем, что при неблагополучном для владельцев нефтяной компании развитии событий они все равно останутся с деньгами, а собственность перейдет к иностранным кредиторам, поскольку значительная часть активов дочерних предприятий ТНК заложена в иностранных банках в качестве обеспечения уже полученных кредитов».

И тут подстраховались «энергичные» люди.

«Одновременно с криминалитетом прыжок совершила иная группа «энергичных» людей, — продолжает далее обозреватель газеты, — с легкостью меняющая не только убеждения, но и гражданство. Ведущие отрасли экономики России вместо того, чтобы органично вписаться в мировой рынок, оказались управ-

Исполнительный директор ТНК Г. Хан и заместитель главы администрации Н. Журов

ляемыми извне. И качающими твердую валюту не столько в экономику России, сколько из нее».

Знаете, кто на самом деле управляет Тюменской нефтяной? Нет, не «Альфа-групп», а нью-йоркский «Акссес Индастриз» Леонарда Блаватника. Оттуда исходят указания реорганизаций, минимальных зарплат, социального очковтирательства, внутрикорпоративных цен на нефть, восьмичасового рабочего дня, изгнания пенсионеров с работы, привлечения вахтовиков. А в самой компании для прочности связей внедрен первым вице-президентом другой «энергичный» – Виктор Вексельберг; американец Саймон Грегори, в русской интерпретации Семен Кукес, услужливо правит дело в интересах тайных и явных повелителей, даже в футбол играет для имиджа: «ТНК — это люди». Иосиф Бакалейник правит в американском банке по совместительству. Уже не разберешь, где что начинается и где оканчивается, — столько напетляли. Вошли в мировую экономику, дальше некуда.

Зато организация с уместным бы названием «Экспансия» жирует.

Вряд ли даже эрудит В. Палий видел международную основу «Альфы», ее спецподготовку и далеко идущие намерения, отшлифованный способ захвата сырья, иных легко окупающихся отраслей. Ассимилировали же торговый водочный дом. Да, Палий не все учел. Но Виктор Остапович не сломался, возглавил «Славнефть» на ее восточном фланге, с ним президент М. Гуцериев, не шутейно пообещавший приобрести ТНК. «Все, что продается, то покупается», — резюмировал Михаил Сафарбекович.

102 депутата Госдумы обратились к Путину с неотложной просьбой «унять нефтяных хищников», Владимир Владимирович поручил налоговикам принять меры, признав, что «проблема поставлена депутатами абсолютно правильно» и что бездействие налоговиков удивляет.

А между тем в отдачу только «Эксимбанку» под упомянутый кредит затвердили 4,8 миллиона тонн нефти, затвердили сами самотлорнефтегазовцы ради фирмы «Халлибертон», взявшейся отработать кредит. Вот так! И деньги не получить, и нефть отдать!

Обратили взоры альфовцы на газовый Ямал, на Печерский шельф Баренцева моря, планируют с американцами захватить рынок моторных масел в Москве и десять процентов его по России и на Украине. Потеснили «энергичные» «Интеррос», «Кантупан» «Лукойл», «Юкос», «Оксидентал Петролеум», «Блэк «Стэнерджи», «Норкес Петролеум», «Сибнефть», «Корпорацию «Югра-нефть».

Экспансия заявляет о себе с неубывающей силой.

ТНК становится учредителем Свердловской нефти, Вик тор Вексельберг с его нью-йоркской «Реновой» «застолбили тамошний алюминий. Возьмут это новое, заложат, перезало жат — и дальше.

Корреспондент Марина Моисеева, вооружившись цифра ми и фактами, расшифровала грабительскую политику нуво ришей. Нефтяные деятели образуют своими взносами лиш 30 процентов бюджета Нижневартовска, а Сургутнефтегаз, н примеру, в своем родном городе — 80. ТНК при рыночно цене тонны нефти в 5 000 долларов ухитрилась заплатить го роду с каждой тонны 45 рублей, чуть больше стоимости б тылки лимонада. Не входящие в систему ТНК совместны предприятия за ту же тонну платят по 400 рублей. Улавлива те разницу?

Под шумок ТНК недодает ежегодно городу девять милл ардов рублей, компенсируя их разовыми подачками.

В. Палий в давних и недавних интервью столь же доказ тельно разоблачал махинации альфовцев. Рано-поздно о одержит верх. И тогда ринутся за ним вслед те, кто сегодня р болепно гнет спину перед господином Рублем. Истина всег в меньшинстве. Ростки ее редки. Требуется время, чтобы он поднялись густой порослью, но тот, кто не теряет себя, не п терял в лихую годину, тот заслуживает особого уважения.

Зарапортовались наши любители кредитов от любвеобил ных зарубежных. Бедная, бедная компания ТНК! Опять а ционерам Самотлорнефтегаза послали уведомления и бю летени о внеочередном общем собрании 29 января. Повест та же, что на предыдущем декабрьском: под залог кредито «Эксимбанку» США и нью-йоркскому филиалу «Коммер банка АГ» (в качестве поставщика) и Самотлорнефтегаза (качестве покупателя).

Тогда как изволите считать третье, февральское, внеоче редное, объявленное в газетах — о присоединении Самотло нефтегаза, Рязанского нефтеперерабатывающего завода, по ной ассимиляции их. Мудрят что-то «энергичные» альфов цы, втемную играют.

Кто не проголосует за «Крупную сделку» по кредитам, т продай свои акции компании — условие командное и то из области мудрствований. Акционерам и государству оста ется только утереться рукавом и закусить черствой горбу кой с водой. Отдали — не вернется. По сути отдали звездно полосатым банкам.

Дальше. Залог тем же сейфам в пять миллионов тонн сы рья под 290 миллионов «зеленых». В пункте 6.9 поставка пя

миллионов (с отлагательными условиями) «Тоталь Интернэшнл Лимитед», «Краунд Трэйд Файнес ЛТД», «Бритиш Петролеум» в счет кредитов победных. Еще договор займа на круглую сумму. Закладывается Рязанский нефтезавод, в том числе банку «Зе чейз манхетенн бэнк» в качестве первоначального кредитора, организатора агента и залогодержателя. То есть, как я понимаю, поручителя Самотлорнефтегаза. Четыре миллиона тонн отдают нефтицы «Чейзу». Мы в мировой системе «энергичных». Совету директоров Самотлорнефтегаза, его генеральному директору В. Нюняйкину остается лишь подписать косноязычный лингвистически рескрипт, чреватый по содержанию большими последствиями. «Альфа» будто и ни при чем. Отдает нефть на сотни миллионов долларов «тоталям», «трэйдам», «бритишам» бедолага СНГ, он обязуется.

На займы грабительские «альфовцы» мастера, — а где свои прибыли, куда улетучились?

Нет своего, на заемной далеко не уедешь. Будешь ходить нищим и дальше, пока сырье и промышленность у частников. Опомнитесь, очарованные фейерверками, очковтирательством «энергичных» всех мастей, когда опустеют недра. И «энергичных» уже не сыщете, их чемоданы всегда наготове. Не будет их в Отечестве чужом и холодном.

Ассимилируя дочерние свои предприятия, ссылаются на статью 75 федерального закона «Об акционерных обществах», согласно которой владельцы голосующих акций обязаны предъявить свои акции к выкупу по стоимости одной обыкновенной 11,8 доллара, привилегированной — 5,9. Такова указка свыше. Рядовые акционеры не смогут уже влиять на политику и дела компании. Внутрикорпоративные цены исчезнут, и кто знает, какие цены останутся, что будет с месторождениями и трудовыми коллективами, пенсионерами. Никто не ведает.

Возможно, у повелителей есть свой особый умысел — не потерять в самом деле «трубу», которую погрозился купить Гуцериев. Депутаты Госдумы требуют решительных мер. Президент сделал подвижку, чтобы остановить беспредел. Не видно подвижек на месте ни со стороны властей, ни со стороны журналистов, ни со стороны депутатов. В депутатских программах лишь местечковое, остаточное. С беспределом смирились все. Нет, мне страшно за Россию.

Присоединяю свой голос к 102 госдумовским голосам народных избранников. К мнению В. Путина о неотложности мер. Хозяином положения должны быть государство и трудовой коллектив, как это утвердилось в Сургутнефтегазе.

Никакой займовой эквилибристики. По всем показателям порядок. Добыча за прошлый год поднялась на восемь процентов и превысила 40,6 миллиона тонн. Пробурили свыше двух миллионов метров горных пород — рекордный показатель в отрасли.

Само предприятие в развитие производства инвестировало 30 миллиардов рублей. За счет капиталовложений в социальную сферу, а это около 1,3 миллиарда рублей, ввели в эксплуатацию санаторный комплекс, детский сад, более 25 тысяч квадратных метров жилья, у нефтяников создано свыше шести тысяч рабочих мест.

В 2001 году богдановская гвардия (президент В. Богданов) добудет 43,5 миллиона тонн нефти, вдвое увеличат ввод жилья, отремонтируют три южные здравницы. Много доброго совершат для страны и города Сургута. И это все лишь потому, что не сплавили этот островок народного достояния «энергичным». И островок обходится без пресловутых альфа-групповских реорганизаций, кабальных займов, мизерных зарплат, ничтожных социальных благ. В. Богданову не нужно ловчить, — он со своими, на своей земле, для своих.

Видя здешнюю свистопляску, все же можно сплотиться в противодействии. Не поддакивать, не умиляться, не довольствоваться остаточным, а заявить иное. И, поверьте, Ханы, Вексельберги, Блаватники, Фридманы и т.д. встревожатся, призамедлятся в беге с учащенным дыханием. Свое — себе надо. «На ветер живота не напашешься», — встарь говорили.

Доколе соучаствовать согласно в разграблении природных ресурсов, надругиваться над самым элементарным, чего хочется каждому труженику, и уже отгрудившемуся, — порядка, благородства помыслов и разумения в своем деле.

Может, свежий, здравый ум нового губернатора области Сергея Собянина повернет руль против течения. Он — северянин. Был председателем окружной Думы, заместителем Полномочного представителя Президента по Уральскому федеральному округу, не станет подлаживаться под «энергичных». Л. Рокецкий, бывший губернатор, в ипостаси председателя совета директоров ТНК, подлаживался. Явно потворствовал беспределу в желании жить спокойно и быть при должности. Объединятся юг области с севером. Очевидно — подвижка грядет. Еще раз это обещано на инаугурации нового губернатора 26 января.

Она неизбежно повлечет подвижку в городе и округе, на Ямале. Ветры перемен, копившиеся долго, взорвутся штор-

мовым валом и сметут все наносное, иррациональное в небытие. Само оно не отступит. Только воздействие решительное всех ветвей власти и народа искоренит беспредел.

Это будет.

Когда-нибудь непременно свершится!

А я возвращаюсь в осень минувшего года, в Сургут, к широко известным в округе мостовикам-солохинцам, только что воздвигнувшим чудо над Обью.

ОДНОПИЛОНОВЫЙ НАД ОБЬЮ-РЕКОЙ

В далекие шестидесятые

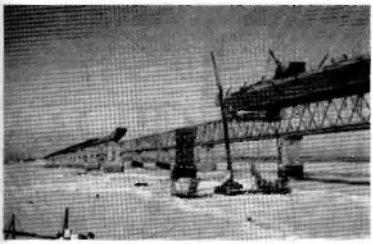
Вернусь к середине шестидесятых, когда на зон большой нефти откликнулись сооружением Северной Сибирской рельсовой магистрали, чтобы впоследствии развернуть от Сургута два направления — Заполярное и Самотлорское. Я был участником грандиозной по масштабам стройки, посильной лишь могучему государству. Трудился в монтажном поезде, который базировался в Мазурово, что между Тюменью и Тобольском. Занимались прорубкой трассы, укладкой путей. Но мне казалось, генподрядства мало, стремился при любой возможности и к мостовикам — узнать, как соединяют берега.

Занятие оказалось непростым. Даже неширокая речка Шестаковка за поселком, на первый взгляд неприметная речонка, проявила норов. Мостовики вначале поставили копер и принялись забивать сваи и шпунтовое ограждение, выбирать грунт на месте будущих опор. Людских резервов пока не хватало, и они обратились за помощью в СМП — строительно-монтажный поезд.

Так получилось, что послали нашу бригаду. Пришлось переквалифицироваться, впрочем, на трассе это не редкость, туда и сюда перебрасывали. Сперва освоили копер, этакую вышкообразную штуковину с переплетением тросов и блоков. Под приглядом механизаторов-профессионалов навострились вгонять четырнадцати-пятнадцатиметровые сваи в грунт. Старший на участке прораб Иван Прокопьевич Нечто, импульсивный, скороговористый, сновал челноком, раздавал быстрые нравоучительно-повелительные команды — горохом сыпал. Многим оставался недоволен и многими, но к бригаде-заемщице проникся доверием. Утром образуется из временного шатер-городка неподалеку, глянет — и доволен.

Вообще же базировались мостовики возле Тобольска, где мыс Сузгун круто обрывается к Иртышу на равнине. Но, известно, трассовики, мотались по всей протяженности, не миновали и ручья, малой протоки. Главной преградой был Иртыш, там сосредоточены основные ударные силы, и там начальство. К нам чаще наезжал Нечто. И когда бывал, казалось, что десять новых пополнений привалило, всюду его мельканье, его голос: техники все прибывало, люди оставались прежние. Круглые сутки площадка шумлива, неспокойна. Ночью прожекторы с трудом, разгоняли голубоватый, густившийся понизу сумрак. Светло было. Не до сна.

Дело делалось непрерывно, тем более когда пошел бетон. Чтоб прежде времени не схватывался, основания обшили для тепла досками. Внутри «тепляка» постоянно топится печка.

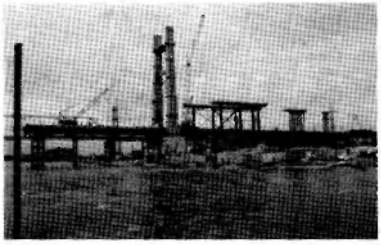


Сверху в специальном ковше-кубло подают раствор. Он пристает к стенкам кубло, и богатырского сложения юный Лешка Гулак с размаху ударяет по ковшу кувалдой, острит: «Так и здоровьишко потерять можно». В самой опоре прорабатываем бетон массивным, жужжащим вибратором. Тонем по колено в цепкой серой массе, из которой едва вытаскиваешь облепленные сапоги. А вольно, интересно, увлекательно. Романтика!

Сменяемся мы, заступает другое звено, ни часу остановки, как на конвейере. Мы в основном в ночь, причем добровольно — из-за того, что днем занимаемся на шоферских курсах. Обстоятельства обязали. Или возводим причал на Тоболе возле поселка. Ходим невыспавшиеся, с тяжелой головой.

Впереди самое ответственное — русловая опора. Из-за нее, своенравной, иногда появляется сам Солохин, начальник мостоотряда (генеральных директоров еще не изобрели, подводились первые и генеральные секретари коммунистической партии). Росточка Валентин Федорович небольшого, голосом тих и не скор в говоре, внимательный — и мелочи не упустит, цепко оглядывая происходящее. Распоряжения его кратки, вески. Узнав, что я собираюсь писать про Севсиб, сам подошел ко мне, познакомились. Он пояснил, что у него где и как обстоит. Пригласил побывать в мостоотряде на Сузгуне. Я с радостью согласился и сдержал обещание. Неоднократно бывал на Иртыше. Это впоследствии, много спустя, после штурма Шестаковки.

Выдались десанты и туда, в дальность заречную.



А пока, вбив шпунтовое ограждение, принялись откачивать воду. Она не откачивается. Добавили насосов, но вода начала хлестать из отверстий, оставленных по недомыслию, после забивки шпунтин заварить сразу их не догадались, пришлось забивать деревяшки. Из-под Тобольска, с основной базы подъехал снова Солохин.

— Плохо, ребята, дело, если затянем до весны или паче чаяния затяжной осени, речка расплеснется, к котловану не подступись.

Вот так! Стужа способней мостовику, чем паводковые прикиды. На другой день по совету Владимира Федоровича, возле которого постоянно был неутомимый Нечто, выше во всю ширину речки раздолбили лед, пересыпали русло песком. Бульдозер его разровнял, уплотнил. Вода в котловане начала все же убывать, обнажая в шпунтинах новые бреши. Спешно латали их, окатываясь холодным душем. Наутро продолжали очищать дно, и опять по колено в грязи. Водрузив возле стенок деревянные щиты, решили перекурить. Но появился запыхавшийся Лешка Гулак: «Прорвало!» Мы бросились к котловану, на глазах мгновенно заполнявшемуся водой. Лешка спустился вниз — неплять проволокой насос. И только успели поднять парня с механизмом, как половодье скрыло помост, на котором только что стоял Гулак.

По сигналу Нечто — речного прораба снова появился Валентин Федорович. Решили во избежание неприятностей приспособить длинный отводной лоток. Солохин собрал всех из шатер-городка, наши парни не остались в стороне и но-

чью переправили наверх ил и глину. Уложили на дно металлические полосы и сыпанули гравия. Пошел бетон. С Лешкой мы прорабатывали бетон вибратором, раскидывали по котловану. Луна, звезды — все чудесные атрибуты ночи — отошли на задний план, главное — это тугая холодная каша грозящего застыть бетона и застящая глаза текучая рябь реки.

У бетономешалки постоянная напряженка. Невольно подумалось: «А ведь действительно, герои все! Безымянные! Построят дорогу, пойдут по ней поезда, и это будет навсегда. У истоков истории пребываем, однако». Предвесенье. Погода зябкая, но снег тает, с крыши срывается крупная, в горошину, капель. Поселковые радиолы все дружней разносят по вольному окоему далеко:

Уж ты прости, капитан,
Уж ты прости, капитан!
У нас у каждого свой талисман...

И сами мы сочиняли для самодеятельности:

Дуй в кулак, пляши чечетку,
Думай, парень, о весне.
Эй, мороз!! Какого черта
Привязался ты ко мне?
Ты, сумина, ведь немало
На веку тепла взяла,
Ты бы, старая, пожалуй,
Нам его бы отдала.
Греет пламя, да не очень,
Хоть и лижет облака.
Топоры мы точим, точим,
Ожидает мост река.
Топоры остры, хоть брейся,
В бой, ребята! Вот дают!
Пусть влюбленные по рельсам
Ездят к девушкам в Сургут...
Тормошим реку, штурмуем,
Где мороз назад шагнул.
Сброшу шапку, полушубок.
Побежал он. Кар-раул!

Типичная для советских лет стихия вдохновения, устремленности к великим целям.

Нашу бригаду неожиданно послали рубить просеку у подножия Сузгуна, где, по преданию, в ельнике, на самом верху,

Генеральный директор АООТ «Мостострой-11» В.Ф. Солохин

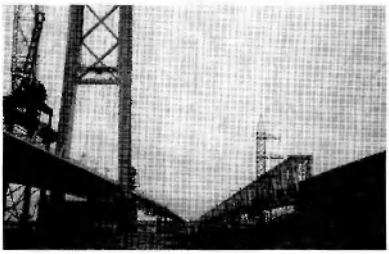
возвышался, надо полагать, уютный терем самой юной жены хана Кучума гордой Сузгэ. Когда ермаковцы предложили ханше сдаться вместе с гарнизоном без боя, она предпочла броситься с обрыва в воду, утонуть. С тех пор или позже в память о происшедшем гора зовется Сузгуном. Рядом плещется не менее легендарный Иртыш, изборожденный стругами великого народного смельчака — атамана Ермака Тимофеевича. Трасса вписалась прямехонько в линию будущего моста, который доставлял хлопот поболее, чем Шестаковка. Что там Шестаковка! Шелуха! Мелочь! Длина, глубина, грунты — на особицу! Все иное. Трудностей изобилие, как ягод на виноградной лозе. Зато интереса больше, так же круглые сутки бодрствовали, рубили тьму прожекторами, управляли механизмами.

Здесь работами заправлял бригадир Юрий Федорович Гончаров, разрекламированный газетами (известно, диктатура пролетариата!). Молва о нем летела далеко по трассе. Имя даже среди первых, титулованных Героев Труда выделялось. Дело было летом. Студенты стройотрядовцы приехали, еще оживленней стало. Приказ министра путей сообщения предписывал до конца года произвести одиннадцать тысяч кубометров бетонной и железобетонной кладки, построить полностью и сдать госкомиссии несколько опор, смонтировать четыре пролета.

— Трудно даже предположить, в каком направлении пойдут события, — вздыхал Солохин, отныне уже хозяин сургутского специализированного треста. Видавший виды в своем деле, он тем не менее подстраховывался: — Иртыш... Крепок орех, как хан Кучум несговорчив, а людей не хватает, не на все опоры есть проекты, и судовое движение на реке мешает...

Но верилось почему-то иное: что справятся, всякие «сюрпризы» преодолеют, вознесется над волнами красавец мост, не менее могутный, чем река.

Возносился он так.



18 августа. Строительство моста продолжает вызывать тревогу. К возведению четырех русловых опор только приступили. Из них наиболее сложная — восьмая. К ней уже отсыпали дамбу, с тем, чтобы подтянуть буровую. Сварщики готовили под нее опорную раму. Оказалось, шпунт мелко забит, на метр всего. А грунт еще подмыло течением, и хотя шпунт раскрепили, его может повалить напором воды.

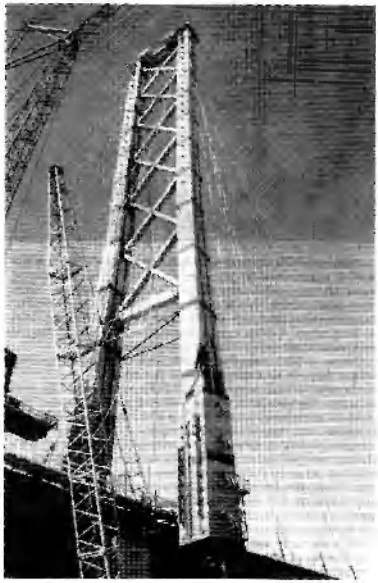
Только что получили разрешение на сооружение девятой опоры, больше всех досаждающей речникам.

На двух готовых можно было начинать монтировать пролеты, но Воронежский мостостроительный завод лишь обещает их доставить, а пока только шлет бумаги. Между тем «железо», как выражаются мостовики, должно еще «вылежаться», то есть пройти автогенную обработку, зачистку и т.д. На все это требуются немалые усилия и время, конечно, а времени осталось в обрез — поджимают сроки. К концу 68-го года планируют открыть по мосту железнодорожное сообщение. Большевики — они только так, и не иначе! Но необходимо до весны вывести верхушки всех русловых опор из воды для их бетонирования.

Об этом все помыслы.

Солокину обещают подмогу из Омска. Начальник боевого Сургутского военштаба, по слухам, уже вылетел туда, чтобы договориться на месте, поторопить. Его возвращения ждут с нетерпением и надеждой, лишнее подразделение не помешает.

2 сентября. Крайняя опора возле Сузгуна. В ее основании пробурено двадцать глубоких отверстий под сваи. Студенты-



харьковчане вручную «добирают» грунт — котлован опоры — до проектных отметок и бетоноломами срывают верхушки свай вместе с арматурой и сеткой. Гром, грохот, крошка це-

ментная стреляет во все стороны. В ночь должен пойти бетон.

Бригадир Гончаров радостно потирает ладони: «Не сплошаем, молодежь! Дельце славное, победное».

Ребятам не до перекуров.

Покемарив после ночи, Виктор Сотр, наголо стриженный и насквозь прокопченный солнцем, явился к землякам без особой надобности. Просто узнать, как справляются дневники. Харьковчанам многое довелось перепробовать. Особенно запомнится шестая опора. Котлован ее не укрепили основательно, и он оползь. Еще ключи снизу бьют донные, ограждение харьковчане сбивали целую неделю, хорошо, что дожди на ту пору не зладились. Успели.

— Будем когда-нибудь проезжать здесь, — мечтательно произносит Виктор, — вспомним: шестая опора наша, и еще вот эта, присузгунная, прибережная...

Древность сумрачно-ельниковой горы с ее отвесным меловым срезом к воде и явь быстробегущего дня. На десятой добивали шпунт и ковшом грейдера вычерпывали ил из котлована, на восьмой опоре бурили донное основание. Работа по сооружению моста вошла в свои устойчивые, размеренные ритмы.

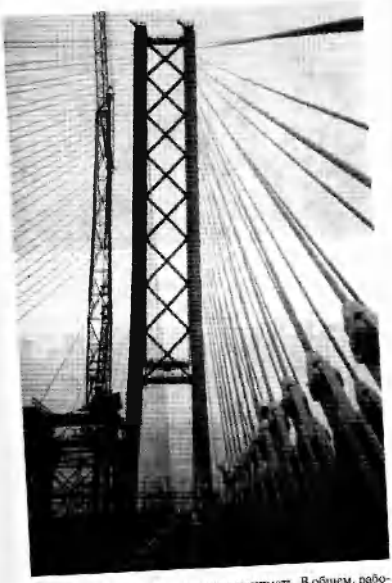
6 декабря. Солохин у себя в «выездном» кабинете Сузгунского мостоотряда склонился с красным карандашом над чертежом основания десятой опоры. На ней сейчас бригада Юрия Федоровича, порядка ради твердящего не только стройотрядовцам: «Не сплошаем...»

Там, где он, никогда не плошают. Он это знает, уверен в успехе, но, подобно Солохину, осторожничает. Бурят круглосуточно, без праздников и выходных. На заре и в начальных сумерках, когда закат розово окрашивает срез горы, разбившись на звенья. Свай всего тридцать, каждая занимает четыре-пять дней. Последнего, пятого дня стремятся избежать. В предыдущем месяце использовали заимствованный у речников ледокол, взламывающий цепкий верховой покров реки. На барже приспособили растворный узел, действовал и плавкран.

Вместо предполагаемых пяти опор сделали шесть. Ноябрь не потеряли.

Когда я спустился к опоре, на ней только что кончили бурить гнездо под очередную сваю. Солохин мог закрасить у себя на чертеже еще один кружок. Рядом, тоже на русловой, разворачивали работу омичи, а на левобережных, дальних стояках устанавливали прибывшие-таки из Воронежа пролеты. Над открытой ледяной равниной разгулялась метель, ветер метался со сногсшибательной силой. Но монтажники продолжали трудиться как ни в чем не бывало, деловито перекликаясь на высоте, даже не обезопасившись поясами и цепочками. Будто по тротуарам разгуливали — жуткое зрелище со стороны. Не со стороны — еще головокружительней: испытал на Обь-Юганском впоследствии. Себя я не мог приучить к подобным виртуозным передвижениям по металлу на высоте. Балка продольная, она не очень широка, а внизу тверда.

— Дело привычное, — обыденно ответил один из омичей, — в крови, в генах устойчивость. Монтажниками рождаются.



Монтажник-высотник — это надо понимать. В общем, работа такая. Я двадцать лет без проблем на этом поприще, то в шубе, то нараспашку, в рубахе. В войну мосты и после Вели-

кой Отечественной они же. Не три, как у некоторых, четыре за спиной, поболее пяти-шести десятков. И каких! Мелочовка не в счет.

Сквозь густоту метущегося снега долетал сюда гул действующих буровых, голоса людей с ледовой равнины.

Я смотрел, слушал. Не сомневался в успехе.

Узел событий возле Сузгуна постигал и во внеурочное время, интересовался, записывал. Ко мне привыкли. И все пригодилось: записки явились стенограммой давней давности, про которую не многие знают, слышали.

Открытие обского однопилонового

Черемухи в цвету

Уму непостижимо, сколько пришлось работать, ездить по трассе, чтобы только донести потомкам память о свершениях у мехколонновцев, гидромеханизаторов, путейцев, мостовиков, разбросанных от Тюмени до Сургута, на всем этом диковинном по своей масштабности протяжении. Не миновал и Обь-Юганский «переход», начинавшийся с левобережной поймы этой протоки. Гидромеханизаторы намыли высоченную гряду озерного песка, а мехколонны ее разровняли. На площадке суждено было появиться поселку. По тому же образцу сформировали насыпь железной дороги.

Таков рисунок, устоявшийся организм создания любой рельсовой магистрали, будь то Абакан — Тайшет или Севсиб. Венчают дело обычно путейцы, знатоки рельсовых соединений. Мостовики связывают куски дороги воедино. Только с их соизволения «по новым дорогам летят поезда. Горные отроги, тайга и города встречают их приветом. И семафора глаз манит зеленым светом и поезда и нас». Солохин помог мне внедриться и на Юганской Оби, и здесь опекал, как когда-то на Шестаковке. Определил в гостиничку на двоих, допустил к работе. Важно было войти в материал, потрогать действительность — какова она на ощупь.

Дело было весной. В самый поводок.

Еще мне помог прораб Роберт Иванович Шнайдер, по-немецки пунктуальный, строгий, человек слова и дела, исполавший ссылку с родителями где-то в Казахстане, но не сломавшийся. Все он понимал с полувзгляда и полуслова, умница, держался с достоинством, веско. Цену себе знал. Не понимаю, как большевики могли заподозрить поволжских немцев в пособничестве Гитлеру, отправить в тьмутаракань в холодных скотских теплушках. Бриллианты ограненные каждый. Силища! А сколько их разбросали по Западной Сибири, у нас в деревне приютились многие. Даже превращенные в ссыльнопоселенцев, не утратили своего исконного. Тогда еще держали всех в Союзе, после перестройки и в разгар ее, особенно после распада «республик свободных», многие уедут в Германию. Роберт Иванович останется. Будет главным инженером мостоотряда в Санкт-Петербурге, его брат останется монтажником у Солохина. По-прежнему Роберт Иванович поджарый, импульсивный, самодостаточный. Смугл и моложав. Весь в действии, каждым мускулом, суставом костным.

...В пойме плескалась вода, подтопившая цветущие черемухи. В щитосборном поселочке, еще взраставшем, своим чередом текла повседневная жизнь обь-юганских робинзонов с ее бытовыми неудобствами, которых, впрочем, не замечали, одержимые огромным предстоящим. Очередное это еще только заваривалось, еще только бурили дно под первые сваи, чтобы залить основание бетоном и поставить опоры.

Технологически все повторялось. Все, как на Шестаковке, где пересекла трассу вода в недальних мшистых берегах, как на Иртыше, многих других реках, речках, ручьях, протоках и просто логах. На этот раз воплощение происходило на фоне разлива и цветущих черемух, по колено и выше в воде, на берегу и острове, отделившем протоку от реки. Выше черемух на материковом берегу, рядом с поселком, чудом избежавшим затопления: волны плескались буквально вровень с насыпью. Видел однажды, как возле черемух юные девы и спелые женщины мыли ноги, просто резвились, по-детски радуясь первозданности, неистребимо жаждущие любви, хохотали громкозвучно, ежились под облепившими ноги мокрыми подолами платьев, брызгали друг в друга из пригоршней. Иногда запевали, иногда перекрикивались так, ни о чем. Момент душевного расслабления, без идейных подоплек, типа: «Наш паровоз, вперед лети!» Уже тогда ясно было прозорливым: прилетел... вдребезги о стену пустозвонства. Но идеология еще преобладала: «Мы счастливей других. Мы идем впереди. Сквозь пургу и туман, сквозь метель и рассветы. И за нами ложатся стальные пути — наш автограф на будущих картах планеты». Спус-

тя время больше помнятся почему-то девы и женщины, моющие ноги возле подтопленных водой черемух.

Мой друг с романтической, почти по Грину, фамилией, плотный, как гиревик, полнолицый, бородатый Драбзонт, внешне очень «северный» — медлительный, философичный, томился отсутствием подруги, затерявшейся где-то на мирских перекрестьях.

Она, видимо, была здесь до меня, но уехала, не в пример тем счастливым возле черемух цветущих, — не вынесла суровой обстановки, оторванности от всего привычного. Вот он и грустил в приречной пойме, Драбзонт. Часто наведывался ко мне в гостиничку, и мы беседовали о разном. Юрий был вышкомонтажником, то есть самым престижным работником в мостоотряде, подобно путейцам у генподрядчика, укладывающим рельсы. Конец-то всегда делу венец, о подготовительном забывают. Трудился Драбзонт на пролетах. Вся ширь вокруг ему видна: город Сургут и пойма по обе стороны, ширь Оби. Однажды, задумавшись, оскользнулся, но спас страховочный пояс, уберег от падения. Вообще-то монтажники на верхотуре передвигались всяко и разно: шатом и скоробежкой, иногда балансируя. Если торопились зачем-то, то скоробежкой. Забывали об опасности.

По прошествии лет всякий раз вспоминаю Юрия при появлении на телеэкране актера Евдокимова. Точная его копия. А тогда он телеграфировал мне в Сургут, где строили речпорт: «Все перевернулось, но она все-таки вернулась. Любимые должны уезжать и возвращаться». Но почему перевернулось, если его Юнона при нем? Я не смог сразу навестить, был ледостав, переправы никакой, а когда установилось движение через Обь и протоку, в поселке Юрия не застал. Рассказали, что будто снова не сладилось у них с Юноной. Юрий на этот раз махнул искать себя в Заполярье, к Ледовитому океану, в страну голубоглазых селькупов — искать не то газ, не то золото на Приполярном Урале. Да, у него была профессия геолога, по диплому, монтажником он стал ради проверки мужества и удальства души. Многие тогда стекались на трассу ради новых ситуаций, примагниченные ее значительностью.

Оторвался от исконной профессии и Юрий. А растилась они с Юноной, как мне говорили, после того, как Юрий обнаружил ее записку: «Почему ты меня не ласкаешь?» Юноне хотелось, видимо, больше тепла в суровой однообразной масте, иногда это значит столь многое, что трудно даже представить мужскому уму. Юрий, наверное, долго размышлял над фразой с вопросом и, наверное, стал ласкать больше, пообе-

щал ласкать впредь, повинился, но... «все перевернулось». Все-таки расстались. Тайна осталась тайной до сих пор, Юрия я больше не видел, о нем неизбывная память и напоминаем — актер Евдокимов, внешне смахивающий на Драбзонта.

Со мной однажды там, на Юганской Оби, хотели повздорить молодцы: то ли всерьез побить, то ли попугать скуки ради. Постучали, ввалились хмельные, недобро поглядывая, — день был воскресный. Юрий встал им навстречу молча, слегка присклонившись, как гиревик при подъеме штанги. Крупный, веский, могучий, — все было ясно: разметет как щепу метлой. Молодчики, присмирев тотчас, удалились. А могли по пьяни накостылять ни за что ни про что, развеяться от избытка сил. Был такой эпизод, был! Похлеще на трассе неуемной, разнопестрой, с перепадами истории случались. В начальника стрелял рабочий, заезжие актеры избили рабочего, досками орудуя. Бывало, женившись, наутро разбегались напрочь.

На войне как на войне — типов и характеров, ситуаций вдоволь, усть-юганский эпизод из их числа.

В ведомстве прораба Шнайдера работал некий южанин. Мучился при мысли, что когда-нибудь вернется домой, а его спросят: что прикопил на трех мостах? — а он ничего не прикопил, ни малости, — жениться по правилам мирским не сможет. Что толку с его вдохновений и упорств, если так. Мостами сыт не будешь. Размышлял, терзался, травил душу. И был прав. За нули старались. Текучка у всех была ужасная, — как отделы кадров успевали переваривать приливы-отливы?! Но всегда сохранялся костяк, он и держал подразделения на плаву, будь то мостовики, мехколонновцы или генподрядчик — строительно-монтажные поезда. Не исключение — гидромеханизаторы. Романтики много больше, чем денег. Южанин был прав в своей оскорбленности. Томления по достатку и благоустройству большинства и привели в конце концов к перестройке, разделу Союза. Бедность — она уместна только в сказках, где всегда удачливой состоятельного нищие. Но тогда уже не довольствовались сказкой про белого бычка, иллюзорными посулами. Пожар занимался восклицаниями таких вот парней, знавших или догадывавшихся, что вожди партии в любой сезон питаются икрой и севрюгой, пользуются лучшими курортами и дачами — многим недоступным «гайкам великой спайки».

С южанином однажды ездил на рыбалку. Ловили щук, варили уху, рассуждали о смысле бытия. Лишь много лет спустя уяснил, что он в семье, доме обетованном, а тогда проповедовали — лишь в служении Родине, и Родину многие по-

меняли. Нет ничего священней семьи, своей родословной. А тогда воспринимал метания добровольцев-комсомольцев, и не только как-то отстраненно, одержимый великим свершением — Севсибом.

...Трепет язычков пламени, уха в тагане, прохладная, всегда влажная ширь лесная и луговая, и мы двое у костра. До сих пор это памятное. И мост, коллизии, увязанные с ним, отчетливы.

По соседству с мостовиками окопались в вагончиках гидромеханизаторы — неутомимо подают песок для полотна дороги. Они дополняют здешнюю уединенность. Из вагон-городка долетают редкие голоса. Поселяне спят. Ширь речная покойна. Даже птиц не слыхать, лишь всплескивает, играя, рыба, и волна о берег слегка задевает. Подошел к костру, словно ниоткуда возник, старик хант, сказал: «Питявола», подсел ближе. Наполнили ему чашку ухой, он принялся хлебать извлеченным из-за пазухи матерчатого малахая берестяным черпачком.

Исчез так же незаметно, как появился, оставив в дар несколько чешуйчатых, серебристых рыбин, пояснил:

– Мохтики.

Что-то не слышали о такой породе. Ну, мохтики так мохтики. Есть, значит, и такие.

О мостовиках по горячим следам написал рассказ «Аллергия», который напечатал только однажды в газете. И вот сейчас воспроизвожу в книге. Этот эпизод из славного племени солохинцев произошел именно на Юганской Оби, в те же дни — Драбзонта и Шнайдера.

Вечер. Закатное солнце ласкает реку, и она, присмиревшая, тихо-тихо увлекает плоты на широкой спине. Порой кажется, что река остановилась. А еще вчера ярилась волнобоем, гудела, как при Ермаке Иртыш, вздымалась, едва не опрокидывая буровую с парома, мешая работать. Брызги снопами стреляли. Венька на катерке чего только не вообразил: ширь океана, рисковые дальние рейсы и штормы. Он, уроженец предгорий Карпат, в свои двадцать с небольшим испытал всякое здесь, будучи комсомольцем-добровольцем. И в любом настроении любит петь. Петь Венька пристрастился с детства, еще босоногим, взбираясь на каменистые кручи, оповещал звонкоголосо: «Закукала зозулечка...» Кукушечка то есть закуковала.

А теперь, у возмужалого, голос у него басовито-трубный, ни топором, ни скобелем нетронутый. Венька, ничуть того не смущаясь, в радости и горе наяривает себе что-нибудь при-

карпатское. Вот и сейчас «западенец» Драч на крылечке общежития настойчиво допытывается, где хата-пристанище родственной ему гуцулочки. Сам же себе утвердительно коротко отвечает: «Карпаты». Полнощекое его лицо благодушно, беззаботно, глаза утонули в мягких подушечках, однако замечают малейшие перемены на широкой и несоразмерно короткой улице поселка из щитосборных времянок, которых и домами-то по большому счету не назовешь.

Щитосборные домишки и вагончики «гидриков» напоминают Веньке почему-то плоскогрудого Шнайдера. Комплекция такая невзрачная у прораба. Венька уважает мускулистых и втайне горд собой: торс, бицепсы — что надо. Без перекуров сшибает макушки свай отбойным молотком. Мост подвигается торовато. Жаль только, что на хилых, как окрестил их Роберт Иванович, грунтах. Мосту опора настоящая нужна, а какая от донных плывунов опора, так себе. Сель! Но Венька верит прорабу, всем солохинцам и шнайдеровцам. Иртыш «оседлали», и Обь Юганская покорится удалым да умелым. Никуда не денется сероглазая. Вообще, Венька Драч человек с характером. Ни работы, ни стужи не пугается, ни штормовых предупреждений, говорит, что думает, поступает, как заблагорассудится. Доволен собой и окружающими. Оптимизма через край.

Иссякла исповедь про гуцулочку в Карпатах, кончилась напевная, но Венька не покидает крылечка. Ямщиком на облучке сторожит ездока-земляка Яниса. Образованный вроде, английским владеет, а занялся торговлей. Марлю сбывает за небольшой навар. Только неясно — зачем? Почему позорит свое учительское звание спекуляцией? Рассердился на него Венька: недостоин великой стройки! Гуляй!.. Прозвучало внушительно, и больше в котловане на дне протоки Янис не появился, летает себе по поселку. Лицо сизое, остренькое, коммерцией одной озабоченное. С белым свертком курсирует по улице-коротышке, оделяет встречных-поперечных. Отмеривает, стрижет, и ножницы в его руках взблескивают молнийками.

Мировой продавец — и чего он затесался в педагоги, чего мается летами на шабашке? Венька поднимается ему навстречу, берет остаток марли и сует в карман.

– Конфискую...

– Ты чего? — скороговоркой лепечет оторопевший Янис. — Отдай товар.

– Через милицию. За перепродажу тебя знаешь куда упекут? В не столь отдаленные места с решетками. Продешевил...

– Тупица! Патриот дубленый из села Дряны. Хай живе Украина!

Янис убегает в общежитие. В комнате, как ни странно койки их с Венькой рядом. Жить бы да дружить.

– Спекулянт несчастный, — парирует вслед Венька. – Почему не свитера, блузки, вата и градусники? Нет, точно продешевил...

– Зебра полосатая, — возмущенный Янис глотает слова, у речь его обрывочна, неясна,– еще узнаешь гнус, верхогляд Без марли при здешней мошке прослезишься, — доносится его надрывный от клокочущей ярости голос. Словно наждак по железу полосует.

– Зачем тогда репудин? — не отстает его занозистый земляк. — Блузки, платья, кашемир прибыльней...

С легкой душой, как человек, достигший цели, свой долг гражданский исполнивший, Венька, насвистывая, сует в карман широченных штанов флакон с репудином, собирается на остров, необозримо длинный, аж до Нефтеюганска, которого «нет ни на глобусе и на карте не найти», разделенный реку на двое. Завезли туда буровую. Пробьют шурфы, зальют бетоном и это будут надежные сваи, даже на хлипких грунтах. Селевым Венька отныне помощник машиниста на буровой установке Безмерно горд назначению под начало Фетюкова. Горд и рад.

Фетюкову три месяца до пенсии. Веньку Шнайдер назначил с явным намерением заменить ветерана.

В этом Венька солидарен с Робертом Ивановичем — чем он хуже кого-то. Варит голова.

На остров их перевозит катерок «Наплавный», и Венька вразвалочку ступает на прибрежный песок, бросая взгляды на буровую, самого Фетюкова, мастеряшего что-то из проволоки и марли.

– Не помешает, — словно самому себе или в пустоту роняет машинист-ветеран, — парно и место низкое, самое то для гнуса. Известно...

В Карпатах такого понятия нет. Там воздух как слеза чист. Селу их Дряны тем более повезло: на продувном взгорье раскинулось, никакой такой кровососущей твари не водится вовсе Дрян на взгорье. О гнусе Венька знает только теоретически и считает, что это сущая пустяковина при современных средствах. Обильно натершись репудином, подтягивает разболтавшиеся гайки, заливает масло в тавотницу. Между тем бур, словно чем-то недовольный, всхрапывает, всхрапывает, ввинчивается в песок. Старушка-буровая вся поскрипывает, покряхтывает, перегоняя тросы по барабану лебедки.

Фетюков опустил на лицо самодельное рыцарское забрало, ухитряясь видеть сквозь марлю, в которой малые прорезы со стеклами

На острове совсем темно. Липняки обступили буровую, и, может, с реки, оттуда, валят полчища мошек. Голодные. Настырные, они бросаются, как корсары, на абордаж уроженца предгорий Карпат из села Дряны. Репудин мало-помалу испарился, мошки с комарами этим и воспользовались. Венька вылил на себя содержимое из флакона, но через полчаса крылатые жужжащие отряды снова сжали кольцо, залезли в волосы, под рубаху. Венька всюду чувствовал жалящие уколы, свирепо махал руками. Пробовал бегать по острову, но орды не отставали.

Венькино лицо от укусов распухло, и подушечки закрыли глаза.

— Дядя Фетюков, ослепну! — сквозь гул и грохот закричал Венька. — На эту пакость у меня аллергия.

Фетюков невозмутимо сидел за рычагами, у пульта, и соорудение из проволоки и марли еще более впечатляло.

— Ослепну ведь, — простонал Венька. — Невосприимчивость у меня...

Фетюков кажется ему привидением марсианским, притянутым к полу толстущими анкерными болтами. Веньке становится невыносимо тягостно от сплошной шевелящейся каши, нестерпимых осатаневших тварей.

— Дядя Фетюков! — взывает в третий раз.

— Дура, — спокойно произносит Фетюков. — Чего сумятишься? Сделай маску, и вся недолга. В таком месте завсегда гнус. Кумекаешь? Корешок твой, землячок Янька, аль не ссудил марли?.. Гнус, он с загвоздкой, навязчивей татарской орды: на кого валом валит, а другого ни в синь — порох не тронет. К примеру, слепень и овод моей прокопченной плотью брезгуют, но мошка — эта завсегдатайка... С удовольствием к вкусным льнет.

«Янис... Марля, — мельтешит в мозгу Веньки. — Он доброе предлагает, а я? — Венька выхватывает из кармана конфискованный остаток, обматывает им голову и концы марли запускает под рубаху, оставив лишь узкие щелки для глаз. — Барахло! Тупица! — костерит себя словами Яниса. — Нравственного человека оклепал...»

В этот момент он обостренно уважает Яниса.

«Учительский отпуск у него, ну, и махнул, — оправдывал близняка Венька. — Что ж такого. Марли привез — догадливей ОРСа. Фетюков прокопченный, твердокожий, и тот благодарен. Мне, аллергичному, сам Бог велел...»

От реки ползет туман, холодает.

— Шабаш, отбоярились, — машинист сдвигает забрало на голову.

Венька, не дожидаясь пересмены, бежит к катерку, прочувственно говорит подвернувшемуся раноставу Шнайдеру:

– Никакой Янис не барышник, привык к ребятишкам, о взрослых печется. А я... Все мы патриоты дубленые...

Роберт Иванович недоуменно смотрит на опутанного марлей, как в скафандре, поммашиниста и хохочет — с наслаждением, долго. Потом бросает по-шнайдеровски авторитетно:

– Заварил кашу, сам и разваривай без сольцы. Да сними маску, не Дед Мороз... Солнышко светит и греет...

Янису в это время снится жена Олеся. Провожая к мостовикам в Сибирь, она сует ему тючок марли:

– Для экипажа бурильного Веньки Драча...

– Я это, я...

Янис открывает глаза, и точно: у постели его порицатель из отеческого села Дряны. Янис хочет рассердиться, но при виде разукрашенной укусами физиономии кривит в усмешке губы:

– Шалопай!

– Верно! — с трудом разлепляет Венька подушечки. — У тебя — предвиденье, у меня — аллергия. Квиты.

В окно общежития заглядывает любопытствующая синева неба.

На самом деле был такой грубоватый Венька, их, таких однодумов, и сейчас немало. И Янис был — образ не собирательный. Ситуация была. Я лишь подкорректировал кое-что и оставил вам. Читайте. Улыбайтесь.

Переезжая речные «перекиды» Севсиба, вспоминайте моих подельников..

Так это было. Странички дневника пригодились.

Чуть не опоздал

Не увиделся с Солохиным летом 1999 года в Тюмени на отметинах 90-летия со дня рождения покойного начальника Тюменьстройгути, Героя Социалистического Труда Дмитрия Ивановича Каротчаева, дирижировавшего стройкой. В облцентре Валентин Федорович не появился, но готовился встретить гостей спецсостава у себя в Сургуте после юбилея. Я с гостями не поехал и в Сургут не попал. Все же «след Тарасов отыскался»: узнал, что Валентин Федорович по-прежнему в строю, с мостовиками, в прежней должности — генеральный директор. Решил съездить после выхода первого тома «исто-

рии», в который включил повесть о севсибовцах. «Точки» приложения было две — знаменитый в семидесятые годы самотлорский буровик Геннадий Михайлович Левин, в Сургуте возглавивший управление, и он, Солохин. Вначале разыскал буровика, вручил книгу с памятным автографом, повыведал о тамошних этапах, после чего попросил подбросить до «Мостостроя-11». Сургут — город немаленький, на холмах и пригорках, что тебе швейцарский Берн или Баден-Баден какой-нибудь, по сравнению с компактным Нижневартовском. Не тотчас доберешься. Так что попросил об услуге.

Начальнику управления ничего не стоит, отрядил «Волгу». Домчал водитель, будто я — кум королю и сват министру, к ступеням очень симпатичного здания, в котором ДАООТ занимает первый этаж, а выше — квартиры работников общества, почти весь аппарат в этом доме. Удобно так: спустился вниз — и на работе. Из приемной я прошел в кабинет к Солохину, распростер объятия, не вызвав особого встречного восторга. Суперзубр мостостроения с поредевшей, засеребренной шевелюрой холодновато-раздумчиво отреагировал, помедлил как-то, собираясь с мыслями, взвешивая, оговорился, что, мол, опоздал я: главное событие — автодорожный однопилонный мост через Обь почти готов, и готов о нем буклет. Впереди — ничего равного ему.

Я возразил на это, что меня больше интересует собственность у собственника, чем героические трудовые свершения. Много лет выведывал у нефтяников, но пора обратить взор на другие коллективы. Это несколько задело его. Он охотно заявил, что сохранил свои мощности, хотя находились желатели разорвать комплекс, попользоваться раздробленным на части. Отстояли. И те некоторые желатели остались у ворот.

Из своих были желатели.

Дальние — они хапают сырье, машиностроительные комплексы, все, что дает при готовых наработках скорую отдачу: выжал-бросил, пока президент не помышляет о национализациях и конфискациях. В коллективах, подобных мостовому, прибыль надо зарабатывать в поте лица, умеючи. Говорят, что крупные объекты может финансировать только государство, в том числе мост обского масштаба, но, оказалось, может и нефтяной округ при его губернаторе Филипенко. Может!

Вдумчивый Солохин, видимо, решил, что я пригожусь, не опоздал с написанием истории моста, и даже поинтересовался, почему я не попросил денег на издание первого тома. Я сказал, что еще не поздно помочь, серия продолжается. Валентин Федорович вызвал в кабинет председателя профсоюзного комитета Анатолия Захаровича Мясникевича и за-

крепил меня за ним. Тотчас мы выехали в ознакомительную поездку на мост. Миновали знаменитую Барсову гору, место культовых поклонений хантов и стоянок древнего человека, где однажды, в советскую пору, обосновался мостоотряд № 29. Вскоре открылся однопилонный, монтируемый в нескольких десятках метров от железнодорожного. Солохин когда-то предлагал поместить автодорожный на одних с железнодорожным сваях, но верха отклонили предложение: слишком торопились пропустить поезд до Сургута, отрапортовать к какой-то дате.

Но нет худого без доброго: новейшей модификации сооружают автодорожный, всему просвещенному миру на удивление. Есть чем гордиться. Договорились встретиться с Анатолием Захаровичем на испытании «верхней палубы», как именуют мостовики настил, самосвалами с песком. Созвонимся, и я подъеду. Заключили такое своеобразное соглашение.

Я вглядывался в просторы, что открывались с Барсовой горы. По стальной магистрали спешили поезда. Для кого-то обыденно, незаметно, а я вспоминал прошлое, недавний юбилей покойного командарма стройки, и рождалась новая глава, связующая день вчерашний с сиюминутным, что является продолжением начатого нами в шестидесятые годы на трассе по имени Севсиб.

Панорама в масштабе истории

В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 8 декабря 1965 года «О строительстве железнодорожной линии Тюмень — Тобольск — район Сургута», министерство транспортного строительства поручило выполнение этой задачи управлению строительства из Абакана, которое передислоцировали в Тюмень в первом квартале 1966 года и переименовали в «Тюменьстройпуть». Вот когда ярко проявились сплоченность и преданность. Из Абакана в Тюмень почти в полном составе отправились работники основных строительно-монтажных поездов, автобазы, отделения временной эксплуатации. И хотя в бытовых условиях вновь пришлось начинать с нуля, оптимизма не утратили. Мозговой организационный штаб во главе с Д. Коротчаевым осел в Тюмени. Поезда рассредоточились по трассе. Темпы строительства превосходили Абакан — Тайшетские.

1966 г. — начало работ от Тюмени до Тобольска.

1967 г., 25 октября — первый поезд пришел на берег Иртыша в районе древней сибирской столицы. Отныне Тобольск,

когда-то обойденный наземными транспортными путями, стал на большом пути «из Варяг в нефтяные Греки».

1967 г., декабрь — укладка первых пролетов будущего моста через Иртыш.

1969 г., март — установлен последний пролет. 29 марта на станцию Тобольск прибыл первый пассажирский поезд.

1972 г. — весь путь до Тобольска — 222 километра — сдан в постоянную эксплуатацию. Дальше, в сторону Сургута, трасса пошла через урманы, болота, большие и малые реки, места, где почти не ступала нога человека.

Д. Коротчаев:

— На Севсибе приемы строительства, опыт, который был прежде, полностью использовать просто невозможно. Переувлажненность, большое количество болот, ограниченность грунтов, сезонность пригодности их, резко различные условия работы на смежных участках, бездорожье, проблемы завоза материалов — вот неполный перечень обстоятельств, которые и определяют специфичность трассы до Сургута, ее непохожесть на другие дороги.

Особенность еще и в том, что всем — от простого рабочего до руководителя — видна необходимость скорейшего сооружения дороги. Геологам, нефтяникам, всем, кто осваивает Север, она нужна, как воздух. Прежде, на Абакан — Тайшете, такой жизненной необходимости не было. Люди строят дорогу, дорога строит людей, закаляет характеры. Показывает, на что человек способен при совершении доброго чего в экстремальных условиях.

1973 г., 3 декабря — на 575-м километре трассы забит «серебряный» костыль. Рабочие поезда пришли на станцию Юганская Обь.

1975 г., 5 августа — в Сургут прибыл первый поезд, главными пассажирами были сами строители. Они пересекли Обь по новому уникальному двухкилометровому мосту. «Родные мои, вот вы и дошли!» — такими словами приветствовал их писатель Борис Полевой, редактор журнала «Юность». В штабном вагоне начальника управления Тюменьстройпути Д. Коротчаева вспоминали дела минувших дней: тот же «серебряный» костыль на 575-м километре трассы, первый тепловоз на берегу Иртыша и первый гудок на Юганской Оби. Каждый километр магистрали обошелся в миллион рублей, окупил миллиарды.

В числе гостей главный проектировщик Севсиба от Тюмени до Сургута, главный инженер Сибгипротранса Али Халилович Алиджанов и второй секретарь Тюменского обкома партии Геннадий Иосифович Шмаль.

Строительные десанты уже рубили просеку на Уренгой, самому Ледовитому океану. Конечный пункт, определенны в 1965 году распоряжением Совета Министров СССР, бы достигнут. Но дорога еще продолжалась и вместе с нею продолжались пути ее творцов, чтобы впоследствии кануть в безвременье распада страны и порабощения бывших советски республик доморощенными и забугорными спрутами.

Д. Коротчаев:

– Со мной работают люди, которых помню и знаю по Абакан — Тайшету еще совсем юными. Теперь это мои первые помощники: Олег Шапошник — главный инженер управления, Виктор Фролов, Михаил Бороданов, Николай Доровских – заместители управляющего. Сергей Лебедкин, Викто Горченок — начальники строительно-монтажных поездов... Я тут недаром сказал о великой пользе сочетания человеческих качеств. Например, так, Виктор Горченок, человек весьма интересный и своеобразный, незаменимый в стартовый период, когда все только начинается, очень энергичен и порывист. Рядом с ним точный холодный расчет главного инженера Олега Шапошника — не просто обуздывающий момент, а необходимое деловое дополнение...

Если же говорить о положительных качествах моих молодых помощников в целом, следует, прежде всего, отметить вот что: обладая изрядным количеством информации, молодые строители, мои коллеги, стараются объем этой информации увеличить. И конечно, не самоцели ради — с пользой для дела и для собственного развития и роста. У них хорошее будущее.

1977 г. — на строительстве линии Сургут — Уренгой организованы новые строительно-монтажные поезда. Открыто движение поездов до 134-го километра.

1978 г. — в постоянную эксплуатацию введена линия Сургут — Нижневартовск длиной 216 километров.

Все участки трассы передавались министерству путей сообщения с постоянными жилыми поселками, центральным водоснабжением и отоплением. Станции оборудовались автоблокировкой, диспетчерской централизацией стрелок и кабельной линией связи.

1980 г., 29 декабря — рельсы главного пути достигли Уренгоя, вбит «серебряный» костыль, до Уренгоя открыто движение поездов.

Ныне конечная станция эта именуется Коротчаево. Железнодорожная линия .. линия «судьбы...». И она бесконечна...

Жизнь Строителя-Созидателя с большой буквы Дмитрия Ивановича Коротчаева таким образом тоже продолжается — в дальнейших делах его учеников и последователей.

Последователи совместно с сыном Коротчаева и провели юбилей, чтобы затвердить имя надолго.

1981 – 1985 гг. — построено 585 километров главных, станционных и подъездных путей. Электрифицирован участок Кармак — Тюмень — Вагай протяженностью 145 километров на Транссибирской магистрали. Строительно-монтажный поезд № 280 ввел в эксплуатацию здания горкома и горисполкома, аэро- и железнодорожного вокзалов в Тюмени, ставших архитектурным украшением областного центра.

Действует полярная стальная ветка Ягельная — Ямбург. Это самая высокоширотная железная дорога в мире.

И все эти созидания, огромные направления и вдохновения, поиск мысли, моральные и физические перегрузки — все для того, чтобы нобелевский лауреат бросил походя будущему президенту: «Да раздайте вы эту собственность, все равно через два-три года попадет в чьи-то руки», а будущий президент заявит журналистам уже не походя: «Национализация и конфискация?! Вот этого точно не будет!» и спрут, доморощенный и забугорный, жадно чавкая и всхрапывая, поглотил собственность поколений, в первую очередь сырьевые запасы, оставив общество и государство в роли попрошаек своего же кровного.

Действительно, у Владимира Владимировича пониженное чувство опасности.

Явь и былое

Длина Обского однопилонного переезда (назовем так!) 2 110 метров, но вся изюминка в вантовом пролетном строении — безопорном строении, что тянется на 408 метров. Подобных мировая практика не знает. Плюс в том, что пролет этот в самой судоходной части реки, где рекордная — до тридцати метров глубина. Стояк на прибрежной опоре удерживается вантами — толстыми канатами из специального сплава. Таким образом удалось обойтись без двух русловых опор, оставить дорогу плавтранспорту. Пролет висит над водой. До сих пор считалось, что подобные сооружения под силу уму и воле только загранице. Солохин доказал обратное.

И вот — испытание «верхней палубы» — настила моста, всего его тела. Проще говоря, проверка грузоподъемности: насколько прочно сооружение. Для этого загрузили сорок два

тяжеловесных самосвала песком и они двое суток ездили по мосту. Испытание однопилонный выдержал. Акт без обиняков подписали все члены приемной комиссии.

Наметили пустить мост 16 сентября 2000 года в торжественной обстановке: разрезать красную ленточку в присутствии губернатора округа, разбить бутылку с шампанским и пустить автопоток. А еще — дать огласку событию, чтобы знали в Москве и далее.

Будет к 16-му все готово для приема гостей.

А до этого подготовили пролетные строения — с наплавного парома, где их смонтировали, подтянули на постоянное место с помощью мощных домкратов, применяемых при подъеме крышек ракетных шахт, и со скоростью долей метра в час *справили по точному курсу. Угодили* чок в чок. Уже когда пролеты легли на опоры, как по заказу, разыгрался шторм, ветер ураганной силы обрушился на конструкцию, еще не закрепленную. Говорят, как живая ходила, но выдержала натиск стихии, доказала жизнеспособность. И все это время Солохин с инженерами и рабочими бодрствовал на «верхней палубе», тревожился.

Пронесло.

Изыскания однопилонного провели тоже «старики» из Сибгипротранса, проектировавшие Севсиб. Они хорошо знают геологию грунтов, определяют глубину забивки свай. Чтобы узнать несущую способность грунтов, прежде забивают трубы — давят домкратами: как отреагируют. Вычисляют глубину заложения свай.

Надвижку пролетов делали «старики» из 29-го Мостоотряда.

Руководивший работами главный инженер отряда с Барсовой горы, что по соседству, Игнатов Евгений Евгеньевич ударил колотушкой в железный лист.

– Шабаш...

Гора ответила легким эхом и умолкла, остановились домкраты. Расслабились барсовцы. Один на радости даже чечетку сплясал, а главный инженер удовлетворенно молвил:

– Во всем умельцы...

Гора плоска, как ладонь, утыканная мелким сосняком, заповедная. На ней до сих пор находят древние реликты: кости мамонта, монеты, оружие, хантыйский обиход... Про это и рассказал ребятам главный, немного склонный к археологии. Странно, что МО-29 зачем-то потребовалась именно гора, как будто возле не могли остановиться. Памятники археологии следует оберегать. В советскую пору не оберегали. Многое разрушили.

Разошлись барсовцы в полночь. Вечность здесь разбудили окончательно и навсегда: к железной добавилась автодорожная магистраль.

С Анатолием Захаровичем мы отобедали в столовой, просторной и светлой, с вкусными недорогими блюдами, доброжелательным обслуживанием. Контору миновали, и начальник сильно обиделся, пожурил Мясникевича по телефону. Есть, мол, что показать и рассказать писателю. Не сомневаюсь в этом, есть! Наверстаем пробел, заедем обязательно в следующий раз.

Зато побывали на последнем сварном шве (всего шва накрутили в общей сложности около 80 километров). Последний лучшие из лучших мастеров огня положили столь тонко, что не шов — гладкая зеркальная, выверенная под линейку поверхность. На стыке вантового и обычного балочного пролетов шов подвижный, на холод и жару реагирующий. Этот — с подогревом соприкасающихся поверхностей. Температура металла круглый год остается неизменной. Точно ее просчитали.

Прочность вант, пилона, «верхней палубы», опор учли.

Конструкции изготовила в основном Курганстальмостконструкция, тесно сотрудничающая с администрацией Лужкова. Авторитетная. Подходы отсыпал местный Северавтотранс, песок ему намыли гидромеханизаторы. Опоры отводили и монтировали конструкции все мостоотряды 11-го.

Хлопотали пять лет.

А многие не верили Солохину, что справятся за пять. Он верил — командарм, подобный Коротчаеву!

Вернувшись в «Мостострой», я пообщался в приемной с секретарем Наташей (Солохин уехал в ночь на мост проверить подсветку пилона — маетная душа), послушал инженера ДАООТ Наталью Петровну Соколовскую, в девичестве Роман. Она поведала горячо о том, как рос и мужал комплекс, как его удалось сохранить и в чем корни мостостроевской жизнепрочности. А дело в запеве было так. Она еще молодой девчонкой работала в Тобольском госархиве, и вот однажды, было это в 1966 году, обращается к ней начальник мостоотряда № 15 Солохин и просит дать материалы характеристик Иртыша в разные времена.

Разговорились. Он окончил институт инженеров железнодорожного транспорта в Новосибирске. Учился охотно, настойчиво. Жил бедно. Мать из Красноярского края ничего не могла прислать. В свободное время разгружал вагоны, подрабатывал кочегаром. Вытянул все-таки. На Севсиб, в Запад-

ную Сибирь, явился по зову души, с большим желанием. Сам молодой, ценил молодежь. Пригласил Наталью Петровну секретарем к себе. Она согласилась.

Н. Соколовская:

— Парней и девчат много приезжало, весело, шумно жили в общежитии, интересно. Занимались самодеятельностью в Доме культуры, спортом. Ездили на большие соревнования, добивались побед.

Первый десант на Барсову гору отплывал из Сузгуна. Его возглавил начальник будущего мостоотряда № 29 Александр Яковлевич Косяков. С ним отправились многие энтузиасты. Бригадир Гончаров почему-то не захотел отправиться. Сегодня многие из энтузиастов на ключевых постах в ДАООТе. Иван Прокопьевич Нечто — начальник участка в Тобольске, Роберт Иванович Шнейдер — главный инженер в Санкт-Петербурге.

Кроме предприятий, научно-производственных учреждений, изыскательских и прочих организаций, своих подразделений заметно потрудился аппарат «Мостостроя» — от инженеров и техников до начальников отделов, главных специалистов. Наталья Петровна Соколовская — одна из таких. Супруги Шанауровы известны ей по Сузгуну, теперь Владимир — заместитель Солохина по производству, Галина — по капитальному строительству. Тогда за четыре с половиной года возвели мост на Иртыше. В 71-м переместились на Юганскую Обь. Анатолий Захарович Мясникевич стал инженером ПТО. А до этого был арматурщиком, бетонщиком, мастером, начальником отдела труда и зарплаты. Плыли на теплоходе «Ленинский комсомол» в сентябре всей конторой. К этому времени Шнейдер подготовил базу, жилье, магазины, школу, почту — самое неотложное. Постарался на славу.

Здесь Соколовская поступила на заочное в техникум, профессиональной мостовичкой стала. Ее диплом обмывали всем коллективом. Поздравляли, самовар подарили. Кучно, по-общежитски жили. А родилась она в Березово, неподалеку от дома опального князя Меншикова. После организации «Мостроя» — треста — Солохин взял с собой «стариков», отдельное здание возвел по Энергетиков, 26. А до новоселья хотелось какое-то время на Барсовой горе под перекликами кедровок и гомон туристов, которые, заодно с древностью, хотели посмотреть на известных мостовиков. Вдруг да к ним сам Валентин Солохин с крылечка тесового спустится, произнесет несколько фраз о пройденном былом. Некоторые сами в контору прорывались, благо, тогда охраны еще не вводили. Доступ свободный.

В Сургуте стали во всем самостоятельными, никто не досаждал барсовцам. А подчинялись по службе напрямую Москве, никаких Тюменей или Новосибирсков, лишних опек не любили.

— Девять полных лет здесь, — подытожила Наталья Петровна. — С созданием треста возможностей для созидания прибавилось — это главное. Текучести кадров в аппарате почти не было, нет и сейчас. От добра добра не ищут, лучшего руководителя, чем Солохин, не найдешь. За ним как за каменной стеной, упористый. В поре зрелости — 67 лет. Мыслит и действует свежо, молодо, энергично. Ему под стать главный инженер Сергей Николаевич Дядькин.

Успокоились лавные специалисты, [illegible] лающих. И люди все интересные, с приличным стажем.

Оказавшийся по случаю в ДАООТ директор Тюменского дорожно-строительного института Владимир Федорович присоединился к беседующим, восхитился последним достижением солохинцев:

— Сам мостовик, я не поверил тому, что общество способно на такое. За пять лет создали чудо строительного искусства. Молодцы!

Валентина Федоровича дождался-таки, усталого, вымотанного, с покрасневшими глазами, упросил прокомментировать ситуацию, он, вздохнул... но не умолчал.

В.Ф. Солохин:

Филипенко раз в квартал бывал на совещаниях, проводил производственные графики, утверждал. Не чурался повседневки. Он и строительство финансировал. Задержки, конечно, были, но в конце концов рассчитались со всеми исполнителями. Не все исполнители сразу согласились соучаствовать, не все верили в затею. У нас в аппарате тоже не все. Надо мной в открытую иронизировали: «За пять лет такое провернуть! Нет, не получится. У нашего «генерала» крыша поехала. В таких-то природе и климате за пять лет!..» Но надо мной уже не висели обком партии и ЦК, а Филипенко позволил дерзать. В советскую пору я убедил заместителя министра Щербину в реальности этой затеи, он уже было согласился поразмыслить и дать добро при следующей нашей встрече. Во всяком случае дать ход делу. Но нахлебался чернобыльской радиации и угас скоропостижно. И опять отодвинулось. А тут — перестройка. Явились молодые предприниматели, захотели они развернуться. Начали проектировать, искать деньги. И вдруг иностранцы отказались финансировать

стройку. Коммерсанты обанкротились, все закрыли, но проект моста уже был, и была у меня прекрасная мобильная организация мостовиков. Она рвалась в бой. Идея создания однопилонного принадлежит мне, я двадцать лет мечтал о таком. Мечты сбылись много позднее.

Важно то, что сбылись.

Радость победы

Накануне пуска я позвонил Анатолию Захаровичу Мясникевичу в Сургут. Он ответил, что билет пригласительный мне готов и можно выезжать. Я выехал. Явился поздно вечером, в дождь и ветер, не согласовав встречу на вокзале. Ночь мерз под продувными сводами. Зато утром из «Мостостроя» отправили сразу на теплоход «Генерал Карбышев», где принял теплую ванну и сразу уснул. Обедали в ресторанчике на втором этаже, от фруктов и салатов, икры вазы ломились. Чего только не было в меню. Еще полдня пролетели незаметно у речного пирса, на «верхней» и «нижней» палубах. Внизу глухо стучали дизеля. Я побывал в капитанской каюте, в машинном отделении.

«Карбышев» — это тот самый, на котором в семидесятые совершался писательский маршрут, самый престижный «Нефть-газ». И отбирались в число участников его — в рамках Дней советской литературы — наиболее маститые литераторы или кто сумеет «показаться» секретарю областной писательской организации К. Лагунову. В число счастливчиков я не входил. Мне доставались маршруты второстепенные — третьесортные. Зато сейчас навытяжку были вахтенные матросы и капитан, машинисты в отсеке.

Огромный красавец теплоход — наследие минувшей эпохи — жил «Карбышев» трудно, перебивался случайными заказами: то обслужит богатеньких нефтяников, то через тех же нефтяников или северные администрации школьников покатает. Выживал пока. К ледоставу готовились, пора было определить его в Тюмени на зимнюю стоянку, и времени оставалось немного.

Утром повезли автобусами на мост. Я угодил случайно, не разобравшись, с курганцами. Они явились на своем «ЛАЗе», веселой, шумной компанией, с выпивкой. Предложили и мне «стопарик», узнав, что я писатель и готовлюсь издать книгу. На мосту встроились в шеренгу машин. Спустились к реке на специально подготовленную площадку, там, на дебаркадере, был

устроен огромный экран телевизора, фиксирующий происходящее, и оттуда намеревались произнести речи хозяева и приглашенные. Узрел в толчее Филипенко и губернатора области Рокецкого, депутата Госдумы от Сургута и Нижневартовска Рязанова, всеизвестного Юрия Неелова с Ямала... Гремел гимн мостовиков, сочиненный нефтеюганцами. Свистел ураганной силы ветер вперемешку с дождем, многих заставлял вразплох. От него негде укрыться. Пронизывает, колобродит, вводит в дрожь. И опять курганцы оделили стопариком для согрева. Они загодя припасли бутылку со злодейкой, «пасли» своих. Вернее, пас профсоюзный лидер, расторопный голосистый парень. Я числился у них уже своим. Братство возникло быстро.

Вразплох застала непогода корреспондента «Местного времени» Светлану Коновалову — в легком джемперке, с изящным зонтиком. А вот Александр Петрученя из «Новостей Приобья» на своей машине, весь в кожаном. Согласился увезти озябшую Светлану попутно в Нижневартовск. Встретил корреспондентов из Ханты-Мансийска, Сургута, Тюмени. Подробно описывает наши реалии в пору размежевания «юга» и «севера» главный редактор «Сибирского посада» Владимир Князев. С ним познакомился как-то в Ханты-Мансийске, на юбилейном событии и с тех пор приветствовал. По скамеечкам на берегу хлестал дождь. Зрелище, в общем, не очень праздничное. Ждали конца мероприятия.

Понимая это, Солохин — дирижер — некоторым не дал слова на дебаркадере, полагая, что восполнят во Дворце культуры, речи остальных были кратки, предельно сжаты — на дебаркадере тоже не Африка и не Рио-де-Жанейро. Еще поднялись на мост разрезать ленту на въезде и разбить или распить бутылку с шампанским, потому что такая толчея учинилась, что я чуть своего друга, вконец озябшего депутата Александра Рязанова не свалил, от чего до сих пор дико смущаюсь и переживаю. Только Солохина не брали ветер и дождь: вышагивал неутомимо, везде успевал распорядиться, дать интервью журналистам, направить торжество дальше.

Мост и днем сиял огнями. Его охраняли автоматчики с собаками — новый стратегический объект жил своей самостоятельной жизнью. Начал жить. Еще не сняты флаги и транспаранты, не просохла краска на пилоне, но уже выстроились на подъезде — вереницами со стороны Сургута и Тюмени — трассовые автопотоки. Ради которых и городился огород, чтобы ехали куда душе угодно — на все четыре части света. Нетерпеливые из верениц даже сигналили: поскорей, мол, завершайте, устали ждать! И выстраивались вослед когорте гостевых автобусов, отправляющихся ко Дворцу культуры, где

готовилось основное торжество, где надеялись поразмяться возле фуршетных столов, пообщаться с друзьями.

Снова панорама в рамках истории

Рассказали специалисты:

Ханты-Мансийский округ занимает важное место в экономике и энергетике России и по своему экономическому потенциалу входит в первую десятку субъектов Российской Федерации. Природные богатства Западной России явились причиной смещения сюда экономической активности в бывшем СССР, обеспечивающей образование и строительство городов и поселков, рост численности населения, строительство дорог.

В результате на территории округа Ханты-Мансийского и Ямала создана мощная нефтегазодобывающая и энергетическая промышленность. Доля Югры в общероссийской добыче нефти и производстве электроэнергии составляет 57, 6%. На ее территории, наряду с еще не тронутыми кладовыми нефти и газа, обнаружены золото, свинец, ниобий, тантал и др. Многие месторождения являются уникальными по запасам и качеству, но разведка и разработка сдерживается отсутствием дорог. Пока сдерживается.

На протяжении последних десятилетий строительство транспортных артерий осуществлялось здесь в основном ради производственников. В результате появились отдельные узлы и коммуникации, не связанные между собой и прилегающими к округу территориями, дороги ориентированы в меридиальном направлении, отсутствуют магистрали общего пользования. Для преодоления этих перекосов распоряжением губернатора округа в декабре 1994-го создали департамент, перед которым поставили задачу разработать концепцию строительства автомобильных путей в Западно-Сибирском регионе и ее реализации на территории округа. Две, из указанных в концепции, магистрали входят в число восемнадцати основных автодорожных коридоров России. Это дорога Томск — Нижневартовск — Сургут — Ханты-Мансийск — Ивдель — Серов — Пермь протяженностью 2 857 километров, которая обеспечивает связь транспортной сети европейской части России с Транссибом, и автомобильная трасса Тюмень — Сургут — Новый Уренгой — Надым — Салехард протяженностью 1 971 километр, обеспечивающая состыковку Ямала и Среднего Приобья с общей транспортной сетью России.

На общем участке этих магистралей от Сургута до Нефтеюганска трасса пересекает Обь. Могучая река, разделившая

ханты-мансийскую территорию на две части, до сих пор не имела автодорожных мостовых переходов от Томска до Обской губы и являлась основным препятствием для устойчивой транспортной связи. Движение транспорта через реку осуществлялось по паромным переправам, а во время ледохода и ледостава прекращалось совсем.

И вот 30 марта 1995 года, с подписанием губернатором А. Филипенко распоряжения № 248-В «О строительстве автодорожного моста через Обь в районе Сургута», давняя идея соединить округ воедино стала реальностью. Генеральным проектировщиком перехода определился институт «Гипротрансмост», генеральным подрядчиком по сооружению однопилонного, естественно, АООТ «Мостострой-11». В «Гипротрансмосту» над воплощением трудилось более пятидесяти лучших специалистов института, поломали головы изрядно А. Мельников, Б. Мариков, М. Казанцева, И. Леднева, В. Одинцов.

Изначала озадачились проектом на уровне мировых оценок, с учетом отечественных материалов, новейших технологий, одним словом, всего самого-самого и даже лучше.

Усложнялось воплощение особенной геологией донных грунтов, гидрологической и метеообстановкой будущей стройки. Такое сопутствие значительно утяжеляло поиск москвичей-проектировщиков, усложняло инженерные изыскания Сибгипротрансу. Комплекс научно-исследовательских и экспериментальных работ, осуществленный кафедрой «инженерной геологии, оснований и фундаментов» МИИТа, лег в основу успешного решения устройства фундаментов автодорожного однопилонного, единственного в своем роде в азиатской части России. Основанием опор моста является глина, несущая способность которой оценена в 5–6 кг/см^2. Полное статистическое испытание свай сибгипротрансовцами показало гораздо большие возможности глин. Последующие испытания опорных свай, испытаний грунта специальной установкой, дополнительные испытания и теоретические исследования выявили процесс структурных изменений глины при высоких нагрузках и обосновать ее несущую способность в пределах 30 кг/см^2.

Эти работы явились основополагающими при создании надежных фундаментов. Специальное оборудование позволило погрузить сваи на глубину более сорока метров, исключить разуплотнение грунта основания, обеспечив необходимые структурные изменения, и добиться высокой несущей способности глин.

Пролетные строения — в основном классического стиля. Их главная отличительная черта — уникальный монтаж. На-

личие однопилонного вантового пролета с небывалой для таких мостов длиной говорит о серьезности задачи.

В стране отсутствует теория решения ее как таковой, отсутствует и практика возведения подобных композиций, пришлось все создавать заново: от программного комплекса до многочисленных конструкционных направлений. Аэродинамическую устойчивость системы определяли ученые из ЦАГИ, известного в литературе по роману Александра Бека «Жизнь Бережкова». По испытаниям в аэродинамической трубе составили немало расчетных коэффициентов, отработали конструкции обтекателей на балке жесткости и барьерном ограждении, демпферных устройствах на вантах, изменили сочетания перильного ограждения, объединены стойки пилона в верхней его части.

Достоверность расчетного программного комплекса подтверждена серией методологий ученых МИИТа под руководством А. Носарева.

Уникальное вантовое пилонное строение высотой в 160 метров, длина основного пролета над Обью-рекой 408 метров.

Из записок:

«Мостострой-11» Солохин возглавляет с момента организации его предшественника треста в декабре 1975 года. За это время стали реальностью сотни и даже тысячи больших, средних и малых переходов. К 1990 году занимали по объему работ второе место в Минтрансстрое. Удачное завершение моста через Обь — логическое завершение длительного этапа и отправная точка к новым свершениям. Давно на различных уровнях доказывали необходимость связующего звена через эту преграду, сама жизнь подталкивала. И вот удача блеснула: в 1995 году молодой губернатор округа А. Филипенко в конце марта подписал решение о строительстве его, а 5 апреля провел совещание, дав команду начать строительство. Сказано — сделано. 26 октября на опоре № 14 десант с Барсовой горы «распечатал» погружение первой металлической трубы под свайный фундамент, добился успеха, доказал, что проект реален, грунты прочные. По примеру барсовцев вступили остальные мостоотряды. За три года поставили все опоры.

А в начале 98-го барсовцы «распечатали» сборку пролетов правобережья, впоследствии провели сложную и ответственную надвижку их с помощью мощных демпферных приспособлений со скоростью 18 м/сутки. Вес одного такого балочного пролета 9 410 тонн. Длина всей надвигаемой плети 1 514 метров. 20 ноября надвижку успешно завершили.

В работе использовали автоматическую сварку под слоем флюса с металлохимической присадкой. Общая нить швов 28 тысяч метров.

Такая вот длинная длина!

Сделали все, чтобы вывести отечественное мостостроение, мало что из застоя, на мировые рубежи. Весь мир строит вантовые, висящие мосты. И только мы не продвинулись вперед. И вот изменили погоду. Завершив в июне монтаж винтового пролета, провели для огласки многолюдный митинг. С показательной целью. Теплые слова благодарности прозвучали тогда в адрес губернатора. Только благодаря твердой позиции Александра Васильевича, его воле и пониманию ситуации завершена стройка.

Нашлись свои, незаемные мостовики, отсыпщики подходов – строительные управления, закрепившие откосы плитами, георешеткой, специальными растворами на случай их размыва; нашлись гидромеханизаторы, проектные, научно-опытные, изыскательские.

Генеральный директор Курганстальмоста Николай Васильевич Парышев поставил последние конструкции, как обещал, в июле двухтысячного. Вправе был послать на торжество свою делегацию, и сам приехал, держал речь во Дворце культуры. Не гость — участник события.

Приехали многие издалека — те, кто на пенсии.

«Мостострой» в пути и много доброго еще совершит на просторах, сто очков вставит всяким и прочим спрутам, сегодня растаскивающим сырье, все, что можно растащить, прикарманить, пустить на нужды далеко не всенародные, отечественные. «Альфа-групп» и «Мостострой», Солохин с Филипенко и олигархи звездно-полосатой окраски — неравнозначные созвучия. В скромных пиджачках с лацканами советской поры, ростом невеликие, головасто-мудрые, с ясными открытыми взорами, прочной осадкой, корневой связкой с Югрой отличимы от звездно-полосатых, Солохин с Филипенко совсем иные.

На открытии моста губернатор области сказал:

– Дорогие друзья!

Рад приветствовать вас со знаменательным событием наших просторов, всей страны — завершением строительства автодорожного моста через Обь. Это итог напряженной, самоотверженной работы многих и многих людей — всех, кто поистине ударным трудом приближал этот день. Мост через Обь — это воплощение живой инженерной мысли, это результат внедрения передовых технологий, профессиона-

низма, энтузиазма, преданности делу, высокой ответственности.

Это и пример эффективного сотрудничества различных структур, нацеленных на общий результат.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что задача по реализации крупнейшего строительного проекта в истории Югры успешно выполнена. Внесен огромный вклад в развитие автодорожной отрасли округа и Российской Федерации, вклад в наше общее будущее. Впереди новые горизонты, дальнейшая работа на благо и процветание нашей земли.

С праздником! С большой трудовой победой, дорогие друзья!

Вездесущий Филипенко

Губернаторская епархия А. Филипенко велика по территории и экономической значимости.

Округ входит в первую десятку по добыче нефти и газа, производству электроэнергии. Территория Ханты-Мансийского автономного полмиллиона квадратных километров. В бытность Александра Васильевича и при его непосредственном участии открыли Центр искусств для одаренных детей Севера: преобразили весь окружной центр, соединив его автомагистралью с большой дорожной сетью России; открыли университет в Сургуте и пединститут в Нижневартовске, филиалы Тюменского государственного университета и сельскохозяйственной академии. Много хорошего сделали.

Девиз А. Филипенко: «Будь умным! Не соблазняйся. Не воруй».

Не жалует Александр Васильевич ни крайних правых, ни крайних левых, он посередине истины. Возглавил общественно-политическое движение «Югра» — с единой программой. «Все для человека!» На последней его инаугурации поклялся Александр Васильевич верно служить народу, добросовестно выполнять возложенные на него высокие губернаторские обязанности, уважать и защищать права и свободы человека, соблюдать Конституцию Российской Федерации, устав Ханты-Мансийского автономного округа.

Выполняет. Ничего не скажешь, молодец казахстанец по рождению.

О личном в его жизни подробно печатали газеты накануне выборов, помещали снимки с женой и внуками. Милые очень все, круглоликие, ясновзорые. Очень русские.

А.В. Филипенко, губернатор Ханты-Мансийского автономного округа

Ханты-Мансийск от Нижневартовска далеко, долгое время был обособленным, пока 31 марта 1992 года не стал самостоятельным субъектом Федерации, уравненным в правах с другими подобными образованиями в составе России. Подписал этот веский договор и стал губернатором в «первой редакции» А. Филипенко. Обыденная фамилия, каких много, ни о чем, кроме должности, вначале для многих не свидетельствующая.

Так было вначале.

И когда работал председателем окрисполкома, в окружкоме партии, 18 декабря 1991 года, Указом президента РСФСР был назначен главой администрации. Я тогда трудился на нефтепромысле, политикой интересовался мало. Ответственный секретарь Угро-Ямальской писательской организации в разговорах о насущном все упоминал Александра Васильевича, а для меня это имя — пустой звук вроде. Ничего конкретно-предметного. Хотя оперировал А. Тарханов вещами конкретно-предметными: строительство возле холмов Дома писателей и назначение ежемесячного писательского пособия членам Союза писателей России, неработающим пенсионерам.

Постепенно имя «уплотнялось», крепло, ширилось будто. Привлекало к себе всеобщее уважение. Александр Васильевич выступал на первом организационном собрании по поводу создания новой писательской организации Ханты-Мансийской, сообщив, что пособия писателям-ветеранам будут, распоряжение такое он подписал. А Дом писателей уже был построен, и в нем справили в тот раз новоселье. Организацию же закрепили за комитетом полиграфии и средств массовой информации, возглавлял и по сей день руководит которым милейший Александр Константинович Мишунин.

Еще с трибуны А. Филипенко похвалил роман нижневартовки М. Анисимковой «Порушенная невеста» и быстро очень исчез. Видимо, дела неотложные торопили. Люди такого ранга знают, сколько и где им быть.

Работая над повестью о восстании в 1921 году против большевиков на территории бывшего Сургутского уезда, адресовал Александру Васильевичу письмо с просьбой о комментарии на это событие, но ответа не дождался. Скорее дождался от президента Б. Ельцина. То ли не дошло послание, то ли не счел нужным отвлечься на подобную докуку. А вторично судьбу я уже не искушал. Решил понаблюдать за Александром Васильевичем со стороны.

Возможность такая представилась на праздновании «Семи миллиардов тонн ханты-мансийской нефти» в Ханты-Мансийске. Я оказался в числе почетных делегатов от Нижневартовска. В здании администрации потрогал ручку двери его приемной, сама приемная у губернатора оказалась на кодовом замке. Ручка желтоватая, блестящая, будто из драгметалла. Этим наблюдением только и удовольствовался. Зато вечером в актовом зале Центра искусств для одаренных детей Севера насмотрелся на А. Филипенко вдосталь. На сцене и потом, в банкетном зале, А. Филипенко выглядел коммуникабельным, по-хозяйски перемещался среди присутствующих. Произвел впечатление человека «с приглядкой», все помнящего, чуткого к аудитории и сознающего свою роль в совершающемся событии.

Доброе произвел впечатление.

Еще ближе увидел А. Филипенко на «красном» стыке Обского однопилонного моста. Когда его сварили летом минувшего года, губернатора попросили написать автограф рядом, на гладком покрытии мостового перехода. Он быстро склонился, сделал несколько похвальных росчерков. Я в это время находился рядом, успел рассмотреть прямой зачес его волос, плотную убористую фигуру, взгляд слегка улыбчивый, (не все открывай, — приглядись, оцени). Голос у губернатора чуть глуховатый. Ростом Александр Васильевич невелик, но от этого при ширине плеч, всей крепкой складке значительности в нем не убывает. Еще в нем проглядывали всепонимаемость и добродушие. И еще — внимание ко всему происходящему, что заметилось и на «Семи миллиардах тонн нефти». Видимо, ум этого человека перерабатывал в такие моменты очень много информации. Работал мозг этого человека неутомимо, вбирал молниеносно новое, знаковое, позволяя быть уверенным в любой ситуации. Быть и свойским и одновременно слегка отстраненным, человеком, на котором вся ответственность за полмиллиона квадратных километров территории, за каждый удар бурового долота и тонну нефти, за все население и отдельного жителя края.

В тот «мостовой» день под открытым небом он без чопорности общался с рабочими, инженерами, главными специа-

листами, — когда-то в должности мастера мостоотряда № 442 Александр Васильевич «распечатал» свою трудовую биографию на строительстве моста железнодорожного, что протянулся в 67 метрах от нынешнего автодорожного. Он был среди своих. Уж так ли много воды утекло с тех пор у институтского выпускника Саши Филипенко? Знает ежемесячные процентовки, акт-наряды, глубину котлованов и ночные авралы. Возрос за полвека в могучего политика и хозяйственника. И вырастил себе подобных.

Не думаю, чтобы новый губернатор Сергей Собянин не ощущал его влияния, во всяком случае действуют сообща, локоть в локоть, дума в думу. И помыслы у них общие: «все для человека на вверенной им территории»!

После встречи В. Путина в Сургутском аэропорту Филипенко поутру объявился у нас в Нижневартовске — встреча с избирателями или что-то в этом роде. Я в первом ряду уместился, ближе к сцене. Видимо, был у них в Сургуте легкий фуршет, — Александр Васильевич слегка помятый, не выспавшийся, жаждал разминки. С трудом выслушал начало доклада директора ТНК «Сибирь» Олега Нама, добродушно остановил его: «У нас не производственное заседание. Давайте по существу вопросы».

И ему стали задавать обычные в таких случаях вопросы — по социалке и о грядущих переменах в лучшую сторону. Александр Васильевич отвечал, при этом передвигался от трибуны к столу, за которым вначале сидел, а то подступал к краю сцены — ближе к народу. Обходился без микрофона. И что удивительно, его глуховатый голос был слышен отчетливо всюду. Даже на балконе.

И весь последующий день ездил по предприятиям, встречался, говорил. Сколь я ни старался, не смог поспеть за ним. И лишь по телевидению восстановил весь его внутригородской маршрут. Вместил этот маршрут очень много, свидетельствуя об огромной работоспособности губернатора, для которого мелочей в предвыборных делах, вероятно, не было. Он выиграл кампанию с подавляющим большинством. Восемьдесят процентов проголосовали «за». Может, и потому, что большевики строили социализм без демократии, а младореформаторы безуспешно утверждают демократию без социализма. А. Филипенко использует оба крыла. Делом занимается, не демагогией, и дело у талантливого работящего человека, для которого прежде всего конкретный человек с его земными запросами, спорится.

Формы работы губернатора разнообразные. К сожалению, не видел его в кабинете, за той приемной с кодовым замком,

не знаю распорядка дня, но полагаю, что столь же деятелен, сосредоточен, как всюду. Весной прошлого года видел его в Госдуме, в президентской администрации, беседующим оживленно с высокорослым Егором Строевым. Он и там успел везде. Только что был на Краснопресненской набережной в Доме правительства, уже с депутатами округа Лотаревым и Рязановым обсуждает очередной законопроект, и вот уже спешит в аэропорт.

В период формирования правительства округа часто бывал в белокаменной. Руководитель нашей организации Н. Коняев со вздохом говорил: «Трудно застать Александра Васильевича, приходится решать неотложное с заместителями. Но он все равно в курсе всех дел. Интересуется подвижкой наших писательских проблем».

Губернатор успевает при его занятости правильно оценить обстановку у писателей, журналистов, в самодеятельных коллективах. У нас при организации два раза в год выходит великолепный альманах «Эринтур», газета «Югра литературная», учреждены ежегодные губернаторские премии за лучшее произведение. К семидесятилетию округа учредили одноразовую премию за рассказ, стихотворение, очерк.

Не один десяток изданий финансирует правительство. Москвичам засзжим перепадает по случаю. Этим направлением А. Корнеев занимается. Спортсмены двинули проект лыжного центра, и Александр Васильевич идею реализовал. Влияет на комитет по недропользованию, добычу нефти и геологию приглядисто опекает. Опирается на коллектив. Потому и успевает. Поэтому и уважаем. В свои пятьдесят успел много и поработает еще во славу Югры, отказавшийся пока двигаться во вне. Жаждет реализоваться сполна в своем губернаторстве.

Он родился в Караганде 31 мая 1950 года, русский, по специальности инженер-строитель мостов.

Мостопоезд № 442 был его взлетной стартовой площадкой.

А с 1977 года — политическая дорожка от инструктора окружкома КПСС до первого секретаря Березовского района и второго секретаря окружкома. В середине восьмидесятых с первым секретарем Валерием Андреевичем Чуриловым пытался реформировать систему управления экономикой и социальной сферой, излишне централизованную. Готовили проект закона «О Ханты-Мансийском автономном округе». Но только при Б. Ельцине идею удалось реализовать. Управление стало более гибким, оперативным, позволило сделать округ таким, каков он есть сейчас — экономически наиболее

мощный из прочих субъектов Федерации. Жаль, если расформируют, упразднят по решению президента и Государственной Думы. Слушки такие идут. В газетах появляются публикации. Рискуя проиграть, это могут все-таки сделать. Управлять такой огромной территорией, как Тюменская область весьма и весьма сложно.

Сейчас есть стабильность. Для одного миллиона четырестов тысяч жителей решаются главные, острые, жгучие проблемы с учетом этнографического своеобразия коренных народностей ханты и манси. Округ добывает нефть и газ, строит новые города и поселки, промышленные объекты, перерабатывает древесину. Прогнозирует на 50–100 лет вперед.

Почти десять процентов федерального бюджета из перечислений округа, и это при населении менее одного процента в российском сопоставлении.

Ликвидация тюменских северных округов волнует многих.

На вопрос корреспондента Александр Васильевич как-то ответил:

— Тема должна изучаться, исследоваться. Должны предлагаться варианты, схемы устройства государства в связи с новыми реалиями. Но делать это надо вдумчиво. Главные законы в государстве должны быть едины для всех. Специфика отдельных субъектов Федерации не исключает своего законотворчества, но в рамках федеральных законов. Я уверен в этом. Конституционные преобразования должны быть чрезвычайно взвешены, продуманы, просчитаны.

Почти тридцать лет он на Севере, душой и нервами припаялся, всем своим существом. Ради земляков-хантымансийцев, ради всей страны проявляет настойчивость и талант. Делает многое, успевает всюду, ведет управленческий корабль намеченным курсом, избегая необязательных подводных скал, отмелей и штормовых ветров, когда корабль мотает и наносит ему серьезные повреждения. Филипенко — достойный капитан.

Честь и хвала ему, его единомышленникам!

Счастлив, что живу на земле губернатора Филипенко, вижу перемены к лучшему и, подобно Александру Васильевичу, иной земли не ищу.

РОДИЛСЯ У СИНИХ МОРЕЙ

1

Я благодарен этой женщине, она стала для меня проводником в новые миры, которые доселе были призрачны или незримы вовсе, и они, явившиеся мне миры, вошли в бытность ярко, цветасто, прочно. Обязан ей открытием величайшего государственника патриота Семена Палия, ректора киевско-братской коллегии образованнейшего Иоаникия Галятовского, всей гоголевской Полтавы, града Керчи и всего Крыма — историческим переосмыслением Малороссии и Таврии, прежде именуемыми Ойкуменой.

И все это увязывалось с именем нижневартовца Виктора Остаповича Палия, начальника главного территориального управления «Сибирь», вице-президента российско-белорусской нефтегазовой компании «Славнефть», депутата Тюменской областной Думы, ныне генерального директора ООО «Славнефть-Нижневартовск».

Женщина, в вечерних сумерках депутатской приемной показавшаяся одиноко-сиротливой, загадочной, осенней какой-то — почти блоковской незнакомкой, сказала, что очень уважает Виктора Остаповича, своего земляка, читает все, что пишут о нем. Не пропустила она и мои книги. Упомянула о центральной Украине, Полтаве, о музее-заповеднике «Поле Полтавской битвы», Семене Палии, далеком потомке нашего Палия. И вот именно тогда в сумеречный вечер она и сказала, что в музее есть портрет «поджигателя» и что очень знаменит на Украине Семен Палий, известен всенародно.

Я тотчас загорелся, вдохновился, решив при первой же возможности нанести визит, разузнать подробно. И порасспросил женщину о ней самой.

Зовут ее — Наталья Петровна Лукаш. Мать Натальи Петровны живет вблизи Керчи, а родственники мужа — полтавские и кременчугские, и потому они с мужем каждое лето бывают в тех краях. Впечатления самые благоуханные, свежие, просятся наружу. Наталья Петровна возраста среднего, очень мила, хороша собой. В ней простодушие и потаенная печаль, она, кажется мне, сродни ремарковским героиням с их неизбывной ностальгией по иному, чем то, что окружает в докучливой суетной повседневности, но обстоятельства обязывают быть на Севере. И она трудится в приемной депутата, своего земляка.

Именно эта женщина добыла мне карты полуострова и самого города Керчи, копии путеводителей и краеведческих изданий о древнем Боспорском царстве, его столице Пантикапее, правителях. Основали Пантикапей на западном берегу Киммерийского (Керченского) пролива в VII веке до на-

шей эры выходцы из ионийского города Милета. Первая торговая фактория со временем стала крупнейшим античным городом в Таврии. Вокруг него появились другие поселения эллинов: Тиритака, Мирмекий, Нимей. В течение девятисот лет Пантикапей являлся связующим центром могущественного рабовладельческого государства, расположенного по обе стороны пролива. Его территория на восток простиралась до нынешнего Новороссийска, на север — до устья Дона.

Путеводители рассказывают и о нынешних керченских достопримечательностях.

Я очаровался бы ею, этой женщиной, если вообще способен был очароваться кем-нибудь и чем-нибудь, кроме документальной литературы. Наталья Петровна осталась для меня источником информации на заданную тему — о В.О. Палии, что уже само по себе важно и значительно. Она с детства знакома с Керчью, чувствует, осязает ауру моего персонажа. Знает до мелочей прихотливые изгибы и сломы южных улиц, древние памятники, роскошь растительности, вкус кефали и хамсы, взблески дельфиньих спин.

Все это дорого ей и дорого, чувствую это, моему персонажу. Они — «дубовые листки, оторвавшиеся от ветки родимой», но не утратившие с ней корневой общности, несущие свое в северные дали, пробуждающие аромат иных времен и народов, иных культур, воззрений, личностей. Взрастали под одинаково жарким солнцем, у синих морей — Азовского и Черного, но в жизни соприкоснулись только в Сибири, пересеклись их пути вдалеке от теплых морей...

2

Мальчишка был высок, худощав, подвижен. Не по возрасту вдумчив. По ступеням, что вели высоко в гору, или минуя лестницу, взбирался споро на вершину Митрилата; на горе скамейки со сфинксами, подобие трона могущественного царя, откуда грозный владыка любил созерцать просторы, где принимал судьбоносные решения. В античные времена возвышался здесь шестиколонный храм Аполлона, покровителя города и всего края с его мореходцами, а ныне возведен музейный комплекс, высится обелиск славы воинам-освободителям Керчи, и горит здесь Вечный огонь памяти о погибших в пору отступлений и штурмов.

Моря синие именовались Понтом Эвксинским, бывали тут неоднажды гунны, хазары, печенеги, римляне. Флотилией до пятисот лодей проплывали россы. И князь Олег направлялся к Константинополю, чтобы на его вратах прибить свой побе-

В.О. Палий

доносный неустрашимый славянский щит. Может, потому пролив именовался Русским.

Менялись хозяева, пустел и расцветал вновь город на перекрестке путей, звенели мечи и копья, ударяли стенобитные машины, свистели ядра, разноязычные раздавались возгласы. Возникали центры ремесел и торговли, зодчество проявлялось многоликое. В Аджимушкайских каменоломнях сражались современные нам воины и партизаны, до пятнадцати тысяч вместили их подземелья, оставшиеся от строительных выемок. Одному из отважных, Володе Дубинину, памятник поставлен возле пролива, на просторной набережной.

Сто семьдесят дней длилась беспримерная борьба с врагом хорошо организованных гарнизонов под командованием полковника П. Ягунова и лейтенанта М. Поважных. При осуществлении Керченско-Феодосийской операции в штормовую ночь на 1 ноября 1943 года у небольшого рыбацкого поселка Эльтиген высадился морской десант, захвативший по фронту плацдарм в три километра и в глубину два. Зарывшись в грунт, эльтигенцы сорок дней и ночей отбивали по нескольку атак в день. А в ночь на 7 декабря того же года по приказу военнштаба, прорвав осадное кольцо, полторы тысячи десантников в темноте достигли Керчи и с тыла броском вышли на Митридат и прилегающие улицы.

Мальчишка не раз бывал в музее истории Эльтигенского десанта, бывал в каменоломнях и в бывшей турецкой крепости Ени-Кале, где русские воины некогда дрались с османцами, а воины советские доблестно выбивали из укреплений гитлеровцев.

Часто появлялся он у памятника юному пионеру-партизану Володе Дубинину.

Бродил возле церкви Иоанна Предтечи — с единственным куполом на высоком барабане, выстроенной в византийском стиле из бутокаменных блоков и плоского кирпича-плинфы. Свод ее изнутри подпирают темно-серые колонны с капителями. В советское время церковь закрыли, исчезли старинные иконы, культовые предметы, в том числе деревянная чаша IV века.

Мальчик и это знал, слышал про святителя Луку, архиепископа Симферопольского и Крымского, про многих почтенных служителей христианства и про поклонявшихся иным божествам, выступавших будто из дымчатых неведомостей. Читал про светских знаменитостей из давних времен и совсем близких.

Еще знал мальчишка про своего самовитого предка Семена, от которого и пошла эта их фамилия, после того как в Сечи Запорожской сжег казак Гурко, что родом из Борзны Черниговской губернии, атаманский курень. Его и прозвали тогда братья по духу «Палием», что значит «поджигатель». И будто видел зримо Семена с женой Марусей в закате вечера на крепких каурых лошадках скачущими в Сечь Запорожскую из села Пуховки Осетровского уезда. Ковыли степные заслаивают следы, плачут в ночи совы-озорницы, перекрикиваются перепела и стрепеты, зазевавшиеся дрофы сполошно бросаются из-под резвоногих коней прочь в темень. Серый оголодалый волк таится в логовище. А где-то хоронится разведчик крымчанин с азиатскими раскосыми глазками, сведенными в щелки.

И будто видел мальчишка, как удалой Гурко хоронил свою ненаглядную длиннокосую красу в дальнем пути, как поднял над скорбным холмиком тяжелую голову с оседлецем на те-

Воспитатель в детском саду, студентка-заочница Краснодарского педагогического техникума Любовь Устименко, ставшая спутницей жизни Виктора Остаповича Палия

мени, обратил взор в небо с крупными текучими звездами — плакал невольно и внимал высшему разуму — Господу. Каурого Марусиного привел о двуконь в Сечь и всегда хранил память о жене и прежней осетровско-пуховской сторожевой службе.

Слышал мальчишка шелесты трав, всхрапы коней, свисты стрел, стоны, ревы иноязычные: ногайские и османские, польские и немецкие. Во многих битвах побывал Поджигатель и со многими сразился бесстрашно, обретя добрую славу вечную и весть защитника сирых, бедных, подвижника единовластной славянской державы под московитянским стягом, за что и оказался оклеветанный в Сибирском изгнании. Си-би-р... Мальчишка произносил это без мягкого знака и воображал дальность огромным сердитым чудовищем с космами волос по всему телу, который увлек к себе и пытался повалить предка.

Не удалось одолеть.

Вернулся полковник Белоперковский и Охочекомонный в родные пределы, круто проявился в державной сече со шведами под Полтавой, за что и был обласкан самодержцем, поклявшимся не притеснять гетманщины и не доставлять личных хлопот Палию, предписав жить в Киеве или около. Упрямец же не покинул дорогого ему городка Фастова на Днепре.

Мальчишка поднимался на гору. Овеянная легендами и былями, она рождала в нем некую тайну Мира, которую старались понять все промелькнувшие живущие, но не смогли понять, потому что тайной были они сами, но понять хотели совсем иное. Они жили и растворялись в истории загадкой для других. О них толковали мальчишке работники музейного комплекса на Митридате, внушали туристы и намекали проплывавшие в проливе корабли, бухты и заливы полуострова, ветры, облака, волны, штормовые предупреждения, суета города. История не кончалась, и с нею продолжалась тайна бытия.

Он сам нес ее, свою тайну, еще неразвернутую, незрелую, чтобы проявить себя в мире людей. Он еще не знал тогда, что его не поймут впоследствии с его страстью к меценатству, желанием накормить и одеть всех, с неприятием жизни лишь ради личной сытости.

Штормовой предупредительный сквознячок вздувал пузырем его рубашку, холодил босые ноги, ворошил волосы, выгоревшие добела под южным палящим солнцем. Он ничего не замечал. Только движение миров с их тайнами занимало воображение. Оставаясь в настоящем, мальчишка жил в прошлом и одновременно стремился уяснить для себя движение

вперед — обстановка располагала. И поддерживала девочка Люба, не обременявшая вопросами, просто радовавшаяся жизни. И это было счастье двоих, пора выбора пути. От синих морей к зеленым холмам и равнинам, морозным и сугробистым, ельниковым и звонкососновым, с всевластным дыханием Севера, стальными и всякими градами, звонницами, горами без штолен и каменоломен. Его неумолимо влекло в Россию.

Она началась для него с Москвы, Института нефтехимии на Ленинском проспекте, с общежития — комнаты на тринадцатом этаже. А девушка Люба, ставшая воспитателем в детском саду, ждала его все пять лет, как ждут подолгу и всю жизнь свою тайну. И вот Поволжье, и в Поволжье капитальный ремонт скважин, и первые новоселья, новые соседи с примусом и керосинкой, сын Роман, которому суждено будет повторить путь отца на Ленинском проспекте и в общежитии на том же тринадцатом этаже. Их супружеская повседневность продолжится затем улицей Самотлорской, самой главной улицей для многих современников из племени нефтяников, и не только.

Бури века взволновали Северный край, свели многих людей в единый организм, где личное и общественное переплетается тесно, проявляется по-разному, но всегда — в движении. И движение это — уже история, создаваемая его участниками.

3

...Над Керчью небо синее, а понизу туманец с прозеленью, чайки головоломно, из озорства, врезаются в него. И снова возникают ниоткуда, радуются миролюбию. Отгремели в Крыму победные залпы. Дальше к фатерлянду гонят и гонят наши войска ворога. Но война войной, а жизнь продолжается. Остап Автономович Палий сменил гимнастерку на штатскую одежду. В мирную нефтеразведку отправился после демобилизации. На искромсанном снарядами, исклеванном пулями рельефе, неровном и бугристом, предстояло находить клады — в тех местах, где он командовал взводом разведки, ходил в расположение противника.

Он и находил клады, возглавляя коллектив геологов-поисковиков.

Родилось у боевого армейца три сына: Александр (этот еще до войны), Петр и Виктор. Старший в педагоги пошел, стал профессором, в нефтяном Губкинском обосновался, что академией теперь зовется; Петр полюбил шоферское дело, а Вик-

Армейская фотография В. Палия

тор, 1949 года рождения, сызмала познавший цвет и запах нефти, душою прикипел к земным глубинам. Кто ведь к чему пристрастен.

Виктор учился в столичном престижном вузе на проспекте Ленина, под крылом старшего брата Александра. Легко, будто играючи, дистанцию взял. Увлеченно постигал разработку по нефти и газу. В Куйбышеве тогдашнем еще один Палий был — брат отца, главный инженер объединения «Куй-

бышевнефть». Но начинал дядя именно в Первомайнефти, тамошнем НГДУ, что в городе Отрадном. Фамилия звучала, не забылась во времени. И планку требовалось держать соответственную. Виктор, по распределению оказавшись волжанином, ее и держал, избегая родственных поблажек. К тому же дядя стал директором «Гипровостокнефти» — далековато от производства. В ситуации на себя только полагайся.

Виктор в Отрадном постигал азы нефтяного дела в роли оператора подземного ремонта скважин, мышцы студенческие поослабшие усердно накачивал, соленым потом умывался. Затем он мастерил в Богатовснефти, это уже в поселке Нефтегорске, исподволь проявлял характер старшим инженером цеха ПКРС — подземного и капитального ремонта скважин. Знаю, что это поприще на нефтепромысле труднейшее.

Свой инженерный дар раскрыл сполна, работая начальником самого большого в Куйбышевской области Кулешовского нефтепромысла. Тогда и пришли к нему авторитет и всеобщее признание. А на Север зазвали Феликс Аржанов и Николай Дунаев, ныне покойные. Приехал в НГДУ «Заполярнефть», чья контора была в Нижневартовске, а управление входило в состав Нижневартовснефтегаза. Так в ННГ и пролег путь моего персонажа — двадцать с лишним лет назад; и снова ушел Палий на нефтепромысел.

«Было такое, — вспоминал Виктор Остапович, еще генеральный директор ННГ, накануне юбилея объединения. — Отец заболел тяжело. Мне необходимо вылететь к нему, а генеральный Федор Николаевич Маричев запрещает: с добычей, мол, запарка. Я предпочел карьере судьбу отца и положил тут же на стол заявление. После поездки и отправился поднимать дальнее Лорьеганское месторождение, в семидесяти верстах от города. Там имелось лишь пять разведочных скважин, пустоши да леса. Ничего, подняли и развили все как полагается».

Домой возвращался поздно, чаще не возвращался совсем, на промысле же и ночевал, слушал заунывные ветры. Любил работать одержимо. Азартом как морозцем его прохватывало. Особенно когда новый объект запускали. А еще ни с чем не сравнимый азарт испытал в Мегионнефти, до остервенения вкалывал там вместе с Владимиром Алиевым, который когда-то работал с его отцом на юге, в крымской нефтеразведке. В Мегионнефти Владимир Сейфалиевич доблестно начальствовал, так же, как в Белозернефти.

С попутчицей неизменной Любой, теперь Любовью Григорьевной, законной супругой, еще в школе керченской под-

ружился. Увидел ее впервые, когда она пятиклассницей была. После института поженились. И вот уже тридцать лет вместе. Она в управлении по компримированию газа у Хромова — социальным развитием занимается, а прежде беспорочно занималась трудом и зарплатой. Удивлялся я ее обыденности, тому, как жаркими деньками, в жаре и пыли, на ветру, и зимой в стужу трясется в «газике» по обледенелым бетонкам и занесенным снегами лежневкам — с проверками доходила до всяких объектов по компримированию.

Иногда к нам в редакцию еженедельника «Нефтяник» звонила по случаю доблестных производственных свершений, просила отобразить коллективные результаты на страницах популярного издания и заслуженных людей отметить поименно. Не только хлебом насущным одержима была, но престижем всего УКГ.

Была она свидетельницей всех жизненных и производственных перипетий мужа, у нее смело можно брать интервью на эту тему, вот выберу время и в числе первых порасспрошу Любовь Григорьевну.

В Нижневартовскнефтегазе Палий трудился и со знаменитым в свое время Виктором Иоганесовичем Оттом. В один год с ним из вузов выпустились с достойными дипломами, легко им работалось, счастливо, но Виктор Иоганесович скоро по линии «Зарубежнефти» отбыл на Кубу — преуспел в загранице.

А тут перестройка грянула, зашатались и рухнули прежние устои. Роль государства истончала на переломе, почти иссякла. В ННГ все сосредоточилось на генеральном директоре — вовремя обеспечь зарплатой, материально-техническим подспорьем для промыслов. Одень, обуй, накорми людей — тоже его обязанность, а за отгруженную нефть не платят. Виктор Остапович признавался между прочим, что доходило до нервных срывов, состояние безысходности охватывало.

Встречи, заседания и совещания в Москве ничего утешительного не принесли. Самотлор и прежде по-крупному обделяли, стали обделять еще больше, никак и ничем не восполняя извлеченное из глубин. А он требовал и амбулаторного, и стационарного лечения, неотложной реабилитации. Месторождения ведь как живой организм с его артериями и жизненно важными органами, их врачевать изнутри и снаружи требуется.

Начали тогда хлопотать о реконструкции Самотлора, еще настойчивей зачастили в Москву, воздействовали на правительство, Госдуму. Зюганов и Рыжков с соратниками по КПРФ ответно побывали в Нижневартовске, встречались с горожанами;

бывал здесь наш выдвиженец из «Российских регионов» Владимир Медведев. Реконструкция (обновление) частично уже велась. Ее юридическое завершение пришлось на новых хозяев Нижневартовскнефтегаза — частных владельцев компании.

– Уйти от этой проблемы никаким владельцам не удастся, — предупреждал Палий. — В Самотлоре еще многое сокрыто, чтобы пренебречь им. Миллиард двести миллионов тонн.

Про «Роснефть» и проведенное ею внебюджетное восстановление скважин, замену труб, устаревших коммуникаций, про запчасти, масла, арматуру похвально отозвался. На сто пятьдесят миллионов долларов совершили успешные инвестиции, претворили в конкретно-предметные достижения, но, по мнению Виктора Остаповича, обрели взамен лишь упреки и наветы.

– Новые хозяева, — вспоминал в то время мой собеседник, — «Альфа-групп», пока не стали собственниками, они лишь крупный пакетодержатель акций, а проще сказать — акционер, заимевший сорок процентов на аукционе. Чтобы стать полным собственником, предстоит обрести еще одиннадцать процентов акций. — Очевидно было, что Палий размышлял о случившемся и заново переживал недавние события, когда скрещивались копья и далеко летели огнистые искры. — Противником москвичей, как таковых, я никогда не был, я их просто не знаю. Был и остаюсь противником их намерений. Помните, они хотели подменить живые деньги установкой на Рязанском нефтезаводе, каким-то ОКБ «Конас» и несколькими чуждыми Самотлору технологиями. И мы с помощью прессы и писем-протестов добились того, что москвичи выложили за акции много больше долларов. Вот ведь как! Восемьсот десять миллионов! Другое дело: какова природа этих дензнаков, где и под что заимствовали? Надо посмотреть, и как дела поведут.

– Жутковато было вступать в единоборство за чистоту операции? — спрашивал я собеседника.

– Не без того, — признавался, — жарковато и с холодком. Помнишь пресс-конференции, мои вожжи в белокаменную, надежность главного экономиста. В мое отсутствие все брал на себя Андрей Валерьевич Дохлов — напряженку в объединении и городе...

...Тревога, тревога... В окна кабинета засматривали облака, провисали в обзоре невеликом. Хмуро, блекло. Ветер натонял морось... будто грозил объединению. Тревога, тревога... Гумерский тогда — в 1997 году, в канун Дня нефтяника — заявил, что велика для восемнадцати миллионов тонн нефти

С коллективом Нижневартовскнефтегаза

в год численность работающих в ННГ, а конкретно — численность аппарата объединения, сму-де, аппарату, место на промыслах. Хаким Хасанович, незадолго до этого занимавшийся внешнеторговыми связями в Восточно-Сибирской нефтяной компании и не худо знавший родственный нашему регион, утверждал, что в соседнем Томске, где почти та же добыча, аппарат много компактней, оптимальней.

А Палий считал, что кадровая численность в ННГ вполне оптимальная. В Томске ведь и добыча общая соответственно меньше, во всяком случае была меньше. А москвичи не только по аппарату могли пройтись с новациями-урезками, но и промыслов бы не миновали. Упрекал мой собеседник Хакима Хасановича за то, что на последнем совете директоров ТНК

Встреча с Г. Зюгановым в Нижневартовске

Поздравление с днем рождения

На встрече с ветеранами

тот, оперируя по доверенности значительным числом акций, по всем вопросам голосовал против Нижневартовскнефтегаза. Понятно было, что к этой позиции Гумерского обязывало его положение в Тюменской нефтяной, но из этических соображений, считал Виктор Остапович, мог бы и перепоручить поездку в Тюмень кому-то другому.

Так было. А времени предстояло рассудить, кто прав, выявить истину. Много всяческих истин, личностных и коллективных. В первую очередь о собственности и отношении к формам владения ею.

В том же кабинете, где облака заглядывают в окна, Палий говорил с москвичами о возможности полюбовного сотрудничества в роли «вице» и внешнего управляющего, если документально закрепят социальные и прочие гарантии для Нижневартовска. И москвичи согласились — при условии, что Палий отзовет свой иск из арбитражного суда по поводу собрания акционеров. Его не в Москве, а здесь требует провести, местным коллегиальным решением закрепить необходимые права. Палий же отказался отозвать иск именно потому, что не мог пожертвовать «коллегиальным» и «местным». Как он выразился, после этого и осталось «темное пятно» между ним и москвичами.

При характере Палия, кремневом и гранитном, мечталось мне о содружестве Виктора Остаповича с Гумерским и бывшим сподвижником Маричевым, в молодом прошлом еще и урайцем, вернее, мечталось до поры. Вероятно, у обеих сторон были свои правды, сдобренные личными нюансами, но эти правды необходимо было свести воедино, отобрать лучшее в них, полезное и направить на общие благодеяния. Одной правды истинной не бывает. В основе должен лежать общий интерес.

Отдав 810 миллионов долларов (а может, еще и не отдав тогда?), «Альфа» вправе была требовать компенсации, но она возможна лишь при реконструкции месторождения и разумной деятельности сообща — от разработки недр до продажи сырья. Всем хватит работы.

Палий заметил, что неудобным он стал даже для бывшего генерального директора Нижневартовскнефти Гумерского, но все же видел в Хакиме Хасановиче единомышленника. А тут повернулось колесо судьбы. Затаили дыхание промыслы, ждут все чего-то. Устали ждать перемен, исхода судьбы. Некоторые уже к Москве с надеждой робкой повернулись. Там теперь тоже свои люди — кроме Гумерского в Тюменской нефтяной компании еще бывший генеральный директор ННГ, специалист с завидным опытом и стажем, Федор Николаевич Маричев. Ему предстояло в декабре минувшего года, после суда о лжебанкротстве объединения, занять должность внешнего управляющего. Но все это будет через несколько месяцев.

В совет директоров ТНК ввели Юрия Шафраника. Он местный, в Белозерке когда-то внедрял новую организацию труда. Возглавлял НГДУ в Лангепасе. Побывал главой област-

У первой скважины Самотлора

ной администрации, министром. Фигура, что и говорить, заметная. У Палия к нему претензии немалые, более острые, чем к двум упомянутым выше из ТНК. Обиды заквашены

опять же на равнодушии к Нижневартовскнефтегазу: отдают в частные руки объединение, значит, так тому и быть. Гнет, по мнению Виктора Остаповича, Юрий Константинович линию «Альфы».

В прессе Палий ратовал за стабильность всего региона, но и оппоненты говорили о том же, обещая необходимые права и блага. А на промыслах кончались ресурсы, страдало все производство. Добычу все-таки чудом ухитрялись держать, зато добытую нефть толком не продавали, неся огромные убытки. Сам вице-премьер Немцов неоднократно запрещал продажу ее за рубеж на том якобы основании, что ННГ не согласует потоки с компанией. На деле же из-за противостояния Виктора Остаповича альфа-групповцам, им правительство благоволило. По заявлению Палия, ему даже предлагали денежную «откупную» и высокий пост, лишь бы уступил объединение. Он наотрез отказался и стал неинтересен правительству.

А Палий собирался жить и работать в Нижневартовске, как его дальний потомок Семен Палий держался за Фастов, хотя самодержец Петр Первый предписал ему жить в Киеве или около. Только здесь! И нигде больше! Ведь здесь прошли самые лучшие его годы, по-настоящему побратался он с Сибирью и Севером. Холодновато, да, но напряженная работа и семья согревали. Семью он очень хвалил, стоило лишь тронуть эту ласковую струну.

С семьей я познакомился впоследствии.

Но больше про работу пытал я Виктора Остаповича. Что будет после акционерных собраний и совещаний, какой финал образуется? Будет ли он сам внешним управляющим или «вице», сохранит ли хоть какую-то самостоятельность ННГ и что станется с Самотлором? От роли «вице» Палий потому и отказался, что в Москве жить не хочет, — хоть в какой должности, но только здесь. Голова соображает, знаний и опыта достаточно, все образуется. В масштабе России продажа 40-процентного пакета акций ТНК «энергичным людям» — факт поучительный, выявляющий размытость приватизационного законодательства, позволяющего очень многое непозволительное.

Непозволительное и случилось.

Что-то будет? Тревога, тревога... Дождь уже изливается потоками сверху, придавливает, раскиселивает. Виктор Остапович подходит к окну, всматривается в заплетенное струями пространство, молчит. Его глаза непроницаемы, как стена, я беру собеседника, что называется, верховым чутьем, так обычно работает по чернотропу чуткая гончая, улавливая по воздуху тончайшие запашинки живого. Палий для меня мо-

нумент, глыба, врубаться в которую кайлом пустое дело. Надо верховым, проницательным... Я молчу. В кабинете устанавливается почти космическая пронзительная тишина, в которой слышно, как гомонит на дальнем Лорьегане дожимная станция, возведенная когда-то в порыве энтузиазма Палием.

Перед моим мысленным взором возникают очертания знакомых московских фигур. Ощущаю на себе печальный взгляд Александра Фурмана, кратковременного президента ТНК, фигуры почти драматичной; слышу Маричева, толкующего про бизнес-планы на пресс-конференции, когда Палий и Фурман бросают друг на друга угрюмые, подобные раскаленным камням, взоры; Юрий Шафриник почему-то грезится: ему доступ в Нижневартовск перекрыт, нелады у Палия и объединения с бывшим главой областной администрации и бывшим министром; Гумерский возле балюстрадки на втором этаже здания рассказывает мне про поездку в Австрию... Хозяин кабинета неудобен стал многим, притчей во языцех, а кто по-настоящему прав — поди разберись. Доверимся времени. Все еще неясно, за кем истина.

...Дождь все лил, поникли осокори, лижут стены домов и окна, скорби о приюте. В дымчатых далях на сборных пунктах, дожимных насосных станциях и компрессорных самотлорцы, и не только они, трудятся заученно в надежде на благополучный исход. По скользким бетонкам разнокалиберные автобусы и прочий транспорт пробиваются. Все это надо чувствовать, осязать, вбирать в себя «генералу», под которым закачались тверди, накренились. Палий мыслями там, и я не тревожу его, понимаю, что быть неуступчивым всегда сложно. Судьба в таком случае бьется на излом.

Так представлялось в канун Дня нефтяника 1997 года, уже в разгар событий, на пике их, но еще в неясной обстановке, когда одни и другие клялись в патриотизме, но симпатии горожан склонялись больше на сторону Палия, и потому отдадут ему избирательские голоса. «Чужих» побаивались принять за своих. Во всяком случае, такое чувство владело мною. Но, полагаю, не только мною — большинством.

Виктор Остапович сказал, что если бы сразу согласился на внешнего управляющего или «вице» или просто отдал Самотлор «энергичным» людям, то стал бы самым богатым человеком. Но не захотел! Предпочел отстаивать независимость региона, хотя абсолютной свободы в любом случае ни у кого и нигде нет и не бывает.

А я-то еще надеялся, что в связке единой с альфа-групповцами и ТНК окажется Виктор Остапович, что их неукротимая целеустремленность послужит на пользу всем и совмест-

ные усилия протянутся единодушно от Самотлора и Русского месторождения в Заполярье до Уватской группы возле Тобольска и Казахстана, где Гумерский уже по-хозяйски промыслы подбирал. В единстве сила, а не в раздоре, но это когда единство не своекорыстное, а общее, во благо всех — не группки лиц или прослоек. Русь всегда славилась междоусобицами, но брало верх общее и венчало победу. В девяностых «прихватизаторских» культивировалось личное ради личного, нам такого не надо, но обстоятельства диктовали обратное.

Виктор Остапович заметил, что ТНК еще при прежнем руководстве хотела иметь товарные потоки. Ей доверились вместе с президентом Ю. Вершининым, отправили нефть на Рязанский завод, но денег взамен не получили. Вот и образовался дефицит и зарплаты, и материально-технического снабжения, и пришлось отложить реконструкцию Самотлора. В такой неизбывной мороси да без дензнаков тоскливо народонаселению, даже из числа патриотов. Без сокращений численности отъезжать начинают.

Вообще, жизненная амплитуда Палия изобилует встряскам, так, словно он сам навстречу им стремится.

В августе 1991-го местные демократы, кучковавшиеся возле одной из газет, «вымыслили измену» ему, по сантиметру измеряли в дни ГКЧП: будто хотел в угоду заговорщикам замкнуть скважины и телеграммы будто сам слал приветные, с тайным смыслом. Палий по-казацки достойно оборонялся (сарынь на кичку!), следуя в контрброски.

В тот распая я шрапнельно брызнул по «демократам» — репликой в «Нефтянике». Редактора А. Ястребова не оказалось, а ответсекретарь Л. Токарева пропустила «После третьих петухов», и реплика сработала.

В те дни сражений цена акций ННГ сильно подскочила, и большинство из ближайшего окружения «генерала» поспешили продать личные акции, в какой-то мере лишив Палия защиты. Акций у сторон было пятьдесят на пятьдесят, а чтобы внести кардинальные изменения в устав общества, требовалось иметь три четверти. Половиной акций Палий сражался здесь и в столице. До последнего, чтоб потом людям смотреть в глаза честно, открыто... Исчезать стал чаще, загоняемый в угол напирающим организованно противником, может, на даче свои думы обдумывал. Остававшийся за него главный экономист Дохлов шутливо отговаривался: «Наш Остапович как Ленин в Разливе». Появлялся «генерал» так же внезапно, с черного крыльца, в окружении стайки телохранителей (к тому времени случилось покушение в лифте

на президента компании, можно считать уже бывшего, Ю. Вершинина), взлетал по ступеням к двери, появлялся на втором этаже. Решал неотложности. Снова исчезал.

Развязка близилась. Пресс-конференции созывали теперь альфа-групповцы. Едва отбил наветы о причастности к покушению на Гумерского справкой из УВД за подписью П. Попова, выбросили «чернуху» на страницы газет о мнимых миллионных долларовых счетах в зарубежных банках. Особенно усердствовала московская «Сегодня», местные издания «чернуху» перестиражировали. Против стаи отчаянно-лихо бился прекрасный публицист, пресс-секретарь Палия Игорь Кириллов, остававшийся с ним, подобно Дохлову, до последнего. (впоследствии он переместится в Ханты-Мансийск пресс-секретарем председателя окружной Думы С. Собянина).

Пока мы молчали под шум дождя, я мысленно побывал с ним на рыбалке, вместе мы внимали музыке весла и срывающихся с него в воду капель, шевелили глубинные рдест и рогоз сетями, тревожили кувшинки. Вступили в дачную горенку... Хотелось пожелать всем мира и благодати, безоблачного солнышка — прежним и настоящим.

...Тут дверь приоткрылась, хоть я и просил секретаря Галину Федоровну и помощника Виктора Бассауэра не мешать нам, и появился в проеме стройный молодой человек — Роман, сын Палия: после академии трудился бок о бок с отцом инженером в объединении. Вошел — и с ним отблеск ГАНГа и молодости появился, я уловил эту перемену атмосферы в кабинете опять же верховым чутьем, обостренным многолетней практикой. Вслед за Романом в дверях возник недремлющий Виктор Бассауэр, протянул телеграммы с красным грифом, должно быть, правительственные. От них почему-то повеяло холодком. Наверное, опять что-нибудь сногсшибательное. Заявил же Чубайс в интервью, что он много раньше предполагал: есть счета Виктора Остаповича в загрансейфах —подыграл так московской «Сегодня», словно обрадовавшись возможности метнуть в распаренную соль. Посгустил тучки на небосклоне.

Палий и взглядом не повел на телеграммы, отодвинул момент прочтения на потом. Мне уделял время, кстати на этот раз отказавшись от авторства своего преданного пресс-секретаря, предпочтя почему-то спецкора «Нефтяника».

Накануне ночью я изучал его личное дело — дома, по улице Мира. Оказалось — заслуженный нефтяник Российской Федерации, кандидат технических наук, академик Технологической академии. Во как! Академик, лауреат Государственной премии за внедрение прогрессивных технологий при ос-

воении Самотлора. И еще с перечнем последующих научных разработок. Например, по части флюидов в основных объектах разработки Главного месторождения страны и некоторых взаимосвязях основных характеристик добываемых газов.

Но, как я понял, не это для него основное, а чтобы процветали город и округ и чтобы люди пребывали под защитой благополучия. Вот он и восставал против «прихватизации». Кто перетянет? Не перетянет Палий, так отправятся люди дружно за пособием по безработице.

Семья отговаривала Виктора Остаповича от борьбы, жалела его: можно ведь иметь спокойную работу, жить иначе. Палию да не жить! С его-то умом и известностью! Но устойчивые принципы не позволяли ему склониться, пойти стороной, как проходит обочиной косой дождь, или, как закатная тень, маячить блекло.

Хотел жить наперекор ветрам. Чтоб полковые трубы пели ему.

Мы крепко пожали друг другу руки. Я спустился с крыльца, где фасад и длиннющие ступени, как с горы Митридат на плоскогорье, оглянулся на окна его кабинета, сам себе или Виктору Остаповичу адресуясь, произнес:

— Так-то вот, брат. Каждому из нас когда-нибудь приходится сделать выбор. Не в силе Бог, а в правде, правда и возобладает.

4

Люди, как потоки цветов, живут и отцветают по-разному: дольше, меньше, ярче. А иные камнями заглубляются в донный ил, доставляя неудобства плавпосудинам и ныряльщикам. И земля, и влага, солнце, травы и деревья составляют жизнь, неповторимую эволюцию, из частностей которой складывается общее движение. Стремясь понять частное, неизбежно приближаемся к общему, и этим стремлением сильны, потому что общее это всегда продолжение, и оно уже само по себе в грядущем — звено в вечности.

И это мое движение к Истине — Вечности.

Жизнь никогда не кажется мне одноцветной, именно потому, что она движение, значит, сам твой путь это необходимое звено в нем, без чего движение беднее, сиротливей. Пишущий стихи или беллетристику или справляющий «генеральские» обязанности — всякий и разный только тогда вполне живет, если осознает обязанности жизни как обязательное для грядущего движение и, значит, старается ее из личной сделать жизнью для всех.

Славя тех, кто живет для всех и каждого в отдельности, я пишу о грядущем, усиливаю его и укрупняю в масштабе творцов в их созидании грядущего, рассказываю о тех, которые, отцветая, не теряются и продолжают жить в памяти.

Остаются действенной силой. Их таких на самом деле за всю историю человечества было не так уж мало.

Следующее интервью с Палием случилось спустя два с половиной года.

К тому времени много воды утекло и многое определилось. Из крупных в объединении уволили «энергичные» люди подолгу думая А. Дохлова, хотя по достоинству оценили его бойцовские качества и принципиальность — от предложенных соблазнов Андрей Валерьевич отказался. Как и Палий. Он не очень расстраивался, перенес относительно спокойно перемену: специалист всегда востребуется, а вечного ничего не бывает. Помехи и возникают для преодолений. Обнажают мир в ином его срезе. Ни в чем А. Дохлов не переменился. Я его навещал в «Комвесбанке» и навестил в должности директора департамента финансов Мегионнефтегази. Чистоты душевной изумительной, родниковой он.

Палий сразу после заключения окружного арбитражного суда о банкротстве ННГ взял отпуск, а как только вернулся — был уволен. Приказ подписал Ф. Маричев, выигравший конкурс на внешнего управляющего. На какое-то время я потерял из виду Виктора Остаповича, но вдруг узнал, что он обосновался совсем рядом, в бывшем управлении дошкольных учреждений. Его депутатская приемная оказалась в кабинете бывшего начальника УСДУ, памятного тем, что Ю. Гончарук баллотировался на главу администрации города и успешно проиграл Ю. Тимошкову, как впоследствии сокрушительно остался при своих интересах С. Великий, руководитель СП «Колекъеганнефть». За Ю. Тимошковым из-за двух покушений закрепится слава человека, пострадавшего за народ, за город, местная Дума утвердит ему пожизненные пенсионные льготы.

Такие раскладки.

Остатки аппарата Ю. Гончарука еще сворачивали активы, освобождавшиеся территории занимали различные муниципальные службы. Сам Гончарук изредка появлялся, но только изредка. Ликвидацию осуществлял главный инженер УСДУ Азат Миргасимович Садыков, передавший мне для изучений свою послужную анкету. Ее храню до сих пор. В приемной милейшая Люба — секретарь Ю. Гончарука осуществляла по случаю связь Виктора Остаповича с внешним

миром, и с ним ее осуществляли через ясноглазую добросердечную женщину все, кому он был необходим. Палий часто уезжал. Люба знала: куда и насколько, если задерживался — тоже знала.

После нее эстафету приняли другие, но Люба долгое время была для меня солнышком в полупустынном и полубесхозном пока здании, добавлявшем грусти в и без того грустное. С нею добросердечием может сравниться лишь Наталья Петровна Лукаш.

Встретились с Палием хорошо: я не менял флага, наши позиции по «прихватизации» в стране и Нижневартовске по-прежнему совпадали. А это главное. Не поддались на чубайсовщину. Виктор Остапович мучительно искал варианты своей дальнейшей деятельности, не намеревался покидать город.

Через генеральную прокуратуру добился полной реабилитации по части загрансчетов и наветов газеты «Сегодня». Его восстановили в должности генерального и даже платили деньги, хотя в работе объединения не участвовал совсем. Деньги он раздавал просящим. Купил городу серию картин Рериха — целую выставку репродукций. Просящих было много всяких, приемная полнилась жаждущими, билась волнобоем от переполнявших комнату посетителей. Я почему-то не любил их. Как правило, эти люди не относились прежде к жизни своей и судьбе серьезно, просто держались на плаву, пока держала обстановка, жили как хотелось, вольно. Но вот сменилась обстановка — ушли воды, и они в цейтноте. На мели. Бросились к депутату.

Депутат добросовестно старался помочь каждому, даже если тот оказывался не с его участка. Две соседние приемные пустовали, занимавшие их народные избранники ни разу не появились. Идти не к кому. Палий принимал и добавочных, сторицей оплачивал доверие горожан, в минувшем декабре проголосовавших за него.

Одно время чуть не устроился начальником нефтегазодобывающего предприятия по разработке газоконденсатных месторождений «Газпрома», которое намеревались создать. По этой линии его курировал сын В. Черномырдина, и я подробно расспрашивал о нем и Р. Вяхиреве, надеясь на сближение. Досуг Виктор Остапович по-прежнему проводил на даче. На ней он любил возделывать цветы, как радетельно-основательно возделывают хлеб, картофель, кукурузу — старательно-любовно, почти нежно.

И вот так он разменял свое пятидесятилетие. Пятьдесят один отмечал в ресторане возле Оби, куда на торжество приходили все желающие и поздравляли, поздравил и я. Рядом с

именинником — Любовь Григорьевна. И так с утра до позднего вечера, шли и шли миролюбы.

Не появился в ресторане сын Роман — по «протоколу» не полагалось. У Палия-младшего летом, в самую межень, взял интервью в СП «Самотлорсервисиз», уплотненное в двадцать минут или полчаса. Разговаривал с Любовью Григорьевной в управлении по компримированию газа, намереваясь в «истории» обозначить дистанции нескольких родов, вокруг, подобно бусинам на нитку, закрепить проходных персонажей, хотя и относительно проходных.

Было желание воссоздать картину всей Западной Сибири в ее эволюции на стыке веков и раньше — через людей, которые не просто живут, но творят историю, оставляют в ней заметный след.

Не сомневался, что Палий при его недюжинном уме и характере, знаниях, логике найдет свое достойное место в жизни, не ассимилируется в потоке. Оставит свой след. Или уже оставил. Однажды спросил его напрямую, переживает ли поражение с «прихватизацией» Нижневартовскнефтегаза. Он не сразу ответил, после раздумий поднял на меня тяжелый, сумрачный взгляд, ответил: да, переживает, не все учел. Но и не все проиграл. Главные сражения впереди. Он боролся, частновладельцы под его напором и противодействием общественного мнения воздерживались от крутых мер в свою пользу, хотя линию гнули свою, и гнули настойчиво-непримиримо, виртуозно, как настойчиво-непримирим был к ним Палий.

Зарплата, жилье для горожан, налоги в казну — вот три столпа, на которые давил, добиваясь справедливости. Это звучало во всех его речах —в унисон общему настроению, потому что было правдой. Интервью, записанное лишь из потребности узнавания, — не для газеты, лежало и лежало безмолвное до поры.

5

Берег надежды означивался вдалеке, звал, манил, теплил уверенность, что отойдет вакханалия властолюбия. Палий встал на пути разрушения и был отброшен вакханалией, диктующей: «Не твое — это мое. Все мое. Хозяин только я». Его оппонент назвал преуспевающего коммерсанта Петермана сварщиком, а Виктора Остаповича безработным и так породнил их отрицанием значимости и одновременно усилил, потому что свел двоих воедино и они представляют силу удвоенную.

— «Альфа-групп» и ее нынешняя ТНК, — сказал Виктор Остапович в том, втором, интервью, — представляют инте-

рес на тропе времени, на улице Самотлорской. Не читал в «Совершенно секретно» про кокаиновые присадки для лучшего в России бензина Рязанского нефтезавода? Недобрые это люди из «Альфа-групп», в публикации удостоверено, что некоторые из них со студенчества занимались неблаговидным ремеслом. Проверено через комитет по безопасности Госдумы. Не реклама, а факт, как говорят.

Статью обозревателя Лурье в «Совершенно секретно» я читал, — по даже авторитетной печати как поверить? Если все так — то куда мы? Зачем?

В запросе В. Илюхина, воспроизведенном О. Лурье печатно, содержится список преуспевающих, замеченных прежде в доносительстве, связях с криминалом, сбыте наркотиков, подавлении конкурентов, взяточничестве и взяткодательстве, хищениях в особо крупных размерах... Но довольно, довольно! Бог спит, кто-то тешится.

Спросил Палия про оборот нефти, в разновесе, как практиковали это новые хозяева. Покупали на тот период у добычников по 650 рублей за тонну, продавали много дороже, в долларах. Налогов платили меньше, достатки капитализировали за рубежом.

— Новые «энергичные» справедливо опасаются возмездия, — развивал мысль Виктор Остапович, — и оставили в правлении компании одного Кукеса, в случае чего — пусть расхлебывает. А Семен Григорьевич — американский гражданин, с него шерсти клок. — Пояснил: — Совет директоров — это общая стратегия, ведет дела именно правление, вот Хан с Вексельбергом и ретировались на всякий случай. Ни при чем-де.

Я заметил собеседнику, что городская Дума обсуждала разницу цен. Не достучалась, что ли, до совести и разума?

Палий только усмехнулся.

— Выходит, не дожали, оставили многоточия... В то же время наши совместные предприятия и Сургутнефтегаз придерживаются другого правила, и в этом они государственники. Для всех радеют. «Альфа» не специалист в нефти, как таковой, сырье их никогда не интересовало, для них главное: приобрести дешевле, толкнуть дальше «с интересом». С набавками. Скоро раздербанят на аукционе остаточные госакции ТНК — 251 миллион «зеленых» стартовая планка их. Из них только 66 — взнос государству, остальные 185 — на инвестиции самим себе. Хитро! Государство останется с носом, история и география 1997 года повторяются сценарием на перспективу.

Виктор Остапович помолчал.

В окна втиралась сумеречь зимы, серая, осадливая. Лицо Палия в ней отяжелелое, бронзово-темное. Маловато ему возможностей, способен на большее. От формального генеральства (числюсь, но не «генеральствую») новые хозяева отстранили его через те же юридические инстанции — оспорили. Завтра суд по восстановлению в этом формальном положении. В приемной помощницы не хотели меня пускать: нужно было Палию сосредоточиться, но «вопросник» требовал жертвы, концентрируя на эволюции тех же частновладельцев. Кто они на самом деле? Какие? В благоприятной обстановке поднимаются, как козыли.

— После срежиссированного действа «Альфа» — полный владелец компании, истинная цена которой в миллиарды, а с учетом налоговых послаблений, нефтезапасов подкрутится еще. «Конд Петролеум» няганьский и захват Черногорки добавят дивидендов. Не скважины, а количество полезного в недрах продукта оттачивает стоимость рыночную. «Альфа» отлаживает организацию захвата того, что плохо лежит.

— Что сулит реорганизация ННГ?

— Ничего хорошего. Перенесут на новые структуры лицензии по разработке месторождений, действующие скважины. У добывающих предприятий останутся бумажки — акции, налоги и неизбежные ассимиляции в общем вареве. Дурачат ребята честной народ. Самотлорская тонна нефти для ТНК 650 рублей, в Черногорке — 1 410, у совместных предприятий она того больше. И больше в Сургуте.

Депутатство Палию не в тягость. Идут к нему с бедой и болью, и он занимается с удовольствием. Если даже одному удалось помочь, день прожит не зря — в радость. Скоро вручит восьми нуждающимся сто двадцать шесть тысяч рублей, «выбитых» им через областную Думу. Выбивает многое другое для малоимущих. В пору подлинного генеральства решал такие вопросы росчерком пера, простым поднятием телефонной трубки.

Меня занимало его затянувшееся раздорожье, спросил, когда определится. Возглавит что-нибудь производственное?

Он ответил без колебаний:

— Такое может произойти в любой момент!

Произошло в апреле 2000-го.

Из газеты «Местное время»:

«Виктор Палий вошел в руководство «Славнефти»

Виктор Палий, бывший генеральный директор Нижневартовскнефтегаза вошел в состав руководства российско-белорусской нефтегазодобывающей компании «Славнефть», где будет координировать деятельность предприятий компании в Ненецком

автономном округе Западной Сибири», — сказал вице-президент «Славнефти» Андрей Шторх.

«Приказ о назначении подписан вчера. Это решение принято потому, что Палий великолепно знает производство, регион, имеет богатейший практический опыт. Сам факт, что он непосредственно будет работать с геологами и буровиками, обеспечит максимально эффективный контроль над тем, как идут работы на объектах «Славнефти», — сказал он.

Палий будет возглавлять главное территориальное управление «Славнефти» «Сибирь» в Нижневартовске..»

Вскоре после этого в Нижневартовск и нагрянул президент компании Гуцериев, человек южный, горячий. Заявил ударно, что будет «зорить» Тюменскую нефтяную, присовокупит ее к «Славнефти». Все, что продается, то покупается. К тому времени «Альфа» прикупила акций российско-белорусских, внедрила своих людей в Мегионнефтегаз — в его совет директоров. Михаил Сафарбекович упразднил их, дав понять, что единовластие и своеволие кончились. «Славнефть» отряхнулась от спячки и прозрела.

Из ничего Палию предстояло создать совершенно новую производственную структуру, чтобы юным, бодрым ростком вписаться и расширить себя возле атланта ТНК, как в лесу деревья, теснясь кронами и корнями, пробиваются к свету, простору, равноправию.

6

Гуцериев мне понравился. Конечно, ему не перекувырнуть Тюменскую нефтяную и не надо ее разбирать на заклепки, но охладить пыл звонкоголосого соседа требовалось. Уже в правительстве поговаривали о «прихватизации» «Славнефти», и правительство попыталось раскидать остатки госсобственности по частным закутам, но Госдума отказала в очередном «девятом вале» для «энергичных» людей, которыми все уже настолько пресытились, что готовы обойтись без них. Но их культивируют на плантации. От усталости, что ли, отдали вникуда и внезачем, кидаемся в крайности. То ничего, то все.

Так Палий в отрицании крайностей как разрушения общего равновесия пришел в конце концов к депутатскому единству и заявлениям президента Гуцериева.

Палий мне — вместо подарены, других жалею или просто уважаю, Палия разгадываю (стремлюсь к лучшему), и это создает желание освоить других. А освоить для меня — значит написать о хорошем в них. Потому пристрастен ко всему и всем.

На приеме у депутата области за неполных три года побывало 1 738 страждущих, и только семеро остались неутешенными — не нашлось возможностей.

Кроме законотворчества определил для себя первым направлением заботу о здравоохранении. Долго выправлял непорядки в медсанчасти № 1 по ортопедии, глазным делам и урологии. Ортопедов некоторых, по свидетельствам газет, сочли там необязательными. Больные заволновались. А костные специалисты высшей квалификации без работы томились. Удалось в конце концов Виктору Остаповичу добиться образования нового ГТМО, куда сокращенные за ненадобностью и определились и где нашли и находят исцеление недужные.

Благодарит его рериховское общество за приобретенные репродукции с картин мастера, клуб «Добрый вечер» — за транспорт и музыку.

Благодарят уже за то, что возможно без помех попасть на прием и посетовать, опростать душу.

Вот отрывок из письма, полученного депутатом:

«Для многих нижневартовцев-пенсионеров, инвалидов, участников войны, студентов Вы — олицетворение порядочности, высокой нравственности, человеколюбия и доброты...»

Есть созвучие за скучноватое в произношении и постатейности законотворчество. В частности, от местной казачьей общины. Атаман ее выборный рукописно подтверждает:

«Будучи потомком выдающегося атамана днепровских казаков Семена Палия, Вы, Виктор Остапович, выполняли наш наказ: во многом благодаря Вашей энергии и настойчивости, областной Думой принят Закон о казачестве в Тюменской области...»

Солдатские матери администрации округа, командиры в Чечне благодарят за поездки к сыновьям на полигоны, за гуманитарные авиарейсы туда же. Благодарят Палия за трудоустройства, реабилитации всякие разновозрастные, за приобретенный спортинвентарь, мебель, оборудование, автобусные маршруты, какие-то трубы, электроплиты. Из депутатского фонда на утоление потребностей затрачено два с половиной миллиона рублей.

В Нижневартовске около семи тысяч балков, люди без прописки в них живут, без постоянной работы, денег. Идут к Палию — последней инстанции.

Из письма Е. Котенковой:

«Уважаемый Виктор Остапович!

Огромное спасибо за решение нашей жилищной проблемы. Если бы не Ваша чуткость, мы с ребенком до сих пор ютились бы на улице...»

Уборка урожая

Десятидневный марафон против наркомании организовал. Доказывает: жизнь — не разменная монета. Изначала равняйся на великое, соизмеряй себя с образцовыми личностями. Тогда и наркотик не поманит, неотвратимо захочется благих деяний во славу Отечества. В подобном настрое Палии воспитали сына своего Романа, им не стыдно за наследника — носителя казацкой фамилии.

И скажу еще, что Палий поспособствовал восстановить церковь его детства у основы Митридата — храм Иоанна Предтечи сияет победоносно, куполами, где сандалии владыки Понта Эвксинского уплотняли слежалую пыль на плитняке; внес Виктор Остапович посильную лепту в бюджет музея «Полтавской битвы», кстати внес: очень нуждается мемориал свидетельства российско-малороссийской державности. Я обмолвился по возвращении Палию — так, на всякий случай. Оказывается, все сделалось всерьез — у Палия все всерьез и надолго. Воображаю, как обрадовался, возгорел душевно добрейший директор мемориала Янович. Может, новые формы приобрел смотрительницам залов Александр Васильевич, повысил зарплату — и у них лучше стало отношение к братьям славянам.

Такова реальность.

«Альфа» сквозь свисты и щелчки, отдаю должное, стремится к одному, не отвлекаясь и не растрачиваясь на частности, неизменно столбя территории с имуществом и возможностями. Не одна она, конечно, расхватывает собственность, и не она сообразила, что это можно, выше берите...

В лугах отрада..

К чести хозяев Тюменской нефтяной сказать, они не мешают Любови Григорьевне и Роману Викторовичу проявлять-ся для всех, сообразно возможностям и потребностям, делать свое сполна. Роман Викторович стал главным инженером Белозернефти. Голос у него в телефоне уверенный, настроенный на грядущее

Палий-старший формирует управление, под него перешла компания «Узуннефть», обозначившая месторождения Кысомское, Узунское, Западно-Новомолодежное, Южно-Сардаковское... Первые тонны их нефти принял Мегионский товарный парк, и первые сообщения прочитали в газетах.

В часы отдыха — на рыбалке и охоте

«Узпнефть» обосновалась в здании бывшего «КИБ-банка». Виктор Остапович остается в своей депутатской. При нем две его помощницы и секретарь. Гупериев подписал с городской администрацией (Ю. Тимошковым) Соглашение о социальных инвестициях Нижневартовску, в частности по доводке отде-

дочной работы храма Рождества Христова, и принялся на деле осуществлять «рамочное» программное. Еще щедрее осуществляет задуманное в Мегионе и других местах. Нижневартовск еще не заслужил ничего перед «Славнефтью», это скорее аванс ему, и опять же Виктор Остапович добился «аванса» городу.

Тюменской нефтяной деваться некуда, она в порядке соревновательности и компенсации за уведенные из города налоги после перехода на единую акцию подбросила миллиард с миллионами вприкладку.

Вот так — не все просто...

7

ТНК не оставляли в покое. С подзаголовком «Следственный комитет МВД заинтересовался ее приватизацией» местная газета перепечатала из «Ведомостей» заметку Юлии Бушуевой и Булата Столярова от 17 мая 2001 года.

«Как стало известно, следственный комитет при МВД расследует уголовное дело по факту нарушений при приватизации сорокапроцентного пакета ТНК. В 1997 году этот пакет достался «Новому холдингу», представлявшему интересы «Альфа-групп» и «Реновы». Следователь считает, что виновники занизили цену пакета и создали для будущего победителя конкурса «заведомо выгодные условия».

По условиям конкурса его победитель должен был заплатить за акции ТНК 25 миллионов долларов и выполнить обязательную инвестиционную программу на 90 миллионов с заранее расписанными направлениями использования этих денег (покупка бензиновой установки АВТ-2, контрольного пакета ОКБ «Компаса», десятки патентов). Победителем признавался тот, кто предложит большую сумму дополнительных инвестиций. «Новый холдинг» предложил дополнительную программу на 720 миллионов. Уголовное дело № 148005 возбуждено 22 сентября 2000 года СК при МВД по статье 159 УК РФ (мошенничество) по материалам счетной палаты и ГУБЭП.

Следователь Следственного управления по Центральному федеральному округу СК при МВД Николай Шумилов заявил «Ведомостям», что «в результате выемок всех необходимых документов в десятках министерств и ведомств набрал 20 томов материалов». Проанализировав их, Шумилов заявляет, что «нарушения в этой истории начинаются с формулировки самих условий конкурса». Он отказался пояснить, что это за нарушения, сославшись на тайну следствия. Однако в одном из государственных ведомств показали письмо из Следственного комитета, в котором написано: «нашли объективное подтвер-

На дачном участке

ждение факты, свидетельствующие об умышленном создании группой лиц (в том числе должностных лиц ТНК) при подготовке и проведении инвестконкурса заведомо выгодных условий в интересах будущего победителя конкурса — ЗАО «Новый холдинг».

На эти недостатки еще в 1997 году указывал тогдашний гендиректор Нижневартовскнефтегаза Виктор Палий, который пытался противостоять приходу «Альфы» на ТНК. Палий так объяснял «Ведомостям», почему он считает условия конкурса составленными «под Альфу»: «Кох и его люди непонятно зачем записали в условия конкурса покупки установку АВТ-2 и контрольного пакета акций конструкторского бюро «Коннас». Все это было уже перед конкурсом у «Альфы» и «Реновы», и стоило это, по моим подсчетам, 2,25 миллиона рублей, а они оценили эти активы в 90 миллионов».

Тогдашний вице-премьер правительства Альфред Кох отказался комментировать уголовное дело, сославшись на то, что ничего о нем не знает и никаких повесток ему не приходило. Кстати, следователь Шумилов говорит, что, «хотя до суда еще далеко, предъявление обвинения конкретным людям менее отдаленная перспектива».

Помимо всего прочего следствие считает, что «начальная цена сорока процентов ТНК недооценена, как минимум, на 920 миллионов». Следователь Шумилов высказал также «Ведомостям» неуверенность в том, «что деньги за акции были заплачены и что инвестпрограмма была выполнена».

Несмотря на серьезность обвинений, в ТНК спокойно отно-сятся к уголовному делу. «Мы не видели постановления о воз-буждении уголовного дела. Но нас это не настораживает. Чем полнее и быстрее все будет исследовано, тем лучше, потому что будут расставлены все точки над «и», — говорит директор пра-вового департамента компании Игорь Майданник.

Аналитики инвестиционных компаний считают, что за ак-тивностью правоохранительных органов могут стоять конку-ренты ТНК. «Уголовное дело было возбуждено в разгар конф-ликта между ТНК и менеджментом «Славнефти», — говори Валерий Нестеров из «Тройки Диалог». — Но с тех пор стороны урегулировали все разногласия. Поэтому возможно, что к ин-тенсификации этого дела могут иметь отношение другие оп-поненты ТНК. Наиболее вероятным из них представляется «Интерроус», с которым ТНК конфликтует сразу по несколь-ким поводам».

Борис Немцов, который в 1997 году был министром топ-лива и энергетики, считает, что привилегии для «Альфы» мог-ли содержаться в условиях конкурса «Судя по всему, это мог-ло быть, хотя подробностей я не помню, — сказал Немцо «Ведомостям». Но, отличаясь забывчивостью недавнего го-сударственного человека, Борис Ефимович помнит утверж-дение газеты «Сегодня», которой, кажется, уже нет, «что мы нашли в Монако личный банковский счет Палия», и помни что якобы он «своим нефтяникам зарплату не платил и чу не сел в тюрьму, потому что об этом узнал Ельцин».

На речном сибирском просторе

Удачно он так позабыл и вспомнил, однажды в Ханты Мансийске у трапа самолета назвав противостояние Нижневартовскнефтегаза энергичным москвичам «грязным делом». Уж очень хотелось тогдашней власти спихнуть поскорей обременительные локомотивы отечественной экономики. Хотя за сколь-нибудь, хоть как, но спихнуть. А зачем обременять ся, если можно иначе?

Все это они сегодня забыли, сделали вид, как Иваны не помнящие родства... Народ помнит все, и он помнит всех. И все останутся в истории. Только вот какими?

* * *

Пришел час, когда на Митридат взбежали по ступеням мальчик Коля и девочка Саша, его сестра — Лукаши. Обозрели дальность и ощутили необъятность, в которую повел их тропа. Тропа привела с родителями на улицу Самотлорскую же. И здесь они созревают для плодоношений самоотдачи, сотворения своих личностей. Предстанут со временем непростым Тюменским Севером и непростыми северянами.

Это будет и, как видим, происходит, вопрос в том, сольется ли частное с государственным (общим) в гармонию возможности счастья, каким бывает счастлив заречный луг под солнцем и дождичком без превосходства отдельных травинок, но значительностью каждой.

Прочитав концовку, Палий добавил в посвящение:

«Привет тебе, милая Керченская дальность!

Привет, дорогие керчане и керчанки!

Всех вам благ и добрых свершений!»

Его исток всегда с ним, помогает жить и побеждать на ветрах.

ПОРТРЕТЫ

Призвание — жизнь

Было мне легко и счастливо, и волнительно было, словно эта «Волга» несла меня в дорогое и незабвенное, освященное днями и ночами неустанных вдохновений, одержимостью. Старт семидесятых. Я — слесарь-превенторщик управления № 2 после монтажа противовыбросовой установки на буровой Героя Социалистического Труда, мастера Анатолия Дмитриевича Шакшина, летним ранним утречком отдыхательно мощусь на крылечке культбудки и обозреваю сосновую гривку, за которой на трубном стояке бьется и клокочет клубок почти бесцветного, жаропышущего пламени. Это на факеле самоистребляется, отравляя округу, попутный нефтяной газ, потревоженный человеческим вмешательством. Миллионы и миллиарды кубометров его на ветер и в белый бездонный свет. Перерабатывающих мощностей нет. Газеты еще только проинформировали о первичной, «на воздухе», обкатке компрессоров начальной очереди местного завода. Заваривается новая промышленная подотрасль, будет спасительной для Самотлора и дальних кладовых «черного золота».

Мне хочется успеть везде.

Созидал стальную магистраль от Тюмени на север — стремился к Самотлюру. Достиг Самотлора. Стремлюсь — к газопереработчикам. Натура такая — успеть, успеть... Я тогда чуть не сорвался. Явился попутной оказией на стройплощадку к директору Шаповалову, взял перевод, но затянул с оформлением в отделе кадров, и когда собрался вновь, обязанности первого исполнял главный инженер Марс Каюмов, не ведавший о визитере: Шаповалова отстранили, он болел. Я приехал к нему домой (вольности допускались), привез книгу писателя Маркова о русских на Аляске. Он вышел ко мне осанистый, в теплом цветастом халате, подчеркнуто вальяжный. Встретил приветливо, побеседовали о том о сем. Он сказал, что переговорит с Марсом Тагировичем, я смело могу отправляться к нему, место в цехе мне обеспечено. Еще добавил, что скоро Каюмова заменит другой специалист: директор Нефтекумского ПТЗ, что в Краснодарском крае — Леонид Ермолаевич Алатырев. О! Этот покрепче многих, вместе взятых, наособицу даровитый. Появится лучший в стране компрессорщик Юрий Матяпов, и пригедут прочие непревзойденные, мирового образца. Знай доходи до каждого. И действительно, так оно и сталось, как в зрело усыпанном малиннике оказался вскоре.

Алатырев стал для меня главным доверителем сути происходящего, консультантом и комментатором, и персонажем

заодно. Вокруг него крутил сюжет, выстраивая по классической схеме — с завязкой, кульминацией. Газеты и журналы охотно печатали. «Правду инженера Алатырева» издал «Советский писатель» — подфартило. Проскочил самотеком, даже не наведываясь в столицу.

Кроме актуальности «классическая схема» поспособствовала. В «правде» своей Алатырев борется неуступчиво с консервативным, дряхлеющим. И это он, если не считать Шаповалова, Каюмова, дирекции по строительству и генподрядчика, больше всего находит в новом генеральном директоре, посланце партийных иерархий. Ситуация, словно по заказу, соответствовала прописному литературоведческому и одновременно обращала на себя внимание масштабом драматизма, до сих пор не изжитого. А значит, и публикации не достигли полного результата, их потребовалось возобновить.

Н.В. Шумилов — директор Нижневартовского газоперерабатывающего завода

Возобновил в предыдущем томе.

За это время развалился Советский Союз, новые владетели и воители явились, в иных условиях история творится.

Но — по порядку.

Неудачливый партийный выдвиженец уступил в конце концов кресло москвичу Воривошкину, Шаповалова, ныне покойного, оттеснили едва ли не на Мангышлак. Непревзойденные, самые-самые правили бал в те незабвенные жаркие, без выходных и праздников, без учета рабочих часов сутки — в локоть, придирчиво, иногда искря в ошибках штабных, с заказчиком и генподрядчиком. Наведывались главковские нередко. Алатырева прочили в директора, но он, по существу своему технарь, предложил Алексея Ильича. Так Воривошкин очутился в числе «непревзойденных и самых-самых». Жена главного Зинаида Васильевна осталась в Нефтекумске, похоже на раздорожицу супружескую, а сын Женя еще какое-то время трудился здесь.

Севером Алатырев никогда особенно не болел, но то, что он совершил на первых этапах, достойно сравнения с посверком молнии среди туч и мглы. Такой неординарный, он Шаповалова и его преемника отщелкивал при случае только так, вел комплекс к победным высотам. Отщелкивал на штабах генподрядчика и заказчика. И те смиренно воспринимали резкие заключения. Теперь Алатырев в Нефтекумске или Кременчуге, иногда появляется на юбилейных торжествах, бодрый и приметливый. Колобком катается среди технологических сооружений. Чего только не испытал однако! Перевязки, монтажи, обкатки. Поднимали среди ночи — и летел Ермолаевич в «газике» по изъезженной дороге. Ликвидировал, доводил, экспериментировал.

Сергей Потапов был стропалем и начальником установки и вдруг стал директором Белозерного ГПЗ и обкомовским партслужащим. Когда случилась перестройка, вернулся в Сибнефтегазпереработку, финансами и экономикой занимался, утвердительные подписи ставил, прогнозировал. Охотно перевелся в центральный аппарат «Сибура» к многим известному Голдовскому. С хозяином химико-технологической компании захотелось увидеться после его телевизионного шествия в Сургутском аэропорту — горделиво и независимо вышагивал новоиспеченный богач. Алатырев! Алатырев! Для чего и кого дерзал в метелях на мегионской развилке дорожной? Лучший компрессорщик Юрий Малянов для «Сибура», подобно Потапову, старается в столичном офисе. Бытность северную неохотно вспоминает.

Завод-первенец утратил былое первозданное величие, ужался, будто осел. Часть мощностей его из-за дефицита газа от нефтяников законсервирована. Завод теперь — лишь ячейка «Сибура», без права продажи продуктов технологических, без своего расчетного счета. Во главе Сибнефтегазпереработки Артур Эрихович Бауман, с которым встречался только однажды на базе отдыха, составил о нем положительное мнение.

Ехал я к директору ГПЗ. Накануне позвонил ему, и он охотно согласился принять. Встретил дружелюбно, настолько расположенный к беседе, что и я расчувствовался, расцвел душевно. Возможно, от рождения таков Николай Владимирович, возможно, подготовлен работой в парт- и органах исполнения, именуемых в минувшем советскими. Я словно давно знал его. А я не знал. Он только год здесь после доблестной Нягани. Кофе мне принесли и Николая Владимировича не забыли. Кофе крутой, черный, без сахара. У нас от него

глаза слегка вывинтились из орбит. Ничего, вдохновения добавилось. Мне, в первую очередь. Внимаю благоговейно, молниеносно вопросы формирую, тропочку биографическую торя в блокноте. Его, шумиловскую, тропочку-то...

...Родился милейший Николай Владимирович в селе Черевково Архангельской области, студенческие годы прошли в Ленинграле. После института угодил в систему Тюменьгранстаза на компрессорную станцию в предгорьях Урала. В Среднеобье не тотчас вступил. Из Пелыма Свердловской области, где камни и лишайники овеяны легендами, перевели «архангельского мужика» в Сарум — с таким интригующим именем малоизвестное местечко вблизи Березово, где отбывал ссылку и где погребен опальный князь Меншиков. Архангельские они упористые, с перекат на перекат и по ровному одинаково. Дряхлеющая КПСС искала кадровые восполнения среди самых работоспособных, и нашла она образцового начальника линейно-производственного управления, что гнал энергию тепла и света на запад, запустил компрессорные станции, увеличившие потоки. Объемы голубого сырья неизмеримые.

Заведующим промышленного отдела райкома утвердили Шумилова. А нынешний губернатор Филипенко первым секретарем был. Тесно общался с ним Николай Владимирович. Изредка по случаю встреча-ются, и сейчас вспоминают. Но начались акционирования, приватизации, распродажи... Шумилов за недремные дни и ночи, потоки голубые в стальной оболочке лишь медаль «За трудовую доблесть» обрел. Не многое, однако, за его ясное мышление, отменный кругозор и долготерпение архангельское.

В местном райисполкоме впоследствии активно занимался строительством и прочими бытовыми проблемами в новых поселках покорителей недр. Не обошел заботой и коренное население. Ни одну претензию не оставлял без внимания. Оперативные точные принимал решения — человек он хваткий, последовательный.

Перестройка своеобразно отразилась на Шумилове: его повлекло обратно в индустриальную среду. Зачем ему, специалисту со стажем, довольствоваться общими вопросами, если может гораздо больше?! Ему место на производстве! И он ушел на Красноленинский завод в Нягани. Недавно встретились с губернатором в Москве. Филипенко и спрашивает:

— Коля, ты что ко мне ни с чем не обращаешься?

— А вопросов нет, — улыбнулся Шумилов. — Работать надо, как в прежнюю пору, с утра до вечера, так и поступаю.

Улыбнулся согласно и губернатор.

— Прежним остаешься. Это хорошо. Узнаю архангельскую закваску.

Не увлекался Шумилов наградами и личной недвижимостью и в Нягани, хотя имел немалые возможности на руководящих должностях. В Нягани он не одну ступень заново одолел. Был директором. Сооружал завод — несколько его очередей. Приватизацию провел. Часть акций передал государству, часть оставил коллективу. Государственными управляла Сибнефтегазпереработка, после приватизации они перешли к Голдовскому. По правительственной схеме это, иной не было. Стала химико-технологическая компания «Сибур» частной.

Нефтяники хотели прибрать завод к рукам, на месяцы прекратили поставку газа на Красноленинский, и лишь вмешательство округа спасло от краха. Не уступил Шумилов. Продукты переработки и сухой газ продавал напрямую поставщикам. Задолженности по зарплате удалось преодолеть, а у нефтяников она достигала полугода.

Компания считает, что неплохо увязала цепочку от сбора и перегонки сырья технологически до расщепления их продукта на предприятиях высокой химии и сбыта, централизовала финансы. Артур Эрихович Бауман в роли представителя «Сибура» вначале произвел замешательство в умах, многие специалисты уволились. Но хуже не стало. Стало лучше, считает Николай Владимирович. И специалисты нашлись талантливые. А Сергей Поталов и Юрий Малянов приглашены в центральный офис. Шумилов заменил Эуфара Махмудовича Камалеева, с большим желанием перебрался в Нижневартовск. Город благоустроенный, современный. Бауман дал ему возвратную ссуду, и он купил просторную квартиру в дэзсковском доме. В остальном — работа, ею в первую очередь живет — комплексом и трубными линиями, кадрами, конечно, финансами... И как в былые райисполкомовские времена, на директорских плечах социалка. Поселок возле завода временный, бамовский, в шутку именуемый Хафизовкой, предстоит его ликвидировать, людей переселить в город. Это непростая забота.

Дела ему передавал в основном главный инженер Тепляков, довольно молодой человек — около сорока Александру Николаевичу. Нашел Шумилов стабильное, отлаженное предприятие, мощности, конечно, обветшали, не то уже «железо» семидесятых годов. Потребуются денежные вливания. И Артур Эрихович соглашается выделить на модернизацию двадцать пять миллионов, соглашается и на скорый ввод дома в Туле. Начали его строить девять лет назад, до вступления в

должность Баумана и Шумилова подняли лишь шесть этажей. За минувший год, при них, — еще четыре. Близки к завершению. Сто двадцать квартир обретут в том доме нижневартовцы. С вводом Бахиловской компрессорной станции расконсервируют бездействующие мощности. А я сам помню: пугались частновладения заводчане, очень опасались Голдовского, но рассказ Шумилова внушает доверие к компании в ее нынешнем образе и подобии.

Вперед смотрит Бауман: вложить и вернуть сторицей. Завод может принять и переработать три с половиной миллиарда кубометров сырья, но имеет лишь два с половиной. Есть чем озаботиться двум думным головам: Артуру Эриховичу и Николаю Владимировичу. Хочется им поскорее заполнить до краев резервуары Тобольского химкомплекса широкой фракцией и трубопроводы держать все время на максимуме, побольше всего закачать в общую систему «Сибура». Голдовский очень обрадуется прибылям из самотлорской глубинки.

Повезло переработчикам попутного газа с руководителями. Николай Владимирович полюбил город еще и потому, что в нем много интересных людей и в заводском коллективе, и в Тюменьсибуре. Много профессионалов. Главный инженер Тепляков хоть бы... Николай Владимирович аттестует Теплякова наилучшим образом. В епархию главного инженера директор не вмешивается. Тот и сам справляется вполне. А Николай Владимирович сосредоточен на бытовке, кадрах, финансах, перспективе всего наиоптимального. Ему позарез эту «Хафизовку» убрать хочется. Не сомневаюсь, что разделается с времянками бамовскими, под корень сведет опостылевшие.

Многие заботы ложатся на плечи заместителя Николая Владимировича по общим вопросам — Коноплицкого. Заведует Владимир Николаевич транспортом и снабжением. Ветеран предприятия.

Он заходил в кабинет, когда мы беседовали с Шумиловым. Расторопный, дотошный — так отозвался о нем директор.

С Артуром Эриховичем, генеральным директором Тюменьсибура, Шумилов определяется по основным направлениям. Бауман на то и ее деньги ссужает на текущий счет. Николай Владимирович соображает, на что и сколько потратить. Централизовал Голдовский управление и продажу. При масштабах компании, наверное, так и следует во избежание потерь. Заводчанам остается лишь законопослушно трудиться, выдавать продукцию.

Увы, повышение цен на нефтяной попутный от частновладельцев повергло перерабатывающие комплексы в разорение.

Сжиженный газ населению отпускают по директивно-низкой цене — 1 050 рублей за тонну. Посредники-сбытчики тому же населению перепродают во много раз дороже. Последние жируют, а поставщики вынуждены сворачивать производство. Цены и на производные продукты у них низкие. Требуются перемены, что называется, по справедливости.

Госдума рассмотрела вариант такой либерализации и обратилась в правительство, чтобы на Краснопресненской набережной обосновали неизбежность ценовых эволюций. От этого население выиграет и заводы воспрянут. Воспрянут Бауман с Шумиловым, всем от правительственного ТЭО будет хорошо.

От общего в разговоре с Шумиловым мы перешли к частному, вернее — личному. Смысл жизни Николая Владимировича в семье и работе. Жена у него красивая. В свое время заведовала отделом культуры в Березово, преподавала в музыкальной школе, сейчас воспитывает младшенького. Двое старших уже студенты, и выходит, Николай Владимирович — главный добытчик, при троих-то сыновьях попробуй мало зарабатывать! Реализуя себя в «Сибуре», обеспечивает безбедное бытие всей ячейке родной.

Вот, пожалуй, и окончен рассказ еще об одном обреченном на бессмертие из Западной Сибири. Нелегкая ему ноша выпала, но на таких Шумиловых Россия пока держится.

Обреченный на бессмертие

На въезде в Нижневартовск, со стороны аэропорта и Самотлора, на огромном холме, укрытом березками, на прочном постаменте, высится фигура парня в свитере, сапогах-болотниках, в широком монтажном поясе и каске. На плече у парня кувалда, в левой вытянутой руке — чаша с газовым огоньком. Днем и ночью бодрствует парень, несет свою неусыпную вахту, олицетворяя трудовой ритм города. Давно стал символом Нижневартовска.

Старожилы и молодежь иногда встречают на улицах немолодого седоватого мужчину, очень похожего на парня с кувалдой и чашей. И не случайно. У памятника покорителям Самотлора есть двойник, его реальный прототип. В июле 1978-го, в самый канун 50-летия района в город наведались ленинградские скульпторы во главе с архитектором Ю. Кожиным. Горком партии поставил перед ними задачу создать не просто памятник на холме, а своеобразный символ первопроходчества, олицетворение лучших качеств тех, кто закладывал город и осваивал месторождения, в первую очередь уникальный Самотлор, который нынче при асфальте — «за околицей», а прежде без дорог казался за семью далями.

Конечно, не обошлось без первого секретаря Сергея Дмитриевича Великопольского. Именно он озадачивал гостей, обещая на все миллион четыреста рублей, по тем временам огромную сумму. Он так был взволнован, воодушевлен, что казался подросшим на своем секретарском стуле, сиял будто. И сам отправился с гостями на горкомовской «Волге» в комсомольско-молодежную бригаду Виктора Китаева, тогда гремевшую. По всем показателям лучшим считался бурильщик Федор Сухоруков, но получилось так, что он поменялся сменами с напарником — тезкой Федором Метрусенко, который к приезду гостей и оказался за лебедкой.

Ф.С. Метрусенко

Этот парень, возрастом немногим за тридцать, статью и успехами не уступал прежней кандидатуре. Метрусенко так Метрусенко! Ленинградцы очень спешили, Сергей Дмитриевич согласно кив-

нул: «Действуйте». Художники попросили Федора Степановича оторваться от тормоза лебедки, поднять вверх правую руку и несколько раз крикнуть: «Даешь, Самотлор!» Таким они его сфотографировали, сделали карандашные наброски и уехали так же стремительно, как появились.

В городе на Неве отлили фигуру в металле, найдя в ней то необходимое олицетворение первопроходчества, что определялось заказчиком, перевезли скульптуру в Нижневартовск и здесь установили после предварительных приготовлений на холме, созданном искусственно, как на самой высотной точке города. Освятили памятник при огромном стечении народа, когда звучали речи митинговые и добавляла пафоса медь оркестра. Были гости из Тюмени и Ханты-Мансийска. Присутствовал на торжестве и сам Метрусенко.

Так с тех пор зажил памятник своей самостоятельной жизнью, обретя имя, известен стал как самотлорский Алеша, и мало кто знал про его прототип — «двойника» Метрусенко. Но все же интерес к личности Федора Степановича не пропадал никогда. О нем нет-нет да и вспоминали горожане, писали сочинения школьники. Мне, летописцу, осталось принять к сведению и восполнить пробел — пуститься на поиски Метрусенко.

В свое время меня с ним свел бывалый фотокорреспондент Юрий Филатов. Что-то такое репортажное, сиюминутное поместили о Федоре Степановиче в «Нефтянике». Но след Метрусенко не потерялся.

Ф. С. Метрусенко с семьей. 1996 г.

По-прежнему служил он районным инженером в отряде по тушению и профилактике нежелательных фейерверков. Мои опасения, что он уволился и уехал, оказались напрасны. Договорились встретиться, и встретились поутру, в начале рабочего дня. На личном джипе Федора Степановича приехали к Алеше — время под осень, березки на холме желтеть начали. И сам Метрусенко посеребренный — молодым в ракетных войсках поседел. Над нами парень в свитере словно плыл в невесомости или, наоборот, прочно обосновавшийся на постаменте, оставался стражем на месте — плыла навстречу парню синева простора. Величаво-победный, он был как бы третьим в нашей беседе и в то же время сам по себе: нес службу. Огонек его в чаше и днем виден далеко, непотухающий. Вахта у парня бессменная.

Метрусенко, убедился я впоследствии, человек вообще-то импульсивный. Но в тот раз был вдумчив, медлителен, сосредоточен, чувствовалась в нем напряженность, может, даже усталость душевная. Он рассказывал биографию, которую повторял, видно, много раз с тех пор, как увековечили в металле. В юбилейной книге города поместили.

Родился Федор Степанович в селе Богдановцы Хмельницкой области — на родине знаменитого казака и знаменитого бурового мастера Степана Ананьевича Повха, отчая деревенька которого неподалеку от Богдановцев. Отец без вести пропал в войну. Мать-колхозница одна поднимала детей в лихую вдовью пору. Бедствовали ужасно. И Федор рано задумался о самостоятельной жизни, трудиться начал в шестнадцать лет. В семнадцать женился. Вначале он хотел стать шахтером в Донбассе, где огни терриконов далеко маячат, но угодил волей обстоятельств по комсомольской путевке на Урал — строить вторые пути возле Агрыза.

Монтажником и бетонщиком был, мосты поднимал и, случалось, рельсы укладывал. Эту магистраль его дети, проезжая, до сих пор именуют «папиной».

Образ жизни типичный для большинства парней и девчат той поры: общежития, штурмовки, дух созидания.

После армии обосновались с женой в Чернушке Пермской области. Еще тяжелей взвалил ношу: в разведочном бурении, начав буррабочим, поднялся до помбура и бурильщика. В Альметьевске учился на мастера. Потрудился в промышленном бурении. До 1969 года по тверди глубинной бил долотом. И все мечтал купить мотоцикл. Деньги никак не собирались, мечта отодвигалась. Что-то следовало переменить в распорядке вещей. Помогла неприятность — конфликт

с секретарем парткома конторы. Как раз за рекой Чернушкой стояли. После вахты он наведался в контору получить зарплату, зарплаты нет, а секретарь парткома — женщина требует взносы за два месяца, наступает ретиво. Сгоряча послал ее куда следует.

Партсекретарша оскорбилась, побежала в горком.

Через пару-тройку дней его вызвал первый, сурово хмуря брови, заявил: «Ты, Метрусенко, враг КПСС!» Вот так, не меньше! Федору Степановичу осталось положить билет на стол. Пришлось уйти из мастеров, нигде инакомыслящего выше помбура не брали. Остался Метрусенко с невостребованным производственным потенциалом не при деле. Тогда-то и уехал к другу в Нижневартовск. А с ним еще полбригады недовольных чернушских.

Составили основу нового бурового коллектива. К ним присоединились Нургали Исламгулов, Федор Войцеховский, Евгений Гечь, Иван Ретиков, Степан Повх и Иван Пасько. Это уже когда их экспедицию № 7 преобразовали в контору бурения, впоследствии УБР-1. Рекордно-скоростные проходки бурильщика Метрусенко поныне остаются непревзойденными. Им гордились товарищи и начальник конторы Валентин Иванович Хлюпин.

А вначале они занимались разведкой на Сухом Баграсе. Сообщение с базой только по воздуху. Однажды ударили сильные морозы, полностью лишили видимости. Сплошная белоснежная пелена вокруг, в двух шагах ничего не видно. Вертолеты, понятно, на приколе. Метрусенко четыре вахты подряд отстоял возле пульта лебедки, с надеждой ловя небесные гулы. Вдруг да желанный «МИ» проявится! Еда закончилась, и они, подгоняемые голодом, собрали прежние картофельные очистки, отмыли, сварили их. И так продержались до смены.

В поселке о них беспокоились не меньше. То-то радости было при встрече, как у папанинцев на льдине или при спасении челюскинцев!

Первая получка — 460 рублей — показалась сказочно большой. Еще бы! В Чернушке пятьдесят не мог собрать на мотоцикл, а тут разом 460! Можно было подумать о легковом автомобиле. И все же заработки вначале были низкие.

— Зато дух соревновательности, первопроходчества, желание превзойти самого себя и других, утвердиться в непростых условиях подобны были рождению заново, делали людей счастливыми, — вспоминал Метрусенко у подножия памятника. — Чувство полета было — вот что! Чувство высоты! Э-э, поймут ли нынешние поколения?! Поперхнулись на долларе.

Федор Метрусенко. Апрель 1973 г.

Звездный час Федора Степановича пришелся на работу в комсомольско-молодежной бригаде Виктора Китаева. Он так молодецки проявлялся на Самотлоре, продолжив свой первоначальный разбег, что стал героем двух книг московского публициста Юрия Калещука, персонажем в отечественных и зарубежных журналах, его фотографии облетели в одночасье

весь мир. Но он не возгордился, считает, что это все не про него лично, а дань покорителям Самотлора, диковатых северных просторов. «На парне неспроста широкий монтажный пояс строителя, — объяснял мне Метрусенко. — У буровиков такого не водится. Скульптор хотел коллективизм подвига подчеркнуть. Смекаешь?»

Понятно, скромничает, но чувство гордости в нем очевидно. Разулыбался, рассказывая, как внуки, проезжая на дачу мимо памятника, восклицают с радостным узнаванием: «Вон наш дедушка стоит!» Дедушка по-прежнему остается молодым. Когда позировал на буровой гостям с дальней Невы, в расцвете лет был. А сейчас ему за шестьдесят, и он уже мечтает о правнуках. Заново вспоминает, что было на ветеранских встречах, перелистывая давние публикации, перебирая награды. В тридцать с небольшим был «Отличником нефтяной промышленности», обладателем медали «За освоение недр Западной Сибири», не уступал ни в чем Федору Сухорукову. И внешность подходящая — бравый был парень... Не прогадали ленинградцы.

...Памятник возвышался над нами величаво-торжественно, облака низко плыли, и река времени уносила вспять были и небылицы, делая их историей. Желтизна листвы беззвучная... Небо венчало недальний окоем, навевая грусть... Да, время быстротечно, человеческая судьба еще короче, но может быть продолжена трудовым энтузиазмом...

По службе Федор Степанович курирует (будем именовать в настоящем времени — человек-памятник все-таки) свое прежнее, несколько видоизмененное УБР-1 и подземный ремонт скважин в управлении добычи. Без его согласия не начнут проходку горных пород, не запустят скважины после ремонта. Он выезжает по первому звонку, в любое время суток, без учета выходных дней. И в этот раз торопился по производственной докуке в цех подземного ремонта, как беспорочно, безотказно торопился прежде на свою буровую, в свою вахту.

На работу в отряд его принимал Вячеслав Наумов, после Наумова был Чугунов. Ныне руководит отрядом Исаев, а постаревший Наумов у него заместителем. Сын Наумова Николай — тоже районный инженер. Еще инженеры — Харченко, Чалышев. Через три месяца с каждым их них перезаключают контракт: служба сродни воинской.

В отпускное время Метрусенко успевает съездить на родину жены, в Пермскую область, побывать в Богдановцах на Западной Украине. Родительский дом полуразвалился, подворье в бурьяне-молочае. Огород пользуют соседи. Родствен-

ники зовут его обратно, обещают отстроить дом, помочь в земледельчестве. Он не хочет. Сибиряком-северянином стал, памятник и дети примагничивают. Дочь Галина с тремя внучками и сын Николай с внуком. Сын у него военный летчик в Барнауле. Дочь с зятем — нефтяники.

А еще горячая былая горнопроходческая слава, жаркие схватки с фонтанами под самое небо. Всякое случалось. И это всякое стало его второй натурой. На юбилейном 30-летии самотлорской нефти в почетной ветеранской вахте стоял, ленты — символы трудовой доблести вязал через плечо в Доме техники молодым мастерам — Сараеву, Иващенко, Ромашенкову, Телятьеву, Тимонину. С ним на сцене были его прежние боевые соратники Войцеховский, Гечь, Ретиков, все, кто дожили, остались здесь. Не дожил, погиб безвременно Повх.

Тропа Метрусенко продолжается... Отряд курирует Мегион, Лангепас, Покачи, Радужный. Лучшим считается в сургутской части. То, что на промыслах нет шумных выбросов, с огнем и пеплом, камнями, поверженными буровыми — заслуга отряда, его районных инспекторов, в числе которых Метрусенко.

— Алеша самотлорский во славу всем северянам, гимн труду, — повторяет свое Федор Степанович. — Каждый в равной мере может отнести памятник к себе: геолог, нефтяник, авиатор.

— Прежде получали денег меньше, а жили самодостаточней, — сетует Метрусенко. — Стабильность была, уверенность в завтрашнем дне. После первой северной получки сразу отправился за семьей в Чернушку. Поселились вначале в «деревяшке», которую вскоре заменила квартира в нормальном благоустроенном доме. Пенсия мне с учетом выслуги ожидалась максимальная — сто семьдесят рублей. Еще двадцать тысяч на сберкнижке опорные. Инфляция съела запас. Оттого нынче боишься лишнее потратить. Детям и внукам отдаешь: им не хватает. Прежде царили взаимное доверие, энтузиазм, дружба. Об этом отлично написал москвич Юрий Калещук в книге «Неоконченный забой». Он дневал-ночевал в нашей бригаде, знал ее, как никто. Недавно НТВ интервью со мной записало, на всю Россию транслировали.

От местного телешоу с яблоками, чаем Федор Степанович отказался. На 25-летии города его обидели. Почетную грамоту почтой переслали. В Дом техники на юбилейное торжество не пригласили. И не дали удостоверение «ветеран труда» на том основании, что он работает, не дали двести наградных рублей в соцзащите.

Без вины виноватый, с уязвленным самолюбием.

А он и сегодня курирует двадцать две буровые и двадцать семь ремонтных бригад, каждый день в близких и дальних рейсах, несмотря на профессиональную болезнь — радикулит. На своем джипе или общественном транспорте передвигается. У начальника Р. Гарифуллина поизучал вначале схему кустов: где, что и как обстоит. Отправился к мастерам Недаве и Яковлеву на передвижку оборудования. На месте вник подробнее, уяснил конкретно-предметное. Оставил в журнале предписания — устранить надо огрехи. Обязаны устранить. От взгляда бывалого производственника не ускользнет и мелочь. Поутру он — к буровикам. Это в двухстапятидесяти верстах от города, расстояния не смущают. Он к ним привычный смолоду, еще с тех пор, когда тянул стальную магистраль на Урале.

В декабре прошлого года побывал я у Федора Степановича дома. Жена уехала в Барнаул навестить внука и сына Николая, и он тосковал по ней, тяготился вынужденным одиночеством, скрашивая время крутым кофе, телевизионными вечерними посиделками. Фильм про разоренного собственной дочерью забугорного банкира напомнил о потерянных двадцати тысячах на сберкнижке.

Федор Степанович сердится, теряя присущую ему обстоятельность, до такой степени сердится, что седые его нежные волосы, кажется мне, искрят и тлеют.

— У забугорных в любом случае на устрицы и крабов, на антрекоты, спелые ананасы найдется. Мы же одержимо ставили рекорды на Самотлоре, — неужели ради того, чтобы потерять накопленное за эти годы, бедствовать на пенсии? Хорошо, что еще не отправили на отдых, с пониманием относится сургутское начальство.

Тут «впустили» на экран «новости». Они еще больше раззадорили Федора Степановича.

— За счет России живут многие, все прихватывают. Свои братья славяне разворовывают не меньше, — сердится уже по-настоящему, раздергивает «молнию» на «адидасе», открывая крутую грудь. Не Илья Муромец, но силушки богатырской еще хватит на многое, надолго. — Почему от «прихватизации» выиграли только шустрые? Народ создавал эту собственность, ему и решать ее судьбу, не одному правительству и президенту. Они что, на Курской дуге падали под танки, герои первых пятилеток? Или Магнит-гору покоряли, на Сухом Баграсе картофельными очистками питались, чтобы самостийно распорядиться всем? У меня сына когда уволили из вооружен-

ных авиа-сил, я его с семьей содержал, квартиру помог купить в Барнауле. Помогаю дочери с тремя внучками. Как не сострадать, оставаться безмятежным?! — В эмоциональном запале бросает взгляд на настенный календарь с сопутствующей цифровым обозначениям цветной картинкой. — Васькина речка в простонародье, а вообще-то Сарт-Еган. У меня там сети сняли и лодку угнали. Памятная. С тех пор не рыбачу, пробавляюсь грибами и ягодами, дачей. Иметь и не иметь! Как же, имеем календарь с картинкой!

— Дача, джип, — напоминаю ему. — Гараж есть, обитель эта двухкомнатная по улице Мира. Кое-что и кое-как...

— Продам! — Федор Степанович категоричен. — Как только сократят по возрасту, продам и уеду к сыну на Алтай. Возле курорта «Белокуриха» жить буду, встречать и провожать зори на природе. Ездить в Сростки на родину Шукшина. А пока не сокращают, Сдутова и Чугунова попросили, меня помиловали. Начальник Сургутской части решил так: «Ты, Метрусенко, — памятник, олицетворение — тебе быть! Ты — особенный».

А ведь прежде мысли не допускал об отъезде. Куда он без Нижневартовска и Алеши?! Будет приходить сюда, наводить порядок, следить, чтоб меньше мусорили. Вспоминать былое. Воспитывать школьников в духе преданности своему Отечеству и однажды избранному делу. Дело прежде всего.

По обидели человека, равнодушием ранили.

— А какой высоты памятник и постамент? — спрашиваю.

Он не знает, но считает во всем удачным: по форме и содержанию. Достойным произведением искусства, глубинное народное сумели выразить творцы. Это нижневартовцы признали сразу. Вероятно, художники-ленинградцы прониклись масштабом событий, всеобщей окрыленностью, воодушевлением. Звездный час Самотлора достиг своего апогея. Ленинградцы мастерски сопрягли частное с общим, через частное выразили общее.

На праздновании 30-летия самотлорской нефти, с ветеранской группой отправляясь митинговать на первую промышленную скважину, бывший первый секретарь Великопольский попросил остановить автобус возле памятника и, лукаво сощурясь, заявил Метрусенко: «Если похож на тебя Алеша, с меня бутылка коньяка, Федор Степанович». Впился глазами в парня на постаменте, посмотрел пристально. Нос, глаза, лоб, лицо, вся осанка метрусенковские. Перевел взгляд на сидевшего рядом: «Похож, точно похож! Даже сейчас похож! Пьем мой коньяк, Федор Степанович, я проиграл». И в гостинице после Самотлора действительно распечатал армянский.

По прошествии лет вспомнил мой собеседник, как на освящении — открытии памятника царили всеобщее оживление, радость, народу собралось полгорода. Пешком и на машинах добирались, одиночно и целыми семьями. Метрусенко с семьей здесь был Сергей Дмитриевич речь тогда держал возле задернутой белым полотном скульптуры. Вдохновенную, взлетную, ликующую. Говорить зажигательно Великопольский умел. Не сплошал на митинге.

Спрашиваю последнее: как попал в отряд наш герой, почему расстался с бурением. Оказалось, было так. У него в Богдановцах умерла мать, и он пришел с заявлением к мастеру Давыдову, чтобы отпустил на похороны. Мастер отказал. Федору Степановичу ничего не оставалось другого, как уволиться. Он так и сделал. И уже не вернулся в управление. С 1982 года — боец-распираторщик. Ликвидировал аварии, в дыму и пепле действовал при выбросах, в эпицентре стихии. Окончив школу высшего командования, а еще раньше Альметьевский филиал Губкинского института, исправно несет дозорную службу в своем инспекторском районе. Живет радостями и бедами нефтяных предприятий, семьи. Гордится внучками и внуком. Зарплату и пенсию делит на всех. Бывает всяким: буднично-обыкновенным, уравновешенным, нервным. Но всегда упорный, надежный. Человек-труженик.

Его северная тропа продолжается.

Последняя встреча

Осенью минувшего, 2000 года, в канун пуска Обского однопилонного моста, после бессонной дрожкой ночи на вокзале, ранним утром, поспешил я все-таки не к мостовикам на торжество, куда был зван почетным гостем, но к Геннадию Михайловичу Левину, начальнику УБР-2, Герою Социалистического Труда, и, как оказалось, своевременно. Он уезжал на курорт и вообще перебирался из Сургута в белокаменную Насовсем. До него там закрепилась сестра Людмила Михайловна Речистова, что долгое время работала главным экономистом и заместителем генерального директора Нижневартовскнефтегаза по финансам.

Я ее знал достаточно хорошо. Она после вхождения в Нижневартовскнефтегаз «Альфа-Групп», частных владельцев компании, уволилась и исчезла будто. Встретил ее как-то на улице. Работы по душе, достойной знаниям, опыту, посетовала нет. А жаль. С городом расставаться жаль, с горожанами. Привыкла. Работу, как узнал позже, сыскала в Москве, в компании «Роснефть». Мне Виктор Остапович Палий об этом сказал и дал ее рабочие телефоны. Я очень уважаю Людмилу Михайловну, но до последнего момента не знал, что она сестра Геннадия Михайловича, нашего легендарного бурмастера, торовато проявившегося на Самотлоре.

Герой Социалистического Труда Г.М. Левин

Прежние, досеверные деяния Геннадия Михайловича были в Куйбышевской области. А Нижневартовский его период знал не понаслышке — сам буровик, работал в бригаде основного соперника Левина Григория Кузьмича Петрова, так что дорожки производственные и соприкасались, и перекрещивались.

Все минется, и все течет. Нет уже в Нижневартовске и Г.К. Петрова, Левина и того дольше нет. Но имя не забылось, след сургутский Геннадия Михайловича не потерялся, живет в памяти

многих этот уникальный волжанин, ставший сибиряком. Чтобы восполнить недостающее сургутское, и появился рано утром в здании УБР-2, что в промзоне, на отшибе, как принято выражаться. В здании ремонт, коридоры завалены стройматериалами, пыль, грязь, запустение. Но хозяин кабинета согрел чаем и беседой доверительной.

Бурмастером Левин стал в неполные двадцать четыре года, в Отрадном. И там славен был первопроходчеством. К нему благоволили управляющий трестом Василий Виссарионович Рехвиашвилли, директора конторы бурения Николай Иванович Курышев и Геннадий Иванович Пашин, в голос возражали, услышав о его желании уехать в Сибирь, на большую нефть. Но в конце концов уступили не только ему, но самим себе, переместились в Тюменскую обширную область. Во многом вдохновил их земляк Вениамин Максимович Агафонов, Герой Социалистического Труда, он вместе с бригадой перебрался на северные промыслы. Процесс, что называется, пошел.

У левинцев за переезд особенно ратовал бурильщик Геният Сабиров. «Поехали — и все тут! — кипятился, наступал. — В Сибири, вот где настоящие дела, там мы нужней!» Убедил. Теперь все и каждый в отдельности убеждали жен. Те возражали — мол, бездорожье, грязь, комары, неизвестность. Обычный в таких случаях дискомфорт. Легко ли сняться с насиженного места. А как не заладится?

Точку в спорах поставил оказавшийся ненароком в городке на Волге заместитель директора конторы бурения Анатолий Андреевич Шемонаев, пообещал принять всех, трудоустроить. Ему поверили. И вот в феврале 1968-го левинцы — числом двадцать пять — в Тюмени. Из областного центра самолетом на Север. В Нижневартовске стужа за сорок градусов, дышать трудно. Сабиров стушевавшийся молчит, апломб его пропал куда-то, утратил вмиг его. Растерялся на время.

Подобные сюрпризы не столь уж и часты в Среднем Прибье. А тут угодили к их приезду низкие температуры. Такие, по словам старожилов, не посещали много лет. Показала-таки Сибирь когтистые свои зажимы, продемонстрировала, на что способна.

Встретил левинцев поселочек без единого каменного здания, диковатый, чужой, упрятанный под снегами. Их разместили в красном уголке конторы: сдвинули в один угол стулья, поставили койки. На другой день отправились на освоение скважины. Довольно далеко от поселочка. А вскоре за ними закрепили полураскомплектованную буровую. Один фонарь сигнальный на месте, иронизировали. Принялись

восстанавливать по винтику, Геннадий Михайлович бегал по начальству, «выбивал» недостающее — все, кроме фонаря. Был неутомим.

И вот начали они проходку.

Мороз все жмет. Поднимают из скважины очередную двухтрубку («свечу»), по трубе течет глиняный раствор, схватывается в желобах. Колючий знобкий ветер проникает в щели ограждений, одежда покрывается жесткой ледяной коркой и ломается. Буровики спешат поскорей отвернуть «свечу», иначе наверху замерзнет элеватор и нужно будет снова свинчивать трубы, опускать их в скважину и отогревать элеватор паром. Паром отогревали манометры. И так круглые сутки, неделя за неделей...

Первая их северная скважина была разведочной, часто извлекали разбуренную породу — керн. Для проб и анализов. Но все же пробурили раньше запланированного. Постарались. А главное: получили нефть сразу из двух горизонтов общим добитом двести тонн в сутки. Конечно, радовались. Однако в конторе это никого не взволновало. Левинцам, вспоминает собеседник, даже обидно стало: когда нефть обнаружили на Сарбайской площади в Куйбышевской области, там все ликовали, бурю оваций устроили на митинге. Здравицы звучали нешуточные. А в Западной Сибири уже к тому времени перестали удивляться новым продуктивным площадям, богатырским дебитам. Привыкли к такому ранее обосновавшиеся.

После разведочной бурили наклонно-направленную скважину на берегу Сухого Баграса — в обычное время почти сухого, безобидно-невзрачного в низких отлогих берегах. Трудились круглые сутки. На работу и обратно добирались вертолетами. Весной осознали по иронии обстоятельств, что морозы здесь еще не самое худшее, скорее наоборот. В известной мере морозы — благодать: можно добираться по зимнику до любой точки, завезти оборудование, материалы. Весной кругом одна вода и хляби окружили, ни шагу не ступишь в сторону.

Сухой Баграс в половодье разлился почти на четверть километра! Буровая оказалась на крохотном насыпном островке, лишь метра не хватало, чтобы залить земляные амбары, в которых хранился раствор. До буровой теперь добирались катером. Из-за густого плотного тумана, который в здешних местах в эту пору не редкость, из-за полного отсутствия видимости, однажды сутки пропутали в лабиринтах разливов.

А в это время произошла авария. На глубине 2 400 метров, когда до проектной, то есть заданной отметки, оставалось лишь десять метров! При последнем наращивании инструмен-

та бурильщик В. Кастаргин решил заменить переводник на ведущей трубе. Буквально за какие-то минуты инструмент на забое прихватило. Скважину на глубине тысячи метров пришлось торпедировать и начинать проходку заново. Что было, то было. Не только успешно все складывалось. Но все-таки скважину удалось закончить с ускорением — пробурить и сдать раньше, чем предполагалось. Понятно, что не жалели себя, выкладывались без остатка.

К тому времени, когда левинцы появились в Сибири, уже по всей стране летела слава о Г. Петрове, А. Шакшине, С. Ягафарове — трех урайских богатырях. Не к лицу было отставать богатырям волжским. Но, как сказано, досадные непредвиденности способствовали скромному результату в первом северном году. При плане 12,9 тысячи метров и обязательстве 18,1 прошли 15 643 метра горных пород. Дали себя знать резкая перемена условий, в каких оказались, многие организационные неурядицы. Четыре календарных месяца бурением вообще не занимались, время ушло на всякие вспомогательные операции.

В бригаде наметились ростки уныния, пассивности. Уже не верили в большие возможности и свершения, не надеялись на желаемые зарплаты. Некоторые собирались в обратную дорогу, ссылаясь на одиночество жен и детей в Отрадном. Геннадий Михайлович на это прямо заявил: «Кто хочет оставить Север, может его оставить, а сеять панику в бригаде не позволю». Уехало шестеро. Один вернулся. Ему Геннадий Михайлович помог устроиться, но в свою бригаду обратно не взял. Пусть и хороший работник, но коль подвел однажды в нелегкое время, может подвести еще раз. Предательство не прощается.

Между тем бригада продолжала осваивать недра и сама осваивалась на новом месте. Красный уголок конторы через три месяца освободили, всем левинцам дали квартиры в деревянных коттеджах. К ним переехали семьи. Приехала и жена Геннадия Михайловича с двумя дочурками. Жить и работать стало веселее...

1969 год — особый... В этот год левинцы заложили первую скважину на Самотлоре, ставшем вскоре самым притягательным местом во всем Среднем Приобье, самым оживленным. Сюда потянулись строители, буровики, вышкомонтажники, нефтяники, принялись завозить технику, всевозможные материалы.

А в тот памятный ключевой 1969-й на берегу озера с громким названием в трескучий мороз давали о себе знать лишь две буровые. И вокруг не было ни души. Только чахлые со-

сенки да зальделые снега, придавленные стужей. На одной буровой ратоборствовала бригада Степана Повха, впоследствии погибшего, на другой — Геннадия Левина. В отличие от Мегионского месторождения Самотлор — многопластовый, требовались дополнения в разобщении пластов, возникла необходимость спускать эксплуатационные колонны большего диаметра, оборудовать их специальными головками.

Приходилось тратить на «дополнения» много времени.

Наличие в разрезе газового пласта обязывало вести бурение с промывкой глинистым раствором, спускать кондуктор на большую глубину и оборудовать устье скважины двумя превенторами.

Дело усложнялось тем, что более трех четвертей территории заболочено и покрыто водой. Средняя глубина болот превышает три метра. «Пять процентов суши, остальное море», — шутили буровики. В таких условиях разбуривать площадь вертикальным способом совершенно нецелесообразно. Нецелесообразно и выборочное сезонное бурение: зимой вести проходку среди топей, а летом на возвышениях. Не было возвышений — одни топи. И специалисты справедливо решили, что разбуривать многопластовое надо наклонно-направленно, кустовым способом. С первых же месяцев доля наклонно-направленного превысила девяносто процентов, а ведь проводка таких скважин весьма сложна и затруднительна. Ничего, справились и с наклонно-направленной.

«Я так думаю — трудности обновляют человека, — сказал как-то Левину начальник производственно-технического отдела УБР Заки Шакирович Ахмадишин. — И обновляют, и укрепляют».

— У него есть полное право так говорить, — задумчиво подбирает слова и фразы Геннадий Михайлович, переживает заново былое, сделавшее имя волжанина легендой. — Он природный нефтяник. Когда ему во время свадьбы, еще в Татарии, сообщили об аварии на буровой, он, ни секунды не колеблясь, покинул праздничное застолье и устремился на площадку, успев сказать невесте: «Извини, я на час». Но вернулся только через трое суток. Невеста в нетерпении сама приехала на буровую, увидела его живым-здоровым, перепачканным соляркой и мазутом. Он обрадовался ей не меньше. Домой вернулся вместе с молодой женой, чтобы снова исчезнуть — уже на две недели, до полной ликвидации аварии.

И продолжил о том, что вскоре Заки Шакирович угодил в автомобильную костоломку. Выписывая его из больницы, ортопеды строго-настрого запретили Ахмадишину работать на буровых, рекомендовали не перенапрягаться, беречь себя.

Но он одним из первых пожелал переехать в Нефтеюганск, возглавил бригаду. Пробурил первую в Среднем Приобье наклонно-направленную скважину с максимальным отклонением от вертикали (полтора километра). Оказался много севернее — в Игриме; услышав о Самотлоре, немедленно упаковал чемоданы. Не мог допустить, чтобы это уникальное месторождение обошлось без него. С таких, подобных Заки Шакировичу людей, признался Г. Левин, брали пример, встречаясь с очередными трудностями. А их было предостаточно. Заки Шакирович стал главным персонажем в различных журнальных и газетных публикациях. Стали таковыми члены бригады и сам мастер. Но это впоследствии.

Проанализировав прежние промахи, левинцы пришли к выводу, что аварии, осложнения, браки возникают из-за недостаточного внимания к качеству промывочной жидкости и качеству вообще. На ликвидацию аварий и осложнений тратили почти сорок процентов рабочего времени, в то время как все подготовительно-вспомогательные операции, включая заготовку и обработку промывочной жидкости и профилактику ствола скважины, занимали лишь 13,8 процента времени. Они поняли, что если уделить больше внимания глинистым растворам, тратить больше усилий на их обработку, а также на профилактику ствола скважин, то при некотором росте времени на вспомогательные операции можно резко сократить непроизводительное время в бурении.

Курс оказался верным. Непроизводительные затраты удалось сократить вчетверо. Благодаря безаварийности, снижению брака, сокращению времени на прохождение сложных участков, пробурили на 8 226 метров больше, чем в предыдущем году.

И это лишь в результате организационно-технических мероприятий!

В первый самотлорский год непосредственно перед проходкой построили сразу три куста, соединили их лежневками, подвели водоводы, смонтировали буровые установки и емкости, завезли трубы, инструмент, цемент и другие материалы.

Куст — это искусственный островок посреди воды. Когда бригада бурила первую скважину, всерьез опасались, что песчаное насыпное основание не выдержит. Вышка проседала, раствор лился на площадку и уносил с собой в озеро песок. Все постоянно были в напряжении, дежурили у основания вышки, подсыпали его. Даже в суточных сводках сообщали про основание.

Тогда к Самотлору, прочитал Геннадий Михайлович в брошюре, было ни подъехать, ни подойти. На пересечении леж-

певок, соединяющих четыре куста скважин, небольшой «городок». Стояли вагончики, в которых вахты отдыхали после смены. На каждом кусте было по две вахты — одна работала двенадцать часов, другая в это время отдыхала, потом менялись. Вахты и все необходимое доставляли в «городки» на вертолетах. Из-за капризов погоды случалось, что вместо четырех суток вахты оставались в городках восемь — десять.

Как-то команде Валентина Васильева пришлось действовать 32 часа подряд. Был обложной дождь, стоял густой туман, и вертолетчики не могли перебросить смену из города. Геннадий Михайлович сам подменял то одного, то другого, пока ребята ходили в столовую. Когда «МИ» наконец пришвартовался к площадке, пилоты с удивлением смотрели на залитых раствором, с воспаленными глазами, но улыбающихся парней. Чему радуются робинзоны? А мастер остался — на этот раз предстояла ответственная операция. Впрочем, в случае необходимости оставался любой. Однажды заболел бурильщик, и Геннадий Михайлович попросил Генията Сабирова, уже отбедовавшему вахту, заменить товарища. «Я понимаю», — только и молвил тот. И снова натянул курившуюся паром, не успевшую просохнуть на батарее брезентуху.

Зимой, по инструкции, если мороз ниже сорока, работать запрещалось — но кто считал те дни, когда буровую нельзя было остановить и все продолжали работать даже и при температуре ниже пятидесяти?

Несмотря на трудности, удалось добиться улучшения всех технико-экономических показателей. В тот первый год даже перевыполнили план проходки. Однако эта цифра была много ниже достижений буровых бригад Г. Еремина и В. Леванова, перешагнувших уже сорокатысячный годовой рубеж проходки. Задевало за живое.

И левинцы решили догнать передовиков. Завели на буровой специальный дневник, не предусмотренный никакими инструкциями, и стали заносить в него свои наблюдения и выводы, что принесло немало пользы. Помогал этот дневник замечать и укреплять новые технологии, индивидуальные местечковые находки своих вахт, а стало быть, эффективней использовать рабочее время и оборудование.

— В 1970-м за бригадой закрепили две буровые, на кустах установили по два насоса У8-4 вместо одного прежнего. Смонтировали емкости, вибросита и гидроциклоны, повысившие качество раствора. Включили в коллектив второго слесаря, помощника дизелиста. И снова взялись за расчеты — что хорошо, а что не очень. Решили в первую очередь свести к минимуму простои (окна) в бурении, снизить затраты на

подготовку и испытания. Перемещали буровые на специальных катках, выиграв на этом шесть суток. Буровую к работе готовили пусконаладчики, а пробуренную скважину запускали освоенцы, сэкономив для проходки 67 суток.

Экономили время при спуско-подъемных операциях, наращивании колонн, при механическом бурении и прочих операциях. Особенно выявились резервы новой техники и технологии на глубокой, в 2 145 метров, скважине № 9-бис. Для проходки ее разработали режимно-технологическую карту с расчетной коммерческой скоростью проходки 10 000 метров в месяц. Применили новые турбобуры, долота с насадками. Для ускорения спуска-подъема использовали легкосплавные бурильные трубы. Тщательно подбирали параметры раствора, способствуя увеличению проходки, а в нижних интервалах и предотвращая осложнения.

Осуществляли контроль за проходкой и обобщали данные специалисты управления, круглосуточно дежурили.

Дальше Геннадий Михайлович мог не рассказывать. Я хорошо помню тот день апреля 1970-го, когда на вахту заступил бурильщик Ингиль Хасанов со сменой. Закончил успешно первое долбление под кондуктор — 405 метров. Спустил кондуктор, продолжил бурение. Все шло хорошо, но когда подняли инструмент, увидели, что долото сработалось. Одна из трех насадок осталась на забое. Посовещавшись немного, решили бурение продолжать. Спустили инструмент, но долото словно забуксовало на месте — ни сантиметра вперед. Снова подняли инструмент и ахнули: долота практически не осталось — ни шарошек, ни насадок, ни лап. Думали, конец света! Сколько готовились, и вот тебе — все прахом.

Но решились, спустили снова инструмент и — все пошло, как по маслу. Сейчас они этот эпизод вспоминают, как забавный курьез, но тогда левинцам было не до шуток, покрылись холодным потом.

Скважину пробурили за 124 часа вместо 530 по норме, установив рекорд коммерческой скорости на станок в месяц. Производительное время составило полные сто процентов. Опыт проходки № 9-бис лег в основу работы других бригад на Самотлоре. А левинцы пробурили в 1970-м уже 50 471 метр горных пород, установив рекорд в Среднем Приобье.

О бригаде заговорили всерьез. Г. Левину присвоили звание Героя Труда, бурильщики В. Васильев, Г. Сабиров и слесарь А. Трифонов удостоились ордена Трудового Красного Знамени. Это означало, что коллектив замечен, что он ступенька за ступенькой восходит к высотам известности и славы.

И Самотлор было не узнать. К месту работ пролегла отличная бетонка. От нее во все стороны отпочковались к кустам лежневые дороги, отпала необходимость в вертолетном дорогостоящем сообщении. Дорожники ежегодно укладывали в болотистые топи около 150 тысяч кубометров леса и до миллиона кубометров грунта, что благотворно отразилось на успехах проходчиков недр и нефтяников.

Производительность труда росла.

В 1972 году бригада пробурила 67 094 метра. Теперь уже все ее члены были награждены орденами и медалями. Бурильщики В. Васильев, Г. Сабиров и С. Феоктистов удостоились ордена Октябрьской Революции, шестеро, в том числе и мастер, — ордена Трудового Красного Знамени, десять человек «Знаком Почета», остальные медалями. Вручал награды первый секретарь обкома В. Щербина в присутствии начальника Главтюменьнефтегаза В. Муравленко. Поздравляя, они напутствовали, благословляли на сто тысяч метров проходки в год.

Воодушевленные левинцы обязались для начала на 75 тысяч, о ста пока что не помышляли: цифра даже им казалась несбыточной, хоть за это и обещали увековечить их имена золотыми буквами.

Жили идеалами коммунизма, верили в них. А вера — великий побудитель к трудовым свершениям невиданного размаха, гораздо хуже, когда ее нет. И хотя коллектив считался образцовым, одни трудились от сих до сих, другие вкладывали в дело всю душу. Вторых было большинство. Неизменным передовиком, во всем энтузиастом оставался Геният Сабиров. С ним бурмастер дружил еще со времен Отрадного, когда жили они в общежитии. Обладая глубокими знаниями, опытом, превосходя многих в энтузиазме, Геният оставался веселым, задорным, общительным. Был душой коллектива.

Огромным авторитетом пользовался старейший бурильщик Сергей Иванович Феоктистов, впрочем, так же можно сказать и о другом ветеране-дизелисте — Андрее Герасимовиче Трифонове. Любое дело они выполняли безупречно, близко к сердцу принимали интересы производства, общественные поручения. Им под стать были Юрий Егорович Песков, Флюр Сабиров, бывшие сменные мастера Игорь Сосновских, Михаил Задков и многие другие. В первую очередь именно они создавали в коллективе атмосферу, способствующую высокой повседневной активности и ответственности, росту технического творчества. Лодырей, прогульщиков и пьяниц не терпели. Дружба, спаянность, неистребимая воля к победе и совершенству обеспечивали успехи левинцев, а

вовсе не льготные условия, как считали некоторые и считают до сих пор.

Вначале левинцам очень помог опыт соседей нефтеюганцев и сургутян, по прошествии времени их опыт помогал нижневартовским и другим коллективам. На основе бригады Геннадия Михайловича создали школу передового опыта. Учили всех желающих передовым приемам труда. Вахты приезжали из многих буровых бригад Среднего Приобья, используя достижения левинцев, сами становились лидерами. Успешно соревновались. Цифра сто, о которой говорили Б. Щербина и В. Муравленко, не казалась уже недосягаемой.

Соревнование трудовых коллективов достигло небывалого размаха.

Обсудив на собрании правительственное Обращение о досрочном выполнении народнохозяйственного плана на 1974 год, бригада Г. Левина решила посостязаться в умении и сноровке с В. Громовым и Г. Петровым, заключила договоры трудового соперничества со смежниками, обязывались друг перед другом. Дорожники обеспечивали своевременный ввод кустовых площадок и подъездных путей к буровым. Вышкомонтажники с оценками «хорошо» и «отлично» скоростным методом перемещали и готовили к работе станки.

Соревновались с Азербайджаном, ездили в гости к коллегам на месторождение Кюрсангя — Южная, знакомились с тамошними условиями проходки или, точнее сказать, проводки глубоких скважин. Их тепло встречала бригада Салмана Нагиева. У двух известных специалистов-проходчиков завязалась теплая личная переписка, обменивались опытом и на расстоянии. С ответным визитом в Нижневартовске побывали азербайджанские коллеги.

Но главным соперником Геннадия Михайловича стал самотлорец, а в прошлом ураец Григорий Петров. Ему не терпелось превзойти непобедимого Левина. Так не терпелось, что он бросил в топку состязательности весь свой резерв: или — или! Или достигнет верха, или уйдет бесславно в забвение. Достижения каждого из них неизбежно становились достижениями всего предприятия, в целом отрасли. И это еще больше разжигало огонек состязательности.

Геннадий Михайлович по прошествии лет в своем сургутском кабинете вспоминал:

— В середине года Петров нас немного обошел: пробурил 10 752 метра. Нам не удалось до конца года выйти на его уровень проходки. 2 657 метров составил разрыв. И Григорию Кузьмичу присвоили звание Героя Социалистического Труда, наградили членов бригады.

И для нас год 1973-й выдался неплохим. Производительное время составило 98,1 процента, кроме бурения освоили 18 скважин. В конце года завершили бригадную пятилетку. Установили новый всесоюзный рекорд по скорости бурения. В следующем, 1974 году очень легко обошли Петрова и уже ни разу не уступали ему. Рубеж — сто тысяч и более метров в год — стал обычным, многие бригады справлялись с ним. Так что золотыми буквами на фронтонах можно было отмечать не одних левинцев или бригаду Петрова. Царил подлинный энтузиазм, вдохновение, казалось, что нет предела человеческим возможностям, нет предела творчеству и дерзанию.

Не оставались в стороне главк и министерство. Крепко помогали начальник управления В. Хлюпин, главный инженер А. Усольцев, начальник ПТО З. Ахмадишин, главный механик Г. Ваякин, ученые из различных институтов. Геннадия Михайловича часто спрашивали, долго ли он еще будет работать на Севере, он встречал этот вопрос с недоумением, потому что, как сказал поэт, «полюбить этот край тяжело, разлюбить этот край невозможно». Не ради славы и денег приехали — ради пользы дела. О нем в первую очередь пеклись... И те, кто приехали только что, например бригада В. Громова, тоже руководствовались высокими идеалами. Нашел себя на Тюменской земле комсомольско-молодежный коллектив В. Китаева. Да и многие другие от них не отставали.

Прямая противоположность нынешним рублевым и долларовым устремлениям, приземленности помыслов и неуверенности в завтрашнем дне. А все дело в том, что сменился собственник и принялся диктовать свои условия, свои правила проигрышной игры. Преемственности былой нет, инициатив снизу никаких. Есть только недовольства и протесты.

В 1971 году Г. Левин был избран депутатом Верховного Совета РСФСР. Вплотную занимался проблемами города и горожан, занимались ими прямо или косвенно и члены его бригады. Само имя работало на прогресс — социально-бытовой и технический. И город рос, хорошел, мужал. Он процветал и после отъезда Геннадия Михайловича в Сургут, куда перевели его начальником УБР-2 и где состоялась наша последняя встреча. Он покидал Север в конце 2000 года, доказав свое левинское пристрастие однажды избранному поприщу.

Спросил его о детстве, о родителях, как, где все было и что определило его жизненный путь (раньше как-то не удавалось выйти на личные темы).

— Родился я в Баку, — сказал собеседник. — Отец мой — Михаил Николаевич — работал у нефтяников. У нефтяников работал на берегах Волги. Застал неуклюжие деревянные

вышки, паровые машины, нефтедобыча и бурение были излюбленной темой в семье. С отцом не однажды ездил на промыслы. После окончания семилетки вопроса о профессии уже не существовало — буду заниматься тем же, чем всю жизнь занимался отец. И сестра Людмила решила так же. Оба окончили профильные учебные заведения.

После техникума в Коханской конторе бурения начинал свою трудовую биографию на дальних месторождениях, продолжил ее после службы в армии. Первой стартовой площадкой стала бригада Георгия Федоровича Ковальского. Очень мне помогли бурильщики Коробок, Низямзинов, Феоктистов. Во многом благодаря им в неполные двадцать четыре года стал мастером, добивался успехов, которые помогли поверить в свои возможности и на Севере. Всю свою последующую трудовую жизнь подпитывался этой верой, она держала на плаву в Сургуте. И в Сургуте, уже будучи первым руководителем, использовал в повседневной практике принципы общности и взаимного понимания, заложенные на берегах матушки-Волги и усовершенствованные на берегах другой могучей водной артерии — Оби.

Обстоятельства перемещения Геннадия Михайловича в Сургут покрыты дымкой загадочности. Одни утверждали, что Левина, вознесшегося на гребне первопроходчества, бросили в Сургут для подъема соревновательности у соседей, другие злословили, что таким образом уводят от ответственности за огрехи в скоростной гонке. Загадочность эта, кривотолки не сняты сегодня, уж слишком крупная фигура, слишком много шума наделали они с Петровым, чтобы обошлось без обсуждений и комментариев. История, одним словом. Ее бурмастера писали долотами, метрами, ударными вахтами.

Ради того, чтобы выяснить все досконально, стоило приехать, зябнуть ночь на вокзале, добираться на перекладных — попутных сюда, на окраину города, в промзону. Вопрос я задал. Геннадий Михайлович объяснил это просто, лаконично.

Было так. Информация из первых уст.

– В конце семидесятых формированное бурение в Нижневартовске достигло небывалого накала и размаха, предела человеческих и технических возможностей. В Сургуте оно зачахло, наблюдался своеобразный упадок. И вот когда генеральным директором здесь назначили главного инженера нашего УБР-1 Усольцева Александра Викторовича, он принялся уговаривать меня переехать вслед за ним. Больше года уговаривал. В конце концов подключился министр Николай Алексеевич Мальцев, первый секретарь Тюменского обкома

Геннадий Богомяков, я сдался. И в январе 1981 года оказалс
в Сургуте.

Оказался так оказался. Слово надо держать, оптимизма н
утрачивать. Принялся вживлять на новом месте все самое луч
шее, эффективное, чем владели на Самотлоре. Там уже не
сколько бригад перешагнули стотысячный рубеж, эту задач
поставил Левин у себя в сургутском управлении, ссылаясь н
своего молодого самотлорского преемника Александра Кузн
мина. Рубеж в сто тысяч метров тот одолел без особых зат
руднений, — почему не одолеть в Сургуте? Сможем! Всел
веру в людей, подкрепил технически. И вот в 82-м году дв
бригады здесь тоже перешагнули заветную черту. А в 1984 -
1985-м уже все сургутские бригады бурили по сто и более ты
сяч метров. Понятно, что непросто все это давалось, предел
ным напряжением сил, мобилизацией всех резервов. Моби
лизовались что надо.

Левин рассказывал дальше:

— Моя роль — организатора производства оказалась н
менее необходимой. Масштаб деятельности и масштаб ответ
ственности многократно увеличился. Но дело свойское, по
нятное. Бурение и в Африке бурение. Люди и недра. И лич
ное стремление. До перестройки и после. В достопамятны
семидесятые годы мы говорили: «Бурение — сегодняшня
большая нефть». К концу пятилетки добычу сырья довели
полумиллиарда тонн, а ежегодный прирост ее достиг тридца
ти миллионов тонн. Таких темпов развития не знала и до си
пор не знает ни одна страна в мире. Основную долю приро
та обеспечивали наши люди, наш край. И зависело это преж
де всего от буровиков. В Сургутнефтегазе истину такую н
забыли и в перестройку, не забывают сейчас, поэтому и оста
ются лидерами во всех номинациях.

На смену пришли молодые. Мы не забываем о преемствен
ности, не упиваемся новомоднейшими «проектами» под зве
дно-полосатым флагом, делаем свое дело во имя Отечества
каждого отдельного россиянина, благо, что ведет корабл
Сургутнефтегаза великий патриот и знаток нефтяного попри
ща Владимир Богданов. Не отдал штурвал в частные руки
доказал, что линия разбазаривания народной собственнос
глубоко порочна и даже преступна. Я с ним солидарен. Со
лидарны все мои земляки.

В 89-м году 26-летний мастер Сергей Николаевич Ворош
лов из нашего УБР-2 пробурил 168 тысяч метров — постави
рекорд в области, до сих пор непревзойденный. Средняя про
ходка на бригаду у нас тогда составила 134 тысячи. И так м
держались уверенно до 1993 года. Перестройка все пошатнула

поломала. Упали объемы, зарплаты. Люди уходили в поисках больших и легких денег, редко кто обретал такие. Дисквалифицировались. Теряли лицо. Года три длилась неразбериха — тяжелейший период. Но мне удалось сохранить коллектив, помог и личный авторитет, мне верили, верят сегодня. И не ошибаются. В управлении восемь бригад освоения, одна подготовительная, одиннадцать буровых. Работать, конечно, труднее. Ездим за триста километров на Тянское месторождение, пятый год разбуриваем. И разбуриваем Тром-Еганское и Восточно-Тромьеганское. На пяти дальних залежах работаем, на НГДУ «Нижнесартымнефть». Есть промбазы, общежития, необходимый соцкультбыт. Метод работы вахтовый — пятидневка. Снабжение материальное хорошее. Станки буровые новые. Финансовые дела заказчика — НГДУ и всего объединения отвечают всем мировым стандартам. И это потому, что взяли от советского периода все полезное, эффективное. Не утратили связей с поставщиками — отечественными и зарубежными. За кредитами не гонимся, обходимся своими прибылями.

Теперь, прервав монолог хозяина кабинета, скажем о его же думах и чаяниях, о потаенных его мыслях. К Сургуту он долго привыкал, тосковал по своей прежней бригаде, по Самотлору и Нижневартовску. Восполнял ностальгию поездками на всевозможные юбилеи. В Нижневартовске у него родственники — свои и по жене. Две племянницы и племянник там. Сын окончил Плехановскую академию, работает экономистом в Сургутнефтегазе. Женат. Жена Юля — сургутянка, бухгалтер.

Дочь училась в Губкинской академии в Москве, познакомилась с парнем там же. На третьем курсе они поженились. Сейчас внучка пятнадцати лет и внуку пять. Работала дочь в НГДУ «Сургутнефть». Сейчас занимается воспитанием Катюши и Ивана. Ее супруг Александр Буланов начинал в Быстринскнефти, дослужился до главного инженера и вот теперь — генеральный директор Сургутнефти, той самой, где прошла трудовую школу его жена Татьяна Геннадьевна, в девичестве Левина.

Родословная, что называется, удалась.

Крепкие северные завязи оставляет Геннадий Михайлович.

В нашей беседе принимал участие заместитель по «социалке» Николай Ефимович Гольцов, он сопутствует Левину много лет, всегда оставаясь на высоте, в чести. Многое делает для коллектива. Вместе и отдыхают — на охоте, рыбалке. Даже обстановка в кабинете — его рук дело. А прошел Николай Ефимович путь подобно многим — буровой мастер, началь-

ник центральной инженерно-технологической службы. Увлеченно занимается социальной сферой.

– Вот такие, как Гольцов, — сказал Геннадий Михайлович, — и составляют основу коллектива, ни при каких штормах не сходят с верхней палубы. Им, таким, оставляю управление. Они передадут последующей смене.

Так получилось, что, дважды побывав в УБР-2, я в первую очередь встречался именно с Николаем Ефимовичем. Один раз приехал в отсутствие Геннадия Михайловича, и Гольцов молодецки решил мои познавательные писательские дела-задачи. Именно он и породил во мне расположение к УБР. Я приехал вторично. А с Левиным встречались на общественных мероприятиях в Нижневартовске, куда его приглашают чаще других. И в этот раз Левин вызвал Гольцова, попросил опекать меня и в его предстоящее отсутствие, принимать как своего, и Николай Ефимович пообещал принимать. Так что планирую побывать еще у сургутян. Тем более, что не обо всех еще написал.

А теперь — слово Левину.

Геннадий Михайлович настоятельно просил:

– Отметь в книге Кондакова Вениамина Вениаминовича, главного геолога. Уникальной работоспособности человек, и человек слова. Таким при жизни памятники ставить. С таких брать во всем пример. Ведь он так знает свое дело, что оно играет и спорится при нем. Если бы политики так владели даром анализа и прогнозирования, да порядочностью обладали кондаковской, мы термины «хотели как лучше, а получилось как всегда» считали бы ругательством, воспринимали с недоумением. В нашем царстве-государстве Кондаков — светило.

Мой надежный помощник — заместитель по общим вопросам Сергей Павлович Кожевников. Под стать Гольцову и Кондакову. А прежде много лет был мастером, боевито штурмовал недра.

Главный инженер — Ануфриев Сергей Валентинович с отличным образованием и отличной практикой. Его дистанция после студенчества — двадцать лет. За эти годы много полезного совершил, потрудился для Отечества, иногда мне кажется, что он и не спит вовсе, не пьет, не ест. То в машине, то возле буровой, то на телефоне. А иначе как? В бурении все увлеченные, азартные. Буровик — он либо есть, либо его вовсе нет. Сергей Валентинович из одержимых. Удостоен многих наград.

От Гольцова узнал, что в Сургуте Геннадий Михайлович получил еще три ордена, один из них — имени Жукова: за

воспитание молодежи в патриотическом настрое. Его присваивает Областной совет ветеранов войны и труда. Орден полуофициальный, народный. Но только его и пожелал назвать, и именно потому, что полуофициальный и народный — от своих сограждан.

Медали обрел новые Геннадий Михайлович. Не обделен наградами и в Сургуте, после Самотлора ставшем его главным боевым плацдармом.

Не обойден и депутатством. Избирали в областной, районный и городской советы.

Так, с 1981 года и жил он там на улице Энтузиастов, не теряя связи с родственниками. А их немало. Семья у Левиных была многодетная. Ветви и отпочкования многочисленные. В Поволжье, на Севере, в Москве, в городах Горьком и Саранске, на Украине. В Москве у него квартира за ВДНХ. Не в центре, но местечко, считает, уютное, и квартира приличная. Тыл обеспечен.

Общий стаж в бурении у Геннадия Михайловича сорок три года. С северными накрутками, вредными условиями труда — 75 лет. Вот так! При его 62 годах жизни семьдесят пять лет трудового стажа. Что-нибудь да значит!

И сургутский период не худший в этой дистанции. Непросто сменить буровую вышку на должность начальника управления, но есть в переменс и плюсы. Физически быть мастером много труднее, постоянные недосыпания, переохлаждения, осложнения технического порядка. Он, обладая отменным здоровьем, особо не уставал и на буровой, может, молодость помогала, может вдохновение. С резервом сил перевелся в Сургут, трудился в прежнем самотлорском настрое. Помогали свои же — Александр Усольцев и Владимир Богданов, имя которого на слуху у многих и постоянно. Усольцев был главным инженером управления. Через десятилетия Александр Викторович — председатель совета директоров Сургутнефтегаза.

И вот расстается. Отпуск, сообщил мой собеседник, проведет в Сочи, после отпуска передаст УБР своему преемнику. Молодежи желает быть целеустремленной, азартной. Равнодушным нет места в бурении. Добиваться все новых и новых успехов, повышать престиж своей профессии. Проходчик горных пород — это звучит гордо!

Мысленно я сравнивал его сейчасного с Левиным семидесятых. Все так же крупноглаз, плотен, наполнен огромной жизненной энергией. Конечно, десятилетия сделали свое дело, вмонтировали свой след на лице, прорелили шевелюру. Но ведь и оставили шлейф славы неубывающей. Нарицатель-

ным стало имя. Не сотрет его ни время, ни дальность расстояний. Он так же будет приезжать на юбилеи, о нем будут говорить, писать книги, называть в трудах исторических. Осваивать и осваивать.

Мы еще бы почаевничали, повспоминали, но вошел Гольцов, коротко, шутливо доложил:

– Авто подано...

Значит, левинская «Волга» под парами, меня готовы переправить на торжество к мостовикам. Мы попрощались.

Больше я Геннадия Михайловича не встречал. По слухам, он переместился не в Москву, а в Тюмень. Может, и так. Не чужой ему областной центр. В любом месте Левин останется Левиным.

Он таким родился.

Таким и пребудет до конца своих дней.

Народный просветитель Любовь Додонова

Додонова вспоминала...

Осень... Серое, свинцовое небо, неоглядность Обской губы. Горизонт врезается в воду. Временами рулевой заворачивает катер к берегу, подсаживает ненецких ребятишек и снова направляет «ястребок» к райцентру Яр-Сале, что в трехстах километрах от Салехарда. Плывут и плывут в безрадостном хмуром окоеме, берут рыбу со встречных плашкоутов. Ребятишки разделывают ее и едят сырой. Привычны ко всему дети тундры.

В райцентре недавних выпускниц института встретил местный учитель Вануйто и по деревянным исхоженным тротуарам вдоль приземистых домишек повел в школу-интернат, к директору.

Тот определил им обязанности: быть за истопников, поваров, воспитателей. Принимать детишек из тундры, обихаживать их.

Поселили девушек в хижине, продуваемой и тесной. Они сами распиливали сплавные бревна-топляки, а чурки раскалывали на поленья, разжигали печурку. Вот так начиналась робинзонада в Яр-Сале. «Сплавились» туда по собственной воле, хотя по окончании Ишимского педвуза направили в Аромашевский район на юге области. Люба с Машей напросились в Заполярье — повлекли туда романтика, аромат новизны и необычности. Ведь кто из нас не мечтал в молодости о северных тропах!

...Я встретился с Любовью Артуровной в ее рабочем кабинете на втором этаже высшего педагогического колледжа, где она директором. Бывал здесь и прежде, но сейчас предстояло разговорить хозяйку о годах ее молодости, и я волновался: вдруг не получится? Но она охотно поведала о том, что тяготела к учительству еще с детства, проведенного ею в деревне Панова Крутинского района Омской области. Твердо знала, куда будет поступать после школы — в Ишимский педвуз!

И вот в конце концов оказались в Яр-Сале. Сюда ее с Машей направил заведующий окроно Костецкий, поверивший в надежность девчат. Вскоре Мария «выросла» до комсомольского активиста, а Любовь — до старшего воспитателя, да к тому же стала Додоновой, взяв фамилию мужа-геофизика. Потом молодая семья перебралась в Новый Порт. Энергичную, расторопную Любовь Артуровну сразу приметили и назначили завучем. Она с блеском проявила себя и в этой должности. Через год — уже директор. Именно в ту пору ей при-

Директор педколледжа Л.А. Додонова

своили звание «Отличник народного просвещения» — самую дорогую из всех последующих наград, не сравнятся с ней ни орден «Знак Почета», ни звание «Заслуженный учитель России», да и вручали ее, эту награду, при обстоятельствах что ни на есть самых экстремальных ..

Она вспоминала... Костецкий... Обручение с мужем... Заполярье... Ребятишки раскосые... В интернате у нее были свои электростанция, котельная, подсобное хозяйство. В пургу малышей обвязывали веревочкой, пускали друг за другом из спального в учебный корпус, иначе уведет, закружит стихия. Один мальчик действительно погиб. Больной он был, в пургу терял ориентацию. И однажды замерз под заносами снега. Еще одного затянуло под гусеницу вездехода, он умер на руках у директора, взывая о спасении.

Погиб в автомобильной катастрофе заведующий окроно Костецкий.

Всего перевидала, многое перестрадала.

Неудивительно, что, когда подросли дочери Татьяна и Ольга, потянуло ближе к Большой земле, к родному краю. Да и в отношениях с мужем наметился холод. Остановилась в конце концов на Нижневартовске. Здесь жили земляки Кожедубы, магическое воздействие оказал, конечно, и Самотлор, гремевший далеко. Приехала посмотреть. Ее возил по городу тогдашний председатель горисполкома Николай Андреевич Москаленко, много хорошего говорил о перспективах месторождения-богатыря, самого Нижневартовска, который рос, мужал на глазах. Заснеженный, весь какой-то домашний, уютный, он очень понравился Додоновой.

Без колебаний она согласилась на переезд, понимая, что сразу с Ямала ее не отпустят, постараются удержать. Она будет стоять на своем, используя самый веский аргумент — детей. Ольга к тому же прибаливала.

Все так и получилось. Переехав в Нижневартовск, Любовь Артуровна возглавила местное гороно, поработала в школе — в общем, проявила себя всесторонне, по-заполярному. Имя ее становилось известным в городе. Заслужив прочную репу-

ацию, сообразовавшись со временем, она приступила к своему главному делу.

В 1983 году Любовь Артуровна стала директором педучилища, которое позже с коллективом единомышленников преобразовала в высший педагогический колледж. Кафедры, факультеты, разнообразные специализации — эксперимент «колледж-вуз» проходит успешно. Можно сказать, блестяще.

— Свое дело нужно любить, — так вот просто объяснила собственную многолетнюю одержимость моя собеседница. — Без любви к делу и профессионализма, который складывается десятилетиями, ощутимого результата не добьешься.

Она любит народное просвещение, сколько себя помнит, никогда в нем не разочаровывалась, активно решала неотложные задачи. В памятном для нее 1983 году не хватало учителей начальных классов и воспитателей дошкольных учреждений. Их начинали готовить в местном училище, которое возглавила Додонова, а завершать образование приходилось в Тобольске. Но ездить туда было накладно.

Однажды на совещании в Тобольске Любовь Артуровна убедила ректора пединститута Юрия Михайловича Конева создать в Нижневартовске филиал. С этим справились в оптимально сжатые сроки: проблема требовала срочного разрешения. Затем филиал преобразовали в самостоятельный вуз: можно было перекинуть ступенечку образовательную на месте. Эксперимент быстро набирал силу. Сегодня многие ученики колледжа трудятся успешно на предприятиях, в школах других учреждениях.

Еще в колледже действует на договорных началах факультет экономики и права Тюменского госуниверситета и представительство Тихоокеанского университета, что в американском штате Айова. Есть и свой общеобразовательный лицей.

Но больше всего Любовь Артуровна гордится начальной школой в системе лицея. Еще недавно мне, приходившему за информацией для газеты, Додонова говорила о школе, как о грядущей мечте. И вот теперь она стала реальностью. Уже с первого класса учащиеся готовятся к покорению высот науки и профессионализма. Нетрудно представить, что это будут классные специалисты. Пройдя все ступени образовательного процесса, они на любом рабочем месте почувствуют себя как дома.

Во время моего посещения Любовь Артуровну как раз пригласили на студенческую конференцию. Додонова усматривает в этом событии особое значение: наконец-то учащиеся — ее питомцы заявляют о себе как самостоятельная творческая сила, как явление, с которым можно считаться всерьез. К тому

же в городскую администрацию приняты на работу воспитанники Додоновой, способные работать с молодежью на должном уровне. Немногим в России известна педагог Мария Монтессори, итальянка, а Любовь Артуровна уже пропагандирует ее методику. Пожалуй, нет более-менее достойной новинки, которую бы не опробовала у себя Додонова. Невольно поражаешься ее и коллектива переимчивости.

Семь профессий на вооружении у колледжа. Высокий приемный конкурс говорит о том, что все они пользуются большой популярностью, недобора не случается. Много внимания Любовь Артуровна уделяет коррекционно-развивающему обучению, что способствует адаптации ученика-выпускника в любой житейской обстановке и помогает выявить индивидуальные способности каждого из них.

По всеобщему признанию, колледж сегодня стал региональным многопрофильным образовательным центром. На его базе проводятся мероприятия российского и международного масштаба, его навещают представители министерства. Неудивительно, что рабочий день у Любови Артуровны начинается в четыре-пять часов утра, когда она готовит семье завтрак, просматривает периодику, определяет для себя повестку дня грядущего. Не последнее место в ее жизни играют дети и внуки. Особенно любит она Алешку, сына старшей дочери Татьяны. За пристрастие к даче и земледельчеству бабушка ласково именует его «завхозом».

Любимое время года у Любови Артуровны — осень, пора листопада, тихого увядания природы. Любимый вид искусства — поэзия.

На все хватает времени у подвижницы.

Татьяна занимается малым бизнесом, имеет свое небольшое предприятие. Ольга из-за слабого зрения вынуждена трудиться в отделе кадров. Семья всегда держится вместе, сообща преодолевает трудности, разделяет радости и огорчения. Живет полнокровной, насыщенной событиями жизнью. Во время нашей беседы появилась Ольга, мило представилась и спросила:

– Я похожа на маму?

Действительно, в ней много общего с Любовью Артуровной — в облике, в движениях, разговоре угадываются те же динамика, порыв, устремленность, желание активно использовать быстробегущее время, хотя в матери это перекрывается большей раздумчивостью и умудренностью.

– Жизнь была трудной, но состоялась, — подытожила нашу беседу Любовь Артуровна. — Росла с отчимом. Отец погиб на фронте. Последний раз видела его в сорок четвертом. На побывку приходил. Помню, снял меня с забора, принес в дом,

сказав матери: «У Любушки на ногах цыпки, надо бы зать». Больше я его не видела. Ушел он навсегда. Остал лишь память об отце и желание выстоять в жизни, добр делом заслужить уважение.

Она его заслужила.

Додоновой присвоили звание «Почетный гражданин Н невартовска». Я видел, как в день юбилея города в прос ном зале Дома техники она поднялась на сцену и мэр вру ей свидетельство. И радовался я, наверное, вместе со в городом за своего народного педагога, чье имя стало сим лом просвещения народного, всего, что связано с понят «школа». Издавна на Руси учитель и доктор пользовались с бой любовью, их чтили больше других. Чтят и нынче.

— Но одновременно, — призналась Любовь Артуровна это накладывает и высокую ответственность. Ошибаться дагог не имеет права, ведь он дает путевку в жизнь детям, торые, став взрослыми, используют преподанные им в « ле» принципы.

Она заимствует опыт москвичей и зарубежных колле больше полагается на собственную интуицию, свой оп Часто советуется с сотрудниками. Подвижна, энергична, утомима — такой она запечатлевается в памяти. Рад, что нажды пути-дороги свели меня с ней; я тогда привел в к ледж свою дочь, окунулся в здешнюю атмосферу и, прия удивленный душевной такой, электрически-творческой мосферой, пришел познакомиться с директором. С тех не только дочери-выпускнице, но и мне это учебное зав ние стало родным и близким, как, наверное, и многим жи лям нашего города.

Всегда желал удач педагогическому колледжу, добрых сп шений Любови Артуровне и новых встреч с ней. И они б побудив продолжить беседы «о времени и о себе», вн глубже в пройденный ею путь. Ну, не одни же успехи и бе лачность сопутствовали. Жизнь для всех есть жизнь, в взлеты и замедления какие-то неизбежны. И ничего в том зазорного, скорее наоборот. Ну, например:

— Первый секретарь горкома Великопольский в 1978 г снял меня с должности заведующей гороно. За что? Я п ехала в Нижневартовск одна с детьми, — рассказала как-то и было мне предложено стать секретарем по идеологии, не хотела быть секретарем по идеологии. Призналась Се Дмитриевичу про «неформальные» отношения с жена начальником строительного управления Юрием Шерем евым — любовь у нас была. Меня вызвали на бюро горко записали выговор и сняли с работы. Пришлось уйти нач

ником отдела кадров Покачевнефти. Как в кино — драматично. Выговор через какое-то время по ходатайству председателя горисполкома Николая Андреевича Москаленко сняли, и я перевелась в директора школы. Три года трудилась в этой должности. Обнаружила дефицит преподавателей дошкольных учебных заведений, детсадов то есть. Похлопотала об открытии педучилища по Дружбе народов, 13а. С двумя специальностями: учителя начальных классов и воспитателя дошкольных учреждений. Возглавила училище.

И тут новый зигзаг. Через облоно добыла для кабинета стенку и еще гарнитур дефицитный в местном ОРСе. Не успела их оприходовать, распаковать — комиссия. Увидели эту мебель в новом здании, отметили как излишек. Гарнитуры-то импортные! Как сподобилась! Опять записали минус порицающий.

Выговор она сносила, а гарнитуры остались служить на пользу делу, до сих пор служат. Не рассыпались.

Педколледж оказался ее звездным часом.

С собой привела творческих людей: Валентину Николаевну Невзорову, Галину Юрьевну Бандурину, Светлану Власовну Козлову. Они до сих пор с нею. Поэтапно преобразовали училище в заведение иного типа, сообразно с требованиями времени. Препятствия на пути были и есть, типичные для заведений подобного типа. Первыми опробовали связку: педколледж — педвуз. Идея непрерывного педобразования по-настоящему только начала витать, а они уже десять лет шлифуют ее. Приказ министра о непрерывности педагогического образования увидел свет совсем недавно. Опоздал приказ для Любови Артуровны на огромную временную дистанцию. Специалистов педколледжа везде принимают охотно, везде они превосходно адаптируются, на бирже труда не стоят.

— Педагог должен держать руку на пульсе того социума, в котором он находится, — так она выразилась: социума! — Мы сами всего добивались, жизнь все время была на вырост. Учебные программы разрабатывали, утверждали в министерстве в аспекте государственных стандартов. Наша Надежда Георгиевна Буркова была в составе министерской комиссии, и это несколько облегчало процесс. Но все же лиха хватили. Тут ведь как?! Даже учебную линейку провели с соответствующим пиететом. Я провожу с государственными флагами, с участием знаменитостей города.

К ней частенько влетают разгоряченные, нетерпеливые сотрудники. Горячо, страстно информируют по сути проблемы возникшей. Везет Любови Артуровне на одержимых. Две

трети коллектива из числа неравнодушных. К учебной линейке никого не обязывала выйти из отпуска, но появились все, каждый хотел поучаствовать в торжестве. Любят свое дело. Любит безмерно Любовь Артуровна. И не просто любит — знает все больные места, опережает время. Иначе выпускников надо переучивать. На практике студенты кроме методики итальянки Марии Монтесори используют Вальдорскую, что широко применяется в Германии, для детей, которые страдают ушербной психикой. Группу педагогов стажировали в Прибалтике. Увлекались развивающим направлением, для слабых учеников щадящей системой воспитания. И формы ее разнообразные, но суть системы одинаковая — сотворчество с воспитуемым.

Готовят и предпринимателей, журналистов.

— Изменилась социально-экономическая структура общества, — считает Любовь Артуровна. — У интеллигенции не хватает культуры спора, публичных дискуссий. На встрече учителей в Доме техники крупный министерский чиновник обозначил магистральные проблемы, в русле упомянутого приказа, и упомянутых нами разрешений проблем. Например, по двенадцатилетке. В нашей базовой начальной школе ее опробуем. Учебники русского языка и литературы малыш должен осилить, общие навыки познавательные должен приобрести. У внука Алеши я проверяю технику чтения, он прочитает выразительно — и не помнит ничего. Прежняя система обучения загоняла детей в тупик. И этот тупик следует устранить. Надо готовить ребенка к жизни.

В упомянутой школе предусмотрено экологическое направление. Ребенка с малых лет учат беречь гриб в лесу, каждую зеленую травинку, птиц, воду, рыбу в ней и водоросли. Учат состраданию ко всему, что нас окружает. Есть направление общемедицинское, и есть душевно-психологическое: принимать людей надо такими, какие они есть, со всеми их пороками. Учат детей терпению, усидчивости, стремлению к новизне, патриотизму.

Истинным приверженцем города считает депутата областной Думы, вице-президента компании «Славнефть» Виктора Палия, образцового собеседника. Он умеет выслушать, принять решение и довести его до финиша. С такого берут пример многие. Любовь Артуровна, будучи сама знаменитой, не устает восхищаться знаменитостями. В юности очень увлекалась биографиями великих людей, много читала, сейчас некогда читать классику, работа и специальная литература поглощают львиную долю времени. И спать когда-то надо. А в сутках всего двадцать четыре часа.

К ней приходят с цветами благодарные родители, выражают признательность всяк по-своему. Есть за что выражать. Это только внешне жизнь Долоновой складывается сама собой, лишь Любовь Артуровна знает, чего она ей стоит, какими усилиями дается.

– Не просто трудно, адски трудно, — признается. — Завистников несть числа. Они кучкуются, шепчутся по углам. Зачастую не знаешь, откуда сквознячок. Не объяснишься с ними напрямую. Тратишь нервы на такие поползновения. Самое тяжкое — это предательство друзей и близких. Случалось всякое. Предавали.

Что-то в плане «наезда» случилось у нее именно в день встречи. Я встретил Любовь Артуровну в депутатской приемной у Палия. Что привело Долонову к народному избраннику, она умолчала. Отказалась от моих связей в Госдуме, с тем же Юрием Михайловичем Филатовым, бывшим ректором Тобольского пединститута, ныне депутатом. Я не настаивал. Виктор Остапович любое дело решит мастерски.

В общем, не очень безоблачная повседневность у директоров педколледжа.

– Сейчас много кричат о многоканальном финансировании. Был один процент налога на развитие образования, все платили в казну, — рассказывала она. — Приделала к Постановлению ноги, выбила миллиона два на детей, которые не имели возможности платить за обучение. Сейчас это вошло в привычку, а вначале казалось руководителям в диковинку.

– Перед отпуском что занимает больше всего? Курорт? Дача? Вы любите осень золотую, может, возле Оби или в перелесках?

– Учусь водить машину, езжу с опытными водителями, запоминаю дорожные знаки: повороты, обгоны, припарковки. И конечно, пекусь денно и нощно о совершенствовании профессиональной подготовки специалистов на базе нашего колледжа. Дело прежде всего. За десятилетие по структуре, содержанию, по технологиям накопили солидный багаж. У нас тринадцать кандидатов наук, сорок «Заслуженных учителей» и «Отличников народного образования», сорок три преподавателя высшей категории и еще сорок шесть — соискателей ученых степеней... Многое им по плечу, много прорывов в педагогике совершили в плане подготовки ребенка к современным условиям, подготовке полнокровной личности. Не участковый милиционер должен «отслеживать» детей во дворе, а грамотный педагог, он это сделает лучше в рамках дополнительного образования. Более умело и проницательно

излечит наметившиеся в душах юных созданий язвочки, привнесенные улицей.

...Ровная, взвешенная речь, мудрый углубленный взгляд. Все в ней располагает к вниманию. О ней много пишут. Ее портреты в газетах, журналах, книгах. Только что московский ежемесячник «Специалист» посвятил номер педколледжу. На обложке цветная фотография Любови Артуровны — директор учебного заведения в характерной позе: сцепленными ладонями подперла подбородок. В даль будто устремлена, сосредоточенно размышляющая о грядущем и настоящем. И красива она, по-настоящему возвышенна в этом размышлении.

Минувшим летом в соавторстве с сотрудниками издала две актуальные педагогические монографии, где впечатляюще сказала о высоком служении Отечеству. Своим подвижничеством вполне отвечает девизу, ею накрепко затверженному. Такой она была изначала. Такой остается по сей день.

Не перевелись еще подвижники на Руси. Нет, не перевелись. Любовь Артуровна Додонова одна из таких.

Чувство «поля»

Конец сентября в Тюмени изобилует желтизной кленов, неубывающими потоками дачников, поспешно убегающим от ледостава судами, припозднившимися в навигации, неожиданной привлекательностью витрин и коммерческих киосков, стайками школьников, а для Олега Лазаревича в его шестьдесят один осень означает перемены в «поле»: подготовку к зиме и обработку материалов, настрой вьюг и шуршание ватманов, воспоминания о лете и новую страду. Означает чувство «поля», которое всегда в нем. «Поле» — это его жизнь изыскательская. А кому поведаешь, что переполняет душу бывалого полевика...

Подвижники непогод и острых ощущений, азарта, желаний творчества на просторе, его значительности. Эх, синь-синева небесная, хруст палого отверделого листа под ногами, скользкость асфальта, податливость неокованной земли... Все это... пока он может — все это будет... Он останется с чувством «поля», своего «поля»... Реформы, партии, выборы... Он выше суеты. Его «поле», освоенное молодежью, обретает сильные свежие побеги... Жизнь на планете Земля продолжается...

* * *

В Тюменском институте «Гипротюменьнефтегаз» свели меня с заместителем директора Олегом Лазаревичем Биндером, сказали коротко: «Талант». Талант всегда загадочен. Есть он у каждого человека, порой не один, все дело в том, насколько и ради чего развил его. И вместе с талантом появился сам. Исследовать возможностей не было: он — в Тюмени, я — в Нижневартовске, за тысячу километров от Биндера. Встречи нечасты на житейской тропе. Пусть расскажет о себе сам.

Изыскатель О.Л. Биндер

Он и рассказал с привкусом исповедальности, а уж я обобщил и сделал выводы.

Всеми корнями он из Новосибирска. С детства обладал решительностью, острым

умом, был общителен. В юности пробудилась тяга к точным наукам. Этим же отличался отец, главный специалист в Магаданской геологоразведке, что обосновалась домовито в поселке Билибино. Под его влиянием сформировал в себе профессиональные и жизненные принципы, которые всю жизнь его поддерживали, и неплохо — если и на шестьдесят первом году он активен, наступателен, будто в юности. Он как дерево спелое: кора видоизменяется, грубеет, а сердцевина ядреная остается. Итак, Биндер...

Я поднялся в кабинет на втором этаже, за железной дверью. Без приемной. Привлекла внимание на «генеральском» столе литература разнообразная — по геодезии, картографии, нефти, строительству, геологии... Карты, схемы... И на стене карты и схемы. В простенке шкафа — ясно, что не случайно, — примостился глобус.

Хозяин невелик ростом, полноват, курчав. Очень подвижен. Круто передвигается. Тугие седоватые вихры и те свидетельствуют о неукротимости... Я от дедушки ушел и от бабушки ушел... Олег Лазаревич никуда не уходил. Если и уходил, то возвращался.

Чтобы составить проект, многое надо знать, так необходимо знание грунтов, ландшафта, геоморфологии и гидрогеологии. Кучу специалистов привлекаешь, материалов всяких. Отсюда и атрибутика.

В Новосибирске Биндер окончил институт геодезии и картографии. Его профессия — геодезия. Это уже после Магадана, куда его увез отец и где провел годы — до окончания школы. Вместе с геологоразведкой осваивал поселки Сусуман, Ягодный, Адка... Потрудился в комплексной тематической партии управления, работал на шурфах — с взрывниками: искали золото. После седьмого класса, летом уходил в «поле» или обосновывался в управлении, где отец был главным инженером. С Северо-Восточной разведочной партией шел по берегу Охотского моря маршрутами путешественника Арсеньева — здесь искали активные редкоземельные элементы. И такими маршрутами шли, которых Арсеньев осилить не успел. В Якутии Оймяконский район холода обследовали. И там биндеровский следок... Ценным редкоземельным озадачивали...

Золото Олег Лазаревич считает красивым экзотическим материалом, малахит и мышьячные породы, бриллианты-изумруды иной окраски... С иными характеристиками...

Одинаково в них то, что все редкоземельные адским трудом давались. Золото в основном эзки добывали. Взорванную породу таскали бадьями, костлявые, истощенные, с хрип-

лым дыханием передвигались. Под истлевшей одеждой выпирали кости. Спины согбенные. Лазареты, трупы. Покорность и безысходность в замедленных безвольных движениях и усталых взорах. Ценой многих человеческих жизней, подневольного рабского труда давался «красивый экзотический металл». Вообще, очень трудоемкий «материал». Это лишь теоретически именуется «жилы». На деле «жилы» — лишь крохотные крупицы «золота», впаянные в горные тверди, которые нужно раздробить, просеять, промыть. Поднятую на гора породу зэки же увозили на лошадях к месту переработки. Костьми был усеян этот путь — от залеганий до обогатительной фабрики.

Об этом, про «хриплое надсадное дыхание» под истлевшим тряпьем, рассказал мне Олег Лазаревич. Он это видел множество раз. Еще на маршрутах Арсеньева освоил в совершенстве таежный быт: в походных условиях готовил пищу, чинил обувь и одежду, добывал питание. Мог подолгу идти не уставая, играл на гитаре. Знал всяческие подорожные байки.

В институт прошел легко.

Его профессия геодезия — точная наука. Почти математика, но в чем-то превосходит ее, требует обширных знаний. В том числе геологии.

Первые работы изыскатели Гипротюменьнефтегаза провели в 1964 году. Областной центр являл тогда собой сельскую обитель и оканчивался Текутьевским кладбищем. Водокачка из красного кирпича и крестьянский рынок считались главной достопримечательностью. Шумел-гремел тележный привоз. Разносились далеко крики торговых зазывал из рядов. Это Олег Лазаревич еще застал.

На место работ первые изыскатели отправились именно осенью, в самую хлебную страду, листопад, картофельную уборку. Крестьянская Тюмень еще всецело жила уборкой, не очень озадачиваясь далекой — где-то там — нефтью. А они между тем ехали, плыли, летели. И снова ехали. С Олегом Лазаревичем были Александр Новосельцев и Сергей Зубов. В Сургуте набрали рабочих для Западно-Сургутского месторождения, экипировались как надо.

Руководил десантом Рудольф Николаевич Кащеев.

На трех «атэлках» — легких артиллерийских тягачах плюхали по бездорожью среди водомоин и лесных завалов. В отличие от сухостойной осени юг области здесь обильно поливали дожди, разжижая и без того податливую почву. «Атэлки» по самые кузова тонули, изрыгая громошумный рев, плевки дыма из глушителей. Все-таки проскребились к месту стоянки — будущему пункту подготовки и перекачки нефти.

Добрались уже в ночи. Дождь хлещет, градинами стреляет. Мгла кромешная, как в Оймяконе в период глухозимья. Оптимисты выгрузили имущество из кузовов на подтопленный островок, натянули палатки, развели костры под наскоро оборудованными навесами. В палатках при свете электрофонарей развернули прежние наброски, где схематично проглядывали предполагаемые конструкции, которые следовало «привязать» на местности, детализировать.

И тут только уяснили, за какое они взялись трудное дело. Немыслимо трудное. Первые такого рода комплексные изыскания для непростого проекта. Подобного объекта еще не было на месторождении-пионере, не было трубопроводов, резервуаров, дорог, иных коммуникаций. Дичь, первозданность, где ступала нога лишь охотника. И все предстоящее укладывалось в очень компактные сроки: партия — наш рулевой обожала скоростные темпы. Поутру они развернули приборы, настроили оборудование, как батареи малых калибров, поставили буровые установки. Иная — не хлебная — страда началась.

Через две недели Кащеев говорит:

— Что делать? Зима катит в глаза, в палатках долго не прокукуешь. И в охотничьих избушках не поместимся. Надо рубить избы с печным отоплением. Так что топоры, пилы в руки, братва. Состав наш увеличивается, начальство обещает пополнение в ближайшее время прислать. Поднажмем же!

Начальник всей экспедиции — Михаил Федорович Рябчиков. У него снаряжение, деньги, властные полномочия. Вся стратегия. Его имя постоянно на слуху. Михаил Федорович и настроил по-боевому Кащеева. Подбросил самое необходимое с теми же «атээлками», похвалил за то, что в неделю по «хате» готово. На речке Калинке поставили базу изыскательскую, опорную. По Калинке же перед ледоставом баржа пробилась, днищем выгребая ил, застревая в тесных разбережьях. Одержимость, что водица паводковая, все одолеет, одолевали изыскатели.

И еще ухитрялись на танцах в Сургуте бывать. В сапогах-болотниках являлись во Дворец культуры, а зимой — в валенках и шубах, заиндевелые, но улыбчивые, завоевывали сердца местных девчат.

Незабвенное прошлое...

После танцев на легких артиллерийских тягачах добирались в жилой городок на Калинке. Не спавши, с рассветом вновь рубили просеки, ставили реперы с визирками. Делали все возможное, чтобы уложиться в срок-задание.

После Западно-Сургутского было Южно-Балыкское, другие месторождения, о которых потом «гремела слава». Но

Биндера отозвали в облцентр -- к камералке. Занимался Олег Лазаревич «полевыми» материалами. Считал, чертил, анализировал. Доводил до венца объект. Проекты той поры «на ура» принимали. По ним действовали строители, монтажники, промысловики, уже шли большие площадные изыскания, одновременно расстраивались Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск, создавались при них промзоны не без участия Гипротюменьнефтегаза. Большой спрос был на изыскателей.

Какое-то время Олег Лазаревич еще летал по вахтам на Север, но постепенно с головой окунулся «в стационар», с институтской высоты обозревал пространства. Видел дальше и глубже своих прежних соратников по изыскательству на Западно-Сургутском. Увеличивался объем работ, институт рос, ширился. Его филиалы создавались во многих городах. Изыскательские маршруты достигают самых невероятных уединенностей. Аборигены поспешно снимаются с насиженных мест. Птица улетает, зверь уходит. Рыбы становится меньше. Вместе с индустрией края начиналась деформация природы, но о будущей катастрофе не думали. Дух первопокорительства царил, энтузиазм великий.

Без нефти Союз мог развалиться много раньше. И ЦК, политбюро ухватились за спасительную кровеносную артерию. (Артерия, увы, не спасла. А спасет ли демократию?..) Догоняли и превосходили, шумели на весь планетарный разброс. В 66-м озадачили Самотлором, поручили связать несколько разведочных скважин в районе первой дожимной станции. Надо было дать внешний выход — дорогу в Нижневартовск. Тогда гипротюменьнефтегазовцы на гидросамолете поднялись в воздух с отрядом строителей, одновременно забросили на место работ рацию, палатки, поварской инвентарь. Принялись изыскивать и воплощать в жизнь эту будущую транспортную артерию, технологические схемы сбора и прохождения нефти.

На территории дожимной станции подготовили постоянную вертолетную площадку, расположились здесь лагерем. Олег Биндер, конечно же, среди первых. Его распоряжения подкреплялись опытом Западно-Сургутского и Южно-Балыкского месторождений, опытом камералки в стенах Гипротюменьнефтегаза. Готовые чертежи он сдавал маркшейдеру Ембаеву. Строители и нефтяники, изыскатели сообща затаскивали на островок, отмеченный визирками, оборудование, порой круглые сутки упирались.

И была сделана дорога в город, трубы внутрипромысловые, на профессиональном языке, коллектора. Была первая ДНС и первая нефть Самотлора. Были первые изыскатели.

Но кто вспомнит Олега Биндера, если про Кабаева-геофи
ка, лауреата Ленинской премии, забыли в Нижневартовс
На слуху больше первые операторы и начальники конто
управлений.

Была еще такая яркая личность — Яков Михайлович К
тан, профессор, доктор технических наук. Заместитель д
ректора института до 1969 года. В 1971-м Олег Лазарев
стал начальником отдела, с Каганом общался вплотну
Видел всяких и всякого насмотрелся. Проектировал р
ное. С ним долгое время сотрудничал старейший проект
ровщик Тюменщины Иршат Шавалеевич Алеев. В 72
году тридцать месторождений обживали: Северо-Покур
кое, Ватинское, Аганское, Советско-Соснинское... Колле
тив института — уже пять с половиной тысяч... Филиа
Гипротюменьнефтегаза в Сургуте, Свердловске, Нижнева
товске, Ноябрьске...

Биндер на быстрине... Он возглавляет многие крупн
проекты, он ведет людей и объекты, вершит планов грома
на их пике. Стиль работы и в должности заместителя дир
тора, когда отбыл в Москву Каган, остается наступательны
Он бьет в самую сердцевину сути. Выявляя главное, сопря
ет с подробностями, без которых нет комплекса, проект
полном его объеме-измерении.

Постперестроечный проект века: «Игарка: труба-99». В п
стьдесят лет — «Заслуженный работник нефтяной и газов
промышленности». Трижды бывал в Китае. Их демократич
кий централизм понравился Олегу Лазаревичу, не понравила
«холодная война» китайцев против России. У них на картах
Иркутска все Китай — желтого цвета территория. Желтым за
трихована Монголия. Америка штрихует со стороны Берин
ва пролива — хватает желателей проглотить. Игарский прое
века предусматривал нефть Красноярского края и Томск
области. Не получилось: растерялись перед грандиозност
замысла заказчики. Целые страны смутились... Не смутился
верит в будущее претворение Олег Лазаревич.

«Заслуженного работника» дали и Юрию Борисовичу Н
воселову, заместителю главного инженера по энергетике. Н
давно летали с ним по трассе будущего нефтепровода — в З
полярье. Проект готовится для московского «Ритэка», д
бывшего начальника Главтюменьнефтегаза, нынешнего пр
зидента компании Валерия Исаковича Грайфера. Уж он-
знает Гипротюменьнефтегаз и его ГИПов. В райцентрах, г
приземлялись, просматривал местные газеты, настрой зап
лярцев старался понять, особенности экономики и взгля
на экологию.

Чем и как живут. И как все освещает «малая» пресса. У Грай-
:ра в Белоярске НГДУ — начало положено. В сентябре лета-
:, и снова желтизна и киноварь лиственная очаровывали Оле-
Лазаревича. Но дело прежде всего, не позволяет расслаблять-
, нежничать. Решение принято окончательное: сотрудничать
Грайфером, с «Ритэком» его. Значит, спроектируют трубу с
ислорской залежи до поселка Андра на Оби, где будет нефте-
ливная эстакада, подготовят и подъезды к ней.

Месторождение в двадцати верстах от Белоярска, в кото-
ом тоже побывали. По трассе труба-трехсотка предполага-
ся. Заместитель Валерия Исаковича по «Ритэку» солидарен:
ехсотка .. Естественные преграды оценили: насколько чре-
ты при прокладке. Все особенности следует учесть, не сплю-
ать. Тридцать шесть лет подобных головоломок в Тюменс-
ом крае. И всякая новая — экзамен на профессионализм.

И вот снова.

Неделю обсуждали с Виталием Константиновичем Горош-
ам, как строить по склонам и подъемам, с меньшим ущер-
ом для экологии. Тревога у местных СМИ за экологию. Ему
мому неспокойно. Каждый проект встречается с вторже-
ем в первозданность. А ее все меньше остается на земле —
меньше шансов выжить человечеству.

Трассу надо выдать немедленно с ее эксплуатационными
рактеристиками — меньше коррозии, отложений парафи-
а на перепадах высотных. Пойма Оби особенно ранима...
ркие ледниковые проявления по всей трассе: холмы, запа-
ины, ручьи и лога. Нетронутый заповедный лес. Есть при-
одоохранные парки. Например, парк Нумто. Как быть в та-
ом случае? Загадка со многими неизвестными... А еще во
збежание коррозии и разливов горючей жидкости предус-
отреть толщину и прочность трубы...

Изыскатель в ответе за многое.

Почему охладели страны к «Игарке: труба-99»? Нефть с
орьеганского, Тагульского, Ванкурского месторождений
редстояло доставлять в Игарку танкерами. Енисей мелок.
ерминалы на Диксоне тоже не подарок. Проект века завис
з-за кризиса августовского. Но Биндер успел побывать и на
иксоне, остров пустой, лучшие арктические станции заб-
ошены. Будто мор и глад прошлись. Зато первозданности
оволь, отдыхаешь морально в уединении.

Взбирался на гольцы, бил сапогами с медными подковами
треугольные каменья. Крики чаек и куликов были ему при-
етствием. Свежий бриз шевелил тугие седоватые кудри. Всей
удью вдыхал влажный прохладный воздух. Радовался. Пра-
льно живет... На Ямале еще раньше сделали космофотоп-

лан, вызвав скептицизм прессы. Не просто сделали. Группы заполярных месторождений. Нефть будут доставлять морем аж в Голландию. Ритэковский проект лишь часть большого Ямальского. И когда-нибудь в него вцепится игарское направление. Все возможно, бесследно ничто не канет... Два месяца отведено на ритэковский проект... Сильно изрезанная местность, редкое население, бездорожье. Кое-где съемки придется делать с вертолета. В наземном театре применять технику, способную одолеть кручи на пути, размотриваться на своих двоих.

Его повседневность неизбывная.

Нефтяная промышленность оживает, добыча растет, задачи проектировщиков усложняются. И гипротюменьнефтегазовцы готовы к усложнениям. Институт успел оснаститься новейшей оргтехникой: компьютерами, спутниковыми станциями, электронными теодолитами, переносными малогабаритными установками, высокочастотными геодезическими приборами. Удалось сохранить кадры. Недавно отпраздновали тридцать пять лет. Биндеру в честь институтского юбилея и собственного шестидесятилетия присвоили «Заслуженного работника нефтяной и газовой промышленности».

Гордости он не скрывал. От рядового изыскателя в сапогах-болотниках до такой высоты поднялся, с радостью принял награду. Поднялся до месторождений века и проектов века. От связки нескольких разведочных скважин до связки крупнейших месторождений...

...Буровые наступают на заповедную парковую нетронутость. Потребуется все предусмотреть, обосновать. Чтоб меньше оказалось досадной шепы... Успех решит добротный проект, решат новейшие технологии... Безамбарное бурение, например. Они вновь выходят на трассу. Без промедлений.

Промедление недопустимо.

До Нового года пройдут трассу как таковую, прорубят просеку, обоснуют все измерения. Грунтов, воды, воздуха. Бросок совершат четырьмя потоками общей численностью в сто человек. Из них шестьдесят — инженеры: из Сургута, Нефтеюганска, Тюмени. Потоки трассовые двинутся навстречу друг другу: со стороны Белоярска и поселка Андры. Навстречу им пойдут добротно экипированные группы. Так он рассчитал и так распорядился. Команда принята. Ее исполнят тотчас. Подготовка к страде началась.

А он — в Москву. Душевный подъем переполняет Олега Лазаревича. Провинциал, магаданец, он всегда тянулся к столице белокаменной, ее всегдашнему оживлению. Впервые увидел Москву три с половиной десятилетия назад. Каган,

перемещаясь в главк, пригласил его с собой, но Горбачев резко сократил проектные организации, обрезал финансирование науки. Институты оказались не в чести. И Биндер остался в Тюмени. Яков Михайлович вообще ушел из министерства. И слава богу что так получилось. Юдоль министерского клерка напрочь лишает самостоятельности, собственной значимости. Переворачивать и подшивать бумажки с резолюциями не очень-то увлекательное занятие.

В Москве сходит в театр, выпьет коньяка, послушает оперетту... Учась в институте, подрабатывал в массовках, с тех студенческих пор осталась неизбывная страсть к оперетте.

Останавливается он в гостинице «Россия». Возле Красной площади. Неподалеку, за Москва-рекой министерство. Наведается и в министерство, к Якову Михайловичу в «Гидропроект» заглянет... Астрогеофизику он предпочитает всем иным направлениям деятельности человека. Верит в звезды, в гороскопы. Сам он — близнец. Человек — дитя космоса. Его талант считает, в работоспособности. И любой талант, в его понятии, — это труд и еще раз труд, в любом возрасте. Теория — лишь приобретение. В совокупности с опытом она бесценна. Он обладает тем и другим, кроме обязательного производственного хранит в памяти много стихов. Помнит многих современников, с которыми когда-либо соприкасался, увлекается историей, великими личностями. Образцами безоглядной революционности чтит Наполеона и Владимира Ленина: «Главное ввязаться в драку — дальше будет видно». Наполеон и Аристотель — два непревзойденных мыслителя. Через них и уяснил, что природные способности требуют для их реализации огромных усилий в течение всей жизни. Всегда есть опасность оказаться пустышкой и при явных способностях.

Нет, он не так прост, Олег Лазаревич — подкован, вооружен идеологически. Живуч и прочен во времени. День свой начинает рано утром с рации и телефона. Его экспедиции подчас за тысячи километров от Тюмени. Сегодня работает в Нефтеюганском, оттуда готов устремиться «поток», там его команда в действии — с новейшими приборами уйдут по трассе и сургутяне. Им помогут аэрофотосъемкой на открытых местах.

Прессу в свое время раздражали его новые методы: снимки из космоса, с самолета и вертолетов. «Проектирование по глобусу», — иронизировали над тем, что сейчас не вызывает сомнений, обрело права гражданства. А поначалу посчитала пресса новые технологии не дешевле прежних, не результативней оных. Он воспринял нападки-экзекуции как спортивное состязание, где ничейной не бывает.

После удачной космосъемки Самотлора порицающие жу
налисты замолчали. Состязание он выиграл, утвердил в п
следующих победах. И не сомневался в правоте такого мет
да, требовалось лишь время. Время сработало безотказно.

Азарт в нем остался. Его претворяет в проекты. Потому
не страждет о Москве, что там нефтяник не раскроется,
испытает гордости за сотворенное им. Он — испытывает п
стоянно. Не способен опоздать на работу. Трудится и в су
боту — так воспитан. От служебной машины отказался, пре
почитает ходить в институт и возвращаться домой пешком

В своем призвании выше суеты... Если и торопится, то
необходимости. Ждут его команд, или, точнее сказать, соуч
стия в большом деле, имя которому новый большой изыск
тельский проект... Общий тюменьгипронефтегазовский и о
новременно его личный — биндеровский... Его, однажд
предначертанное свыше, «поле».

Глубокие корни

Сперва услышишь — потом увидишь.

И так было на самом деле, с тем лишь отличием, что, слыша про неугомонного Коваленко в Объэлектромонтаже, увидел воочию его бывшего сподвижника Абакумова. Заскочил по случаю, когда уже все победные песни были спеты и произошло акционирование треста, и все переменилось; перед собранием акционеров заскочил, даже и не ведая о нем. Что это такое ныне? Прежнее главное здание передали Черногорнефти под инженерный корпус, сами переместились в малое по соседству, и в малом часть кабинетов арендованы, ремонт какой-то сплошный в остальных — в разных концах — закоулках. К худу очередному или возрождению былого?

Набрел все же на приемную при двух начальственных кабинетах. В одном из них, в том, что справа, принял генеральный директор остаточного Объэлектромонтажа, простоватый, улыбчивый, совсем нестрогий для первого знакомства Юрий Николаевич Абакумов. Расположил и тем, что поинтересовался моими книгами, которые хотел иметь для участников собрания (их вне приглашенных оказалось лишь десять), в первую очередь для гостей.

Приятна такая востребованность автору, но открывалась счастливая возможность понять — во что превратился трест, что с ним сталось. В чьих руках собственность приватизированная? Именно собственность определяет все остальное. Мы все больше радеем о сырьевых ресурсах, но ведь есть еще мно-

На конференции. В центре — Ю.Н. Абакумов, генеральный директор «Объэлектромонтажа». 1997 г.

жество иных направлений, остающихся в тени. И направл
ний — жизненно важных в экономике. Я же искал преим
щества в схеме: государство — трудовой коллектив. При т
ких вариантах дела всегда обстоят лучше. Свои, незаемны
собственники надежней, в большей мере патриоты. Тому н
глядный пример Сургутнефтегаз. Преуспевает для России
северной территории — не для заграницы.

Надеялся, что желателей на электромонтаж со стороны
сыщется. Здесь деньги надо зарабатывать в поте лица, выж
вать, к правительству близко не подберешься.

И так оно и оказалось. Но по порядку...

Решили пообщаться с Юрием Николаевичем после собр
ния, доступ к нему совершенно свободный. Вопрос толь
нескольких дней, которые надо переждать. А пока суть
дело, восстановил кой-какую историю Объэлектромонта
закрывавшего территорию немалую. В восьмидесятые го
Совет Министров СССР отмечал, что в Западной Сиби
создан мощный комплекс, обеспечивающий потребнос
народного хозяйства в газе, нефти и других топливно-эне
гетических ресурсах, существенно увеличивающий экспор
ные возможности страны, и электромонтажное производс
в комплексе не последнее.

Приказом № 210 профильного министерства в 1985 год
был создан в Нижневартовске Тюменской области Объэле
тромонтаж. Так в приказе означено. Я приказ поизучал. Е
министр строительных и всяких спецпроизводственных р
бот, на базе местного управления, Б. Бакин затвердил. И
приказ подписан. Б. Бакина в действующих давно нет —
кто его помнит? А трест в его юной интерпретации — все е
реальность. Рожденный в 1985 году, он быстро матерел, ос
вался бесспорным лидером в Западной Сибири. Уже через г
нарастил объемы в десятки миллионов рублей, его подраз
ления во многих городах Среднего Приобья, и не только Пр
обья. Кроме Нижневартовска в Тюмени, Тобольске, Сургу
Ноябрьске, Радужном. На счету лидера домостроитель
комбинаты, газовые заводы, компрессорные станции.

Перевыполнялись планы, поощрялось соревнование, в
дрялись самые передовые организационные формы и ме
ды труда (коллективный труд и коллективный фонд на ур
не пяти управлений). Производительность труда форсирова
ная, качество отменное, экономическая база крепкая. Выш
на вторую модель хозрасчета, добившись самофинансиров
ния, самоокупаемости, самоуправления.

В 1988 году хозрасчетный доход составил 16,3 миллио
рублей, из них 5,9 — сверх плана. Заработная плата стала ч

стью этого дохода, перестала быть затратной статьей. Осуществлялась она по конечным результатам и определялась личным трудовым вкладом каждого работника (коэффициентом трудового участия). Бригада становилась основным звеном внутрипроизводственных отношений.

Наиболее успешным хозяйственным механизмом в сочетании со спецификой и условиями работы становится аренда. Это третий этап производственно-экономической новизны, впоследствии повергнутый приватизацией в пыль. Борис Петрович Волков, «выломивший» из Нижневартовскнефтегаза Черногорнефть, отпочковал на аренду. И все гордился этим. Но Черногорнефть поглотила компания «Сиданко», у «Сиданко» аппетитный кусок отобрала ТНК. ТНК, а точнее, ее хозяева — «Альфа-групп» стали повелителями на Самотлоре. В конечном счете повелительницей оказалась заграница.

Объэлектромонтаж видел перспективу в наращивании темпов производства, добросовестном и производительном труде, расширении партнерских связей и зон действия, шлифовке всех звеньев усложнившегося организма.

Сейчас принято отвергать все прежнее советское. Но именно остатки его, пока недобитого «проектами» и «менеджментами», и держат на плаву экономику, и, увы, основа архитектурных перекроек. Важен всегда результат, но результат перекроечный плачевен: в том же мыле те же трудовые коллективы, поутратившие свойство преемственности, чувство уверенности в завтрашнем дне, стабильности осмысленности своих деяний, все мобилизовавшие для самовыживания. А иначе что? Ведь проливают пот они для того, чтобы процветали сотни наших соотечественников и целые капстраны. К этому в конце концов привели страну Ельцины — Гайдары — Чубайсы, подвели своим всенародным равнодушием и мы сами. Электрики Коваленко и Абакумовы угодили в мельничное колесо, не обратиться в общий помол почти невозможно. И все-таки патриоты своего дела сохранили лицо, приспосабливаясь к новой обстановке, проявляя великую одержимость и терпимость на перекатах и стремнинах, в штормовую погоду и полный бриз.

Сами того не подозревая, — быть может, не подозревая, они вопреки вождям перестройки сохраняли державность страны, что давно стала поперек горла многим в России и за «бугром», тем, кому хотелось иметь ВСЕ. Они давно с завистью и тоской смотрели на заграницу и отечественную собственность. Все дело в собственности: кому она принадлежит — тот и хозяин. Они, ведущие, это понимали, пусть и не до конца и не вполне.

До поры они поддакивали большевизму, выжимавшему из общества энтузиазм иллюзорными лозунгами и принудиловками, играли с компартией в поддавки и прятки, фальшивили, изворачивались, разлагая монстра изнутри. Разложили. Монстр увял. Грянула перестройка. В ней были и добрые зерна. Но добрые затерялись в чертополохе. Власти нужны были послушные, малоосведомленные молодые люди. И они нашлись. Без них сломать хребет прежнему монополизму не представлялось возможным. С ними, «энергичными», все было проще — удалось провести «прихватизацию».

А что же Объэлектромонтаж, какова участь регионального лидера? Совет трудового коллектива принял Положение о взаимоотношениях треста с его структурными подразделениями — монтажными управлениями, пусконаладкой, производственными комбинатами. Еще при хозрасчете и самофинансировании, первыми ласточками, не подозревая того, готовили прилет больших птичьих стай. За нарушение договорных обязательств предусматривались штрафы. Взысканные средства советом трудового коллектива распределялись внутри Объэлектромонтажа, часто эти средства направлялись в резервный фонд. Из резерва поощрялись лучшие коллективы, отдельные передовики.

Ничего не скажешь, разумно.

Главный упор делался на бригады, которые считали основным производственным звеном. Им доводился план-график и план показателей, которые потом передавались участкам на основе нормативов, дифференцированных по видам работ. Через коэффициент трудового участия оценивался вклад каждого отдельно взятого труженика. Мастеру и прорабу платили в прямой зависимости от результатов бригады. Добьется большего коллектив — и они больше получат. Так же было, помнится, у известного строителя на Самотлоре, Героя Социалистического Труда Н.П. Нежданова. Подрядная схема общая. И базовый коэффициент участия линейных инженерно-технических работников по тому же принципу вычислялся: согласно показателям бригады или участка. При низких показателях ИТР и мастер с прорабом довольствовались лишь восемьюдесятью процентами оклада.

Решение СТК треста 22 августа 1988 года:

«...Обеспечить каждую семью отдельной квартирой, ведя строительство жилья преимущественно хозяйственным способом. Очередников первой категории обеспечить до 93-го года; тюменцев — к 95-му году, согласно графиков очередности каждого конкретного работника, Ноябрьское управление и вспомогательные службы обеспечить жильем также к 93-му году.

Поручительство исполнений за Объэлектромонтажом, его администрацией, профсоюзом и СТК..»

А теперь что? Все в руки хозяину-владельцу: материальное и духовное. Весь мир подвигается в сторону коллективного владельца собственностью, СНГ во главе с Россией-страдалицей — наоборот. К добру перекос не приведет.

Из интервью бригадира монтажников ОБЭМ А. Краснощекова газете «Ленинское Знамя» 7 июля 1988 года:

«Материалы мы и раньше экономили, но на нашей зарплате это не отражалось. Другое дело сейчас — экономим для себя — через рационализацию и изобретательство... Спрашиваете, есть ли недовольные второй моделью хозрасчета? Что касается меня, то я таких людей не встречал, не видел в бригаде и на участках. Думаю, что и не увижу. Были вначале моменты, когда плохо представляли, что все это такое, но в конце концов уяснили разницу новизны и старины. К нам в бригаду просятся желающие. Не берем. Невыгодны излишества. Справимся меньшим составом с объемами — заработаем больше..»

Аппарат треста вознаграждался в соответствии с достижениями управлений монтажа, пусконаладки, производственных комбинатов. С учетом базового КТУ и КТУ низовых звеньев. Для отделов использовали отдельные оценки. Полезный коэффициент руководителей и главных специалистов треста выводили из показателей отделов, оценок партбюро и высшего совета коллектива.

«Менеджменты» и «проекты», контракты и прочие новации свели на нет прежние устремления. Установки даются порой с потолка по дальнему наитию. Главный дирижер зачастую обитает в заграницах и печется лишь о личной выгоде. В Нижневартовске постоянно твердят о социальной политике, но город в пору частников все больше становится призраком, и призраками становятся горожане. Благополучие зависит от воли нескольких человек, которым отдали Самотлор и прочие кладовые, отдали Тюменьнефтегаз. И нынешние «энергичные» скоренько подменяли истинное благополучие внешней аффектацией. В прессе на этот счет фигурирует обычно Тюменская нефтяная компания, но правят ею московская «Альфа-Групп» и нью-йоркский «Аксесс-индастриз». Что желали — то обрели. Отдали свое всенародное неизвестно кому и зачем. Теперь плачемся на судьбу.

В аттестациях Объэлектромонтажа прежних лет фигурирует такое понятие, как социальное лицо предприятия. Что это такое? Забота о быте и условиях труда каждого работника подкрепляется конкретными плановыми вещами, и сам ра-

ботник от сознания собственной значимости проявляется молодцеватей. Накануне перестройки в тресте разработали целевую программу «Жилье», очередь на квартиры ликвидировалась вообще.

Каждый без затруднений мог обрести свои необходимые метры. Только в 1988 году новые квартиры получили 117 семей, а всего улучшили жилищные условия 159. Запустили гостиницу с кафе и сауной. Планировалась сдача дома для малосемейных с детским садом и сауной на первом этаже. Более четверти миллиона рублей выделили на долевое строительство жилья в Тюмени и Ноябрьске, строили магазины, развивали подсобные хозяйства, совместные с рыбзаводом цеха и совместные цеха с птицефабрикой.

Заключали прямые договоры с сельхозпредприятиями на юге области и с южными пионерлагерями. Намеревались построить пансионат возле Ялты и свой пионерлагерь на морском побережье. Выделили средства на профилакторий в Нижневартовске — с кабинетами медицинской диагностики, стоматологическим, иглотерапии, массажа, сауной, спорткомплексом, киноконцертным залом. В деревне Соснино ввели свинокомплекс. Намеревались оборудовать коптильный цех, холодильный, овощехранилище.

Как видим, есть смысл труда для многих и самого себя, своей семьи.

Выплачивались вознаграждения работникам, уходящим на пенсию, и пособия труженицам по уходу за детьми до трехлетнего возраста. Все это предприятие брало на себя, расплачивалось из фонда прибылей. Действовала программа подготовки и повышения квалификации инженерно-технических работников и служащих, выделялись большие средства на нее. Не сказка ли? Утрачена сказка. Иная реальность видоизменила психологию «непростого советского человека» (выжить бы самому, не до соседа).

Юрий Николаевич Абакумов в разгар перестройки сменил на посту генерального директора ОБЭМ Бориса Ивановича Коваленко. Трест еще какое-то время звучал, но все глуше, глуше. Исчезло имя некогда всеизвестного Коваленко. И закрался вопрос: есть ли вообще этот трест? Оказалось, есть. Его эволюцию объяснил мой собеседник, с которым однажды уединились после собрания акционеров. Но сперва о самом Юрии Николаевиче. О его родословной.

Семья Абакумовых многодетная была. В Нарыме Томской области некогда отбывали ссылку Сталин, Свердлов, польские мятежники; есть в селе музей на эту тему. Отец Юрия

Николай Яковлевич из раскулаченных, с Алтая. После женитьбы на донской казачке в 36-м году обзавелся детьми.

От Нарыма до райцентра Парабели пятьсот километров — просторы необозримые. Родственники жены Николая Яковлевича до революции зажиточными считались. Имели несколько коров, лошадей, внушительное подворье. Охотились, рыбачили. Зимой отправлялись с обозами в Томск на ярмарки-торги. Большевики все отняли, сам образ жизни переменили. Оставили в наследство лишь дом. В нем и осели молодожены.

Поселок спецпереселенцев располагался неподалеку, на голом месте срубили его отторгнутые от родных очагов.

Отец Юрия Николаевича связал свою жизнь с леспромхозом. В Великую Отечественную глава семьи из одиннадцати человек воевал под Ленинградом на Синявинских высотах, имел боевые награды. После демобилизации изготовлял брусья, шпалы и доски в том же леспромхозе. Насколько позволяло время, занимался детьми.

Жили они тогда уже в другом доме — более просторном, из бревен-кругляков: брусовые они намного холодней. В этом всегда было тепло, уютно под гуденье печурки. Добрые воспоминания остались у Юрия Николаевича о родительском крове. Отец по долгу службы часто бывал на природе, пристрастил к воде и лесу Юрия, влюбил в Сибирь. Отец жив по сей день, и генеральный директор при первой возможности навещает родительский кров. Благо, прямым путем через Стрежевой недалеко, в каждой такой вылазке-посещении набирается душевной силы.

При нем в Обьэлектромонтаже сменились два первых руководителя. Коваленко назначили управляющим в 1979 году, когда возводили котельную в промзоне и завод крупнопанельного домостроения. Электромонтажом занимались — своим направлением. Даже на Байконуре соучаствовали вместе с другими профильными организациями, на Красноярской радиолокационной станции.

Так что создание треста в феврале 1986 года было закономерным, и естественным показалось восхождение Абакумова. Он — великолепный организатор с крестьянской хваткой. Успел поработать главным технологом, председателем профсоюзного комитета. Научился ладить со всеми, независимо от служебного положения, должности. Тогда много строили жилья, занимались квартирами, распределением автомашин по результатам соцсоревнования, санаторно-курортными путевками, соцкультбытом на рабочих местах, зарплатой. На месте, в Нижневартовске, и в филиалах. После Коваленко,

переместившегося в Москву, трест какое-то время возглавлял бывший главный инженер Петр Максимович Кокин. Много доброго совершили и при нем. Была тогда самая высокая производительность и самая высокая зарплата.

Кокин занимался приватизацией. Трест преобразовали в акционерное общество открытого типа. Управления выделили в дочерние предприятия, дав им полную самостоятельность, наделив имуществом. И в каждом из них ОБЭМ имел контрольный пакет акций.

После отъезда Кокина в столицу Юрий Михайлович и стал генеральным директором. Оставил себе роль куратора. Электромонтаж в пору ельцинского развала оказался ненужным: 1996–1998 годы — труднейший период. Все ударились за легкими деньгами. Кругом неплатежи, мизерные объемы. Теряли заказчиков и своих людей, которые вынуждены были искать лучшей доли на стороне. Всем тошно было: нефтяникам, газовикам, строителям. Строительный комплекс развалился, новые объекты не вводились, и следовательно, не востребованы были электромонтажники. Искали заказы где придется, хватались за всякую малость. Возрождались малыми шажками. Прежних высот не достигли, но форму все-таки обрели. Прежде всего потому, что обрел ее заказчик.

В этом убедили и отчетные собрания акционеров.

На балансе треста остался лишь центральный склад, за счет него и существует небольшой аппарат некогда мощного ОБЭМ. На дивиденды рассчитывать не приходится: управления работали нерентабельно, с них взятки гладки. Осталось одно — кормиться самим. У треста кроме склада еще информационное обеспечение, реализация электротоваров.

* * *

О переделе собственности в стране Абакумов думает следующее:

– У нас в России приватизация неправильная, в корне ошибочная. Государство должно иметь контрольный пакет акций на крупных предприятиях и в сырьевой отрасли, стратегических в экономике. Но, пытаясь залатать бюджетные дыры, почти все отдали за бесценок, намереваются отдать последнее. А этого не надо делать, лучше не допускать дыры в кафтане, чем штопать их. В штопаном долго не проходишь. Прямое воздействие на экономику потеряли, основательно утратили, и еще продажность чиновников довлеет. За полушку, в ладонь брошенную распродают народное достояние. Отдают за полушку, возвращать придется за миллионы и миллиарды. Так просто частники, тем более зарубежные, ничего

не отдают, не возвращают. Отдать легко — вернуть невозможно.

Его позиция полностью совпадала с моей, с мнением мостовика Солохина из Сургута, нефтяника Палия, многих других патриотов, радовала тем, что патриоты еще есть. Не вымерли. В основном, это люди от земли родной, от жизни, с производства. К числу патриотов относил начальника Нижневартовскэлектромонтажа, давнего соратника Юрия Николаевича — Косолапова. Именно Геннадий Сергеевич ведет корабль по перекатам дней, у него Абакумов арендует этот кабинет и с ним правит отношения. Еще он заключает договоры с заводами-поставщиками, расплачивается с ними и передает электрооснастку своим подразделениям. Так и живет за счет небольшой разницы от покупки и продажи. В совершенстве владеет механизмом оборотных средств.

К тому же создал Юрий Николаевич два электромонтажных участка. Геннадий Сергеевич Косолапов ему помогает, так что вместо контроля и отчужденности у них — взаимовыручка. А Коваленко — москвич помогает обоим. Главэлектромонтаж в Москве — открытое акционерное общество, в составе которого 23 треста и семнадцать заводов. Главк их объединяет. Своего рода электромонтажная компания, и Борис Иванович в ней первый заместитель: вице-президент. Подобных образований по стране всего пятнадцать — бывшие главки.

У Косолапова заместителем Григорий Павлович Гаркуша, начинавший карьеру начальником участка. В загранке он поработал. По прошлому уже не страдают, не щемит сердце при мысли о прежних масштабах. К новым условиям и формам привыкают. В любой обстановке готовы выполнять заказы. Если будут заказы и оплата по ним, то выживут. Не увянут окончательно. Нарастят мощности и штаты. На то, чтобы выучить толкового электромонтажника, требуется пять лет. Молодые приходят, их принимают. Пусть хотя бы через пять лет дадут отдачу, а не учить, так останутся вообще ни с чем.

На 70-летие главка в Москве собрались все седые, ни одного в поре расцвета. Абакумов в свои полсотни оказался самым молодым среди собравшихся. Остальным давно за пятьдесят, лишь Коваленко пятьдесят один. С Юрием Николаевичем почти одногодки. И оба юные душой. Юрия Николаевича молодит и его близость к отчему порогу — бывает у сестры, у братьев в Томской области. Виктор и Александр в Стрежевом — начинали этот город с колышка и палаток, оба на пенсии; Николай в Омской области. Еще два брата в деревне с родителями, сестра Анна в Стрежевом. Много

их, и встречи нечасты, тем они бывают душевней. И еще больше роднят с северной землицей.

Вот-вот соберутся на юбилей отца в деревеньке среди тальников и заводей, где кулики кричат горделиво-зазывно. Рыдают будто или салютуют... «Нива» легко унесет его в знакомые дали и принесет обратно к семье в Нижневартовск, обновленного и счастливого, с мыслью, что жить во благо Отечества — и есть главное призвание гражданина. Любовь к своей Родине — не пустой звук. Родины другой не бывает, двойных и всяких гражданств ему не надо... Вернется к производству, жене и детям... На всю оставшуюся жизнь.

Отвертка на память

— Автоматика и телемеханика в шестидесятые уже считалис престижными, конкурс на одно место в индустриальный — пять шесть человек, и кто не проходил по баллам, зачислялись на неф теразработку. Потом многие из них стали начальниками управ лений, главков. Немало выдвиженцев из нашей сферы. В сво время у меня на участке работал слесарем Юрий Шафраник, с временем поднявшийся до главы областной администрации і министерского кресла. Институт я окончил в семьдесят первом Самотлор тогда уже гремел. Романтики хватало, и трудностеі не перетрешь, — так начал беседу заместитель генерального ди ректора Управления автоматизации нефтепромысловых объек тов Николай Михайлович Федоров. — Я в августе появился, і через месяц-два впоследствии знаменитые Роман Иванович Ку зоваткин и Николай Петрович Дунаев стали вартовчанами. Пла вали, летали на Баграс, ртутные расходомеры приспосабливал для замеров. Наипримитивные. Вот в ту яснозоревую пору уз нав Бориса Кошелева и Анатолия Бычкова с Виктором Мали ковым — пэпэдэшников. Непосредственно по контрольно-из мерительным приборам контачил с Сергеем Синицыным и Вик тором Блиновым — начальниками цехов нашего направления Первый такой цех создали в октябре 1971-го, прежде имелас лишь лаборатория, и я в неі оформился слесарем. Вскоре стал мастером. Фиксировали дебиты скважин. Это проблема из проблем. «Спутники» успева ли считать лишь до четырехсо тонн в сутки, а на деле их коли чество перехлестывало за дві тысячи. От натуг и напряг уста новки гудели, как насосы. Не совершенные были — Октябрь ское НИИ их выпускало, но других не имели. Довольствова лись «четырехсотками». И» «прописывали» Синицын и Су лейманов, вплотную этим зани мались. Трудненько, тяжело подвигалось дело, но Сергей Синицын, Роберт Сулейманов и Виктор Дробот — наши полпре ды не терялись. Все вели — дос тавку с Большой земли, дора-

Н.М. Федоров — заместитель генерального директора Управления автоматизации нефтепромысловых объектов

ботку. Неординарные решения на этот счет принимал Николай Петрович Дунаев. Летом 1973 года на скважинах «поселился» первый «Спутник». До этого они имелись только на площадках сбора и перекачки нефти.

Такая есть веха в жизни киповцев Самотлора. И они ее чтут и помнят.

Федоров осваивал первую дожимную станцию, с нуля внедрял автоматику на ДНС. И вторую ДНС оснащал с командой, когда еще практикантом был. Скорее он в команде, чем она при нем. Главное тогда было «мы». На третью ДНС пришел уже молодым специалистом-производственником. На «тройке» и «Спутника» три. Опробовал первую замерную установку на кусту. Дебиты могучие, и «Спутники» «голосили» так, что бурмастер, зайдя как-то, поинтересовался: «Установка сколько качает?» Принял «Спутник» за насос большой мощности. «Да она не качает, а замеряет, — пояснил Федоров. — Прет нефтище, как вода из пожарного брандспойта».

Потоки впечатляли, восхищали, изумляли, пробуждая в людях отменный энтузиазм. Даже героизм. Окрыляло чувство долга и величие цели. Прославились операторы Иван Паньков, супруги Николай и Анна Нюняйкины, Василий Троян, Михаил Лазарев, Николай Сливин... Запускали объекты, свято блюли технологию... Иван Паньков поднялся до мастера нефтедобычи... С ним Федоров одно время соседствовал в деревяшке, сообщались повседневно. Впрочем, больше общаться приходилось на нефтепромысле. Времени не жалели и себя для общего дела не щадили. В ЗАО нынешнем внук Ивана слесарит, а сам он с женой на пенсии, где-то в Башкирии.

Киповцам крепко помогал Евгений Васильевич Большагин, земляк Панькова, легендарный добычник. Автоматику сборного комплексного пункта № 10 опекал лично не менее легендарный начальник управления Роман Иванович Кузоваткин, опекал он строителей и монтажников. Была задумка пустить нефть с «десятки» непосредственно в трубу на Анджеро-Судженск. Оборудование импортное, схемы автоматики иные, чем прежде. Шевелить мозгами приходилось всем, озадачиваться. Например, трудности были с печами подогрева нефти — УНИФЛО: для быстрейшего отмежевания продукта от воды и других примесей.

Николай Михайлович, в ту пору начальник участка, и технолог Василий Иванович Диденко сумели французские печи электроподогрева запустить без иностранцев. И были в их биографии сборные пункты № 6, 11, 16, центральный товарный парк, кустовые насосные станции. Отличался с ними победно в тех пусках и Виктор Фролович Маликов — ныне в Черногор-

нефти, работающий пенсионер. А еще был Маслов Виталий Тихонович. Водозабор на Вахе сообща пускали. Без автоматики и водозабор не обходится. КИПиА — он вездесущ, неутомимый дозорный жизнедеятельности коммуникаций.

Тем более не обойдется без него газлифт: в датчиках-счетчиках, как младенец в пеленках. Середина восьмидесятых переламывалась к трудной обводненной нефти. Потребности газлифта собрали десятки блестящих специалистов, прославивших себя и дело, которому служили. Ярко проявились Виктор Савватьевич Сидоров, Михаил Борисович Фидельман, Олег Александрович Чукчеев, Михаил Григорьевич Богненко... Все они впоследствии стали руководителями, управляли коллективами... Непосредственно на площадках мужали Виктор Михайлович Самойлов, Рим Фаттахович Рафиков, Джаудат Садрисламович Шайхуллов, Борис Андреевич Громов... И свежее поколение автоматчиков заявило о себе — Аркадий Сухомлинов, Валерий Амбарников, Павел Суслиов... Цехом и ремонтной базой руководил Виктор Александрович Платонов. Федоров у него заместителем был, опыта набирался.

А когда НГДУ разукрупнили, отделилась Самотлорнефть. Николай Михайлович и сам возглавил наладочное управление. Росло, укрупнялось производство, и вместе с ним росли люди. И все во имя Родины старались, дело свое постигали неустанно. Сполна выкладывались, создавая линейную автоматику. К линиям подключали промплощадки и скважины. Связывали все в единый комплекс. И не только на Самотлоре — на дальних месторождениях тоже.

Николай Михайлович улыбаться забыл. В постоянной сосредоточенности хмурым стал, пасмурным, скрывал эмоции за стеклами очков. Под растущие непрестанно объемы трест автоматики и телемеханики даже пытался создать. Не получилось. И может, излишне было замахиваться на пороге перестройки. В смутный разбродный период прежней структурой едва выжили, многое и многих потеряли.

В этом самом зловещем кануне Федоров возглавил базу автоматизации, с благословения начальника НГДУ Гумерского развернул строительство. Комплексу суждено было стать опорной площадкой нынешнего ЗАО, его офисом и производством одновременно. Здание административное уютное, белостенное. Промкорпус к нему примыкает. Обширная территория в асфальте, а от улицы заборчик отделяет. Отсюда протягиваются зримые и всякие другие нити на Самотлор и дальние месторождения. После неразберихи и перестроечных обвалов ощутили острый дефицит киповцев. Прежних не вер-

нешь, а подготовить новых — годы требуются. Но куда деваться, готовят сами.

Павел Сусликов из второго эшелона автоматчиков блоком подготовки нефти со знанием дела занимается, объектами поддержания пластового давления, котельными. Ему под стать Константин Ильяшенко. С Павлом вместе окончили нефтяной техникум, заочно высшее образование добирает. Достойны звания лучших из лучших Семен Чертов, Николай Корсаков, Сергей Горбунов, Андрей Ефимов. Все ступени профессионализма проигагали, все взошли к высотам совершенства.

Так Федоров считает.

В административном корпусе намереваются оборудовать метрологический центр, централизуют ремонтные реалии. Не сомневаюсь, добьются своего, выживут предоставленные самим себе — в закрытом обществе акционерном. Федоров неспроста отвертку мне с карманным зацепом подарил, каковой орудуют на «Спутниках». Вроде символа у киповцев, как у литератора перо. Вещь совершенно необходимая — повседневная. Храню на столе — и слышу гулы замерных установок, действа киповцев вижу зримо, цеха ЗАО.

В планах и грезах автоматчики, себе на уме. И себя же подхлестывают. В год осуществляют производственных операций на девять миллионов рублей, но рассчитывают объемы удвоить на промыслах Самотлорнефтегаза — папы своего акционерного.

Управление в январе 2000-го родилось, ни разу не пошатнулось в открытом море. Бодрит паруса по ветру, новые подходы осваивает. Думные головы думают. Наперво блок сервисного обслуживания проревизировали — средства, фиксирующие жизнедеятельность добычную и перекачку, подготовку. «Генерал» Анатолий Иосифович Литвинов, по словам Федорова, корифей, не только в автоматике сведущ, еще в экономике, организации труда и досуга. Еще ЗАО отдали базу производственного обслуживания управления средств автоматики, что вполне позволило охватить полевой автоматикой все промыслы Самотлорнефтегаза. «Катится» информация на компьютеры в офисах — оперативная и, считают в ЗАО, достоверная.

Считают самостоятельность Божьим подареньем — давно о такой помышляли. Глотнувший воздуха свободы, не захочет уже в оковы назидательства. Пусть трудно, зато раскрепощенно используют возможности. В первую очередь — капитаны подразделений. Начальника цеха Владимира Кургаева знаю еще по техническому училищу, где сеял разумное профессиональное среди жаждущих киповцев. Знал Влади-

мира Анатольевича по Мыхпаю, где он возглавил участок, прельстившись высокой оплатой своего участия на нефтепромысле. Все сновал скоробежкой от бытовки киповцев к цеху добычи, куда линии приносили неутешительную информацию: где и что нарушилось.

Отряжал в ездку своих ребят Кургаев, снабдив подсумками с гайковертами, запчастями. От тяжести подсумки отвисали, в них позвякивал металл. Уезжали киповцы молча. Один — я удивлялся — даже с серьгой в ухе. Кургаев на них почти не взглядывал: все ясно было без комментариев.

С ними и рос Кургаев, пока не созрел до начальника цеха. Будит округу гуденьем проголосным замерных установок, насыщает коммуникации спецлатчиками. Знается накоротке с Рашидом Саматовичем Тимушевым, что КСП-6 принял. О, это голова! В свое время застал Сергея Синицына и Николая Дунаева — неординарных. Очень восприимчивый Анатольевич. Зрит в корень самый. Федоров им не нахвалится.

Нет, я, точно, гимны начну писать про вольтметры и гайковерты в подсумках и как киповцы срываются на «летучках» в ночь и день, при любой погоде. Иногда с серьгами в ушах.

630 боевых «штыков» в ЗАО. И всяк со своим граненым блеском, от которого веет нездешностью. И все 630 возлагают надежды финансовые на СРП по Самотлору. Им перепадет от инвестиций. Примутся освежать поле полевой автоматики, пообветшавшее в дозорах недреманых. Упоминал Федоров, что освежать надо — под все сто процентов. И под сто процентов воды в нефти. Усложнены процессы извлечений, подготовок, закачек и отправок в дальности. Средства автоматики они — зеркально — все отражают и проецируют циферками, деленьицами назидают, что легкого впереди не ожидается. Все обременительней и дороже потоки. Без сносной автоматики никаких не будет. Улавливайте, куда наперво инвестиции направить.

Основы киповства заложены еще при В. Палии. Требуют подпиток. Пока благоприятные итоги — с положительным сальдо ЗАО. Зарплата своевременна, да еще с учетом инфляции проиндексирована. На сапоги и брюки остается при ней. Используют взаиморасчеты и векселя. Не жалятся на выход в открытое море. Лучше так, чем перестроечный хаос. Как будто знак беды довлел после Беловежских соглашений над всем краем. Невостребован по-настоящему на этот период оказался и Федоров, томился, скорбел по былому энтузиазму. И без того хмур — сосредоточенный, пасмурный, свинцовым казался. Воспрянул от самостоятельности, захмелел от свободы душевной и всякой.

Сам себе голова... Двинет поезда по рельсам... Ему лишь 52. Здоровье не сечет, не картавит. Должность значительная. А еще он «Заслуженный нефтяник». Дочери купил квартиру в Нижневартовске — плыви в свое ЗАО, для другой намеревается купить в Москве — эта в газохимическом «Сибуре» обосновалась. Джип Николай Михайлович имеет. Состоятельный.

Потрудится вволюшку и в тренажерном зале еще поспортсменствует, поразминается. Гемоглобин улучшит. Энергия в нем клокочет, на добрые деяния побуждает.

Разброд в перестройку стоимостью нефти обеспечили — по 23 рубля за тонну. И эту никчемность не платили, погружая объединение в нищету и разор. Кому-то выгодно было такое нарочитое унижение.

Беседу наедине прерывавшие Виталий Трушин и Виктор Самойлов одинакового мнения с Федоровым, того же настроя. Было, тосковали и томились. Увлеченно регламенты, положения, Устав ЗАО расписывали. Денно и нощно с Николаем Михайловичем утрясали. Анатолий Михайлович Литвинов «генеральскую папаху» с осени того же 2000-го надел, первородного года ЗАО. Включился в доработки структурные. Будто шапку самого Мономаха приобрел — тяжеловесную, как в пословице. Все-таки капитан с командой в 360 душ.

Эпоха Гумерского позади. У Хакима Хасановича энергии было через край души — ни себе покоя, ни другим не позволял. К Федорову на базу, бывало, нагрянет внезапно или планово-предупредительно, все приметит, поймет, прорезюмирует жестко и дальновидно. Личностное проявит.

А как Литвинов на этот счет, пока не знаю. Узнаю позже.

— Роль руководителя, — считает тобольчанин Федоров, — в том, чтобы с наименьшими потерями и затратами провести решение в жизнь. Гумерский этим качеством владел вполне.

Я повертел отвертку с зацепом в руках — символ мне: провести через книгу память и о Хакиме Хасановиче.

— «Спутники» устаревшие меняли, — Федоров глаз на отвертку скосил, связует факт минувший. — Хаким Хасанович участок специальный создал ради обновления. После моей докладной — тотчас созвал совещание. Знаешь ведь, где кабинет. Говорит сам: «Прав Николай Михайлович. Пятьсот установок сгнили. А это уже не яичко крашеное ко Христову дню. Занятьице. Участок модернизации надобен...»

На отвертке дареной солнечные лучики отражаются, на очках федоровских радужно, с переблеском играют. Я писать и слушать устал, а собеседник про Хакима Хасановича «качает», как тот, катастрофу упреждая, технику, штаты, деньги под

участок спутниковый выделил, иначе бы потеряли нефть. Пятую часть фонда скважин уже не замеряли, пребывали в неведении: сколько ее. Крепко помог и заместитель по капстроительству Николай Журов — знаток, нынче в городской администрации, теперь зам у Тимошкова. Участник многих одиозных интервью по части городских долгостроев Николай Журов. Оппозиционная газета «Семейный бюджет» крепко поджимала тимошковскую рать, вскрывая изъяны и язвы правления мэра.

При Гумерском Николай Васильевич был просто заместителем по капстроительству, делал свое будничное дело, на «героя» не претендовал. «Героя» из него сделали журналисты в горячих междуусобных разборках по части дееспособности Тимошкова после взрывов и ударов в доме обетованном и возле.

Гумерский беспорядка не любил и слов на ветер не бросал, приучил Журова исполнительности образцовой, глубоко пахать научил. Он многих воспитал, Гумерский. Воздействовал благотворно на киповцев, как, должно быть, сейчась воздействует на сотрудников в московском офисе «Нефтеотдачи». Последний раз Николай Михайлович видел его в ТНК полтора года назад: заключал контракт на новое оборудование, и Хаким Хасанович, глава департамента нефтедобычи, помог с этим.

Годы и судьбы... К нему подручные Николая Михайловича и «генерала» Литвинова наведывались. Самойлов, например. Самойлова в ЗАО ценят. Там все друг друга ценят, единодушием отличаются, как древние викинги в походе за «мягкой рухлядью».

Вечером киповцы итожат и определяют. Основных позиций у них три. Это экономика, кадры, технические обновления. Сильны в каждом из них, каждому уделяют должное внимание. Личный опыт от гайковерта и вольтметра немудреного обязывает к пониманию самого корневого. Не охвачен еще полевой автоматикой нефтесбор, открытой позицией остаются трубопроводы... Иные ресурсосберегающие позиции... В частности, горизонтальная проводка скважин, — чтоб и она контролировалась КИПом, соблюдались параметры бурения. Еще — энергетика... Ничто не чужло измерительным средствам, никакие притоки и русла. Время наступило такое... ресурсосберегающее, время точности и оперативных сводок во всем, что касается понятия «нефть».

Пусть дописывают главу сами хозяева промыслов, я же ставлю точку в рассказе о полевой автоматике. Пусть киповцы ЗАО додумывают недодуманное и реализует недореализованное прежде. Отверточку с карманным зацепом сберегу.

Пусть напоминает о Федорове-тобольчанине и его соратниках в общем коллективном деле, в деле, которое требует одержимости и профессионализма и является обязательным в нашей северной индустриальной повседневности.

Призвание — лифтовик

Рос Владимир Петрович без отца. А мужское начало перенял от дядьки Степана Андреевича Лысенко, луганского хохла. С детства видел его у бабушки. Бабушка приучила к опрятности. Соседи все время ставили Володю в пример своим сорванцам: «Смотрите, с иголочки, аккуратный, бережливый, а на вас огнем горит одежда. Расхристана, раздергана».

Приязнь к аккуратности он перенес впоследствии на отношение к людям, к работе. Упрямство и решительность привил дядька, человек военного склада. В Сталинграде показал Ване окопы, рвы, противотанковые заграждения, дом Павлова, разбитую мельницу. Взбирались не однажды на Мамаев курган, и Лысенко рассказывал, как это было здесь: отбивались бойцы, свистело, гремело, ухало. Черными султанами вздымалась от разрывов земля.

Сталинград лежал в руинах. На улицах пустые автоматные рожки, осколки снарядов и авиабомб, брошенные подсумки, танковые гусеничные траки. Витали гарь и копоть. В неожиданных местах таились мины. Пленные немцы, в потертых шинелях, высокобортных пилотках, восстанавливали ими разрушенное. «Гансам» можно было издевательски крикнуть: «Шнель! Хенде хохо!», кинуть в них кусок кирпича, они все сносили молча. Но кормили пленных лучше, чем питались горожане-защитники. Обе стороны не роптали. На суховейной почве жесткий созревает плод.

В. Иванов (слева) и главный инженер ЗАО «Высотник» Е.И. Хаммермеш

Жилистым во всех житейских перепадах оказался и Владимир Петрович, упористым. Эту черту закрепил в Нижневартовске, куда перетянул его энергичный Степан Андреевич. Владимир Петрович работал электромехаником в «Лифтремонте». С детства он любил скорости, любил быстрый зримый результат рук своих и сноровки. Как сам выразился: «Короткие пробеги, но не марафон». «Результат — сегодня!» — вот девиз Иванова.

Может, под воздействием рассказов о войне и собственных впечатлений детства усвоил такой бросковый темп, который и дядька-автотранспортник предпочитал. Мальчишкой он любил фигурки лепить из пластилина, скоро получались они из податливого материала.

Лифт — это то, что надо, в нем не замедлишься, не заскучаешь.

Прежде он исследовал грунты и воду на месте будущего моста через Дон — в районе города Калача. Года два-три провел в тресте инженерных изысканий. Нет, не то! Еще и потому, что все время в «поле», а Владимир Петрович был «домашним ребенком», подсознательно и осознанно искал иное поприще. Нашел себя в лифтовой аварийно-спасательной службе. Запускал грузоподъемные механизмы самых различных модификаций. Даже немецкие трофейные. Они были громоздкие, тихоходные. Владимир Петрович удивлялся, как такой тянет кабину неимоверных размеров.

В дело вступили отечественные улучшенные конструкции. У них и механизм много совершенней. Кое-какие рационализации Иванов вносил сам. Улучшали лифты и его товарищи. Творчество было коллективным. Полтора десятка установок обслуживал на участке Владимир Петрович и чувствовал себя в родной стихии, где результат очевиден.

А в это время явился по случаю Лысенко из Нижневартовска. Владимир Петрович следил за его домом и садом, и они пообщались близко. Главным мотивом к переселению послужила нищенская зарплата — сто шестьдесят рублей в месяц. На такую ли жить сносно?! Лысенко и нащупал слабину, посулил житье нехудое «на Северах». Вещал зычноголосо и сам выглядел внушительно, скажем так, убедительно: рослый, крупный. Все в нем будто от Геркулеса. Седая пышная шевелюра облагораживала Лысенко. Его жена, двоюродная сестра Иванова — Таисья, от окопов Сталинграда до фашистского логова пропагала сквозь «огонь, пургу и дым», отчаянная женщина. В Берлине со Степаном и встретились. Супружеская пара образовалась. Работящие оба, что пилить, строгать, сколачивать, стеклить, что печь ложить — все одинаково умели.

Такие хоть кого увлекут, подчинят своей воле. Подчинили и Владимира Петровича. Пыльным летом энного года и переменил место действий наш герой, мастер лифтовых конструкций. Но вначале обслуживал «Татры» на предприятии, где «окопался» дядька, крутил шоферскую баранку. Дорожных тягот поизведал. В автоэлектриках предпочитал ночные смены. Водители домой поспешали, и он в одиночестве колдовал над металлом. Звуки гулко отдавались в пустоватых боксах, темнота наворачивалась из окон и междустенков, пахло соляркой и бензином, еще солидолом, кислотой и... покоем жизни, когда весь город погружен в дрему. Даже электричество на улицах вполнакала, одиноко электричеству.

А он в это время грезил лифтами, их подъемно-запорными механизмами, всяческими новациями на этот счет. И на Севере скоростные необходимы. Не все же время балки и «хрущевки» будут лепить кое-как. Востребуются скоростные модификации. Итак, он мечтал о своем, дающем скорый зримый результат, хлопоча возле замерших автомобилей. То ли от волнений набегающих, то ли от приторных острых запахов голова слегка кружилась. Автослесарное ремесло казалось чужим и необязательным.

То же чувствовал, когда гонял «Татры» по бетонкам, заворачивал на «кусты» и обедал в нефтепромысловых столовых.

Если очень хотеть — желаемое рано-поздно сбывается, сбылось и здесь. На улице Пионерской заложили первую кирпичную девятиэтажку. Узнав, что будущие лифты в ней прочат Мегионнефти, подрулил однажды на разгоряченной от неутомимого бега в пыли и копоти «Татре» к управлению. В отделе кадров его тотчас оформили по совместительству, позарез оказалось его лифтовое участие на Пионерской. От такой необходимости он будто подрос в самом себе, погордился немного. Вечерами и по выходным копался в системе блоков и передаточных шкивов, длиннющих витых тросов. Снова в одиночестве.

Сверху по вечерам ему светила неоном газета «Вечерний Нижневартовск», разливала матовое сияние вокруг, делая пространство синеватым. А Владимир Петрович, не замечая внешних эффектов, горячил себя мыслью о двух новых «высотках», что круто поднимали этажи. Не обойдешься совместительством. Службу лифтовую специализированную рождают в строительном управлении у Юрия Шереметьева, — ему, Иванову, самое место там. В управлении и квартиру пообещали, даже дядька Степан смирился, благословил в СУ: корректируй балансиры в шахтах. Да все по вертикали, по вертикали устремляйся! Расти! Как этажи «высоток».

Время идет — квартиру не дают.

Он пригрозил увольнением. Ключи тотчас вручили: замены равной Иванову не сыскать — это все понимали, в первую очередь сам начальник управления. Он и распорядился. Но не задалось с женой, расстались. Не сложилось очага обетованного, не в коня оказался овес. Первенец Саша остался с матерью. А ему опять — лифты выстраивай по вертикали и подругу жизни ищи. Успевал все. Успел, во втором браке дочкой обзавелся, ей пока четыре года. А сын после армии в его лифтовом хозяйстве электромехаником управляется. Жена вторая Ольга Анатольевна — доцент кафедры педагогики в пединституте. Новое гнездо крепкое, лифтов в городе столько, что есть где развернуться. Время сеять и время взращивать. И нет ему равных в спуско-подъемном этом направлении. Поприще негромкое, но совершенно необходимое. Шестнадцатиэтажек в городе немало. Есть «высотки» в двенадцать и десять ступеней.

Сподвижники?.. Сподвижники есть. В свое время появился другой одержимец — Ефим Израилевич Хаммермеш из Днепропетровска, где кипарисы зеленей сочинских. Наждак в запусках. С искрой таланта дело правит. Третий значительный — Павел Васильевич Левченко, свердловчанин. Электромеханик по существу. Очень тесно сотрудничали. Одно время Иванов мастерил на участке у Хаммермеша, ныне Ефим Израилевич у него в ЗАО — главный инженер.

Перестройка бросала на перекаты всех троих, в застои и раздорожицы.

Левченко с характером оказался, отказался почему-то от шестнадцатиэтажек. Их дороги разошлись, потому что невестке в отместку по распоряжению свыше создали альтернативную специализированную службу.

Но Левченко с его характером не признали заказчики, отказались с ним партнерствовать за строптивость, и Павел Васильевич перебрался к нашим энтузиастам. А вначале отмежевывался от Иванова с Хаммермешем. Судьба крутанула на сто восемьдесят градусов.

Но... по словам Владимира Петровича, захотел Левченко стать председателем кооператива. Кооперативщики проголосовали за Иванова. Свердловчанин оскорбился, сам ушел и часть людей увел к прежним заказчикам. Те снова запротестовали. Пришлось уступчивому Владимиру Петровичу взять Левченко на субподряд, чтоб не лишился окончательно объемов и не прогорел. Благодаря ему Павел Васильевич и выжил. Так мне Иванов преподал диалектику бытия. Хоть пытался Павел Васильевич оттеснить его в кооперативе, возлю-

бил его Иванов, хлопотал и помогал ершистому строптивцу. На золотом крыльце будто некогда сидели с Павлом Васильевичем, распахивал сердце лифтовику № 3 Владимир Петрович, в надежде растопить хлад и сумеречность в душе ожесточившегося мятежного свердловчанина.

С Левченко я не встречался. А Хаммермеша видел близко. Ефим Израилевич вскоре после распоясок Левченко в Штаты отбыл. Время такое было, суверенитетное, в жару и пламени метались души и умы. С небоскребными подъемниками что-то не породнился Хаммермеш, не принял их, как в свое время Левченко не возлюбил шестнадцатиэтажки. Жизнь в овчинку показалась, звездно-полосатые флаги мозоль на роговице натерли. Все же три года вытерпел. За это время Иванов создал «Высотник», всем прощая слабости. Дальше и мудрее других смотрит Иванов, жалеет людей и прощает их. Оплодотворяет их добротой повседневной. Иначе чего бы Ефим Израилевич из звездополосатости к нему вернулся. Гуд бай, Америка! Или как там еще по-ихнему: прощай и прости, милая.

В «Высотнике» у Иванова Ефим Израилевич имеет десять — двенадцать тысяч в месяц. Женщину приискал здешнюю. Правит производством. Владимир Петрович — производством и всем остальным. Вот так. Иванова всерьез считали «домашним ребенком», а он стал полководцем лифтового

В. Иванов с супругой Ольгой Анатольевной (слева) и главным бухгалтером Галиной Александровной Рябининой

фронта. Лифт не легче пустить, чем высотку накурганну отбить у ворога. Характеры проявляются, и жертвы бывак Началось у Иванова с аккуратности в одежде, образовало порядком в семье и на работе. В склад и лад.

Из электросетей инспектор Иван Иванович Бармин м: твердил, что Иванов отличник в деле и богатый, весь в пр. былях. Я поверил бывалому Бармину. Пришел, спросил. «Б гатством» Иванов считает безупречные подъемники по те ритории, вовремя выплаченные налоги и зарплату, обновл ние ремонта и эксплуатации. Квартиросъемщики за лифт расплачиваются чок в чок, и соответственно он имеет от ко тор, на которые по договорам работает. Возврата к прежнем государственному, не желает. За железными дверьми в офи у него благодать и порядок, кусточки герани зеленеют, зан вески розовые на окнах. И мужчины все опрятные, и женщ ны с иголочки одеты. С хозяина пример.

Не сырье частникам отдавать надо, а в сфере общечелов ческой: по торговле, быту, с мелкими предприятиями эксп риментировать. Иванов в этом частном состоянии вполне т месте. Пусть гоняет образцово лифты и собирает деньги жильцов. А государство не трогает.

Зоны влияния в городе поделены. Иванов еще посело Излучинск прирыбачил, несколько лифтов в городке Радуж ном. 258 человек с желанием отвертки и паяльники в ход пу кают и кое-что покруче. База есть. Денег маловато при об новлениях, зарплаты маловато. Как жильцы платят — так ем «конторы» отстегивают. Жильцы за квартиры все больше пла тят, однокомнатная под четыреста рублей в месяц обходитс при одном жильце.

Дождались желанной демократии. Слава реформам!

«Высотник» семьсот лифтов обслуживает, добротно обсл живает. Все балансиры-скрепы как часы в аптеке действую Кнопки у них не жгут: металлические поставили, перебоев движением никаких. Лифтер сообщил — механик тут как ту Ни минуты промедлений. В лифтерных компьютеры, комп лексный диспетчерский контроль за состоянием тросов и элев троподач в шахтах осуществляется. Причина аварийности н голубом экране, как на розовой девической ладони, очевидн Не то, что прежде, с ломом и лопатой, когда кричали лифтер ши в динамик и догадки строили про «сошествие с рельс».

Все меняется на белом свете. Меняется ЗАО «Высотник» его составляющие. Не только кнопки из металла — кабин будут цельноневозгораемые. Из деревоплиты полирован ной — они уязвимые, опасные. Заменят финскими. Моторі улучшат. Прочую оснастку. Жить собираются.

Я напрасно колебался вначале: идти не идти к Иванову, хоть на Ивановых вся Россия стоит; привык чествовать того, кто познаменитей, кого-нибудь из нефтяников, газовиков, геологов, депутатов. Лифтовик — непривычно как-то, а ведь не обойдемся ни дня без него. И в лифте ли дело? В призвании, которое счастливо нашел этот человек и успешно реализует в жизни, оставаясь во многом образцом. Сам я всегда одевался небрежно, и за это меня девушки не любили, жена все время порицала. Замахи я совершал необязательные. Душа, как видно, с оболочкой соотносима и взаимосвязана. И тут следует обратить внимание на то, что галстук — не случайность: и в деле аккуратность проявляется, если аккуратен в одежде.

Лучше «маменькиным сынком» быть, чем вольным, расхристанным, без руля и ветрил. И тогда у нас будет западная культура, за которой невольно устремляемся в эмиграции и перед которой преклоняемся. Так вот же он — западный, в Нижневартовске. Хаммермеш предпочел его культуру звездно-полосатой, небоскребной, прибился на быстрине. И Левченко согревается возле Иванова. Прав Бармин-инспектор: богат он всем присущим ему. В какой-то мере идеал.

Подаю Иванову руку. Пусть звенят его подъемные тросы. В них душа неугасимая Владимирова поет, сталистым звоном под напряжением просекается. Движение по вертикали, строго по курсу, по заданным координатам.

Звали Колька его Снегирев

Кажется, давно ли созревало то лето, зеленело, плодоносило, сияло жаркое солнышко над Самотлором и Обью, растворяясь в водах, земля спешила вернуть дань благословенному теплу и свету, ручьи вплескивались в реки и иссякали от зноя, реки правились к Океану, сиюминутствовали птицы и цикады, ссужали отпускников, а подвижники труда и в лето оставались дома совершать замысленное.

Истома. Удушье. Разлом календарный.

Давно ли рвали на бетонках литые резиновые скаты автомобили без роздыху, взгоряченные, испятнанные маслом и соляркой, пропахшие бензином и дальностью странствий. К вечеру утихомиривались во дворах и боксах, «отрывались», будто матросы после качки, водители, поругиваясь, воспоминая или отмалчиваясь... Домой .. пора... Ночь ложилась вся белесая с неясным проклевом звезд, отодвинув разнополосицу вечера... Но снова уходили автомобили рвать скаты на бетонках, бить экологию выхлопными газами... В гулы, ревы... Космонавтами грядущего вперед, водители, вам баранка и педаль сцеплений, лобовое стекло, километры под колеса, пространство и объемность вокруг, чувство собственной значительности и самодостаточности. У каждого своя личная судьба и судьба коллектива за спиной.

Как само лето, как жизнь вообще, судьбы частные и общие, неутомимы в развитии, ручьями возникают на время и меркнут в обстоятельствах. У меня братья шоферы, я с детства узнавал «полуторки», «зисы», «газы» и «газики», «Уралы»... Все женихами на поглядене открасовались. Шоферы носили краги, сапоги, за баранкой пребывали в очках, скорости держали максимальные — лежневкой и грунтовым проселком, на асфальте, в грязь по самый дифер и по тверди зовущей споровистые.

Сопровождая их в юности летами, в школьные каникулы, в роли грузчика от МТС: из Тюмени забрасывали топливо и запчасти, уходили в рейсы, как в планетарную неизвестность. И все они, первые водители, в собственной горделивости были подлинными виртуозами, лихачами, подвижниками, обязательно бессребрениками, весельчаками-острословами, пьяницами и трезвенниками — Валентин Смирнов, Аркадий Багин, Федор Быков, Геннадий Чекушин... Их нет уже первых в живых, только память тревожит холодком, не убывает совсем... Ушли иные, более поздние... Дожди моросят, трусятся, как из сита, плачут будто по легенде о возвышенных духом, по ним, для них, ушедших и настоящих, потоки авто-

мобильные клаксонами оглашают окресты — песней неуемной. Сменяются водители, хозяева автопредприятий, руководители. Остаются потоки, скорости, судьбы, дороги, педали сцеплений и чувство стремления — по трассам, в грядущее, к цели. Какой цели? Подсолнечник поспевающий тяжелеет, грузнеет, клонит начиненную семенем шляпу к истоку-земле.

Без нее жизни никакой. И Василий Продовиков тот же подсолнух Божий.

I

Беснуется пурга.

Снежные нахлесты со стоном и визгом бьют в лобовое стекло «Татры», наждачат бортовины, грызут корпус автомобиля, налетают неутомимо и бесшабашно. Пространство вокруг слепят белые вихри, лишают видимости. Автомобиль надрывно воет, наперекор метели вспарывает заносы, оставляя в них глубокие борозды. Его широкие разлапистые скаты избавляют, к счастью, от частых буксовок, герметичная просторная кабина спасает от ветра и стужи.

Василий давит на педаль газа, добавляет или умаляет скорость, экономя силы, слегка поворачивает руль. Чувствует движение всей колонны. Ему доверили идти первым. Устали, притомились асы Махмутов, Евсеев, Маслов и решили так: «Как самый молодой, Продовиков, давай груздем в кузов. Вперед!» Василий повел колонну на Нижневартовск. От Тюмени путь далек, зимник прерывист, неухожен. Пурга добавляет осложнений. По-сатанински взирает бельмами, хлещет и хлещет вслепую... В памяти возникло:

Есть по Чуйскому тракту дорога,
Ходит много по ней шоферов.
Был один там отчаянный шофер,
Звали Колька его Снегирев.
Он машину трехтонную «АМО»,
Как сестренку родную, любил...

А еще вспомнился какой-то Мэлмьют Кид, персонаж Джека Лондона, золотоискатель с Аляски. Тут похлеще Доусона, и золота не меньше — черного, текучего. Мазуту цветом и запахом под стать, с бензиновым привкусом. Как пишут, с характерным, специфическим. Правит баранкой Василий, с трудом дремоту превозмогает. Сонливость хуже всего — зазваться с ней недолго. Волк из-под колес едва ушел, зев кот-

лована по краю проскользил — Василий скорость поубавил, и Маслов едва не ткнулся бампером под задние фонари.

Пурга уже не воет, а поет величественно, обрушивая снежные пласты на капоты. Застила свет, ослепила разгульная.

Приходится днем с огнем рулить.

...Звали Колька его Снегирев...

У них в стенгазете эту песню печатали. Про Кольку и Раю, что на «форде» гоняли наперегонки по Чуйскому. Василий пробовал запеть ее, но слиплись губы, задеревенели. Першит во рту. Язык будто распух, глаза слезятся. Ему сигнал подают: «Задержись!» Тремя прерывистыми гудками — мол, привал... Остановись, тормозни!.. Давнул Василий на тормоза гидравлические. И то, пора — занемела спина, отяжелели руки. Уж на что хваткие, а не слушаются.

Ему говорят:

— Выпрогнем... То есть вспомним, как с бедыми воевали... Выпить потребно и соснуть...

Третьи сутки «штурмовки» без отдыха и перекуров. Продовиков — парень здоровый, медвежьего сложения, стаканом водки лишь слегка рот освежил. Больше ничего не ощутил. И это без закуски. Здоров пить.

— Однако, — удивились путники. — Можешь... Силушка наотмашь, русская, корневая...

Уснули все мертвецки крепко, как окаменели. Василий лишь прикорнул и снова свеж, готов к маршу. Как это у американца — писателя про Мэдмьюта Кида написано: «Поспешил впереди нарты, спотыкался и снова бежал, прокладывая упряжке тропу. Всему каравану...» Схоже. Только что в полах дохи не путается.

У него всегда такая жизнь была, на ветру без простуд. Тропы бил в одиночку, с пятнадцати лет. Не захотел школьной парты и студенческой. Строил дороги железные и мосты по трассам, плотничал, пас коров. По Уралу метки оставлял, в Пермской и Свердловской областях конкретно. Бузулук-город покорял и курсантом осваивал училище механизации. С широким своим профилем в совхозе «Рубежанский» целину поднимал по-хрущевски, степных лис-огневок и сайгаков пугал громом и грохотом тракторным, выхлопами из глушителей: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Делал ее в Бузулуке.

Еще курсы шоферские окончил. Мог заменить в совхозе всех, кроме разве директора. В животноводстве отличился по части выращивания молодняка и содержания крупного рога-

того скота, а также пахал, сеял и молотил. Зори ясные крестьянские встречал, набирался впечатлений.

Не любил он постоянства, хотел больше увидеть, узнать, пока холостой, пока семьей не нагрузился.

На Урал рванул в 65-м. Брата Виктора встретил в Свердловске и с ним отправился сюда. На двадцать первом лете своей встровой жизни оказался в Нижневартовске. Города еще и не было как такового, возвести его предстояло. Не было и «Татр», САТП (специализированного автопредприятия) нынешнего. Машины они пригоняли сами. Но это позднее. Он уже успел в автобазе проявиться, трактором возмутил местное затишье. Проникал всюду на тракторе и «Татрах», сыпал песок на дорогах к Мегиону, Радужному, Лангепасу, Покачам, Сургуту.

Везде его песок, нити и узелки.

Месяцами не покидал трасс. За что бился, куда спешил? Куда все торопились так? Чтоб оказаться возле надорванного раньше времени Самотлора, как у разбитого корыта? В частном его владении? Остаться в тревоге, зыбкой неизвестности? Имеется в виду ситуация с Нижневартовскнефтегазом, вокруг него.

Жену он, конечно, нашел. Свою единственную. Уютную очень, домашнюю. По воззрениям схожую. Но семья связывает накрепко, а ему еще хотелось побывать на океане, где нерпы и тюлени резвятся во льдах, небесные сполохи играют, громоздятся торосы и российские Мэлмьюты Киды закаляются и проверяются на мужество в затяжной полярной темени, питаясь тушенкой Оренбургского мясокомбината. Добрая тушенка получается.

Один — что: бросил якорь, и снова подъем. Где упал — там уснул, где встал — оттуда и пошагал в даль светную. Одна голова — не бедна, а и бедна — так одна. Бежит времечко, вечностью уже попахивает. Семья обязала все-таки к постоянству, гонкам на «Татрах», всем дорожно-трассовым особенностям и характерностям. В такой коловерти, говорил мне, варился за пятьсот рублей в месяц. На бешеных скоростях, до восьмидесяти километров в час, с потерей товарищей в пути. Обелисков по обочинам не перечесть. То встречный налетит, то сам расшибется кто на осколизи. Причины были разные, итог один — слезы, траур, поминки.

Повседневный риск был.

За тридцать три здешних года сами по себе отсеялись многие — кто уехал, кто на пенсии, подрабатывает чуток. У них тоже повсюду свой «песок», отбарабанили плечом к плечу с Продовиковым. По возрасту списались Николай Медведь, Маслов, Махмутов, Евсеев.

Единицы еще в боевом строю гнутся, но не ломаются. Но нет уже тех прежних потребностей в грунте, простаивают самосвалы, что и навевает грустные мысли, побуждает к вопросу: «Куда и зачем гнали лошадей?» Все семьдесят с небольшим лет гнали лошадей! К светлому завтра, твердили. Не оказалось его, но Василий Прокопьевич не в претензии на коммунистов. Они сами заблуждались под водительством доблестного центрального комитета.

Богатым не стал, верно, но все богатыми стать не могут. Кто-то все равно будет еще богаче, выделится наособицу. К деньгам, полагающимся за труд, ежемесячно имеет добавку — дачу в четыре сотки и кирпичный домик.

Водит Василий Прокопьевич теперь «Икарус».

— Врут все, — комментирует добродушно. — Машину любить не надо, ее надо ремонтировать, обихаживать. Следить за ней. Любить надо женщину. А машину... чтоб тронул — и она летела пулей, в дороге не подводила. И подведет, если обращаться с ней кое-как. Откажет на морозе в поле — сгинешь. Да без теплой одежды если. Хоть со спичками и солярка, а сгинешь. Не спасет костер. Знаю. Но в принципе схожесть с женщиной есть. Подкузьмит тебя женщина за небрежность запросто, помашет ручкой лебединой. Другому костром согревающим будет. Всякое бывало у меня с машиной, аналогии многочисленные. Про спички и костры, про солярку и тавот, наледи и лежневки. Раз у хантов в стойбище кантовался, паганку пробовал с черемшой. Что надо черемша, маслистая... Божкам их деревянным помолился...

Перевидел он аборигенов седой Югры предостаточно. Да кого только не перевидел. Начальство только мало знает, все больше с пролетариями, от имени которых Ленин витийствовал. На вопрос: «Может ли водитель управлять государством, если кухарка каждая, по утверждению Ильича, способна»? — отвечает, что каждому свой удел, у каждого своя планида. Не тачает же сапоги пирожник. А печник кладет печи. Именно это получается у него не худо. Без печек и тепла сиротливо будет политикам. Особенно любят тепло революционеры, спешат дворцы захватить.

Хоть и ставит до сих пор перед бывшим партсекретарем ключевые вопросы Василий Прокопьевич, но духом он не сломился. И физически крепок Продовиков. Надо видеть его прочную стать. Не уступит Николаю Медведю — под сто килограммов весом. Зубов только собственных лишился, — цинготным был первоначально Север, без овощей почти. А брусники на болотах не удавалось собрать. За кедровыми шишками тоже не выбирался. Весь пророс работой. Он и не жалеет о

ягодах и шишках. Время было такое — горячее, о своем подворье не думалось.

Работа и есть главный эликсир его душевного здоровья. И не надо, оказывается, спешить за светлым грядущим, оно в твоих руках. Трудиться надо, семью иметь надо. А остальное, считает, по обстоятельствам. Семья у него добротная, ладная. Проработал же с учетом северных, а точнее, среднеобских коэффициентов вровень со своей жизнью — пятьдесят два года. Это его главная награда.

Трудиться так много — тоже награда. Счастье великое. Он и продолжает мерить версты и перекрестья дорог. Неплохо получается и в специализированном автотранспортом предприятии. Жена его Надежда мастерила когда-то чехлы для тех же «Татр», а сейчас уже нет, не мастерит. «Татр» все меньше, и в чехлах перестали нуждаться. Кроликам посвящает свои повседневности. Травку свежую подбрасывает им, по клеткам рассредоточивает. Немудреная животина, а догляд требует, потому что с причудами. С «Татры» Василий Прокопьевич ушел в 85-м. На «Техпомощи» ездил, врачевал те же самые «Татры», «ЛиАЗ» водил.

Куда упомянутому Мэлмьюту Киду до Василия Прокопьевича, ведь тот ловец сиюминутного. Продовиков же в постоянстве превзошел далеко литературного персонажа. И «черного золота» в переводе на стоимость золота настоящего он добыл не меньше Мэлмьюта Кида. Без его отсыпок и его дорог нефтяники бы никуда: вдохнул жизнь в добычу, в промыслы. По-настоящему жил. Достоин здравиц за это сотворение.

САТП находится возле памятника Алеше, по правую сторону от дороги скоростной стрельчатой, что выправилась на Самотлор. Я как-то на въезде спросил о Продовикове, ответ получил тотчас:

— Василий?! Вот он неизменный...

С перевалочкой, осадисто подошел наш Прокопьевич, танкеткой по мелководью подрулил. Знал он о предстоящем визите, но сделал равнодушный и отчасти удивленный вид:

— Надо же, без домашнего телефона нашел. А зачем? Я ровно дышу... Впрочем, повспоминаем: розы белые и розы алые. Цветы, лишенные корней...

И отправился я с ним на базу отдыха, куда он детей оздоравливаться возит. Это недалече от города. А беседовали непосредственно на его даче, она по пути на базу. Завернули по необходимости в кирпичный домик, возле которого прилепились две теплички на четырех сотках и сарайчик для кроликов. Кроликам зеленцы подбросил. Они принялись уми-